

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 3 (69). №1

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, 2017

**Печатается по решению Ученого совета Крымского федерального
университета им. В. И. Вернадского, протокол №9 от 3 августа 2015 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:**

Ротань Владимир Гаврилович, д.ю.н., проф. (главный редактор)
Змерзлый Борис Владимирович, д.ю.н, д.и.н., проф. (выпускающий редактор)
Рассказов Леонид Павлович, д.ю.н, д.и.н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д.ю.н., проф.
Гармаев Юрий Петрович, д.ю.н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д.ю.н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д.ю.н., проф.
Таран Павел Евгеньевич, к.ю.н., к.ф.н., доц.
Донская Людмила Дмитриевна, к.ю.н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к.ю.н., доц.
Бугаев Валерий Александрович, к.ю.н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к.ю.н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к.ю.н., доц.

Подписано в печать 26.11.2017. Формат 70x100 1/16
30 усл. п.л. Тираж 500. Заказ № НП/3
Отпечатано в издательском отделе КФУ имени В. И. Вернадского
295007, Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
<http://sn-law.cfuv.ru>

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ
УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ
ПРАВО**

УДК 347.7 : 652.612

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ФРАХТОВАНИЯ В 1929–
1933 ГГ.**

Благодатная Е. Ю.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Проблемам изучения фрахта в отечественной науке посвящено достаточно много различных работ. В тоже время работ, посвященных изучению проблемы организации фрахта, на сегодня нет. Этим и обуславливается актуальность исследования. Объединение дела фрахтования иностранных судов произошло лишь после того, когда постановлением СТО СССР от 8 марта 1929 г. в составе Народного комиссариата внутренней и внешней торговли было создано акционерное общество «Совфрахт», имевшее свои фрахтовые конторы за рубежом. Однако ему полностью не удалось воспользоваться удачной для советского фрахтования конъюнктурой фрахтового рынка в 1930–1933 гг. Причинами тому выступили: а) слабое знание рынка и его законов; б) плохая организация выдачи ордеров на фрахт; в) острая конкурентная борьба на фрахтовом рынке; г) чрезмерное администрирование работы фрахтователей. Среди достижений можно назвать приобретение опыта в фрахтовом деле, выход на дружественные и влиятельные компании и брокеров; д) первые удачные попытки снижения ставок фрахта; е) введение в чартер выгодных для СССР норм.

Ключевые слова: фрахт, рынок, Совфрахт, кризис, торговый флот, грузы, перевозка.

Проблемам изучения фрахта в отечественной науке посвящено достаточно много различных работ. Среди них особенно следует выделить исторические труды таких авторов, как Шершеневич Г. Ф. [1, с. 267–268], Невзоров А. С. [2], Генкин Д. М. [3], Жудро А. К. [4], Кейлин А. Д. [5–7], а также современных нам исследователей: Тонких А. В. [8, с. 78–83], Витрянский В. [9, с. 36–54; 10, с. 60–71], Медведев А. [11, с. 63–65], Тихенко Т. Ю. [12, с. 103–107], Стригунова Д. П. [13, с. 71–75], Калпин А. Г. [14], Косовская В. А. [15, с. 138–143; 16, с. 13–18], Джобава Н. А. [17, с. 78–90], Ротко С. В. [18, с. 44–46], Ермолаев В. Г. и Сиваков О. В. [19] и др. В тоже время работ, посвященных изучению проблемы организации фрахта, на сегодня нет. Этим и обуславливается актуальность исследования.

В СССР длительная неразбериха и бесконтрольность в деле фрахтования иностранных судов начала прекращаться лишь после того, когда постановлением СТО СССР от 8 марта 1929 г. в составе Народного комиссариата внутренней и внешней торговли было создано акционерное общество «Совфрахт», ставшее монополистом в этом деле [21, с. 105].

Начавшийся в 1929 г. мировой экономический кризис значительно ослабил покупательную способность иностранных государств и тем создал для СССР определенные проблемы в деле индустриализации. С другой же стороны, иностранные компании, многие из которых стояли на грани краха в процессе

борьбы за выживание, шли фактически на любое мало-мальски выгодное сотрудничество со Страной Советов. Особенно это утверждение справедливо в отношении судоходных компаний и советских фрахтовых органов.

Можно привести такие данные. Снижение количества судов, вышедших из страны с наибольшим торговым флотом Великобритании, в 1931 г. по сравнению с 1929 г. составило 36.524 и 42.674 соответственно. При этом еще более возросла диспропорция роста мирового торгового флота и мирового грузооборота. Мировой тоннаж в 1913 г. составлял 47 млн. брутто тонн, а в 1930 г. достиг 69 млн. б. т., а мировой грузооборот уменьшился. Это привело к непрерывному падению фрахтов. Так, если брать 1920 г. за 100 %, то 1926 г. дал уменьшение на 28 %, а 1930 г. – на 19,1 %. Падение грузооборота и фрахтовых ставок привело к постановке огромного количества тоннажа (судов) на прикол. В Великобритании он достиг в 1931 г. 1570.115, т. е. 12,6 %. В Норвегии на 1 января 1934 г. – 14,56 %; по Италии – 14,59 % [22, л. 60].

Судовладельцами, конечно же, принимались меры к повышению ставок фрахта за счет уменьшения действующего флота. Однако в разгар кризиса это не помогало и привело ставки фрахта на грань рентабельности.

Вследствие этого была проведена объединением арматоров попытка искусственного дальнейшего увеличения количества прикольного тоннажа с целью уменьшить предложение его и добиться повышения фрахтовых ставок. Так называемая шведская схема провалилась вследствие противоречий интересов крупных и мелких арматоров.

Следует также указать, что эта схема разрабатывалась в для лесного тоннажа обслуживающего Балтийское и Белое моря, в котором СССР был весьма заинтересован.

Такое положение фрахтового рынка привело к полному обезличиванию значительной части мелких судовладельцев, суда которых были заложены в банках. Во многих случаях банки стали решать судьбу каждой отдельной фрахтовки, не разрешая арматорам работать по ставкам, не обеспечивающим рентабельности. Таким образом, банки оказывали свое влияние в сторону недопущения увеличения предложений тоннажа на рынке, заботясь об обеспечении несколько более приемлемых фрахтов для той части подведомственного им тоннажа, которая оставалась еще на ходу.

В 1931–1932 гг. Балтийская и международная морская конференция пропагандировали другую схему, предлагая арматорам сократить практическую грузовую емкость их тоннажа на 10 %: с одной стороны, таким образом поднять фрахты, а с другой – дать работу части прикольного тоннажа. Однако оказалась нежизнеспособной.

Международным сообществом предпринимались и другие организационные меры по выходу из кризиса. К примеру, был создан Международный совет по зерну (МСЗ). В его рамках с 1930 г. по 1931 г. прошло 16 международных конференций, посвященных пшенице и другим хлебным злакам, а также непосредственно связанными с ними сельскохозяйственными и экономическими проблемами. Для нас это интересно тем, что СССР вел активный экспорт зерновых культур в первую очередь из портов Черного моря. Соответственно, под этот экспорт следовало и фрахтование судов.

В марте 1931 г. в Риме проходила Первая Международная конференция по пшенице с целью установления плана по экспортным квотам. Однако каких-либо решений на ней принято не было.

В мае 1931 г. в Лондоне прошла Вторая Международная конференция по пшенице, но и на ней консенсус не был достигнут из-за разногласий относительно экспортных квот и контроля.

В 1933 г. была проведена Третья Международная конференция по пшенице, где принимается первое Международное соглашение по пшенице (*First International Wheat Agreement*) со всесторонними экспортными квотами, установленными на двухлетний период. Решением этой конференции был образован Консультативный комитет по пшенице в Лондоне.

Однако уже в 1934 г. соглашение оказалось неэффективным перед лицом сверхотгрузок зерна одной экспортирующей страной [23].

Все это негативно сказывалось на мировом фрахтовом рынке. Громадное количество прикольного тоннажа и крайне низкий уровень фрахтовых ставок привели к тому, что предложение тоннажа стало весьма ограниченным, что отражалось на ходе фрахтований как в отношении темпов их, так и в отношении фрахтовой ставки, которая в период малейшего напряжения спроса давала более или менее значительное повышение.

В этих случаях большие резервы безработного прикольного тоннажа отнюдь не играли той роли, какую на первый взгляд должны были бы играть, так как временно поднявшаяся ставка должна была быть уже слишком привлекательной для арматора для того, чтобы он решился на затраты, связанные со снятием парохода с прикола и без надежды на то, что ему удастся совершить рентабельно более одного рейса.

В июле 1930 г. находилось на приколе 370 английских пароходов емкостью 918–853 н.р.т., а на 1 июля 1931 г. на приколе было уже 753 английских парохода.

После неоправдавшихся надежд на значительное повышение ставки в августе – сентябре в некоторых странах последовала дополнительная постанова тоннажа на прикол несмотря на разгар сезона.

Далее, резкое уменьшение грузопотока в некоторых направлениях привело к повышению фрахтов в обратном направлении вследствие того, что падение ставок в первом направлении из-за рода грузов было более значительным, или же вследствие того, что пароходам приходилось идти за грузом в балласте.

Эти соображения касались особенно угольных грузопотоков, обычно комбиниовавшихся с обратными хлебными потоками.

Следует еще отметить, что падение цен на товары не влекло за собой, как иногда думают, соответствующего падения фрахтов. Лучшим примером может служить Ла Плата, хлебный фрахт откуда в изучаемый период весьма возрастал при одновременном резком падении цен на зерно.

Весьма характерным явлением явилось выявление роли флагов на рынке. Как известно, греческий тоннаж вследствие наиболее дешевой эксплуатационной себестоимости играл роль повышателя фрахтов, успешно конкурируя с первоклассными флагами.

С целью устранения этого явления английский капитал, доминирующий в морских страховых компаниях, добился повышения страховых премий за возраст флагов для греков, а также уменьшения франшизы для этого флага. Этим путем

были «выровнены» греческие фрахты. Однако греческий тоннаж продолжал успешно бороться за новый для него путь, проложенный им на Ла Плату, являвшийся исконной дорогой английского тоннажа.

Себестоимость эксплуатации английского тоннажа оставалась в общем на весьма высоком уровне по сравнению даже с некоторыми первоклассными флагами. В связи с этим их тоннаж являлся все же менее конкурентоспособным, чем, например, итальянский. Итальянцы проявляли в этот период большую гибкость и с разрешения портовых властей отправляли в плавание пароход с командой в 28 человек вместо 36, вследствие чего при равном фрахте калькуляция, дающая сотню фунтов прибыли итальянцу, могла дать прямой убыток англичанину.

Неудивительно поэтому, что в разгар сезона в конце августа 1931 г. на приколе находилось 743 английских парохода.

Несколько английских пароходов для удешевления эксплуатации ухитрились перейти под югославский флаг, для которого даже страховая премия была дешевле из-за теоретически более сокращенного района их плавания.

Что касается норвежского флага в 1931 г., то можно указать, что в силу различных обстоятельств в СССР была издана специальная директива, последствием которой стало сокращение контрактного тоннажа под отечественные лесные перевозки. Фрахтовые органы поставили себе за задачу добиться отмены этой директивы Коллегией НКВТ.

Что касается греческого тоннажа, то фрахтовые органы считали целесообразным добиваться некоторого снижения его удельного веса в отечественных перевозках, ибо фрахтование греческого тоннажа всегда было связано с известной валютной переплатой за эксплуатацию этих судов, в том числе в связи с тем, что греческий флот в основном был весьма изношенным.

Учитывая неизбежное сокращение предложения тоннажа из-за увеличения прикола и трудности вследствие этого покрытия, для выполнения значительных заданий в течение коротких отрезков времени советские фрахтовые органы (здесь речь идет о Англо-Совет Шиппинг Ко.ЛТД) считали в этой ситуации необходимым иметь обеспеченную перевозку части отечественных массовых экспортных грузов в 1932 г. контрактами, что, как было видно из опыта навигации 1931 г., вполне себя оправдало. Из тех же соображений предлагалось на 1932 г. известную часть лесного и хлебного экспорта обеспечить фрахтовыми контрактами, роль которых особенно сказывалась в наиболее напряженные сезонные месяцы.

Вместе с тем фрахтовые органы своевременно сигнализировали о целесообразности ограничения размера лесных контрактов и склонили центр к отказу от предлагавшегося в Бергене (Норвегия) большого контракта на 200–300 тысяч стандартов.

Примерно такой же страховой операцией, как и контрактование под лес, является операция таймчартирования. Размер этой операции в 1931 г. был сокращен втрое, по сравнению с операцией 1930 г., как из-за общего положения рынка, так и из-за специфически отрицательных черт таймчартирования. Это сокращение также себя оправдало.

Кроме того, воспользовавшись подавленным состоянием рынка, советские фрахтовщики выступили на рынке с новой редакцией таймчартера, осуществление которой давало значительный валютный эффект, в частности оплату фрахта не

вперед, как было принято на рынке таймчартирования, а по исполнению рейса. Также они добились проведения выдвинутых ранее условий в жизнь, несмотря на ожесточенное сопротивление международных объединений арматоров и поднятой ими как в общей, так и в морской прессе кампании.

Предполагалось, что таймчартирование (однако еще в более сокращенном размере) следует сохранить также и на 1932 г. Следует отметить, что при заключении лесных контрактов в 1931 г. неблагоприятным фактором явилось то обстоятельство, что рынку был известен размер советских больших запродаж, которые впоследствии не осуществились в полной мере.

При заключении хлебных контрактов фрахтовщикам удалось обмануть бдительность рынка и к тому моменту, когда хлебная контрактная операция была закончена, биржа и пресса оценивали размер заключенных советскими агентами контрактов в два раза меньше действительного.

Безусловно, что во фрахтовой работе уделялось специальное внимание удельному весу английского тоннажа. Здесь советские фрахтователи руководствовались как общими политическими соображениями, так и особенно тем обстоятельством, что Англия являлась главнейшим покупателем советского хлеба и леса, давление прессы на покупателей определенно указывало на желательность перевозки значительной части этих грузов на английском тоннаже.

В связи с этим удельный вес английского тоннажа во всех фрахтованиях СССР был следующий: 1929 г. – 17,3 %; 1930 г. – 21,7 %.

По причине указанной выше недостаточной конкурентоспособности английского тоннажа в 1931 г. возникли серьезнейшие затруднения в привлечении его к перевозкам советских товаров. Все же за 8 месяцев 1931 г. (по 1 августа) удалось достичь следующих показателей: всего зафрахтовано пароходов в 1930 г. – 2352, из них английских – 695 т. е. 29,5 %. В 1931 г. зафрахтовано всего пароходов – 1715, из них английских – 325 т. е. 19 %.

При этом в расчетном балансе торговли Великобритании с СССР удельный вес советских операций являлся весьма значительным. Так, «невидимый экспорт» Англии отразился в операциях Англо-советской пароходной кампании в следующих размерах:

	1930 г.	1931 г.
Фрахты, уплаченные британскому тоннажу	1.812.206.13.9	1.138.295.7.2
За британский бункерный уголь	312.666.9.0	56.797.4.8
Транспортно-экспедиционные расходы	196.915.8.2.	178.982.1.2
Пошлина Суэцкого канала	39.283.3.1	25.352.5.2.
Административные расходы	31.772.12.10	23.485.17.4
	2.392.844.6.9	1.422.878.15.11

Также следует отметить, что основными заданиями стоявшими перед советскими фрахтовщиками в навигацию 1931 г. были следующие:

1. Таймчартерная операция.
2. Контрактные и рейсовые операции по лесу.
3. Контрактные и рейсовые операции по хлебу.
4. Обеспечение бесперебойности импортных отгрузок и использование для этого советского и таймчартерного тоннажа.

5. Проведение снижения накладных расходов по всем линиям и осуществление директивы о снижении в сумме 12 млн. 750 тыс. золотых рублей [22, л. 62–67].

При этом следует указать на то, что резко уменьшился удельный вес малопригодного для перевозок леса греческого тоннажа: в 1930 г. он составлял 16 %, а в 1931 г. – лишь 4 %. Средний возраст таймчартерного тоннажа в 1930 г. составил 18,8 лет, в 1931 – 15 лет.

Удельный вес таймчартерного тоннажа по флагам распределялся следующим образом:

Флаг	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Норвежский	15,6	15,0	33,4
Британский	43,0	45,5	2,7
Германский	14,1	13,0	10,7
Испанский	1,3	2,0	9,4
Эстонский	–	0,5	8,0
Греческий	7,8	16,0	4,0
Голландский	3,9	1,0	2,6
Бельгийский	–	–	–
Финский	–	1,0	1,3
Латвийский	1,3	1,0	1,3
Шведский	5,2	1,0	–
Французский	2,6	–	–
Итальянский	2,6	2,0	–
Венгерский	–	0,5	–

Средняя фрахтовая ставка по годам составила: 1929 г. – $5/6 \frac{3}{4}$. 1930 г. – $5/2 \frac{3}{4}$ (т. е. на 6 % дешевле 1929 г.). 1931 г. – $4/2 \frac{1}{2}$ (т. е. на 20 % дешевле 1930 г.).

Фактически средняя ставка 1931 г. еще значительно ниже, следовательно, ниже установленного лимита в 4/-, так как удельный вес мелкого тоннажа (14.000 т.) вдвое выше уровня 1930 г.

Более того, фактически в 1931 г. было достигнуто еще большее снижение таймчартерных фрахтов, доходящее до 6 пенсов на тонне д. в. вследствие введения упомянутых выше условий чартера.

Отдельно следует сказать о лесных фрахтованиях. Характерной особенностью лесного фрахтового рынка в изучаемый период являлась его известная обособленность от общего фрахтового рынка как вследствие географического положения основных лесных экспортных районов Европы, так и вследствие зависимости этого рынка от нескольких определенных флагов, главным образом Скандинавских, располагавших наиболее приспособленным для лесных перевозок тоннажем.

Эти обстоятельства делали лесной рынок наиболее подверженным явлениям рыночной конъюнктуры и наиболее спекулятивным из фрахтовых рынков, кроме танкерного.

Использование кризисной конъюнктуры в этой области было в 1931 г. для советских фрахтователей значительно затруднено рядом обстоятельств. Так, основные установки и твердые ордера на контрактование и таймчартирование были получены с большим опозданием против обычных сроков. В тоже время на рынке усиленно пропагандировали так называемую шведскую схему, которая одно время

принималась всерьез и заставляла арматоров воздерживаться от переговоров и уступок.

Далее, в разгар проведения контрактов и фрахтовых операций – в феврале – фрахтовые индексы повысились на 30 % по сравнению с соответствующим месяцем 1930 г., что совершенно сбивало с толку некоторые круги арматоров, наконец, советское выступление с рядом новых условий как в генеральных договорах, так и в таймчартировании требовало известного времени и большей настойчивости с целью добиться проведения их в жизнь.

Относительно обоюдоострой роли роста прикольного тоннажа уже упоминалось выше.

Благоприятным обстоятельством для советской стороны явился тот факт, что конкурентные экспортирующие страны – Швеция и Норвегия не проявляли активности вследствие слабого хода их запродаж.

Естественным следствием такого состояния лесной торговли стал рост прикольного лесного тоннажа (Норвегия, Швеция, Дания, Германия).

Учитывая изложенное состояние рынка, советские агенты считали, с одной стороны, необходимым обеспечить фрахтовыми контрактами известную пропорцию лесного экспорта, а с другой стороны – считали необходимым сократить размер этого обеспечения по сравнению с прошлым годом. Установка на увеличение в течении этой навигации удельного веса отдельных рейсовых фрахтований была достигнута и по выполнению до 15 сентября 1931 г. составила почти 50 % против 34 % за весь 1930 год.

Удельный вес контрактных пароходов был снижен по сравнению с 1930 годом и составил 30,2 % (до 15.09.1931). Удельный вес таймчартерных рейсов сократился более значительно и составил всего 20 % всего числа рейсов, совершенных до 15 сентября 1931 г.

Что касается размера фрахтовой ставки по контрактам, то, несмотря на упомянутые выше неблагоприятные обстоятельства (падение рынка), советским агентам удалось путем длительной борьбы с рынком добиться максимального использования конъюнктуры и произвести следующее снижение ставок по сравнению с 1930 г. из Ленинграда: балансы в Роттердам с 36/ до 29/6; пропсы в Гартлипул с 45/2 до 36/6; пиленный лес в Лондон с 512/8 до 42/6.

Кроме того, рассчитывались расходы пароходов в Ленинграде и финских портах на единицу леса в шиллингах [22, л. 75]. Все эти цифры учитывались при калькуляции ставок, платы по чартерам. Эти данные изыскивались из различных источников. После того как были произведены все необходимые расчеты, пришли к выводу, что «элементами удорожающими лесные фрахты» из Ленинграда были:

1. Более высокие (сравнительно с финскими) стивидорные ставки.
2. Меньшие погрузочные нормы.
3. Менее выгодная для пароходов композиция (финского леса такой же пароход грузил на 6 %, в среднем больше).
4. Большая сумма комиссии, уплачиваемая судовладельцем при фрахтовании из Ленинграда (6,5 % – 5 % брокеру со стороны фрахтователя, 1 с половины % со стороны судовладельца и 2,5 % при финском – брокеру со стороны судовладельца).
5. Обусловленные советским чартером агентирование и стивидорка в порту разгрузки против свободной (по усмотрению парохода) в финских фрахтовках,

удешевляющей эту часть расходов, в среднем на 27, 5 фунтов ст. на пароход (считая на Лондон).

Дополнительно к отрицательным элементам ставок также относились требующиеся обычно в Ленинградских фрахтованиях опционы против прямых фрахтовок из финских портов; счет бункерной ямы как люка в финских портах и исключение ее из счета погрузочного времени Ленинграда [22, л. 76]; выгоды судовладельцу при собственном агентировании и выгрузке в порту разгрузки; обычный промпт ленинградских фрахтовок и, наконец, разница расстояния до Ленинграда и Котки.

На основании этого исследования были введены размеры теоретического разрыва лесных фрахтовок из Ленинграда и финских портов, каковые и даются вместе с данными о фактическом разрыве этих ставок на сентябрь 1931 г.

Ленинград и Торнес		Ленинград и Якобгадт		Ленинград и Котка	
Теор. разрыв	Пркт. разрыв	Теор. разрыв	Практ. разрыв	Теорет. разрыв	Практ. разрыв
6/9	2/6	6/6-1/2	5/6	10/-	7/-

Отметим далее, что усложняющим работы и удерживающим фрахт обстоятельством являлось большое количество премптовых лесных фрахтований и в навигацию 1931 г., несмотря на опыт 1930 г. и на сокращение плана лесного экспорта.

Масштабы проптовых фрахтований по лесу в сезон 1931 г. (на 19 сентября) видны из следующих данных.

Всего было зафрахтовано на открытом рынке 550 пароходов, из них премптовых – 107, что составляет 19,5 %.

Переплаты по тремптовым фрахтованиям достигали около 18.000 ф. ст. В эту сумму не входят переплаты по тремптовому ордеру от 18.09. (около 35 пароходов).

Кроме такого «спазматического» метода выдачи агентуре фрахтовых ордеров, когда советские агенты в иные периоды оставались вовсе без ордеров, потом вдруг получали большие премптовые задания, не прекращалось также и требование со стороны лесозэкспортных организаций на получение дополнительных опционов, перефрахтованиям и т. д. [22, л. 77]. Всего же в 1930 г. под лесные грузы был зафрахтован 1621 пароход, а в 1931 г. – 1037 [22, л. 78].

Что касается хлебных фрахтований, то основной характерной особенностью советской хлебной кампании в 1931 г. была установка на значительное увеличение количества фрахтовых хлебных контрактов по сравнению с 1930 г., когда в период давления больших масс ордеров советские фрахтовые агенты не только вынуждены были переплачивать значительные суммы на взвинченных ставках, но и ставили под угрозу своевременную отгрузку хлебного экспорта.

Задания на хлебные контракты в 1931 г. были получены своевременно, благодаря чему советские агенты смогли провести весьма длительную обработку рынка и добиться заключения контрактов по ставкам несколько ниже утвержденных лимитов. Это удалось сделать по линии итальянских крупных арматоров, с которыми были заключены значительные контракты. Таким шагом было сломлено сопротивление англичан, которые также вынуждены были принять советские ставки в рамках лимитов.

Однако на деле фрахтования сказались такие факторы, как отсутствие четкого планирования и тем более непонимание рыночных механизмов мировой торговли и фрахтового дела в среде высшего руководства страны. В последнем вопросе дошло до того, что центр пытался лимитировать ставки не только на сезон, но даже и поквартально, и на месяц.

Безусловно, что такое грубое игнорирование экономических законов привело к весьма печальному результату, выразившемуся в том, что в некоторые моменты наибольшего давления ордеров советские агенты вынуждены были упускать значительные количества тоннажа из-за невозможности заплатить на 3 пенса дороже без разрешения центра, а когда разрешение прибывало, рыночные ставки были еще выше и приходилось запрашивать снова, между тем как конкуренты пользовались заминками с советской стороны и поглощали наиболее дешевый тоннаж.

Кроме того, следует, очевидно, указать, что первое место в этот период по экспорту зерновых занимала Аргентина, второе место – СССР, третье – страны Балканского полуострова, лишь далее – Австралия, США и Канада. Причем в 1931 г., по сравнению с 1930 г., Аргентина увеличила свой экспорт на 250 %, а СССР на – 300%, хотя и отгружая более чем вдвое меньше, чем Аргентина. Однако такое увеличение экспорта привело к значительному влиянию на фрахтовый рынок.

Тем не менее за счет различных факторов СССР удалось добиться в 1931 г. уменьшения фрахтовых ставок по хлебным грузам на 9 %, в то время как Аргентина была вынуждена их поднять на 15 %. За 8 месяцев это снижение дало экономию в 1 миллион золотых руб. [22, л. 83].

В 1930 г., из-за малого обеспечения договорами, советским фрахтовым агентам пришлось пойти на таймчартерную операцию под зерно, что дало ставку фрахта 18/2, а в 1931, 1931 г. – 10/10.

Можно упомянуть и о том, что был снижен уровень трамповых договоров – с 65 % в 1930 г. до 10 % в 1931 г. [22, л. 84].

Изменился по сравнению с 1930 г. и состав флага. На первое место вышел Итальянский флаг, на второе – британский, на третьем оказался греческий, спустившийся с первого места, «что является весьма важным достижением, ибо стоимость перевозки зерна на греческих пароходах, вследствие возраста пароходов и повышенной страховки, обходится дороже других флагов». В результате, более ¾ зерна в 1931 г. было перевезено на первоклассных пароходах, а в 1930 – лишь 50 % [22, л. 85].

Таблица № 2. Размер участия контор Англо-Совет Шиппинг Ко. ЛТД. и брокеров в фрахтовой работе за 8 мес. 1931 г.

	Фернес.	Аскотт.	Пирей	Генуя	Гамбург	Осло	Другие брокера	Всего
1	13	20	24	20	4	5	11	97
2	19	12	1	15	2	5	11	65
3	11	3	7	9	3	2	11	46
4	5	9	9	17	2	1	5	48
5	4	2	-	1	7	2	2	18
6	32	12	-	54	2	9	9	118
7	38	26	34	88	2	13	26	227

8	11	24	33	27	2	5	13	113
всего	133	108	108	231	24	42	88	734

Всего через брокеров было зафрахтовано 329 пароходов (44,8 %, из которых Фернес Витти дал 133 парохода – 18% всего зафрахтованного тоннажа на Лондонском рынке). Второе место заняла в 1931 году Генуэзская фрахтовая контора, между тем как Пирей сравнялся по числу фрахтований с брокером Хонегер Аскотт.

Из приведенной таблицы видно также значительное падение фрахтований через Фернес Витти в августе, которое продолжалось и в сентябре. Негибкость и консервативность этой фирмы больше всего сказывалась в наиболее трудные для советских фрахтователей периоды, когда Фернес Витти был не в состоянии подать нужный тоннаж [22, л. 86].

Очевидно, следует также указать, что в этот период советские фрахтовые органы работали с многими иностранными фирмами. Так, к примеру, всего было втянуто в советские зерновые перевозки 56 английских арматорских и брокерских фирм, из которых около 30 менее значительных и около 15 хотя и крупных, но принимающих небольшое участие в этих перевозках. Работа с ними началась на рубеже 1920–1930-х гг. Крупными фирмами, специализировавшимися на черноморских зерновых перевозках, в этот период являлись следующие: Ропнер, Гейн, Вотс Вотс, Далглиш, Рансиман; Додд, Радклиф, Кокерлайн, Кросби, Белл Жемс, Сатерлянд. Всего 12 фирм – 275 пароходов. Общая грузоподъемность для зерна пароходов этой дюжины фирм составляла 2.200000 т., т. е. 50 % зернового экспорта СССР [22, л. 88].

Отдельную категорию партнеров советских фрахтователей составляли брокера. Напомним, что фрахтователь, желая зафрахтовать тоннаж, должен выдать своему брокеру поручение на фрахтование – так называемый фрахтовый ордер. Ордер содержит: название и количество подлежащего к перевозке груза, сроки отгрузки, условия погрузки/выгрузки, порты отправления и назначения, ссылку на желательную форму чартера и другие необходимые реквизиты [21, с. 107].

Наиболее активно работали с СССР, в том числе с Англо-Совет Шиппинг Ко.ЛТД., Фернес Визси [22, л. 89], Ханаггер и Аскотт, Шайверс (рудные фрахтования) [22, л. 90].

Как видно из представленного материала, полностью воспользоваться удачной для советского фрахтования конъюнктурой фрахтового рынка в 1930–1933 гг. советской стороне полностью не удалось. Причинами к тому выступили: а) слабое знание рынка и его законов; б) плохая организация выдачи ордеров на фрахт; в) острая конкурентная борьба на фрахтовом рынке; г) чрезмерное администрирование работы фрахтователей. Среди достижений можно назвать приобретение опыта в фрахтовом деле, выход на дружественные и влиятельные компании и брокеров; д) первые удачные попытки снижения ставок фрахта; д) введение в чартер выгодных для СССР норм.

Список использованных источников и литературы

1. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. III: Вексельное право. Морское право. – М.: Статут, 2003. – 412 с.
2. Русские биржи. Вып. 4: Свод торговых обычаев и правил русских бирж / Невзоров А. С., и. д. э.-орд. проф. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1900. – 588 с.
3. Д. М. Генкин. Понятие несчастного случая в области страхования // Право. – 1909 г., № 31, с. 1706–1709.
4. Жудро А. К. Правовое регулирование деятельности морских торговых портов в СССР. – М.: Мортранспорт, 1971. – 80 с.

5. Кейлин А. Д. Вопросы морского права в практике Морской арбитражной комиссии в 1967 г. по делам с участием организаций социалистических стран // Информационный бюллетень Бюро координации фрахтования судов / СЭВ. – 1968. – № 3.
6. А. Д. Кейлин, П. П. Виноградов. Морское право. Под ред.: Солодилов А. П. – М.: Водный транспорт, 1939 г. – 246 с.
7. Внешнеторговый транспорт. Под общей ред. А. Д. Кейлина. – М. – Л.: Международная книга, 1938. – 347 с.
8. Тонких А. В. Об ограничении ответственности фрахтователя по требованиям, вытекающим из торгового мореплавания // Юридическая мысль. – 2003. – № 4. – С. 78–83.
9. Витрянский В. Ответственность по договору перевозки груза // Хозяйство и право. – 2001. – № 5. – С. 36–54.
10. Витрянский В. Понятие и виды договора перевозки: система договоров перевозки // Хозяйство и право. – 2001. – № 1. – С. 60–74.
11. Медведев А. Понятие «фрахт»: налоговый лабиринт в налогообложении доходов иностранных юридических лиц // Хозяйство и право. – 2000. – № 6. – С. 63–65.
12. Тихенко Т. Ю. Правовая природа договора фрахтования (чартера) / Т. Ю. Тихенко // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2008. – № 1. – С. 103–107.
13. Стригунова Д. П. Правовое регулирование договора фрахтования [Текст] / Д. П. Стригунова // Современное право. – 2012. – № 11. – С. 71–75.
14. Калпин А. Г. Договор фрахтования судна (чартер) как института морского права: теоретические и практические проблемы: Автореф. дис. доктора юрид. наук. М., 1990. – 35 с.
15. История становления института морской перевозки груза в европейских странах [Текст] / В. А. Косовская // Проблемы европейской интеграции. – СПб.: Астерион, 2007. – С. 138–143.
16. Косовская В. А. К вопросу определения понятия договора морской перевозки груза / В. А. Косовская // Транспортное право. – 2002. – № 3. – С. 13–18.
17. Джобаван Н. А. Коносамент: основные функции и понятие / Н. А. Джобаван // Кодекс info. – 2004. – Май – Июнь. – С. 78–90.
18. Ротко С. В. Коносамент в российском и зарубежном законодательстве [Текст] / С. В. Ротко // Международное публичное и частное право. – 2011. – № 1. – С. 44–46.
19. Ермолаев В. Г., Сиваков О. В. Морское право: Учебное пособие. – М.: Юриформцентр, 2001. – 255 с.
20. Совет экономической взаимопомощи. Бюро координации фрахтования судов. Фрахтование и морские перевозки. – М., 1968. – 393 с.
21. Падорин Л. В., Токарев Ф. Ф. Коммерческая эксплуатация морского судна. – М.: Транспорт, 1975. – 192 с.
22. ЦГА СПб. Ф. Р-9052, оп. 1, д. 2. Планы экспортных организаций на 2–3 кварталы 1931 г. и обзор деятельности англо-советской пароходной компании за январь – сентябрь. 1.02.1931–24.11.1931. 33 л.
23. Международный совет по зерну (МСЗ). URL: <http://мимо.com.ua/info/244-igc-international-grains-council-mezhdunarodnyy-sovet-po-zernu-msz.html> (дата обращения: 12.02.2017).

Blagodanaya E. Yu. There is activity of soviet organs of chartering in 1929 – 1933 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 3–14.

The problems of study of freight the enough different working hard is sanctified to in home science. In too time, works sanctified to the study of problem of organization of freight to date it is not. These research actuality is stipulated. The association of matter of chartering of foreign courts happened only after that, when by a decision Advice of Labour and Defensive the USSR from 8th March 1929 in composition the Folk commissariat of domestic and external trade was created joint-stock company of «Sovfracht», having chartered offices abroad. However to him fully to take advantage of successful for the soviet chartering of конъюктурой of the chartered market in 1930 - 1933 to that it was come forward Reasons: а) weak knowledge of market and his laws; б) bad organization of delivery of warrants on a freight; в) sharp competitive activity at the chartered market: г) excessive administration of work of charterers. Among achievements it is possible to name gaining experience on chartered business, exit on friendly and influential companies and brokers; р) maiden successful attempts of decline of rates of freight; в) introduction to the charter of advantageous for the USSR norms.

Keywords: freight, market, «Sovfracht», crisis, mercantile fleet, loads, transportation.

Spisok ispolzovannykh istochnikov i literatury:

1. Shershenevich G. F. Kurs torgovogo prava. T. III: Vekselnoe pravo. Morskoe pravo. – M.: «Statut», 2003. – 412 s.
2. Russkie birzhi. Vyip. 4: Svod torgovykh obyichayev i pravil russkikh birzh / Nevzorov A.S., i. d. e.-ord. prof. – Yurev: Tip. K. Mattisena, 1900. – 588 s.
3. D. M. Genkin. Ponyatie neschastnogo sluchaya v oblasti strahovaniya // Pravo. – 1909 g., № 31, str. 1706-1709.
4. Zhudro Andrey Konstantinovich. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti morskikh torgovykh portov v SSSR. – M.: Mortransport, 1971. – 80 s.
5. Keylin A. D. Voprosy morskogo prava v praktike Morskoy arbitrazhnoy komissii v 1967 g. po delam s uchastiem organizatsiy sotsialisticheskikh stran // Informatsionnyy byulleten Byuro koordinatsii frahtovaniya sudov / SEV. – 1968. – № 3.
6. A. D. Keylin i P. P. Vinogradov. Morskoe pravo. Pod red.: Solodilov A.P.: – I-vo «Vodnyy transport», Moskva, 1939 g. – 246 s.
7. Vneshnetorgovyy transport. Pod obschey red. A. D. Keylina. – M.-L., Mezhdunarodnaya kniga, 1938. – 347 s.
8. Tonkih A. V. Ob ogranichenii otvetstvennosti frahtovatelya po trebovaniyam, vyitekayuschim iz torgovogo moreplavaniya / A. V. Tonkih. // Yuridicheskaya mysl. – 2003. – № 4. – S. 78–83.
9. Vitryanskiy V. Otvetstvennost po dogovoru perevozki gruzha // Hozyaystvo i pravo. – 2001. – № 5. – S. 36–54.
10. Vitryanskiy V. Ponyatie i vidy dogovora perevozki: Sistema dogovorov perevozki // Hozyaystvo i pravo. – 2001. – № 1. – S. 60–74.
11. Medvedev A. Ponyatie «fraht»: Nalogovyy labirint v nalogooblozhenii dohodov inostrannykh yuridicheskikh lits // Hozyaystvo i pravo. – 2000. – # 6. – S. 63 – 65.
12. Tihenko T. Yu. Pravovaya priroda dogovora frahtovaniya (chartera) / T. Yu. Tihenko // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy akademii prava. – 2008. – # 1. – S. 103 – 107.
13. Strigunova D. P. Pravovoe regulirovanie dogovora frahtovaniya [Tekst] / D. P. Strigunova // Sovremennoe pravo. – 2012. – № 11. – S. 71 – 75.
14. Kalpin, A. G. Dogovor frahtovaniya sudna (charter) kak instituta morskogo prava : teoreticheskie i prakticheskie problemy : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni doktora yuridicheskikh nauk / A. G. Kalpin ; Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. – M., 1990. – 35 s.
15. Istoriya stanovleniya instituta morskoy perevozki gruzha v evropeyskikh stranah [Tekst] / V. A. Kosovskaya // Problemy evropeyskoy integratsii. – SPb. : Asterion, 2007. – S. 138–143.
16. Kosovskaya, V. A. K voprosu opredeleniya ponyatiya dogovora morskoy perevozki gruzha / V. A. Kosovskaya // Transportnoe pravo. – 2002. – № 3. – S. 13–18.
17. Dzhobava N. A. Konosament: Osnovnyye funktsii i ponyatie / N. A. Dzhobava // Kodeks info. – 2004. – May - Iyun. – S. 78–90.
18. Rotko S. V. Konosament v rossiyskom i zarubezhnom zakonodatel'stve [Tekst] / S. V. Rotko // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 2011. – № 1. – S. 44–46.
19. Ermolaev V. G., Sivakov O. V., kand. yurid. nauk, prof. Morskoe pravo: Uchebnoe posobie / V. G. Ermolaev O. V., Sivakov. – M.: Yurinformtsentr, 2001. – 255 s.
20. Sovet ekonomicheskoy vzaimopomoschi. Byuro koordinatsii frahtovaniya sudov. Frahtovanie i morskoe perevozki. – M., 1968. – 393 s.
21. Padorin L. V., Tokarev F. F. Kommercheskaya ekspluatatsiya morskogo sudna. – M.: Transport, 1975. – 192 s.
22. TsGA SPB. F. R-9052, op. 1, d. 2. Plany eksportnykh organizatsiy na 2-3 kvartaly 1931 g. i obzor deyatel'nosti anglo-sovetskoy parohodnoy kompanii za yanvar- sentyabr. 1.02.1931 – 24.11.1931. 33 l.
23. Mezhdunarodnyy sovet po zernu (MSZ). URL: <http://mimo.com.ua/info/244-igc-international-grains-council-mezhdunarodnyy-sovet-po-zernu-msz.html>.

УДК 343.85 (262.5) "-07/-05"

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С
ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ГОСУДАРСТВАХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
(VII-V ВЕКАХ ДО Н. Э.)**

Велигодский Д. В., Смирнова Е. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В историко-правовом аспекте рассматривается достаточно слаженная и разветвленная система понятий о преступлениях и наказаниях, которая функционировала в государствах Северного Причерноморья в VII–V веках до н. э. Она эффективно обеспечивала защиту государственного строя, собственности, общественного порядка, экономической системы в целом. Рассмотрено само понятие преступления, система преступлений и наказаний в указанный период в государствах Северного Причерноморья. Целью статьи является выяснение понятий «преступление» и «наказание» как существенных категорий элементов уголовного права в государствах Северного Причерноморья в VII–IV веках до н. э. Предпринята попытка проанализировать признаки объективной (внешней) и субъективной (внутренней) стороны, включаемых в понятие состава преступления; выявить основные признаки преступления, их категории, классификацию; обобщить основные виды наказаний в полисах; исследовать эффективность наказаний за совершение уголовного правонарушения с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Ключевые слова: амнистия, атимия, казнь, мораль, наказание, остракизм, преступление, преступность, Северное Причерноморье.

Борьба с преступностью на современном этапе развития является одним из приоритетных направлений внутренней политики Российской Федерации. В уголовном праве Российской Федерации категории «состав преступления» и «наказание» являются одними из важнейших и наиболее содержательных. С их помощью осуществляется нормативное определение конкретного преступления, описание элементов и признаков, а также реализация основных задач, без которых невозможно осуществление отрасли уголовного права и его доктрины. Отметим, что в теории уголовного права под преступлением рассматривается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие либо бездействие), которое влечет за собой для лица, его совершившего, наказание.

Однако в теории уголовного права существуют различные подходы относительно перечня и содержания конкретных признаков, которые их образуют. Например, одни ученые считают, что объектом преступления являются общественные отношения, другие считают, что это охраняемые уголовным правом блага. В одних научных работах потерпевший является признаком объекта состава преступления, а в других это отрицается. Относительно признаков объективной стороны состава преступления: в ней отдельные ученые предлагают не выделять орудия и средства совершения преступления или же, наоборот, выделять ситуацию совершения преступления.

Наряду с отмеченными выше различными точками зрения на объект и признаки преступления существуют разночтения относительно трактовки понятия «наказание».

Для более эффективного решения и уточнения отмеченных проблем важным является изучение и использование опыта борьбы с преступностью в государствах Северного Причерноморья в VII–IV веках до н. э. Поэтому данная тема исследования является актуальной.

Речь идет о формировании отдельных элементов уголовного права, которые пришли в Херсонес, Оливию, Пантикапей и другие полисы в основном из правовой системы афинского государства. Своеобразным посредником в данном процессе выступили Гераклея Понтийская и Милет. Определенное влияние на становление системы уголовного права в этих государствах оказали также обычаи и традиции соседних племен.

Научное изучение причин совершения людьми уголовных преступлений, как и в целом преступности данного периода исследования, даст возможность использовать этот опыт для более эффективного противодействия преступлениям, совершенствования практики расследования и разрешения уголовных дел, разработки действенной системы защиты потерпевших, свидетелей и других участников уголовного процесса.

Целью данной статьи является выяснение понятий «преступление» и «наказание» как сущностных категорий элементов уголовного права в государствах Северного Причерноморья в VII–IV веках до н. э.

Соответственно поставленной цели внимание сосредоточено на решении таких основных задач:

- проанализировать признаки объективной (внешней) и субъективной (внутренней) сторон, включаемых в понятие состава преступления;
- выявить основные признаки преступления, их категории, классификацию;
- обобщить основные виды наказаний в полисах;
- исследовать эффективность наказаний за совершение уголовного правонарушения с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждение совершения новых преступлений.

Анализ источников и историко-правовых документов свидетельствует, что в государствах Северного Причерноморья сначала оформилось понятие преступления. Преступлением считали действия, которые нанесли вред государству, общине или частному лицу. Ущерб мог быть физическим, моральным или материальным. Наиболее тяжким преступлением считали грех перед богами [1, с. 19].

Однако следует отметить, что в правовой мысли изучаемого периода еще не проводилось четкого размежевания между понятиями «преступление» и «правонарушение». В правоприменительной практике они часто совпадали.

Анализ историко-правовых источников позволяет выделить семь основных категорий преступных действий: государственные, должностные и военные преступления, преступления против правосудия, в сфере экономики, преступные действия, направленные против личности, против религии, семьи и моральности, и имущественные преступления.

В категорию государственных преступлений входили действия, направленные на попытку смены демократического строя на тиранию, уничтожение государственной целостности полиса [2, с. 34].

Например, с 409 г. до н. э. в Афинах действовал закон, в соответствии с которым лицо, независимо от занимаемой должности, после попытки уничтожения демократии объявлялось врагом афинского народа и подлежало уничтожению без судебного разбирательства [3, с. 10].

Нормами права античных городов-государств Северного Причерноморья преступлением считалось разглашение государственной тайны [там же], самовольное присвоение лицом прав гражданства [4, с. 239], внесение на рассмотрение Народного собрания заведомо противозаконного правового акта. В случае принятия проекта лицо, которое его предложило, на протяжении года могло быть привлечено к уголовной ответственности.

Тяжким должностным преступлением являлось ненадлежащее выполнение послом своих дипломатических обязанностей, например, в связи с занятостью собственными торговыми делами. Как свидетельствует анализ, в изучаемый период существовала практика совмещения в зарубежных поездках купцов торговых функций с дипломатическими [5].

Однако речь идет о выполнении отдельного дипломатического поручения. Специальные послы, уполномоченные государством, обсуждали важные международные проблемы и принимали соответствующие документы.

Одним из тяжких преступлений являлось взяточничество. Предусматривались отдельные виды преступлений – дача взятки, подкуп и принятие взятки [6, р. 448].

Преступлением считалось злоупотребление граждан и иностранцев правами с корыстной целью. Примером является судебное разбирательство против купца Лапида в Афинах. Этот купец, взяв разрешение на вывоз зерна в Афины, продал его в Боспорское царство, где возникли трудности с хлебопоставками и цена на зерно была значительно выше. Обман был раскрыт, и Лapid был привлечен к уголовной ответственности [7, с. 135].

Распространенным преступлением в государствах Северного Причерноморья являлась контрабанда. В правовых документах контрабанда квалифицировалась как незаконное перемещение через государственную границу материальных ценностей. Так, к примеру, одна из статей присяги Херсонеса запрещала вывозить зерно с территории государства [8, с. 218]. Таким образом, вывоз зерна за пределы государства квалифицировался как контрабанда.

На территории Оливии отдельным законом регулировался денежный оборот и устанавливалась ответственность за нарушения правил осуществления валютных операций [9]. Субъектом преступления являлись граждане, которые достигли совершеннолетия, были дееспособны и совершили любое из перечисленных в законе нарушений правил о валютных операциях с корыстным умыслом.

Распространенными в античных государствах Северного Причерноморья в исследуемый период являлись изготовление фальшивой монеты, порча денег, обман покупателей при продаже рыбы, пряжи и других товаров.

Во второй половине I тыс. до н. э. в праве полисов стали выделяться в отдельный вид преступления против правосудия: подача фальшивой жалобы, ложные показания, а также лжесвидетельство лица в случае, если данное лицо в

действительности не являлось свидетелем, а ставило свою подпись по данной жалобе заведомо ложно [1, с. 1360].

Состав военных преступлений включал три основных вида: уклонение от воинской службы, дезертирство, побег с воинской службы. А. А. Гавриленко выделяет специальные юридические термины, которые квалифицируют отдельные составы военных преступлений: липостратия – уклонение от воинской службы; липотаксия – дезертирство с корабля; навмахия – дезертирство в период морской битвы, отказ от участия в морской битве [10, с. 47].

Среди преступлений против личности наиболее тяжким считалось убийство. В нормах права государств Северного Причерноморья четко разделялось убийство, запрещенное и предусмотренное законом, преднамеренное и случайное [11, с. 77].

К разрешенным законом убийствам относилось, прежде всего, убийство вора на месте преступления. Отдельно, по специфике средств совершения преступления, законодательство выделяло отравление [11, с. 239].

К этой же категории преступлений законодательство полисов относило и нанесение телесных повреждений, прежде всего преднамеренное.

Широко распространенным были преступления против чести и достоинства гражданина. К ним относилось оскорбление родственников. Оскорбление действием, оскорбление словом. Отдельный состав преступления составляла клевета – распространение заведомо неправдивой информации.

К преступным действиям относили также убийство и оскорбление чужого раба, которое квалифицировалось как нанесение морального и физического ущерба хозяину.

Наиболее распространенными имущественными преступлениями являлись воровство имущества, уничтожение и повреждение чужого имущества, нанесение материального ущерба [1, с. 250].

В более поздний период в северопричерноморских государствах в отдельную категорию преступлений выделяется пиратство. Пираты захватывали не только морские суда, их экипажи, имущество, а и грабили прибрежные города [12].

На борьбу с пиратством было направлено не только внутреннее законодательство этих государств, но и заключенные международные договоры, в которых пиратство признавалось видом преступной деятельности, намечались конкретные международные меры борьбы с ним: договоры между Арвадом, Библосом, Бейрутом, Тиром и Сидоном. Борьба с пиратством активно проводилась также и в акватории Черного моря [13].

Значительный удельный вес в правовой системе государств Северного Причерноморья составляли преступления против религии. На основе анализа историко-правовых источников и научной литературы авторы выделяют три основных вида преступлений: неверие в богов, безбожничество; нарушение сложившихся форм и обрядов культа, его извращение, включения в него элементов знахарства; осквернение мест, посвященных богам [4, с. 11].

Наиболее тяжким преступлением против семьи и моральности являлась измена одного из супругов, прелюбодеяние. Однако субъектом такого преступления в большинстве случаев выступала женщина. За измену жены сам муж имел право подвергнуть ее наказанию. В случае нежелания делать это лично, он писал жалобу архонтам. Тогда жена обязана была сразу же покинуть дом мужа [14, с. 20].

Одновременно существовали преступления, субъектами которых являлись лица исключительно мужского пола. В северопричерноморских полисах, как и в греческих метрополиях, с помощью норм обычного права, а также религиозных канонов активно боролись с безбрачием мужчин. Государство и общество были заинтересованы в том, чтобы рождалось больше граждан и воинов. Кроме этого необходимо было обеспечивать непрерывность в продолжении родов и постоянное выполнение культа предков. Соответственно, неженатый мужчина совершал двойное преступление и по отношению к предкам, и по отношению к обществу. По законам Платона, например, от мужского населения требовалось в обязательном порядке заключать брак в возрасте от тридцати до тридцати пяти лет. В более поздний период эти нормы постепенно теряют свое действие, а общественное мнение сохраняло их элементы еще на протяжении длительного периода [15, с. 24].

Общественная мораль строго осуждала тунеядство, лень, под которыми общество понимало отказ от участия в жизни общины. По решению государственных органов тунеядцы лишались, как правило, гражданских прав [1, с. 191].

Подвергались суровому наказанию лица, которые отказывались содержать родителей преклонного возраста. Родителями считались отец, мать, дед, баба, прадед и прабаба. Другим тяжким преступлением по отношению к родителям было святотатство, которое заключалось в уничтожении могил родителей и лишение их погребальных почестей [15, с. 46].

Многочисленные преступления и правонарушения, отмеченные выше, объективно поставили на повестку дня создание системы наказаний за каждое антигосударственное и антиобщественное деяние. Система наказаний за совершенные преступления в греческих полисах Северного Причерноморья формировалась постепенно и постоянно совершенствовалась. Особенностью этой системы наказаний являлось то, что население рассматривало наказание как негативную реакцию богов, государства, общества, общественного объединения или отдельных лиц (например, родителей) на неправомерное поведение субъекта, нарушение им определенной социальной, уголовно-правовой и моральной нормы [16, с. 44–45].

Целью наказания в античных полисах было формирование чувства страха у потенциального преступника за совершение уголовного преступления, которое авторы рассматривают как своеобразную профилактику правонарушений. Однако через некоторое время превентивной становится роль наказания. Например, Аристотель утверждал, что люди не совершают плохих поступков из боязни наказания, большинство людей склонно отдавать предпочтение своим выгодам, а не общему благу.

Распространенным наказанием в древних институтах права являлась кровная месть. В правовой мысли исследуемого периода кровная месть выводилась за пределы субъективного человеческого поведения и поднималась до уровня общемировой объективной закономерности, которая охранялась богачами по законам справедливости [17, с. 664].

Божествами кровной мести древние греки считали Эриний, Мегеру, Тисифону, которые осуществлении возмездия по воле Зевса. Характерной чертой кровной мести было применение вслед за наказанием равной меры ответного наказания.

Поэтому в историко-правовых источниках при описании этого обычая часто применялся термин «отплата» [17, с. 664; 18, с. 66].

Обычаи кровной мести и отплаты действовали в период первобытно-общинного строя, однако они выступили в противоречие с государственной моделью, которая начала гарантировать и обеспечивать неприкосновенность личности. В результате этого на смену самосуда приходит наказание по приговору государственных органов.

Высшей мерой наказания в северо-причерноморских государствах являлась смертная казнь. Она применялась по приговору суда для граждан, которые совершили преднамеренное и запрещенное убийство. Смертная казнь приводилась в исполнение в следующих формах: путем отравления, убийством камнями или палками. Граждане, которые совершили преднамеренное убийство, имели возможность сохранить свою жизнь, добровольно выехав в пожизненное изгнание до вынесения приговора судом. Если же убийство признавалось судом непреднамеренным, то преступник обязан был покинуть территорию государства на срок, определенный судом. После возвращения он обязан был пройти религиозный обряд «очищения» и примириться с родственниками убитого [4, с. 77–78].

В ряде случаев в V–IV веках до н. э. смертная казнь за совершение государственных преступлений могла быть заменена не только на изгнание, но и в качестве дополнительного наказания, применялись конфискация имущества или штраф. Такая практика была достаточно распространенной в античных государствах. В источниках найдены неоднократные случаи такой замены при вынесении смертного приговора заочно, без присутствия преступника.

Высшей мерой наказания за различные политические, религиозные преступления и наиболее тяжкие преступления против личности широко практиковалась депортация с территории страны. Этот вид наказания использовался, как правило, властью для расправы над оппозицией в условиях формирования антидемократического режима [19, р. 57].

Депортация граждан – остракизм, как правило, осуществлялась на основании декрета или другого нормативно-правового акта, изданного руководителем государства или народным собранием. Срок депортации не устанавливался и практически зависел от политической ситуации в государстве. В отдельных случаях устанавливалась пожизненная депортация. Так, например, декретом в Ольвии (III в. д. н. э.) депортировали граждан, которые принимали участие в попытке государственного переворота [3, с. 76].

В Ольвии, Херсонесе и других полисах учеными найдено значительное количество гончарных фрагментов с надписями об изгнании отдельных граждан в первой четверти V века до н. э. Сравнительный анализ херсонесских и афинских источников дал исследователям основание утверждать, что в V веке до н. э. регулярно применялась одна из наиболее радикальных мер для сохранения демократии – остракизм [20, с. 112–114].

Одновременно для многих осужденных по политическим мотивам граждан причерноморских государств применялась и амнистия. В III тыс. до н. э. в Херсонесе регулярно применялись нормы закона об амнистии. В источниках речь идет о возвращении на родину лиц, депортированных ранее с Херсонеса. В соответствии с законом, специальная комиссия на протяжении десяти дней после

возвращения депортированных своим решением возвращала им дома и все конфискованное имущество. Речь идет о сотнях политических изгнанников. После восстановления демократического строя они были реабилитированы, что свидетельствует о достаточно высоком уровне развития государственных институтов и правового сознания общества [3, с. 45, 77].

Одним из тяжелых наказаний за различные преступления являлась атимия – полное и частичное лишение гражданских прав [14, с. 180–181].

Полное лишение гражданских прав не только лишало осужденного всех политических прав, но и закрывало ему доступ на рынок, в святилища и право возбуждать дела в суде. Данное наказание назначалось судом за взяточничество, подкуп, растрату, лжесвидетельство, невыполнение сыном обязанностей по уходу за престарелыми родителями, в отдельных случаях за занятие проституцией. Использование утраченных гражданских прав считалось особо тяжким преступлением, за которое виновный судом мог быть приговоренным к смертной казни.

В отличие от современного этапа применения наказаний за совершенные уголовные преступления (основным видом наказаний является лишение свободы), в северопричерноморских государствах наказание в виде лишения свободы применялось только для должников перед государством. При других обвинениях тюремное заключение применялось за неплату денежного штрафа. При поручительстве за должника трех и более граждан он не подвергался тюремному заключению. Тюремное дело находилось в компетенции одиннадцати должностных лиц. Данная специальная комиссия отвечала также и за выполнение телесных наказаний и казни, которые осуществлялись в специальных тюремных помещениях [14, с. 1117].

Для граждан северопричерноморских государств и иностранных граждан применялись следующие виды наказания: продажа в рабство, телесные наказания, штраф в виде конфискации имущества. Бывший раб, совершивший преступление, возвращался снова в рабство. Одним из наиболее применяемых видов наказания была конфискация имущества государственных должников. Все конфискованное имущество поступало в государственную казну и являлось важным источником ее пополнения [15, с. 372–373; 21, с. 249].

Широко использовались штрафы. Их размеры определялись судом в зависимости от квалификации преступления. Так, например, значительный штраф накладывался судом на лицо, которое безосновательно обвинило другого гражданина в государственном преступлении при условии, если за такое решение проголосовало более 4/5 общего состава суда [4, с. 373].

Все перечисленные виды наказаний применялись только для свободных людей – граждан и иностранцев. Рабы также наказывались по приговору суда, но наказание выполнял сам хозяин.

Подводя итоги анализа историко-правовой литературы, многочисленных историко-правовых источников, следует отметить, что уже во второй половине I тыс. до н. э. в государствах Северного Причерноморья функционировала достаточно слаженная и разветвленная система понятий о преступлениях и наказаниях. Она эффективно обеспечивала защиту государственного строя, собственности, общественного порядка, экономической системы в целом. Само

понятие преступления, система преступлений и наказаний здесь в значительной мере совпадали с теми, которые функционировали и в других древних государствах, однако имелись и определенные отличия, обусловленные местной спецификой.

Список литературы:

1. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го издания 1899 г. – М., 1991.
2. Новгородцев П. Политические идеалы древнего и нового мира. Вып. II. – М., 1916.
3. Соломник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Греческие лапидарные надписи античного времени. – Симферополь: Таврия, 1990.
4. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. 4.1. Государственные и военные древности. – СПб.: Тип. В. Берзобразова и Комп., 1888.
5. Linerani M. The Great Power' Club // *Amarna Diplomacy. The Beginnings of International Relations*/ Ed. By R. Cohen and R. Westbrook. – Baltimore; London.
6. Johns Hopkins University Press. – P. 15 – 27: Redford D.B. Egypt, Canaan and Israel in Ancient Times. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2003.
7. Брашинский И. Б. Торговые пошлины и право беспошлинности на Боспоре (IV век до н. э.) // *Вестник древней истории*. – 1958. – № 1.
8. Жебелев С. А. Херсонесская присяга // *Северное Причерноморье*. – М. – Л.: Изд-во АР СССР, 1953.
9. Latyshev V. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Ed. 2 – Petropoli, 1916. – № 24.
10. Гавриленко О. А. Злочин та покарання у праві античних держав Північного Причорномор'я // *Право та безпека*. – 2002. – № 1.
11. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. 4.2. Богослужебные и сценические древности. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1889.
12. Casson L. *Ships and Seaman in the Ancient World*. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1971. P. 235 – 258. Meijer Fik. *A History of seafaring in the Classical World*. London; Sydney: Croom.
13. Latyshev V. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*; Зельин К. К., Трофимова М. К. *Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период*. – М.: Наука, 1969. – С. 209.
14. Любкер Ф. *Реальный словарь классических древностей* / Под ред. Ф. Гельбке, Л. Георгиевского, Ф. Зелинского и др. – СПб., 1885.
15. Гиро П. *Быт и нравы древних греков*. – Смоленск: Русич, 2000.
16. Дуюнов В. К. *Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике*. Монография. – Курск: Изд-во РОСИ, 2000.
17. *Словарь античности* / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1989.
18. Ярхо В. Н. Кровная месть и божественное возмездие в «Орестее» Эсхила // *Вестник древней истории*. – 1968. – № 4. – С. 66.
19. Seibert J. *Die Politischen Fluchtlinge und /ferbannten in der griechischen Geschichte*. – Darmstadt, 1979.
20. Виноградов Ю. В., Золотарев М. И. Херсонес изначальный // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1996–1997 гг. Северное Причерноморье в античности: Вопросы источниковедения. – М.: «Восточная литература» РАН, 1999.
21. Бузольт Г. *Очерк государственных и правовых греческих древностей* / Пер. с нем. – Харьков: 1890.

Veligodskiy D., Smirnova E. Organizational and legal bases of struggle against criminality in the states of the Northern Black Sea (VII-V centuries BC) // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 15–23.

In the historical and legal aspect, a fairly coherent and ramified system of concepts of crimes and punishments, which functioned in the states of the Northern Black Sea Region in the 7th-5th centuries BC, is considered. It effectively ensured the protection of the state system, property, public order, the economic system as a whole. The very concept of a crime, a system of crimes and punishments in the specified period in the states of the Northern Black Sea Region is considered. The aim of the article is to elucidate the concepts of «crime» and «punishment» as the essential categories of elements of criminal law in the states of the Northern

Black Sea Region in the 7th–4th centuries BC. An attempt has been made to analyze the signs of the objective (external) and subjective (internal) side included in the concept of *corpus delicti*; identify the main features of the crime, their classification categories; generalize the main types of punishment in policies; to investigate the effectiveness of punishments for the commission of a criminal offense in order to restore social justice, correct the convict and prevent the commission of new crimes.

Key words: amnesty, atimia, crime, execution, morals, Northern Black Sea coast, ostracis, punishment.

Spisok literaturyi:

1. Veysman A. D. Grechesko-russkiy slovar. Reprint 5-go izdaniya 1899 g. – M., 1991.
2. Novgorodtsev P. Politicheskie idealy drevnego i novogo mira. Vyip. II – M., 1916.
3. Solomnik E. I. Kamennaya letopis Hersonesa. Grecheskie lapidarnyye nadpisi antichnogo vremeni. – Simferopol: Tavriya, 1990.
4. Latyishev V. V. Ocherk grecheskih drevnostey. 4.1. Gosudarstvennyye i voennyye drevnosti. – SPb.: Tip. V. Berzobrazova i Komp., 1888.
5. Linerani M. The Great Power' Club // Amarna Diplomacy. The Beginnings of International Relations/ Ed. By R. Cohen and R. Westbrook. – Baltimore; London.
6. Johns Hopkins University Press. – P. 15 – 27: Redford D.B. Egypt, Canaan and Israel in Ancient Times. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2003.
7. Brashinskiy I.B. Torgovyye poshliny i pravo besposhlinnosti na Bospore (IV vek do n.e.) // Vestnik drevney istorii. – 1958. – № 1.
8. Zhebelev S. A. Hersenesskaya prisyaga // Severnoe Prichernomorie. – M. – L.: Izd-vo AR SSSR, 1953.
9. Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Ed. 2 – Petropoli, 1916. – № 24.
10. Gavrilenko O. A. Zlochiny ta pokarannya u pravi antichnih derzhav. Pivnichnogo Prichernomo'ya // Pravo ta bezpeka. – 2002. – № 1.
11. Latyishev V. V. Ocherk grecheskih drevnostey. 4.2. Bogosluzhebnyye i stsenicheskie drevnosti. – SPb.: Tip. V. Berzobrazova i Komp., 1889.
12. Casson L. Ships and Seaman'ship in the Ancient World. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1971. P. 235 – 258. Meijer Fik. A History of seafaring in the Classical World. London; Sydney: Croom.
13. Latyshev V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae; Zelin K. K., Trofimova M. K. Formy zavisimosti v Vostochnom Sredizemnomore v ellinisticheskiy period. – M.: Nauka, 1969. – S. 209.
14. Lyubker F. Realnyy slovar klassicheskikh drevnostey / Pod red. F. Gelbke, L. Georgievskogo, F. Zelinskogo i dr. – SPb., 1885.
15. Giro P. Byit i nrauyi drevnih grekov. – Smolensk: Rusich, 2000.
16. Duyunov V. K. Problemy ugolovnogo nakazaniya v teorii, zakonodatelstve i sudebnoy praktike. Monografiya. – Kursk: Izd-vo ROSI, 2000.
17. Slovar antichnosti / Per. s nem. – M.: Progress, 1989.
18. Yarho V. N. Krovnyaya mest i bozhestvennoe vozmezdye v «Orestee» Eshila // Vestnik drevney istorii. – 1968. – № 4. – S. 66.
19. Seibert J. Die Politischen Fluchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. – Darmstadt, 1979.
20. Vinogradov Yu. V., Zolotarev M. I. Hersones iznachalnyy // Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 1996 – 1997 gg. Serenoe Prichernomorie v antichnosti: Voprosy istochnikovedeniya. – M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 1999.
21. Buzolt G. Ocherk gosudarstvennykh i pravovykh grecheskih drevnostey / Per. s nem. – Harkov: 1890.

340.15:347.79

УРЕГУЛИРОВАНИЕ ТРЕБОВАНИЙ К СУДОВОДИТЕЛЯМ И МЕХАНИКАМ СОВЕТСКОГО ТОРГОВОГО ФЛОТА В 1920–1930-Х ГГ.

Гурина Л. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе указано, что установление профессиональных требований к судоводителям и механикам морского торгового флота СССР изначально базировалось на имперском опыте и законодательстве того же периода. В 1920–1930-х гг. были приняты и последовательно введены в действие уже советские требования следующими нормативными актами: Постановление СНК СССР от 2 августа 1924 г. «О судоводителях морского торгового флота, плавающего под флагом СССР»; Постановление СНК СССР от 2 августа 1924 г. «О судовых механиках морского торгового флота, плавающего под флагом СССР»; Приложение II к КТМ 1929 г.; Постановление от 23 сентября 1930 г. «Об изменении постановления о судоводителях и судовых механиках морского торгового флота Союза ССР» и Постановление СНК «Об изменении постановления о судоводителях и судовых механиках морского торгового флота Союза ССР» от 26 августа 1931 г. Последние два нормативных акта были продиктованы дефицитом указанных специалистов в стране, а потому вводили нормы, снижающие уровень профессиональной подготовки таковых.

Ключевые слова: судоводители, судовые механики, профессиональные требования, Кодекс торгового мореплавания.

Как известно, в Российской империи долгое время мало внимания уделялось правовому регулированию вопросов, связанных с положением и статусом служащих морского торгового флота. Основные положения, касающиеся данной проблемы, были заложены в Уставе купеческого водохозяйства 1781 г. [1, с. 158–187]. Лишь в начале XX в. произошли серьезные изменения, заключавшиеся в законодательном регулировании вопросов, связанных с получением званий судоводителей, шкиперов, механиков и т. д. Именно эти нормативно-правовые акты впоследствии стали базой для развития уже советских соответствующих норм.

Так, 6 мая 1902 г. был принят указ «Об изменении действующих правил о судоводителях на мореходных судах торгового флота». Им была установлена новая градация судоводительских званий и правила их получения [2, с. 328–331]. 6 июля 1908 г. был принят указ «об отсрочке введения в действие Положения о механиках на мореходных судах торгового флота» до 1 января 1909 г. [3, с. 451].

В начале 1909 г. на места разослали Перечень вопросов по реформе мореходного образования в империи в связи с новым законопроектом о судоводителях на мореходных судах торгового флота, в котором были объяснены предстоящие изменения и особенности обучения штурманов, механиков и т. д. [4, л. 141–145]. Отдельно в этот период также был разослан для обсуждения проект положения о судоводителях на мореходных судах торгового флота [4, л. 146–150]. Данные проекты были достаточно полными и содержали все необходимые сведения по предстоящей реформе. Так, в приложении № 6 находим программу испытаний на звание штурмана дальнего плавания. Она включала в себя такие предметы, как: 1. А) Навигация. Б) Морская астрономия. 2. Морская практика. 3. А) Метеорология

и применение к учению о море. Б) Океанография в связи с важнейшими сведениями по коммерческой географии. 4. Устройство и теория корабля. 5. Пароходная механика. 6. Узаконения, относящиеся к торговому мореплаванию. 7. Грузовая отчетность и коммерческая корреспонденция. 8. Судовая гигиена и подача первой помощи при несчастных случаях и заболеваниях. 9. Английский язык [4, л. 151–154].

Программа испытаний на звание штурмана малого плавания по общим разделам была такой же, лишь несколько разделов отличалось уже в самом названии, а именно: не морская астрономия а мореходная астрономия; не метеорология и применение к учению о море, а метеорология в применении к учению о погоде [4, л. 155–158].

Закон от 31 октября 1909 г. установил новые правила о судоводителях на мореходных судах торгового флота, которые действовали до 1927 г. [5, с. 906–910].

С установлением советской власти основным нормативным актом, регулировавшим вопросы профессиональных требований к служащим морского торгового флота СССР стал Кодекс торгового мореплавания (далее – КТМ).

Общеизвестно, что КТМ СССР был утвержден Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 14 июня 1929 г., при этом с введением его в действие отменялись:

3) Постановление СНК СССР от 2 августа 1924 г. «О судоводителях морского торгового флота, плавающего под флагом СССР» [6];

4) Постановление СНК СССР от 2 августа 1924 г. «О судовых механиках морского торгового флота, плавающего под флагом СССР» [7];

Приложение II к КТМ посвящено в первую очередь судоводителям и судовым механикам: к занятию судоводительских должностей на судах морского торгового флота СССР допускались лишь граждане СССР, обладающие дипломами на судоводительские звания морского торгового флота СССР и признанные по врачебному осмотру годными для занятия этих должностей (ст. 1).

Судоводительские звания морского торгового флота СССР, как и ранее, разделялись на шесть степеней: 1) капитан дальнего плавания с высшим дипломом; 2) капитан дальнего плавания; 3) штурман дальнего плавания; 4) капитан малого плавания; 5) штурман малого плавания и 6) судоводитель маломерного судна (ст. 2).

При этом малым плаванием признавалось плавание:

а) в Белом море, а также в водах Северного Ледовитого океана на восток – до меридиана мыса Тонкий (61° восточной долготы), на запад – в Атлантическом океане – до меридиана Трондгейм, на север – до 72 параллели;

б) в Балтийском море с его заливами, в Бельтах, в Зунде и Каттегате – до линии Скаген – Линдеснее и через Кильский канал до устья реки Эмс;

в) в Азовском море и в Черном море – до Константинополя;

г) в Каспийском море;

д) в морях Тихого океана: в Беринговом море – до Берингова пролива, в Охотском море – в Татарском проливе и в Японском море – до линии Мозампо – Нагасаки (ст. 3). Дальним же плаванием признавалось всякое плавание за пределы, указанные в ст. 3 (ст. 4).

Судоводителям предоставлялось:

а) капитану дальнего плавания с высшим дипломом и капитану дальнего плавания – командовать всякими морскими судами;

б) штурману дальнего плавания – командовать морскими судами в малом плавании, кроме пассажирских судов свыше 1300 рег. тонн валовой вместимости и морских ледоколов свыше 1800 инд. сил; занимать должность помощника капитана на всяком судне, за исключением должности старшего помощника капитана в дальнем плавании на пассажирских судах более 500 рег. тонн валовой вместимости;

в) капитану малого плавания – командовать всякими судами в малом плавании, кроме пассажирских судов свыше 1300 рег. тонн валовой вместимости и морских ледоколов свыше 1800 инд. сил; кроме того, ему предоставлялось право занимать должности младшего помощника капитана на всех судах как в малом, так и в дальнем плавании;

г) штурману малого плавания – командовать в малом плавании паровыми грузовыми судами до 100, парусными и парусно-моторными до 150 рег. тонн валовой вместимости и занимать должность младшего помощника капитана на всех судах как в малом, так и в дальнем плавании;

д) судоводителю маломерного судна – командовать в малом плавании паровыми грузовыми судами до 100, парусными и парусно-моторными судами до 150 рег. тонн валовой вместимости, а также при недостатке штурманов малого плавания занимать должности третьего помощника капитана на грузовых судах в малом плавании и младшего помощника капитана на портовых и рейдовых ледоколах. При этом под выражением «паровое судно» понималось судно с механическим двигателем (ст. 5).

К командованию судами, совершающими рейсы местного сообщения (часть 3 ст. 25 Кодекса торгового мореплавания СССР), допускались штурманы малого плавания и судоводители маломерного судна. Правила плавания в этих сообщениях устанавливаются НКПС по соглашению с Народным комиссариатом по военным и морским делам (ст. 6).

Граждане СССР, не имеющие дипломов на судоводительские звания морского торгового флота, но признанные по медицинскому осмотру годными для занятия соответствующих должностей, могли допускаться начальниками морских торговых портов СССР к командованию в малом плавании и в местном сообщении судами до 20 рег. тонн валовой вместимости (ст. 7).

Для получения диплома на судоводительские звания морского торгового флота требовалось состояние в гражданстве СССР и, кроме того:

а) на звание судоводителя маломерного судна и штурмана дальнего или малого плавания: 1) достижение 21 года; 2) сдача испытания в правительственной испытательной комиссии (ст. 19) и 3) выполнение соответствующего плавательного ценза на морских судах (ст. 10);

б) на звание капитана дальнего или малого плавания: 1) получение диплома на звание штурмана соответствующего плавания и 2) выполнение необходимого плавательного ценза на морских судах;

в) на звание капитана дальнего плавания с высшим дипломом: 1) получение диплома на звание капитана дальнего плавания и 2) защита самостоятельной научной работы в особой правительственной комиссии. Исключения из правил настоящей статьи для лиц, обладающих специальным военно-морским образованием, устанавливались НКПС по соглашению с Народным комиссариатом по военным и морским делам (ст. 9).

Для выполнения плавательного ценза требовалось: 1) на звание судоводителя только парового или только парусного маломерного судна – 13 месяцев плавания в составе палубной команды на паровых или парусных судах по принадлежности в дальнем или малом плавании; на звание же судоводителя всякого маломерного судна (как парового, так и парусного) – 24 месяца плавания на паровых и 24 месяца на парусных судах, причем как в первом, так и во втором случаях в счет ценза на парусных судах принимаются 10 месяцев плавания на рыбачьих парусных лодках, занимающихся промыслом в море; 2) на звание штурмана малого плавания – 24 месяца плавания в составе палубной команды с тем, чтобы не менее 6 месяцев плавания были совершены на парусных судах, причем если плавание имело место не на парусных судах, то общий срок плавания увеличивался до 13 месяцев; 3) на звание капитана малого плавания – 18 месяцев плавания с дипломом штурмана малого плавания в должности помощника капитана; 4) на звание штурмана дальнего плавания – плавание с дипломом штурмана малого плавания в должности помощника капитана в течение 24 месяцев, из которых не менее 6 месяцев в дальнем плавании; 5) на звание капитана дальнего плавания – 24 месяца плавания с дипломом штурмана дальнего плавания в должности помощника капитана, из которых не менее 12 месяцев в дальнем плавании.

При этом сроки учебно-практического плавания учащихся в морских судоводительских техникумах водных путей сообщения, предусмотренного учебными планами и выполняемого на рабоче-учебных судах и на иных судах морского торгового флота СССР в групповых организованных плаваниях со специальными руководствами, засчитывались в полуторном размере (ст. 10).

Что касается судовых механиков, то к занятию должностей судовых механиков на судах морского торгового флота СССР допускались граждане СССР, обладающие дипломами на звание судовых механиков морского торгового флота СССР и признанные по врачебному осмотру годными для занятия этих должностей (ст. 11). Звание судовых механиков морского торгового флота СССР разделяется на 3 разряда: механик 1, 2 и 3 разрядов (ст. 12). Судовым механикам предоставлялось:

а) механикам 1 разряда – самостоятельно управлять судовыми главными механизмами на всех судах;

б) механикам 2 разряда – самостоятельно управлять судовыми главными механизмами до 1200 инд. сил включительно, а равно занимать должность второго механика на всех судах, кроме пассажирских судов свыше 1200 инд. сил в дальнем плавании, а также ледоколов той же мощности;

в) механикам 3 разряда – самостоятельно управлять судовыми главными механизмами на судах до 300 инд. сил включительно и на всех судах местного сообщения, а также занимать должность второго механика на судах до 1200 инд. сил. При этом деление судов, снабженных главными двигателями внутреннего сгорания или иными главными механическими двигателями, по силам их двигателей предоставлялось НКПС (по Центральному управлению морского транспорта) (ст. 13).

Граждане СССР, не имеющие дипломов на звание судового механика морского торгового флота, но признанные по врачебному осмотру годными к занятию соответствующих должностей, могли быть допускаемы начальниками морских

торговых портов СССР к управлению судовыми механизмами до 50 инд. сил (ст. 14).

Для получения диплома на звание судового механика морского торгового флота СССР требовалось, кроме состояния в гражданстве СССР: 1) достижение 21 года; 2) сдача соответствующего испытания в правительственной испытательной комиссии (ст. 19) и 3) выполнение необходимого практического ценза (ст. 17). Исключения из этих правил для лиц, обладающих специальным военно-морским техническим образованием или высшим техническим образованием, устанавливались НКПС по Центральному управлению морского транспорта по соглашению с Народным комиссариатом по военным и морским делам и наркомпросами союзных республик по принадлежности (ст. 16).

Для выполнения практического ценза требовалось:

а) на звание судового механика 3 разряда – 24 месяца работы на машиностроительных заводах или механических мастерских, из которых не менее 6 месяцев по ремонту двигателей внутреннего сгорания. Сверх 24 месяцев работы на заводах или в мастерских требовалось 12 месяцев плавания на морских судах с механическими двигателями с исполнением обязанностей по уходу за судовыми механизмами или 6 месяцев работы на морских и, кроме того, 9 месяцев работы на речных или озерных судах с механическими двигателями свыше 500 инд. сил. Из общего числа месяцев плавательного ценза необходимо иметь не менее 3 месяца плавания на морских или речных судах с главным двигателем внутреннего сгорания;

б) на звание судового механика 2 разряда – 24 месяца плавания с дипломом механика 3 разряда в должности механика на морских судах с механическими двигателями, причем не менее 12 на морских судах свыше 200 инд. сил;

в) на звание судового механика 1 разряда – 24 месяца плавания с дипломом механика 2 разряда в должности механика на морских судах с главными механическими двигателями, причем не менее 12 на судах свыше 1000 инд. сил. При этом для получения при повышении в разряде права на управление как паровыми главными механизмами, так и главными двигателями внутреннего сгорания требовалось взамен указанных в пп. «б» и «в» 24 месяцев 30 месяцев плавания, из которых не менее 6 месяцев при соответствующих механизмах.

Указанные в п. «а» этой статьи 6 месяцев работы по ремонту двигателей внутреннего сгорания могли быть заменены 6 месяцами работы на машиностроительных заводах или в механических мастерских, а 3 месяца плавания на морских или речных судах с главным двигателем внутреннего сгорания – 3 месяцами плавания на судах с главными паровыми механизмами. В случаях подобной замены дипломы выдавались на право управления главными судовыми механизмами только на паровых судах.

В отношении учащихся в морских судомеханических техникумах водных путей сообщения 24 месяца работы на машиностроительных заводах или в механических мастерских заменялись выполнением учащимися полного курса работ в учебных мастерских этих техникумов по установленным программам, а учебно-практическое их плавание, предусмотренное учебными планами и выполненное на рабоче-учебных судах и на иных судах морского торгового флота СССР в групповых

организованных плаваниях со специальными руководителями, засчитывалось в полуторном размере.

В отношении учащихся в высших технических учебных заведениях по специальности морского судостроения 24 месяца работы на машиностроительных заводах или в механических мастерских заменялись отбыванием установленной заводской практики, предусмотренной учебным планом, а учебно-практическое плавание их, выполняемое на судах морского торгового флота СССР по специальной инструкции и со специальными руководителями, засчитывалось в полуторном размере (ст. 17).

При этом правила исчисления плавательного ценза в отношении судоводителей и практического ценза в отношении судовых механиков устанавливались НКПС по Центральному управлению морского транспорта по соглашению с Комиссариатом по военным и морским делам и ЦК профсоюза работников водного транспорта (ст. 18).

Порядок производства испытаний на звание судоводителей и судовых механиков, состав правительственных комиссий, предметы, программы и правила испытаний устанавливались НКПС по соглашению с ЦК профсоюза рабочих водного транспорта (ст. 19).

Лица, получившие звание судоводителей и судовых механиков до вступления в действие этих правил, приравнивались к лицам, получившим соответственно звание судоводителей и судовых механиков в порядке этих правил, согласно особому расписанию, издаваемому НКПС (ст. 20).

Однако принятие КТМ 1929 г. еще не означало, что заложенные в нем нормы останутся неизменными на длительное время. Более того, следует отметить, что нормы, установленные КТМ в отношении судоводителей и механиков, стали подвергаться доработке и уточнению уже в 1930 г. Так, к примеру, 23 сентября 1930 г. было опубликовано Постановление «Об изменении постановления о судоводителях и судовых механиках морского торгового флота Союза ССР» (ст. 519).

Им предписывалось внести следующие изменения в Постановление о судоводителях и судовых механиках (приложение II к КТМ СССР):

Во-первых, пп. «а» и «д» ст. 3 излагались в следующей редакции:

[3. Малым плаванием признается плавание:...]

«а) в Белом море, а также в водах Северного полярного моря на восток – до меридиана мыса Тонкий (61° восточной долготы), на запад – до меридиана Норд-Кап, на север – до 72 параллели»;

«д) в морях Тихого океана: в водах Японского и Охотского морей на юг – до параллели Мозампо-Нагасаки, на север – до параллели мыса Елизаветы на Сахалине, а также плавание от порта Петропавловск вдоль берегов Камчатки как с восточной, так и западной стороны и от побережья Камчатки до Командорских островов».

Во-вторых, ст. 5 получила такую редакцию:

«5. Судоводителям предоставляется:

а) капитану дальнего плавания с высшим дипломом и капитану дальнего плавания – командовать всякими морскими судами;

б) штурману дальнего плавания: 1) командовать в дальнем плавании – грузовыми морскими судами не свыше 2500 и пассажирскими не свыше 1500 регистровых тонн валовой вместимости; в малом плавании – грузовыми морскими судами всякого тоннажа, пассажирскими не свыше 2000 р. т. валовой вместимости; ледоколами не свыше 3000 индикаторных сил; 2) занимать должность помощника капитана на всяком судне как в малом, так и в дальнем плавании;

в) капитану малого плавания: 1) командовать всякими судами в малом плавании, кроме пассажирских судов свыше 2000 р.т. валовой вместимости и ледоколов свыше 3000 индикаторных сил, и 2) занимать должность младшего помощника капитана на всех судах как в малом, так и в дальнем плавании;

г) штурману малого плавания: 1) командовать в малом плавании судами до 300 регистровых тонн валовой вместимости, 2) занимать должность младшего помощника капитана на всех судах как в малом, так и в дальнем плавании;

д) судоводителю маломерного судна: 1) командовать в малом плавании грузовыми судами до 200 регистровых тонн валовой вместимости, 2) временно при недостатке штурманов малого плавания – занимать должности третьего помощника капитана на грузовых судах в малом плавании и младшего помощника капитана на портовых и рейдовых ледоколах».

В третьих, п. «а» получил такую редакцию:

[9. Для получения диплома на судоводительские звания морского торгового флота требуется состояние в гражданстве Союза СССР и кроме того:...]]

«а) на звание судоводителя маломерного судна и штурмана дальнего ли малого плавания: 1) достижение 19 лет, 2) сдача испытания в особой квалификационной комиссии (ст. 19) и 3) выполнение соответствующего плавательного ценза на морских судах (ст. 10)».

В четвертых, ст. 10 также получила новую редакцию:

«10. Для выполнения плавательного ценза требуется:

1) на звание судоводителя только парового или только парусного маломерного судна – 24 месяца плавания в составе палубной команды на паровых или парусных судах по принадлежности; на звание же судоводителя всякого маломерного судна (как парового, так и парусного) – 18 месяцев плавания на паровых и 18 месяцев – на парусных судах, причем как в первом, так и во втором случае в счет ценза на парусных судах засчитывается не более 6 месяце плавания на рыбачьих парусных лодках, занимающихся промыслом в море;

2) на звание штурмана малого плавания – 24 месяца плавания в составе палубной команды с тем, чтобы не менее 6 месяцев плавания были совершены на парусных судах, причем если плавание имело место не на парусных судах, то общий срок плавания увеличивается до 30 месяцев;

3) на звание капитана малого плавания – 12 месяцев плавания с дипломом штурмана малого плавания в должности помощника капитана;

4) на звание штурмана дальнего плавания – плавание с дипломом штурмана малого плавания в должности помощника капитана в течение 18 месяцев, из которых не менее 6 месяцев в дальнем плавании;

5) на звание капитана дальнего следования – 18 месяцев плавания с дипломом штурмана дальнего плавания в должности помощника капитана, из которых не менее 6 мес. в дальнем плавании.

Плавание учащихся морских судоводительских техникумов засчитывалось в двойном размере, если это плавание предусмотрено учебными планами и выполнено в организованном порядке под специальным руководством».

В пятых, ст. 16 получила такую редакцию:

«16. Для получения диплома на звание судового механика морского торгового флота СССР требуется, кроме состояния в гражданстве СССР: 1) достижение 19 лет, 2) выдерживание соответствующего испытания в особой квалификационной комиссии (ст. 19) и 3) выполнение необходимого практического ценза (ст. 17).

Примечание. Исключения из правил настоящей статьи для лиц, обладающих специальным военно-морским техническим образованием или высшим техническим образованием, устанавливаются НКПС по согласованию с комиссариатом по военным и морским делам и комиссариатами просвещения союзных республик по принадлежности».

Ст. 17 стала звучать так:

«17. Для выполнения практического ценза требуется:

ф) на звание судового механика 3 разряда – 18 месяцев работы на машиностроительных заводах или механических мастерских, из которых не менее 6 мес. по ремонту двигателей внутреннего сгорания. Сверх 18 мес. работы на заводах или в мастерских требуется 12 мес. плавания на морских судах с механическими двигателями, с исполнением обязанностей по уходу за судовыми механизмами или 6 мес. плавания на морских и, кроме того, 9 мес. плавания на речных или озерных судах с механическими двигателями свыше 300 индикаторных сил. Из общего плавательного ценза необходимо иметь не менее 3 мес. плавания на морских или речных судах с главными двигателями внутреннего сгорания:

б) на звание судового механика 2 разряда – 24 месяца плавания с дипломом механика 3 разряда в должности механика на морских судах с механическими двигателями, причем не менее 6 мес. на морских судах свыше 200 индикаторных сил;

в) на звание судового механика 1 разряда – 24 мес. плавания с дипломом механика 2 разряда в должности механика на морских судах с главными механическими двигателями, при чем не менее 6 мес. на судах свыше 1000 инд. сил».

Примечания к этой статье были сохранены в прежней редакции.

В седьмых, ст. 19 получила такую редакцию:

«19. Порядок производства испытаний на звание судоводителей и судовых механиков, состав особых квалификационных комиссий и особой правительственной комиссии (п. «в» ст. 9), предметы, программы и правила испытаний устанавливаются Народным комиссариатом путей сообщения по соглашению с ЦК профессионального союза рабочих водного транспорта».

И, наконец, данное Положение было дополнено ст. 21, 22 и 23, которыми, во-первых, НКПС предоставлялось право повысить на один разряд в правах по управлению и уходу за главными машинами судов морского торгового флота СССР (без дальнейшего повышения в правах) лиц, не имеющих соответствующей теоретической подготовки, но обладающих дипломами механиков 3 разряда или свидетельствами механиков практиков 3 и 2 разрядов, выданными до издания этого постановления, и имеющих достаточный практический стаж (ст. 21).

Во-вторых, лицам, окончившим машинные школы рабоче-крестьянского красного флота со званием старших мотористов или машинных старшин паровых турбинных установок и имеющим соответствующий плавательный и практический стаж, НКПС выдавал свидетельства механиков-практиков 3 разряда. Порядок выдачи свидетельства этим лицам определялся правилами, издаваемыми НКПС.

Лицам, выдержавшим испытание на звание командира запаса РККФ по морской или механической специальности и имеющим соответствующий плавательный и практический стаж, НКПС выдавал дипломы: первым – на звание штурмана малого плавания, а вторым – на звание судового механика 3 разряда (ст. 22).

В-третьих, НКПС предоставлялось право в исключительных случаях, при отсутствии в данном порту для комплектования данного судна лиц соответствующей квалификации, допускать к занятию командных должностей лиц более низкой квалификации, имеющих судоводительские и судомеханические звания [9, с. 945–947].

Следует также указать, что ст. 9, 16 и 19 в новой редакции вводились в действие с 1 января 1931 г.

Очередное постановление СНК «Об изменении Постановления о судоводителях и судовых механиках морского торгового флота Союза ССР» было принято 26 августа 1931 г. Им были внесены такие изменения в постановление о судоводителях и судовых механиках морского торгового флота (приложение II к Кодексу торгового мореплавания Союза ССР – С. 3. СССР 1929 г. № 41, ст. 366, и 1930 г. № 49, ст. 519). В частности, предусматривалось, во-первых, изложить пункты «б» и «в» ст. 5 так:

[5. Судоводителям предоставляется]:

«б) штурману дальнего плавания: 1) командовать в дальнем плавании — грузовыми морскими судами не свыше 2.500 и пассажирскими не свыше 1.500 регистровых тонн валовой вместимости; командировать в малом плавании — всякими судами; 2) занимать должность помощника капитана на всех судах как в малом, так и в дальнем плавании;

в) капитану малого плавания: 1) командовать в малом плавании всякими судами, кроме пассажирских судов свыше 3.000 регистровых тонн валовой вместимости и ледоколов свыше 3.000 индикаторных сил; 2) занимать должность младшего помощника капитана на всех судах как в малом, так и в дальнем плавании».

Во-вторых, пункт «б» ст. 13 получил такую редакцию:

[13. Судовым механикам предоставляется]:

«б) механикам 2 разряда — самостоятельно управлять судовыми главными механизмами до 2.000 индикаторных сил включительно, а также занимать должность второго механика на всех судах как в малом, так и в дальнем плавании».

В-третьих, включалась новая ст. 24, которой предписывалось, с целью дать лучшим молодым специалистам морского транспорта возможность более быстрого продвижения на высшие должности, НКВТ получил право, в исключение из пп. 4 и 5 ст. 10 и пп. «б» и «в» ст. 17 выдавать дипломы на судоводительские звания и звания судовых механиков лицам, проявившим себя ценными работниками морского транспорта, если у них имелся указанный ниже плавательный или практический ценз:

а) для получения звания штурмана дальнего плавания — 12 месяцев плавания с дипломом штурмана малого плавания в должности помощника капитана, в том числе не менее 6 месяцев в дальнем плавании;

б) для получения звания капитана дальнего плавания — 12 месяцев плавания с дипломом штурмана дальнего плавания в должности помощника капитана, в том числе не менее 6 месяцев в дальнем плавании;

в) для получения звания судового механика 2 разряда — 12 месяцев плавания с дипломом механика 3 разряда в должности механика на морских судах с механическими двигателями, в том числе не менее 6 месяцев на морских судах свыше 200 индикаторных сил;

г) для получения звания судового механика 1 разряда — 12 месяцев плавания с дипломом механика 2 разряда в должности механика на морских судах с механическими двигателями, в том числе не менее 6 месяцев на судах свыше 1.000 индикаторных сил» (10, с. 658–659).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что установление профессиональных требований к судоводителям и механикам морского торгового флота СССР изначально базировалось на имперском опыте и законодательстве того же периода. В 1920–1930-х гг. были приняты и последовательно введены в действие уже советские требования следующими нормативными актами: Постановление СНК СССР от 2 августа 1924 г. «О судоводителях морского торгового флота, плавающего под флагом СССР»; Постановление СНК СССР от 2 августа 1924 г. «О судовых механиках морского торгового флота, плавающего под флагом СССР»; Приложение II к КТМ 1929 г.; Постановление от 23 сентября 1930 г. «Об изменении постановления о судоводителях и судовых механиках морского торгового флота Союза ССР» и Постановление СНК «Об изменении постановления о судоводителях и судовых механиках морского торгового флота Союза ССР» от 26 августа 1931 г. Последние два нормативных акта были продиктованы дефицитом указанных специалистов в стране, а потому вводили нормы, снижающие уровень профессиональной подготовки таковых.

Список использованных источников и литературы:

1. Полное собрание законов Российской империи. С 1649 года. Т. XXI. С 1781 по 1783. – СПб., 1830. – 1083 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXII. 1902 г. Отделение 1. – СПб, 1904. – 1030 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVIII. 1908 г. Отделение 1. – СПб, 1911. – 1008 с.
4. ГААРК, ф. 158, оп. 1, д. 67. Циркуляры и предписания Министерства и торговли о порядке посещения чинами порта судов, приходящих из-за границы, о вознаграждении семей потерпевших рабочих и служащих от несчастных случаев, об учете военнообязанных. 5.01.1909 – 11.01.1910 г. 294 л.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIX. 1909 г. Отделение 1. – СПб, 1912. – 1006 с.
6. Постановление СНК СССР от 2 августа 1924 г. о судоводителях морского торгового флота, плавающего под флагом СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2114.htm. (дата обращения: 03.04.2017).
7. Постановление СНК СССР от 2 августа 1924 г. о судовых механиках морского торгового флота, плавающего под флагом СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2113.htm. (дата обращения: 03.04.2017).

8. Кодекс Торгового мореплавания СССР 1929 г. Консультат плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17689> (дата обращения 20.08.2016).
9. Постановление от 23 сентября 1930 г. «Об изменении постановления о судоводителях и судовых механиках морского торгового флота Союза ССР». – Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год, стр. 945–947.
10. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1931 год, с. 658–659.

Gurina L. Settlement of requirements to navigators and mechanics of soviet mercantile fleet in 1920–1930. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 24–34.

The settlement of requirements to the navigators and mechanics of soviet mercantile fleet in 1920 - 1930 is in-process indicated that establishment of professional requirements to the navigators and mechanics of trade navy of the USSR was initially based on imperial experience and legislation of the same period. In 1920-1930th were accepted and soviet requirements are consistently put in an operation already by next normative acts: Decision of CHK of the USSR from Augusts, 2 1924 about the navigators of trade navy floating under the flag of the USSR; Decision of CHK СССР from Augusts, 2 1924 about the ship mechanics of trade navy floating under the flag of the USSR; Appendix of II to KTM 1929; decision from Septembers, 23 1930 "About the change of decision about navigators and ship mechanics of trade navy of Union of SSR" and decision of CHK "About the change of decision about navigators and ship mechanics of trade navy of Union of SSR" from August, 26 1931 Last two normative acts were dictated by the deficit of the indicated specialists in a country, and that is why entered norms reducing the level of professional preparation such.

Keywords: navigators, ship mechanics, professional requirements, Code of trade seagoing.

Spisok ispolzovannykh istochnikov i literaturyi:

11. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. S 1649 goda. T. XHI. S 1781 po 1783. – SPb., 1830. – 1083 s.
12. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie trete. T. XXII. 1902 g. Otdelenie 1. – SPb, 1904. – 1030 s.
13. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie trete. T. XXVIII. 1908 g. Otdelenie 1. – SPb, 1911. – 1008 s.
14. GAARK, f. 158, op.1, d. 67. Tsirkulyari i predpisaniya Ministerstva i trgovli o poryadke posescheniya chinami porta sudov, prihodyaschih iz-za granitsyi, o voznagrazhdenii semey poterpevshih rabochih i sluzhaschih ot neschastnykh sluchaev, ob uchete voennoobyazannykh. 5.01.1909 – 11.01.1910 g. 294 l.
15. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie trete. T. XXIII. 1909 g. Otdelenie 1. – SPb, 1912. – 1006 s.
16. Postanovlenie SNK SSSR ot 2 avgusta 1924 g. o sudovoditelyah morskogo torgovogo flota, plavayushego pod flagom SSSR. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2114.htm.
17. Postanovlenie SNK SSSR ot 2 avgusta 1924 g. o sudovyih mehanikah morskogo torgovogo flota, plavayushego pod flagom SSSR. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2113.htm.
18. Kodeks Torgovogo moreplavaniya SSSR 1929 g. Konsultat plyus. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=17689> data obrascheniya 20.08.2016.
19. Postanovlenie ot 23 sentyabrya 1930 g. «Ob izmenenii postanovleniya o sudovoditelyah i sudovyih mehanikah morskogo torgovogo flota Soyuz SSSR». – Sобрание законов i rasporyazheniy Raboche-Krestyanskogo Pravitelstva SSSR za 1930 god, str. 945-947.
20. Sобрание законов i rasporyazheniy Raboche-Krestyanskogo Pravitelstva SSSR za 1931 god, str. 658-659.

УДК 340.15:347.79

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССАРИАТОВ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ И ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ СССР

Коваль А. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье указано, что постановлением ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г. было принято Положение о Народном комиссариате путей сообщения СССР, на который возлагалось общее руководство и управление всем находящимся на территории или в ведении СССР железнодорожным и водным (морским и речным) транспортом. Среди основных задач НКПС, кроме прочего, было и заведывание торговыми портами, состоящими в его подчинении.

В составе НКПС было создано Центральное правление государственного торгового морского флота и другие органы. К местным органам НКПС были отнесены и управления морскими торговыми портами. При НКПС состояли также такие междуведомственные органы, как областные комитеты и совещания по портовым делам. На центральное управление морского транспорта возлагались эксплуатация, ремонт и развитие состоящих в ведении НКПС морских торговых портов и их устройств и осуществление надзора за деятельностью всего морского торгового флота СССР. Управления морскими торговыми портами ведали содержанием, ремонтом и развитием портов и портовых устройств, а также наблюдали за правильной их эксплуатацией.

Однако не только на НКПС было возложено руководство портами. Вторым таким органом в СССР стал Наркомвнешторг. Среди его задач также было и руководство деятельностью торговых портов, находящихся в его ведении (порты Ленинграда и Кронштадта).

Так была создана в СССР система управления не только всем наличным транспортом вообще и портов в частности, был сделан важный шаг в оформлении статуса торговых портов и определении их подчиненности. Однако разделение портов между ведомствами, а также наличие в отдельных портах еще и представителей военно-морских сил не могло положительно сказаться на их взаимодействии.

Ключевые слова: Народный комиссариат путей сообщения, Народный комиссариат внешней торговли, торговые порты, система управления.

Система управления морскими торговыми портами в нашей стране все еще является малоисследованной несмотря на то, что в различные периоды к изучению как системы управления, так и деятельности морских торговых портов обращались такие исследователи: Егоров А. Ю., Смоленцев В. Д. [1], Змерзлый Б. В. [2], Мамедов Р. М. [3], Иванов Г. Г. [4], Тарасов М. А. [5], В. В. Манжин [6], Жудро А. К. [7] др., кроме того, выходили сборники нормативных актов по данной тематике [8, 9].

Следует указать, что создание советской системы управления портами в начале 1920-х гг. позволило вплотную заняться регулированием этой важнейшей отрасли хозяйства страны, которая к тому же требовала значительных капиталовложений. В первую очередь необходимо было определиться с установлением штатов служащих для различных портов. Так, к примеру, с начала очередного бюджетного года, т. е. с 1 октября 1922 г., управление порта Евпатории руководствовалось штатами, утвержденными заместителем ОНМОП по портам Крыма. По этому штату были

предусмотрены: 1) Административная часть; 2) Финансовая часть; 3) Часть наружной службы; 4) Часть связи; 5) Врачебная часть; 6) Плавучие средства порта.

Всего по этому штату насчитывалось 45 должностей. Управление работ порта было выделено в самостоятельную единицу, число служащих – 13 чел.

С 15 января 1923 г. были проведены в жизнь штаты, утвержденные ЦН 26 декабря 1922 г. приказом по НКПС за № 3119 [10, с. 24].

По этому штату управление порта Евпатории состояло из следующих частей: начальник порта – 1; помощник начальника порта по техническо-административной части – 1; 1) часть общая; 2) часть административная; 3) часть счетная; 4) часть строительная; 5) часть материальная; 6) гиместанция; 7) портоохрана. Положенные по штату части мвязи и электротехники и механико-судовая, в штат порта не вводились за их ненужностью, а их обязанности были возложены на строительную часть.

Всего по твердому штату было 22 человека, без гиместанции и портоохраны. Кроме того, Цумором были утверждены штаты специальных служб, предварительно рассмотренные местным совещанием по портовым делам 17 января 1923 г. (протокол № 1).

Штат этот был следующий: береговых матросов – 6, матросов-гребцов – 2; уборщиков портовой территории – 1 (всего – 9).

На плавающих средствах порта: старшина катера – 1, моторист – 1, матрос – 1 (всего 3); в мастерской: слесарь – 1, кузнец – 1, плотник – 1 (всего 3). Портоохрана состояла из: старшего агента – 1, младших агентов – 9 (всего 10). Гиместанция: заведующий – 1, наблюдатель – 1, служитель – 1 (всего 3). Итого по штату порта Евпатории полагалось 50 чел. [10, с. 25].

Следует также указать, что штаты портов в этот период определялись их разрядом.

Таблица № 1. Штаты управлений торговых портов

Должность	порт 1 разр.	порт 2 разр.	порт 3 разр.
Начальник порта	1	1	1
Пом. нач. порта по админ. отрасли	1	1	1
Пом. нач. порта по тех/хоз отрасли	1	1	
Секретарь	1	1	
<u>Часть общая</u>			
Начальник части	1	1	1
Делопроизводитель	2	1	1
Конторщик			
Машинистки	2	1	1
Рассыльные	5	3	1
<u>Часть административная</u>			
Капитан порта (нач. части)	1	1	1
Пом. нач. части	1		
Делопроизводитель	2	1	1
Конторщик			
Переводчик	1		
Машинистка	1	1	
Портов. надзир. старший	2	1	1
Портов. надзир. младший	3	1	
Портовые боцманы	3	2	1

Портовые матросы старшие	6	3	1
Портовые матросы младшие	12	6	2
Врач			
<u>Часть счетная</u>			
Начальник части	1	1	1
Счетовод старший	1	1	1
Счетовод младший	2	1	
Конторщик			
Машинистка	1	2	
Кассир-артельщик	2	2	1
<u>Часть строительная</u>			
Начальник части	1	1	1
Производитель работ	4	2	1
Техник	3	1	1
Делопроизводитель	1	1	
Конторщик			
Машинистки	1	1	1
<u>Часть механико-судовая</u>			
Начальник части	1	1	2
Инженеры для тех. занятий	2	1	
Техник	2	1	1
Делопроизводитель	1	1	1
Конторщик			
Машинистки	1	1	1
<u>Часть связи и электротехники</u>			
Начальник части	1	1	1
Техник	1	1	1
Делопроизводитель	1	1	
Конторщик			
Машинистки	1	1	
<u>Часть материальная</u>			
Начальник части	1	1	1
Делопроизводитель	1	1	
Счетовод	2	1	1
Конторщик			
Агент для поручений	1	1	1
Машинистки	1	1	
Заведующий складом	2	1	1
Кладовщик	1	1	
Раздатчик	1	1	1
<u>Штаты морagenств в торговых портах</u>			
Агент	1	1	1
Помощник агента	1	1	
Делопроизв. (корреспондент)	2	1	
Бухгалтер			
Счетовод	1	1	
Таксировщик	2	1	
Кассир-артельщик	1	1	1
Старший приемщик	2	1	1

Приемщик	3	2	1
Весовщик	2	2	
<u>Штат центрального гидро-метеорологического бюро ЦУМОРа</u>			
Заведующий центральным бюро	1		
Помощник заведующего			
Метеоролог-гидролог	1		
Секретарь	2		
Вычислители	1		
Техник	3		
Чертежник	1		
Курьер	1		
Прим.			
<u>Штат центральной гидро-метеорологической станции</u>			
Заведующий станцией	1		
Инструктор	2		
Делопроизводитель	1		
Вычислитель	4		
Механик	1		
Помощник механика	1		
Сторожи	2		
<u>Типолиитография при Феодосийской центральной станции</u>			
Типограф	1		
Печатники	2		
Литограф	1		
<u>Штат гиместанции 1 разряда</u>			
Старший наблюдатель	1		
Наблюдатель	1		
Сторож	1		
<u>Штат гиместанции 2 разряда</u>			
Наблюдатель	2		
Сторож	1		
<u>Штат гиместанции 3 разряда</u>			
Наблюдатель	1		
Сторож	1		

Штаты мастерских механико-судовой части определялись их числом и разрядом.

Штаты пожарной команды, артелей по уборке портовой территории, сторожей при складах, зданиях, сооружениях и пром. ремонтных мастерских, агентов телеграфной станции, судовых команд и других специальных служб (к части материальной) составлялись для каждого порта отдельно по действительной потребности. Штаты охраны портов составлялись согласно приказу НКПС от 16 декабря № 1268.

Штаты пакгаузных также устанавливались по нормам действительной надобности и проводились в сметном порядке.

В тех портах, где были расположены гиместанции, они входили в состав управления портов на правах части со следующим штатом. В портах, где находились гиместанция одного из 3 разрядов, на которые они делились, последние входили в состав портовых управлений на правах делопроизводства в строительной части [11, л. 19–20 об.].

С образованием СССР и принятием его конституции резко изменились взаимоотношения между советскими республиками, органы их власти и компетенция. Создавались новые, общесоюзные наркоматы и ведомства. Так постановлением ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г. было принято Положение о Народном комиссариате путей сообщения СССР (далее – НКПС). На НКПС возлагалось: общее руководство и управление всем находящимся на территории или в ведении СССР железнодорожным и водным (морским и речным) транспортом, шоссейными и грунтовыми дорогами общегосударственного и стратегического значения, а также общий надзор за всеми видами транспорта (п. 2).

Основными задачами НКПС являлись:

а) обслуживание СССР железнодорожным и водным транспортом в соответствии с политическими, экономическими и хозяйственными интересами и нуждами, а также с требованиями обороны СССР;

б) руководство в пределах действующих узаконений деятельностью государственных морских и речных пароходств;

в) заведывание торговыми портами, состоящими в ведении НКПС;

г) содержание железнодорожных путей сообщения, их принадлежностей и подвижного состава, а также водных путей, шоссейных и грунтовых дорог общесоюзного и стратегического значения в состоянии, обеспечивающем безопасность и непрерывность движения по означенным путям;

д) развитие и усиление путей сообщения, находящихся в ведении НКПС, в соответствии с общим планом развития и потребностями народного хозяйства, а также усовершенствование как самих путей сообщения, так и методов их эксплуатации и работы на научных основаниях; регулирование вопросов, связанных с технической эксплуатацией всех видов путей сообщения;

е) техническое регулирование сооружений железнодорожных, шоссейных, грунтовых и водных путей сообщения общесоюзного и стратегического значения, а также регулирование судостроения;

ж) надзор за техническим состоянием всех видов транспорта;

з) разработка и проведение транспортного плана как части общесоюзного плана; регулирование выполнения перевозок по путям сообщения СССР (п. 3).

Для осуществления указанных выше задач НКПС предоставлялось право:

а) издавать на основании соответствующих законов правила и распоряжения, регулирующие выполнение перевозок и отношения между транспортом, с одной стороны, и учреждениями, организациями и лицами, пользующимися услугами транспорта, с другой стороны;

б) разрабатывать и проводить в установленном порядке тарифы на перевозку пассажиров и грузов в железнодорожном и прямом железнодорожно-водном сообщениях, размеры сборов, связанных с выполнением перевозок, а также нормы оплаты услуг, оказываемых органами транспорта вне договора перевозки;

в) издавать правила и инструкции, регулирующие техническую сторону сооружения и эксплуатации железнодорожных, шоссейных, грунтовых и водных путей сообщения как общего пользования, так и прочих, а также обеспечивающие сохранность путей сообщения, безопасность и порядок пользования ими; привлекать к законной ответственности за нарушение вышеуказанных правил и инструкций; издавать обязательные постановления по предметам, предусмотренным настоящим пунктом, с наложением денежных штрафов за их нарушение, согласно особого о том постановления СНК;

г) делать распоряжения и принимать меры, регулирующие выполнение массовых перевозок и распределение необходимых для них перевозочных средств;

д) организовывать с соблюдением действующих узаконений тресты и акционерные общества, связанные с деятельностью путей сообщения, вкладывая в них денежные капиталы и прочее имущество;

е) устанавливать в пределах утвержденного бюджета по соглашению с Наркомфином порядок расходования поступающих в распоряжение НКПС денежных средств и материальных ресурсов, а также порядок отчетности и контроля за таким расходованием;

ж) кредитоваться в государственных и в других кредитных учреждениях, выдавая векселя и другие обязательства, и оказывать кредит клиентам транспорта на устанавливаемых НКПС основаниях;

з) организовывать подсобные предприятия, складочные, экспедиционные, торговые и комиссионные и другие операции, связанные с деятельностью транспорта, в пределах особых о том постановлений, издаваемых в законодательном порядке;

и) производить хозяйственным способом разработку и заготовку материалов, необходимых для транспорта, организуя для этого вспомогательные предприятия;

к) переводить в установленном порядке отдельные хозяйственные органы транспорта на хозяйственный расчет, выделяя для них основной и оборотный капиталы;

л) созывать съезды и совещания как ведомственные, так и с участием представителей других ведомств и представителей других отраслей народного хозяйства по вопросам, связанным с деятельностью транспорта, а также принимать участие в таких съездах и совещаниях, созываемых другими ведомствами (п. 4).

Для исполнения всех этих прав и обязанностей в состав НКПС входили: а) народный комиссар путей сообщения и коллегия при нем; б) центральное управление железнодорожного транспорта; в) центральное управление морского транспорта; г) центральное управление внутреннего водного транспорта; д) управление шоссейных и грунтовых дорог; е) Центральное административное управление; ж) центральное бюро труда; з) отдел статистики и картографии; и) плановая комиссия по транспорту (Трансплан); к) научно-технический комитет; л) постоянное совещание по надзору и оценке работ железнодорожного, водного и местного транспорта; м) особое совещание по научной организации работ на транспорте; н) бюро правлений железных дорог; о) бюро правлений государственных речных пароходств; п) центральное правление государственного торгового морского флота (п. 5).

Также НКПС имел своих уполномоченных при СНК союзных республик, назначение и отзыв которых, а также права и обязанности определялись специальным положением, утверждаемым СНК СССР, на основании общего положения о народных комиссариатах СССР (п. 6).

Местные органы НКПС составляли: а) округа путей сообщения; б) правления железных дорог; в) управления железных дорог; г) правления государственных морских пароходств; д) управления морскими торговыми портами; е) правления государственных речных пароходств; ж) управления внутренних водных путей; з) окружные управления шоссейных и грунтовых дорог (п. 7).

При НКПС состояли также такие центральные и местные межведомственные органы: а) тарифный комитет; б) финансово-контрольный комитет; в) центральный комитет по перевозкам; г) центральный комитет по портовым делам; д) общесоюзный регистр; е) окружные комитеты по перевозкам и местные бюро по перевозкам; ж) областные комитеты и совещания по портовым делам (п. 8).

Положения об органах НКПС (ст. 5, 7 и 8) утверждались в таком порядке:

а) об общесоюзном регистре, тарифном комитете, финансово-контрольном комитете, центральном комитете по перевозкам и центральном и областных комитетах и совещаниях по портовым делам, окружных комитетах по перевозкам и местных бюро по перевозкам, правлениях железных дорог, центральном правлении государственного торгового морского флота, правлениях государственных морских и речных пароходств и управлениях морскими торговыми портами – СТО;

б) о плановой комиссии – НКПС и председателем государственной общеплановой комиссии;

в) о прочих органах – НКПС (п. 9).

Комиссар путей сообщения назначал своих уполномоченных в отдельные местные органы транспорта (ст. 5 и 7 Положения) для руководства работой по управлению и заведыванию отдельными транспортными единицами и органами путей сообщения (п. 10).

Должность уполномоченного при СНК союзной республики и должность уполномоченного в местных органах транспорта (ст. 10 Положения) могли быть (в соответствии со ст. 6 положения) совмещаемы в одном лице (п. 11).

Уполномоченные комиссара путей сообщения (ст. 10) действовали по его директивам, причем порядок осуществления прав и выполнения обязанностей уполномоченными, а также взаимоотношения их с должностными лицами на путях

сообщения определялись ближайшим образом инструкциями, утверждаемыми комиссаром путей сообщения. Взаимоотношения же уполномоченных НКПС (ст. 8) с уполномоченными НКПС при СНК союзных республик определялись в порядке, указанном в ст. 6 положения (п. 12).

Круг ведения органов НКПС устанавливался следующий. НКПС через органы, входящие в его состав, осуществлял следующий круг ведения:

а) центральное управление железнодорожного транспорта регулировало эксплуатацию, ремонт и развитие железнодорожных путей и средств сообщения;

б) центральное управление морского транспорта ведало эксплуатацией, ремонтом и развитием состоящих в ведении НКПС морских торговых портов и портовых устройств и осуществляло надзор за деятельностью всего морского торгового флота, плавающего под флагом СССР;

в) центральное управление внутреннего водного транспорта регулировало внутреннюю эксплуатацию, ремонт и развитие внутренних водных путей сообщения, а равно речного и озерного судостроения, руководило в пределах действующих узаконений деятельностью государственных речных пароходств и осуществляло надзор за деятельностью торгового флота на внутренних водных путях;

г) управление шоссейных и грунтовых дорог регулировало ремонт и развитие шоссейных и грунтовых дорог общесоюзного и стратегического значения, а также осуществляло общий надзор за состоянием остальных шоссейных и грунтовых путей на территории СССР;

д) административное управление ведало общими вопросами административного и юридического характера, учетом и распределением рабочей силы, вопросами охраны на путях сообщения, хозяйством НКПС как учреждения и техническим аппаратом, обслуживающим народного комиссара, его заместителя и коллегия;

е) центральное бюро труда ведало вопросами поднятия производительности труда и улучшения быта работников транспорта, а также выяснением потребного фонда заработной платы, целесообразным его распределением и наблюдением за своевременной выплатой заработной платы;

ж) отдел статистики и картографии руководил статистической работой и научной разработкой статистических материалов, относящихся к путям сообщения, на основе общих правил о государственной статистике;

з) плановая комиссия по транспорту (Трансплан) разрабатывала транспортный план как часть общесоюзного хозяйственного плана с точки зрения организационной, технической, финансово-экономической и хозяйственной;

и) научно-технический комитет разрабатывал с научно-технической стороны вопросы техники, транспорта и эксплуатации путей сообщения и рассматривал изобретения, касающиеся транспорта;

к) постоянное совещание по надзору и оценке работ железнодорожного, внутреннего водного и местного (шоссейно-грунтового) транспорта ведало разработкой вопросов по надзору и оценке состояния и работы отдельных органов железнодорожного, внутреннего водного и местного транспорта в целях общего регулирования методов их деятельности и организации;

л) особое совещание по научной организации работ на транспорте ведало разработкой вопросов организации труда на научных основаниях;

м) бюро правлений железных дорог и бюро правлений государственных речных пароходств образовывались с целью выявления запросов и нужд отдельных транспортных единиц, согласования их интересов и деятельности;

н) центральное правление государственного морского торгового флота руководило в пределах действующих узаконений деятельностью государственных морских пароходств и согласовывало их работу (п. 13).

В тоже время местные органы НКПС имели следующий круг ведения:

А) в целях объединения и направления деятельности путей сообщения на местах, для осуществления над ними надзора и контроля местные управления путей сообщения, оставаясь самостоятельными оперативными органами, могли быть объединяемы в округа путей сообщения, образование и упразднение которых предоставлялось НКПС.

Район округа, состав входящих в него путей сообщения, его организации и отношение к НКПС, а также к местным органам путей сообщения определялись НКПС в утверждаемом им Положении об округах путей сообщения.

Б) На правления и управления железных дорог возлагалось непосредственное заведывание и управление отдельными железными дорогами. На тех железных дорогах, на которых были организованы правления, управление дороги, являясь исполнительным органом правления, выполняло функции, возлагаемые на него Положением о правлениях железных дорог. Распределение рельсовых путей между отдельными дорогами устанавливалось НКПС.

В) Правления государственных морских и речных пароходств, действуя на началах коммерческого расчета, осуществляли эксплуатацию транспортных средств водного (морского и речного) транспорта. Правления государственных пароходств действовали на основе уставов, утверждаемых для каждого из них в отдельности в установленном порядке.

Г) Управления морскими торговыми портами ведали содержанием, ремонтом и развитием портов и портовых устройств, а также наблюдали за правильной их эксплуатацией.

Д) Управления внутренних водных путей ведали содержанием, ремонтом и развитием внутренних водных путей, обстановкой на них и наблюдали за правильной эксплуатацией их в техническом отношении, а также за техническим состоянием речного и озерного флота. Распределение внутренних водных путей между отдельными управлениями устанавливалось НКПС.

У) Окружные управления шоссейных и грунтовых дорог ведали содержанием и ремонтом шоссейных и грунтовых дорог общесоюзного и стратегического значения, а также осуществляли общий надзор за содержанием прочих шоссейных и грунтовых путей, пролегающих в районе окружного управления (п. 14). Район деятельности окружного управления устанавливался НКПС.

Междуведомственные органы, состоящие при НКПС, получили такой круг ведения:

А) Тарифный комитет ведал рассмотрением и разрешением в пределах установленных законом для всей территории СССР дел, касающихся установления тарифов железнодорожного и внутреннего водного транспорта, изменения, дополнения, отмены и разъяснения, а равно осуществлял общее руководство тарифным делом на транспорте и разрешал связанные с ним вопросы;

Б) Финансово-контрольный комитет ведал рассмотрением финансово-хозяйственных вопросов по транспорту;

В) Центральный комитет по перевозкам ведал вопросами и мероприятиями, связанными с полным и планомерным использованием провозоспособности всех путей сообщения СССР, согласованием и утверждением общих планов перевозок по СССР, согласованием перевозок в смешанных железнодорожно-водных сообщениях; наблюдал за выполнением планов перевозок; объединял и направлял деятельность местных органов по регулированию транспорта;

Г) Центральный комитет, областные комитеты и совещания по портовым делам объединяли действия ведомств по отношению полного и планомерного использования пропускной способности морских торговых портов, рассматривали и разрешали в установленном порядке вопросы, касающиеся их эксплуатации и оборудования;

Д) Общесоюзный регистр ведал регистрацией, классификацией и надзором за техническим состоянием торговых судов, плавающих под флагом СССР;

У) окружные комитеты по перевозкам и местные бюро по перевозкам ведали планировкой и регулированием на местах перевозок по путям сообщения своего района, выяснением и всевозможным удовлетворением нужд последнего в области транспорта и согласованием в области перевозок интересов путей сообщения с интересами всех пользующихся их услугами (п. 16).

Для предварительного рассмотрения и разрешения в пределах, установленных НКПС, вопросов, связанных с деятельностью транспорта, могли созываться на основе представительства от органов транспорта съезды: а) тарифные; б) конвенционные; в) по разбору претензий; г) технические совещательные по отдельным отраслям транспортного дела (п. 16). Положения о съездах утверждались НКПС. Съезды тарифные, конвенционные и по разбору претензий созывались периодически в сроки, указанные в положениях о них, а технические совещательные – по мере необходимости, по распоряжению НКПС (п. 17).

Несмотря на кажущуюся полноту положения о НКПС СССР, 12 ноября 1923 г. было принято постановление ЦИК СССР о дополнении положения о нем. Им предписывалось, во-первых, временно сохранить в составе НКПС: а) политический секретариат, ведающий политическим надзором на путях сообщения; б) отдел транспортного профессионально-технического образования (Учтранпрофобр), ведающий подготовкой квалифицированных технических работников транспорта.

Во-вторых, СНК СССР предоставлялось право окончательно разрешить вопрос о дальнейшем существовании вышеупомянутых органов [12]. Забегая несколько вперед, отметим, что Учтранпрофобр был сохранен в НКПС.

В этот же день, 12 ноября 1923 г., ЦИК СССР утвердил положение «О Народном комиссариате внешней торговли Союза Советских Социалистических Республик» (Наркомвнештог). В его главе II «Задачи народного комиссариата внешней торговли» также указывалось: «к) руководство деятельностью торговых портов, находящихся в ведении Народного Комиссариата Внешней Торговли СССР». Кроме того, на НКВТ по транспортному управлению возлагалось:

а) разработка вопросов о всех необходимых для обеспечения интересов внешней торговли мероприятиях в области морского, речного, железнодорожного и

воздушного транспорта, страхования, складочных и варрантных операций и согласования их с подлежащими органами;

б) руководство деятельностью торговых портов, находящихся в ведении НКВТ [13].

Таким образом, с принятием рассмотренных выше документов была создана единая для всего СССР система управления не только всем наличным транспортом вообще и портов в частности, но и был сделан важный шаг в оформлении статуса торговых портов и определении их подчиненности. С другой стороны, разделение же портов между ведомствами НКПС и НКВТ, а также наличие в отдельных портах еще и представителей военно-морского ведомства не могло положительно сказаться на их взаимодействии, когда некоторые элементарные вопросы приходилось согласовывать через центральные ведомства, что значительно усложняло и удлиняло процесс принятия решений.

25 марта 1925 г. СТО СССР было принято Постановление об утверждении положения о тарифном комитете при НКПС. Им, кроме введения указанного положения в действие, отменялись постановление СТО РСФСР от 11 августа 1922 г. о транспортных тарифах и об учреждениях по тарифным делам, Постановления СТО РСФСР от 10 января 1923 г. «О дополнении ст. 18 постановления о транспортных тарифах и учреждениях по тарифным делам и СТО СССР», от 16 августа 1923 г. об изменении ст. 14 того же постановления, от 9 мая 1923 г. «О включении в состав Тарифного Комитета представителя Наркомзема», от 9 апреля 1924 г. «О включении в состав Тарифного Комитета представителя центрального статистического управления с совещательным голосом», от 11 июня 1924 г. «О праве представителей особой полномочной комиссии СТО по развитию и восстановлению хлебной торговли и НКВТ заменять друг друга в Тарифном Комитете» и от 2 сентября 1924 г. «О составе Тарифного Комитета» [14].

9 мая 1924 г. декретом ЦИК и СНК СССР было принято «Временное Положение о народном комиссариате по внутренней торговле Союза С.С.Р.» (Наркомвнуторг). Однако этому органу никакой власти над торговыми портами не досталось [15]. Тем не менее 18 ноября 1925 г. путем объединения Наркомвнешторга с Наркомвнуторгом был создан Народный комиссариат внешней и внутренней торговли СССР. Деятельность этого наркомата продлилась 5 лет, и уже 22 ноября 1930 г. Наркомат внешней и внутренней торговли был реорганизован: из него был выделен Наркомат внешней торговли СССР и Наркомат снабжения СССР.

В завершение рассмотрения вопроса об организации НКПС и его роли в управлении торговых портов следует указать, что положение о нем, как и сам данный орган, уже в ближайшие годы от создания подвергался реформированию и дополнениям. Так, в декабре 1926 г. было принято постановление ЦИК и СНК СССР «Дополнение положения о Народном комиссариате путей сообщения». Согласно этому постановлению, в положение о НКПС внесли такие дополнения: 1). ст. 5 дополнили п. «т» следующего содержания: «т» (Центральный Редакционно-Издательский Совет». 2) п. 13 дополнили пунктом «р» следующего содержания: «р») Центральный Редакционно-Издательский Совет руководит всей издательской деятельностью НКПС [16, л. 1].

Тогда же, в декабре 1926 г., вышло еще одно Постановление ЦИК и СНК «Об изменении Положения о НКПС, в связи с образованием Центрального управления

внутренних водных путей и Центрального правления государственных речных пароходств» [16, л. 1, об.].

Наиболее же важным для нормальной работы как самого НКПС, так и подчиненным ему структур стало принятие Постановления ЦИК и СНК СССР 30 мая 1928 г. «О порядке издания Народным комиссариатом путей сообщения обязательных постановлений и о наложении за нарушение их взысканий в административном порядке». Данным документом НКПС и с его разрешения уполномоченные НКПС при СНК союзных республик, а также начальники морских торговых портов получили право издавать обязательные постановления по таким вопросам:

- а) охраны порядка и безопасности движения;
- б) охраны имущества транспорта;
- в) предупреждения и пресечения случаев незаконного использования транспорта;
- г) проведения санитарных и противопожарных мероприятий.

Действие этих обязательных постановлений распространялось на пути сообщения и морские торговые порты, находящиеся в ведении НКПС, и вообще на земли, предоставленные транспорту, с теми изъятиями, которые могли быть установлены соглашением НКПС с НКВД подлежащих союзных республик (ст. 1).

Не менее чем за две недели до введения их в действие обязательные постановления НКПС следовало объявить в районе их действия во всеобщее сведение способом, наиболее обеспечивающим для населения возможность ознакомиться с ними. В обязательном постановлении нужно было указать и срок введения его в действие (ст. 2).

При этом обязательные постановления могли издаваться на срок не более одного года. По истечении этого срока они могли быть переизданы с соблюдением правил ст. 2. (ст. 3).

За нарушение обязательных постановлений органы НКПС и должностные лица, указанные в постановлении, получили право налагать штраф в размере не свыше предусмотренного в постановлении, который, однако, не должен был превышать 100 руб. При этом нарушение обязательных постановлений НКПС должностными лицами НКПС при исполнении ими служебных обязанностей преследовалось не в порядке, установленном обязательным постановлением, а в дисциплинарном порядке.

О нарушении военнотружущим, состоящим в рядах РККА, обязательного постановления НКПС сообщалось подлежащему войсковому начальнику. Последний и принимал необходимые меры дисциплинарного воздействия по правилам дисциплинарного устава РККА, уведомляя о наложении взыскания орган транспорта, сообщивший о нарушении обязательного постановления (ст. 4).

Постановление о наложении взыскания могло быть вынесено не позднее месячного срока со дня совершения нарушения, а по истечении же указанного срока дело подлежало прекращению (ст. 5).

Постановление о наложении штрафа, за исключением тех случаев, когда нарушитель уплатил штраф на месте нарушения, следовало изложить в письменной форме, копия его вручалась лицу, на которое взыскание и было наложено (ст. 6).

Постановление о наложении штрафа могло быть обжаловано подвергшимся взысканию в течение двух недель со дня получения копии этого постановления,

однако подача жалобы не приостанавливала приведения в исполнение постановления. Порядок обжалования постановлений о наложении штрафа следовало указывать в самом обязательном постановлении (ст. 8) [17].

Подводя итог данной части исследования, можно указать, что постановлением ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г. было принято «Положение о Народном Комиссариате Путей Сообщения СССР». На данный комиссариат возлагалось общее руководство и управление всем находящимся на территории или в ведении СССР железнодорожным и водным (морским и речным) транспортом. Среди основных задач НКПС, кроме прочего, было и заведывание торговыми портами, состоящими в его ведении.

Для исполнения всех этих прав и обязанностей в составе НКПС было создано центральное правление государственного торгового морского флота и другие органы. К местным органам НКПС были отнесены и управления морскими торговыми портами. При НКПС состояли также такие центральные и местные междуведомственные органы, как областные комитеты и совещания по портовым делам.

На центральное управление морского транспорта возлагалась эксплуатация, ремонт и развитие состоящих в ведении НКПС морских торговых портов и портовых устройств и осуществление надзора за деятельностью всего морского торгового флота, плавающего под флагом СССР. Управления морскими торговыми портами ведали содержанием, ремонтом и развитием портов и портовых устройств, а также наблюдали за правильной их эксплуатацией.

На центральный комитет, областные комитеты и совещания по портовым делам возлагалось объединение действий ведомств в отношении полного и планомерного использования пропускной способности морских торговых портов, рассмотрение и разрешение в установленном порядке вопросов, касающихся их эксплуатации и оборудования.

Однако не только на НКПС было возложено руководство портами. Вторым таким органом в СССР стал Наркомвнешторг. Среди его задач также было и руководство деятельностью торговых портов, находящихся в его ведении (порты Ленинграда и Кронштадта), что более конкретно было возложено на его транспортное управление.

С принятием вышерассмотренных документов была создана единая для всего СССР система управления не только всем наличным транспортом вообще и портов в частности, но и был сделан важный шаг в оформлении статуса торговых портов и определении их подчиненности. С другой стороны, разделение портов между ведомствами НКПС и НКВТ, а также наличие в отдельных портах еще и представителей военно-морского ведомства не могло положительно сказаться на их взаимодействии, когда некоторые элементарные вопросы приходилось согласовывать через центральные ведомства, что значительно усложняло и удлиняло процесс принятия решений.

Список использованных источников и литературы:

1. Егоров А. Ю., Смоленцев В. Д. Херсон – первый порт на Черном море: Исторические хроники 1778–2008 годов. – Херсон: Наддніпряночка, 2008. – 230 с.

2. Змерзлый Б. В. Правовое регулирование торгового судоходства в Черноморско-Азовском регионе в конце XVIII – начале XX в. / Б. В. Змерзлый. – Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 512 с.
3. Мамедов Р. М. Об обычаях морских торговых портов / Морское право. – 2004. – № 2.
4. Иванов Г. Г. Правовой режим морских портов. – М.: Трансиздат, 1971. – 80 с.
5. Тарасов М. А. Очерки транспортного права. – М.: И-во Министерства речного флота СССР, 1951. – С. 17.
6. Сборник законов и распоряжений по торговому мореплаванию и портам. Составил В. В. Манжин. – М.: Водный транспорт, 1940.
7. Жудро А. К. Правовое регулирование деятельности морских торговых портов в СССР. – М.: Мортранспорт, 1971. – 80 с.
8. Сборник законов и распоряжений по торговому мореплаванию и портам. НКПС. Центральное управление морским транспортом. – М.: Транспечать, НКПС, 1928. – 380 с.
9. Нормативные документы по морскому праву. – М.: Трансиздат, 1965. – 231 с.
10. Отчет о деятельности Евпаторийского Морского Порта за 1922–1923 бюджетный год. – Евпатория: Крымполиграфтрест, 1924. – 47 с.
11. ГААРК, ф. р-1584, оп. 2, д. 16. Циркуляры и переписка с морским и НКПС. 20.06.1922–2.12.1922. 119 л.
12. Постановление ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г. «Положение о Народном комиссариате путей сообщения СССР». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38761#0> (дата обращения: 21.03.2017.).
13. Постановление ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г., «Положение о Народном Комиссариате Внешней Торговли Союза Советских Социалистических Республик». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18383#0> (дата обращения 21.03.2017).
14. Постановление СТО СССР 25 марта 1925 г. «Об утверждении положения о тарифном комитете при НКПС». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2396.htm. (дата обращения 22.03.2017).
15. Декрет ЦИК и СНК СССР 9 мая 1924 г. «Временное Положение о Народном Комиссариате по Внутренней Торговле Союза С.С.Р.». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2016.htm. (дата обращения: 21.03.2017).
16. Государственный архив Одесской области, Р-1965, оп. 6, д. 78. Печатные материалы, информационные письма Совета Правления транспорта СССР и бюллетени внутренней информации. 1927.
17. Постановление ЦИК и СНК СССР 30 мая 1928 г. «О порядке издания народным комиссариатом путей сообщения обязательных постановлений и о наложении за нарушение их взысканий в административном порядке». – Собрание законов СССР за 1928 г. № 36, ст. 325.

Koval A. Legal frameworks of creation and activity of комиссариатов ways of report and foreign trade the USSR // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 35–49.

In the article are indicated that by the decision of CIK the USSR over November, 12 1923 "Statute was taken about Folk Commissariat of Ways of Report of the USSR" on that common guidance and management was laid by all being on territory or in a conduct the USSR by a railway and water (marine and river) transport. Among the basic tasks of FCWR except other, it was and management trade ports consisting of his conduct. In composition FCWR the central rule of state mercantile marine fleet and other organs was created. To the local organs FCWR were taken and managements by marine trade ports. At FCWR there were also such interdepartmental organs as regional committees and conferences on port businesses. On the central management of marine transport exploitation, repair and development of being in a conduct FCWR of marine trade ports and their devices and realization of supervision after activity of all trade navy of the USSR, was laid. Managements knew marine trade ports by maintenance, repair and development of ports and port devices, and also watched their correct exploitation. However, not only on FCWR guidance was laid by ports. Commissariat of foreign trade became such second organ in the USSR. Among his tasks also it was and guidance by activity of trade ports being in his conduct (ports of Leningrad and Kronshadt).

It was so created in the USSR control system by not only all available transport in general and ports in particular but also an important step was done in registration of status of trade ports and determination of their

subordination. However, division of ports between departments, and also presence in separate ports yet and representatives of naval forces could not positively affect on their co-operation.

Keywords: Folk Комисариат of Ways of Report, Folk Commissariat of Foreign Trade, trade ports, control system.

Spisok ispolzovannykh istochnikov i literaturyi:

1. Egorov A. Yu., Smolentsev V. D. Herson – pervyy port na Chernom more: Istoricheskie hroniki 1778–2008 godov. – Herson: Naddniprovanochka, 2008. – 230 s.
2. Zmerzlyiy B.V. Pravovoe regulirovanie torgovogo sudohodstva v Chernomorsko-Azovskom regione v kontse XVIII – nachale HH v. / B.V. Zmerzlyiy. – Simferopol: ChP «Predpriyatie Feniks», 2014. – 512 s.
3. Mamedov R. M. Ob obyichayah morskikh torgovykh portov / Morskoe pravo. – 2004. – № 2.
4. Ivanov Georgiy Georgievich. Pravovoy rezhim morskikh portov. – M., «Transizdat», 1971. – 80 s.
5. M. A. Tarasov. Ocherki transportnogo prava. – M.: i-vo Ministerstva rechnogo flota SSSR, 1951. – s. 17.
6. Sbornik zakonov i rasporyazheniy po torgovomu moreplavaniyu i portam. Sostavil V. V. Manzhin. – M.: Vodnyy transport, 1940.
7. Zhudro Andrey Konstantinovich. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti morskikh torgovykh portov v SSSR. – M.: Mortransport, 1971. – 80 s.
8. Sbornik zakonov i rasporyazheniy po torgovomu moreplavaniyu i portam. NKPS. Tsentralnoe upravlenie morskim transportom. – M.: Transpechat, NKPS, 1928. – 380 s.
9. Normativnyye dokumenty po morskomu pravu. – M.: Transizdat, 1965. – 231 s.
10. Otchet o deyatel'nosti Evpatoriyskogo Morskogo Porta za 1922-1923 byudzhetyy god. – Evpatoriya, Krympoligrafitrest, 1924. – 47 s.
11. GAARK, f. r-1584, op. 2, d. 16. Tsirkulyary i perepiska s morskim i NKPS. 20.06.1922-2.12.1922 g. 119 l.
12. Postanovlenie TsIK SSSR ot 12 noyabrya 1923 g. «Polozhenie o Narodnom Komissariate Putey Soobscheniya SSSR». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38761#0> (дата обращения 21.03.2017 г.).
13. Postanovlenie TsIK SSSR ot 12 noyabrya 1923 g., «Polozhenie o Narodnom Komissariate Vneshney Torgovli Soyuzha Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18383#0> (дата обращения 21.03.2017 г.).
14. Postanovlenie STO SSSR 25 marta 1925 g. «ob utverzhenii polozheniya o tarifnom komitete pri NKPS». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2396.htm. (дата обращения 21.03.2017 г.).
15. Dekret TsIK i SNK SSSR 9 maya 1924 g. «Vremennoe Polozhenie o Narodnom Komissariate po Vnutrenney Torgovle Soyuzha S.S.R.». – http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2016.htm.
16. Gosudarstvennyy arhiv Odesskoy oblasti, R-1965, op. 6, d. 78. Pechatnyye materialy, informatsionnyye pisma Soveta Pravleniya transporta SSSR i byulleteni vnutrenney informatsii. 1927.
17. Postanovlenie TsIK i SNK SSSR 30 maya 1928 g. «O poryadke izdaniya narodnyim komissariatom putey soobscheniya obyazatelnykh postanovleniy i o nalozhenii za narushenie ih vzyiskaniy v administrativnom poryadke». – SZ SSSR 1928 g. № 36, st. 325.

УДК 94

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ЗАНЯТИЯ И
ОСВОБОЖДЕНИЯ СЛУЖЕБНОГО ЖИЛЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ МОРСКИХ
ПОРТОВ В 1920–1930-Х ГГ.**

Любинецкий А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуются основные нормативные акты, регулирующие вопросы взаимоотношений, возникавших между жильцами расположенных на территории морских портов жилых помещений и собственно портом, государством в 1920–1930-х гг. В первую очередь, это нормы права, регулирующие проблемы занятия таких помещений и выселения из них. Определяются основные вопросы принадлежности и эксплуатации собственности морских портов, влияния профсоюзов на эти процессы; сделана попытка выявить основные причины активной регуляции проблем выселения из жилищного фонда лиц, не принадлежащих к рабочим или служащим водного транспорта. Установлено, что основу нормативных актов, регулирующих вопросы взаимоотношений, возникавших между жильцами расположенных на территории морских портов жилых помещений и портом, составляли декреты и постановления Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров.

Ключевые слова: морской порт, служебное жилье, декреты, приказы, инструкции, народные комиссариаты путей сообщения и водного транспорта, выселение.

Взаимоотношения между работодателем и нанятыми им лицами в силу своей специфики и непреходящей актуальности являются и сегодня предметом тщательного изучения и анализа как юристами-теоретиками, так и практиками. Безусловно, что уровень развития таких взаимоотношений напрямую зависит от уровня социально-экономического и правового развития общества и государства. Одним из аспектов взаимоотношений на этом уровне достаточно часто являются условия предоставления и эксплуатации служебного жилья. Особо острой эта проблема была в 1920–1930-х гг. в системе органов водного транспорта вообще и морских торговых портов в частности.

Отдельные аспекты изучения жилищной политики советского государства в указанный период нашли свое отражение в трудах таких исследователей, как Михайлов А. А., Разорвин И. В. [1, с. 78], Воронцова Ю. С. [2], Меерович М. Г. [3, с. 5–66]; Попов М. Ю., Упоров И. В. [4, с. 57–62] и др. В тоже время системного изложения проблем правового регулирования занятия и освобождения служебного жилья на территории морских торговых портов СССР в 1920–1930-х гг. на сегодня нет.

Отдельным вопросом нашего исследования являются взаимоотношения, возникавшие между жильцами расположенных на территории морских портов жилых помещений и собственно портом, государством. Следует сказать, что проблема эта была заложена еще до событий 1917 г., когда на территории того или иного торгового порта строилось жилье для лиц административного персонала и охраны, сезонных грузчиков и т. д. [5, с. 103–106, 108–110, 225, 228–231]. В

подавляющем большинстве случаев это жилье было служебным, а потому у новой власти при разрыве взаимоотношений и связи между занимающими такое жилье и собственником, в лице порта, не было каких либо излишних дополнительных обязательств.

К тому же налаживание работы органов транспорта к середине 1920-х гг. требовало, кроме прочего, расселения новых сотрудников, предоставления им соответствующего жилья, помещений. Есть и другие аспекты проблемы. Так, Попов М. Ю., Упоров И. В., считают, что «государство, которое обратило жилой фонд в свое распоряжение, стало извлекать из этого дефицита определенные для себя выгоды, используя его для решения неотложных экономических задач, стоящих перед новой советской властью, которые она же поставила» [4, с. 57–62].

Урегулирование данного вопроса было начало декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 30 апреля 1925 г. «О выселении посторонних лиц из помещений, состоящих в ведении Народного комиссариата путей сообщения Союза С.С.Р.».

Им (в исключение из правил инструкции к декрету ВЦИК и СНК РСФСР от 9 января 1924 г. о выселении граждан из занимаемых ими помещений [6]), органам НКПС предоставлялось право выселения в административном порядке лиц, не состоящих у него на службе, его местных органах, а также на железных дорогах из всех состоящих в ведении НКПС и его органов помещений, находящихся на земельных участках, непосредственно прилегающих к железнодорожным и водным путям и обслуживающих потребности железнодорожного движения и водного сообщения (полоса эксплуатации), без обязательного предоставления выселяемым со стороны НКПС иных жилых помещений, но с обязательным со стороны местных органов власти предоставлением выселяемым рабочим и служащим помещений (ст. 1).

Очевидно, что нужда в помещениях была настолько высокой, что декретом предусматривалось, что если местные органы власти не предоставляли в течение месячного срока выселяемым рабочим и служащим помещений, то НКПС получил право выселения без предоставления выселяемым помещений (прим. 1).

Декретом оговаривалось, что выселение могло производиться лишь в тех случаях, когда освобождаемое помещение было необходимо для технических надобностей или под жилье персонала, проживание которого в этих помещениях требовалась условиями их работы. При этом список должностей, подходящих под указанную категорию, должен был определяться инструкцией, издаваемой НКПС по соглашению с ВЦСПС (ст. 2).

Выселение полагалось производить по мере действительной надобности и в порядке очереди, устанавливаемой соответствующим органом НКПС по соглашению с местным отделом труда и профессиональным союзом железнодорожников и водников по принадлежности (ст. 3).

Устанавливалось, что выселяемым следовало предоставить срок для выселения не менее месячного – для рабочих, служащих, инвалидов труда и войны, безработных, зарегистрированных на бирже, и учащихся. Для так называемого нетрудового элемента срок для выселения устанавливался семидневный (ст. 4).

Особые условия были предусмотрены в отношении семей военнослужащих, которых разрешалось выселять лишь в период времени с 1 апреля по 1 ноября и при условии обязательного предоставления им годной (по удостоверению, в случае

просьбы, жилищно-санитарной инспекцией) для жилья свободной площади, без чего выселение запрещалось (прим. к ст. 4).

И, наконец, устанавливалось, что при выселении органы НКПС должны предоставлять транспортные средства или бесплатный проезд по дороге на расстояние до пятисот верст, с правом бесплатного провоза домашней утвари не свыше двухсот пудов (ст. 5) [7].

Однако на условиях декрета от 30 апреля 1925 г. и близким к нему по направленности нормативным актам решить проблему не удалось. С целью ее дальнейшего разрешения не только в органах НКПС, но и в масштабах страны 14 июня 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР издали декрет от «Об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений». Данный документ объединял все ранее изданные постановления об административном выселении граждан из занимаемых ими помещений, а потому содержал и отдельные положения из них.

Устанавливалось, что выселение в административном порядке граждан из занимаемых ими помещений допускалось лишь из домов, перечисленных в этом постановлении, и только в порядке и при условиях, предусмотренных постановлением. Ст. 2 полностью повторяла ст. 1 предыдущего декрета, а ст. 3 – соответственно ст. 2, но с тем изменением, что выселение должно было производиться по мере действительной надобности и в порядке очереди, устанавливаемой подлежащим органом НКПС по соглашению с местным отделом труда и местным органом профессионального союза железнодорожников и водников по принадлежности (п. б); в части о предоставлении при выселении транспортных средств или бесплатного проезда единица измерения расстояния была заменена с верст на километры, а единица измерения веса домашних вещей – с пудов на тонны.

В ст. 4 устанавливались правила выселения лиц для Военного ведомства, а в ст. 5 и последующих устанавливались условия для выселения в административном порядке без предоставления выселяемым годной для жилья свободной площади, а также перечень таких помещений. Ну и, безусловно, отменялся целый ряд ранее изданных нормативных актов по этому вопросу, в том числе и Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 апреля 1925 г. «О выселении посторонних лиц из помещений, состоящих в ведении Народного Комиссариата Путей Сообщения Союза С.С.Р.» [8].

В дополнение ст. 6 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1926 г. «Об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений» ВЦИК и СНК РСФСР было принято Постановление от 4 апреля 1927 г. «О выселении из помещений органов Народного комиссариата путей сообщения».

Им, органам НКПС предоставлялось право по соглашению с соответствующими профессиональными союзами производить административное выселение рабочих и служащих транспорта, а также членов их семейств из помещений в находящихся в ведении НКПС и его органов домах, обслуживающих потребности железнодорожного движения и водного сообщения и расположенных на земельных участках, непосредственно прилегающих к железнодорожным и водным путям (полоса эксплуатации). При выселении обязательным было предоставление выселяемым годных жилых помещений по соответствующей норме в том

населенном пункте, где они проживали к моменту выселения, а также соблюдение других условий, предусмотренных Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1926 г. «Об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений». Работникам транспорта, живущим в полосе эксплуатации вне населенных пунктов, помещения предоставляются в одном из населенных пунктов, ближайших к их месту жительства [9].

Следующим шагом в урегулировании вопросов занятия помещения органов водного транспорта и порядка выселения из них стало принятие Постановления ВЦИК, СНК РСФСР от 20 августа 1928 г. «О порядке эксплуатации и использования жилищного фонда, принадлежащего местным советам, предприятиям промышленности и транспорта», которое базировалось на постановлении ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. о жилищной политике [17]. В дальнейшем городские советы, предприятия промышленности и транспорта обязаны эксплуатировать имевшийся у них жилищный фонд, руководствуясь установленными в нем правилами (ст. 1).

Так, при сдаче городскими советами жилых домов в аренду жилищно-арендным кооперативным товариществам, жилищным товариществам, государственным учреждениям и предприятиям, профессиональным и иным общественным организациям, а также единоличным арендаторам в договорах аренды следовало оговорить, что заселение свободных и освобождающихся помещений могло быть произведено лишь лицами, принадлежащими к «трудовым категориям» населения, причем местными советами могли быть указаны в соответствующих арендных договорах как категории трудящихся, подлежащие вселению, так и очередность заселения, а также сроки заселения.

При установлении очередности категорий вселяющихся следовало установить первоочередность вселения нуждающихся в жилье рабочих и служащих промышленности и транспорта.

Заселение домов жилищно-арендных кооперативных товариществ и жилищных товариществ полагалось производить с соблюдением ст. 1 постановления СНК РСФСР от 15 ноября 1927 г. «О мероприятиях по жилищному хозяйству в городских поселениях» [10] (ст. 2).

При этом в домах, сданных городскими советами в аренду указанным в категориях арендаторов, научные работники сохраняли предоставленное им законом безусловное право на самоуплотнение в случае освобождения в квартире комнат сверх закрепленных за данным научным работником (прим. к ст. 2).

Предприятия промышленности и транспорта также были вправе сдавать в аренду принадлежащие им жилые дома жилищно-арендным кооперативным товариществам и жилищным товариществам лишь из состава рабочих и служащих данного предприятия, причем в договорах аренды следовало предусмотреть право администрации предприятия регулировать заселение освобождающихся помещений в соответствии с производственными нуждами предприятия (ст. 3). Однако устанавливалось, что члены указанных в ст. 3 товариществ выбывают из состава товарищества при оставлении работы в соответствующем предприятии и подлежали выселению в порядке и в сроки, установленные ст. 7 данного постановления (ст. 4).

С отдельными съемщиками квартир и комнат в домах, непосредственно эксплуатируемых местными советами или предприятиями промышленности и

транспорта, следовало заключить договоры, разграничивающие обязанности домоуправлений и съемщиков по содержанию помещений, а равно предусматривающие ответственность съемщиков за сохранение помещений в исправности (ст. 5).

В договоре найма жилых помещений в домах, указанных в ст. 7 и 8 этого Постановления (дома маневренного жилищного фонда и дома, состоящие в непосредственном ведении государственных промышленных и транспортных предприятий), нужно было предусмотреть срок действия этого договора, по истечении которого разрешалось, в допускаемых законом случаях, выселение нанимателя, а также срок предупреждения о невозобновлении договора найма на новый срок.

Срок действия договора найма жилого помещения для сезонных и временных рабочих должен был соответствовать тому сроку, на который эти рабочие нанимались; для всех остальных категорий рабочих и служащих этот срок устанавливался не менее одного года. Срок предупреждения о невозобновлении договора найма не мог быть менее трех месяцев, а в отношении сезонных и временных рабочих – менее двух недель (ст. 6).

Предприятиям государственной промышленности и транспорта предоставлялось право выселять не связанных с данным предприятием съемщиков жилых помещений, находящихся в непосредственной эксплуатации этих предприятий, по истечении обусловленного договором срока найма этих помещений (ст. 6), без применения ст. 156 ГК об автоматическом возобновлении договора, с соблюдением таких условий:

- из жилых помещений, находящихся на территории данного предприятия, допускалось выселение в административном порядке;
- из жилищных помещений, не находящихся на территории данного предприятия, допускалось выселение исключительно в судебном порядке.

Предоставление годной для жилья свободной площади, независимо от того, какой порядок выселения применялся, было обязательно лишь в отношении тех выселяемых (и их семей), которые прекратили работу на данном предприятии вследствие потери трудоспособности в связи с работой на данном предприятии, длительной болезни, сокращения или рационализации производства, а также в отношении семей лиц, уволенных вследствие призыва в армию. Во всех остальных случаях допускалось выселение без предоставления жилой площади.

Как и ранее, устанавливалось, что выселение без предоставления площади могло производиться лишь в период времени с 1 апреля по 1 ноября.

В случаях выселения без предоставления жилой площади лиц, потерявших связь с данным предприятием, выселяемым следовало предоставить льготный срок для освобождения жилого помещения по истечении договора найма; в зависимости от причин расторжения трудового договора продолжительность этого срока могла быть установлена от двух недель до шести месяцев (ст. 7).

При этом порядок выселения из помещений, обслуживающих потребности железнодорожного движения и водного сообщения и расположенных на земельных участках, непосредственно прилегающих к железнодорожным и водным путям, определялся вышерассмотренными нами постановлениями от 14 июня 1926 г. об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими

помещений [11] и от 4 апреля 1927 г. о выселении из помещений органов НКПС [12]. В освобождаемые помещения должны, по возможности, переселяться работники, обслуживающие потребности железнодорожного движения и водного сообщения, проживающие за пределами полосы отчуждения.

С целью смягчения острой жилищной нужды рабочих промышленности и транспорта местным советам предписывалось образовать из числа вновь возведенных ими, а также части муниципализированных домов маневренный жилищный фонд.

Этот фонд находился в ведении соответствующего местного совета и управлялся им или на началах непосредственной эксплуатации коммунальными органами, или путем организации домового треста. Жилые помещения в домах маневренного фонда следовало сдавать на срок, устанавливаемый договором (ст. 6), без применения ст. 156 ГК об автоматическом возобновлении договора. Лица, живущие в домах маневренного фонда, могли быть выселяемы в судебном порядке из занимаемых ими помещений. При этом жильцы, площадь которым была предоставлена после включения дома в маневренный фонд, могли быть выселены по окончании срока найма без предоставления им жилой площади, лица же, проживающие в доме до включения его в маневренный фонд, могли быть выселены лишь при условии предоставления им годной для жилья свободной площади.

Не допускалось в любом случае выселение без предоставления площади инвалидов труда и войны, безработных вследствие длительной болезни, сокращения или рационализации производства и членов их семей, а также членов семей лиц, призванных в РККА (ст. 8).

Ну и, наконец, НКВД РСФСР, по соглашению с НКЮ РСФСР, ВСНХ РСФСР, уполномоченным НКПС при СНК РСФСР, ВЦСПС, Центральным Союзом жилищной кооперации, с привлечением Московского губернского исполнительного комитета, поручалось в месячный срок издать инструкцию по применению данного Постановления (ст. 9) [13].

Очевидно, следует попытаться разобраться в причинах столь острой проблемы с жилыми помещениями в торговых портах. Среди них можно выделить следующие:

- а) уменьшение жилого фонда в результате гражданской войны;
- б) появление в портах значительного количества контор и представительств различных предприятий и объединений («Экспортхлеб», «Экспортлес» и др.), отчасти занявших многие помещения;
- в) количественное увеличение администрации портов;
- г) интенсивное развитие экспортно-импортной деятельности портов в рассматриваемый период с привлечением дополнительных рабочих рук;
- д) большая текучесть кадров;
- е) нормативно закрепленные обязательства со стороны НКПС обеспечения в том или ином виде работников водного транспорта жильем.

В качестве подтверждения последнего можно, к примеру, указать, что согласно коллективному договору, заключенному 18 августа 1922 г. между Всероссийским профсоюзом работников железнодорожного и водного транспорта и НКПС, в дополнительных условиях предусматривалось, что «при проезде рабочих и служащих, при исполнении служебных обязанностей в поездах и на лошадях, подменные бригады, судовые команды и пр. им должны быть предоставлены

достаточные и удобные помещения для отдыха, удовлетворяющие по площади температурой, освещением и спальным приспособлением всем санитарно-гигиеническим требованиям» (ст. 143) [14, с. 29].

Кроме того, ситуация усугублялась припиской к торговым портам все новых и новых судов с их командами и, соответственно, с семьями членов экипажей, а также командированием судов для выполнения тех ли иных работ. В этих случаях органам НКПС также необходимо было обеспечить своих служащих жилыми помещениями или же оплачивать квартирные деньги. Так, к примеру, 3 июня 1930 г. произошло заседание РКК при Ялтинском торговом порте. На нем, по результату рассмотрения вопроса, было решено: «В виду отсутствия оборудованного жилья на теплоходе “Заря”, управлению порта предоставить команде п.х. жилье на берегу, а если нет возможности, то производить оплату квартирных согласно колдоговору» [16, л. 2].

Учитывая, что последнее, т. е. оплата квартирных, было дополнительным и малооправданным вложением средств порта, которых и без того хронически не хватало, а потому метод выселения не имеющих отношения к органам транспорта лиц был одним из наиболее выгодных и приемлемых. Однако и в этом случае жилья катастрофически не хватало.

В связи с этим 13 февраля 1931 г. было издано очередное Постановление ЦИК и СНК «О выселении из помещений, принадлежащих органам транспорта, посторонних транспорту лиц и о переселении работников транспорта». Стим документом, органам НКПС и НКВТ было дано право выселять в административном порядке во любое время года из помещений, принадлежащих транспорту, лиц, не имеющих отношения к транспорту или потерявших с ним связь.

Более того, право административного выселения распространялось как на помещения в строениях, расположенных на землях, предоставленных транспорту, так и на помещения в строениях, расположенных на землях городских или на землях иного назначения, независимо от того, на каких основаниях эти строения и помещения были предоставлены транспорту (закрепление, право застройки, аренда) (ст. 1).

При этом органы транспорта более были не обязаны предоставлять выселяемым другую жилую площадь (ст. 2), это возлагалось на местные советы, которые должны были всем категориям трудящихся предоставлять годную для жилья площадь по существующим в данной местности нормам. Точный перечень категорий трудящихся, которым полагалась другая жилая площадь, следовало установить законодательством союзных республик (ст. 3).

Местные советы не обязаны предоставлять жилую площадь тем выселяемым, которые прекратили работу на транспорте без согласия администрации или были уволены за нарушение трудовой дисциплины или в связи с совершением преступления (ст. 4).

При выселении военнослужащих и их семей следовало соблюдать правила, предусмотренные кодексом о льготах для военнослужащих и военнообязанных Рабоче-крестьянской Красной армии и их семей (ст. 5).

Выселение трудящихся (ст. 3 и 4) предлагалось производить по истечении месячного срока со дня объявления им о выселении, независимо от того, будет ли им предоставлена местным советом в указанный срок жилая площадь или нет.

А вот выселение лиц, принадлежащих к «нетрудовым элементам», могло производиться по истечении лишь 7 дней со дня объявления им о выселении (ст. 6).

Как и прежде, органы транспорта при выселении трудящихся, имеющих право на получение жилой площади от местного совета (ст. 3), обязаны были предоставлять транспортные средства или бесплатный проезд по железнодорожным и водным путям как самому выселяемому, так и членам его семьи, состоящим на его иждивении, и бесплатный провоз домашних вещей в количестве не свыше 240 кг. на главу семьи и 80 кг. на каждого иждивенца (ст. 7).

Кроме того, органам транспорта было предоставлено право переселения в административном порядке рабочих и служащих транспорта в тех случаях, когда переселение это вызывалось необходимостью предоставить помещение в районе работы тем работникам, которым по характеру выполняемой работы необходимо было проживать в этих помещениях (работа, связанная с движением поездов и судов, охрана пути, имущества, грузов и т. п.), или когда переселение вызывалось необходимостью использовать излишки жилой площади. Как и в иных случаях, при переселении органы транспорта обязаны были предоставить необходимую для этого рабочую силу и транспортные средства (ст. 8).

Устанавливался и порядок принудительного выселения и переселения. Эти действия возлагались:

а) из помещений на землях, предоставленных транспорту, – администрацией органов транспорта;

б) в остальных случаях – милицией или сельским советом по заявлению органов транспорта (ст. 9).

Круг должностных лиц транспорта, которым предоставляется право давать распоряжения о выселении или переселении, устанавливался НКПС и НКВТ по соглашению с центральными комитетами соответствующих профессиональных союзов, по принадлежности (ст. 10).

Наконец, согласно ст. 3 данного положения, правительствам союзных республик предлагалось в течении месяца внести в свое законодательство изменения, вытекающие из настоящего постановления (ст. 11) [16].

Таким образом правовое регулирование вопросов занятия и освобождения служебного жилья на территории морских портов в 1920–1930-х гг. осуществлялось на основе декретов и постановлений ЦИК и СНК РСФСР и СССР. Среди них можно назвать:

1) декреты – от 9 января 1924 г. «О выселении граждан из занимаемых ими помещений»; от 30 апреля 1925 г. «О выселении посторонних лиц из помещений, состоящих в ведении народного комиссариата путей сообщения Союза С.С.Р.»; декрет ВЦИК и СНК РСФСР 14 июня 1926 г. «Об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений»;

2) постановления – от 14 июня 1926 г. «Об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений ВЦИК и СНК РСФСР»; от 4 апреля 1927 г. «О выселении из помещений органов Народного Комиссариата Путей Сообщения»; 15 ноября 1927 г. «О мероприятиях по жилищному хозяйству в городских поселениях»; от 4 января 1928 г. «О жилищной политике»; от 20 августа 1928 г. «О порядке эксплуатации и использования жилищного фонда, принадлежащего местным советам, предприятиям

промышленности и транспорта»; от 13 февраля 1931 г. «О выселении из помещений, принадлежащих органам транспорта, посторонних транспорту лиц и о переселении работников транспорта».

Список использованных источников и литературы

1. Михайлов А. А., Разорвин И. В. Зарождение и развитие советского земельного законодательства, и его влияние на современные земельные отношения в России // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономики, социология, право. – выпуск № 1. (10) май 2010, с. 78.
2. Воронцова Ю. С. Становление категории земель специального назначения и их составной части – земель обороны и безопасности в советский период // Аграрное и земельное право. – 2013. – №2.
3. Меерович М. Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917–1940 годах) // Вестник Евразии. – 2003. – № 1. – С. 5–66.
4. Попов М. Ю., Упоров И. В. Использование государственной монополии на жилье для решения социально-экономических проблем как составная часть советской жилищной политики в 1920–1930-е годы (правовой аспект) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Том. 9. – № 2. Часть 1. – С. 57–62.
5. Сборник узаконений и административных распоряжений, относящихся до торгового мореплавания и торговых портов. Часть вторая. Циркуляры, правила и инструкции (до 1 января 1913 г.). Разделы II и III. – С.-Петербург: Типография В. Ф. Киришабаума (отделение). – 1914 г. – 429 с.
6. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 9 января 1924 г. «О выселении граждан из занимаемых ими помещений». – Собр. Узак., 1924, № 8, ст. 45.
7. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 30 апреля 1925 г. «О выселении посторонних лиц из помещений, состоящих в ведении народного комиссариата путей сообщения союза С.С.Р.» – Собр. Узак., 1925, № 36, ст. 253.
8. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1926 г. «Об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений». – Собр. Узак., 1926, № 35, ст. 282.
9. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 4 апреля 1927 г. «О выселении из помещений органов Народного Комиссариата Путей Сообщения». – Собр. Узак., 1927, № 37, ст. 243.
10. Постановление СНК РСФСР от 15 ноября 1927 г. «О мероприятиях по жилищному хозяйству в городских поселениях». – Собр. Узак., 1928, № 25, ст. 180.
11. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июня 1926 г. «Об условиях и порядке административного выселения граждан из занимаемых ими помещений». – Собр. Узак., 1926, № 35, ст. 282.
12. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 4 апреля 1927 г. «О выселении из помещений органов Народного Комиссариата Путей Сообщения». – Собр. Узак., 1927, № 37, ст. 243.
13. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 августа 1928 г. «О порядке эксплуатации и использования жилищного фонда, принадлежащего местным советам, предприятиям промышленности и транспорта». URL: <http://www.alppp.ru/law/zakonodatelstvo-o-zhilische/komunalnoe-hozjajstvo/56/postanovlenie-vcik-snk-rsfsr-ot-20-08-1928.html> (дата обращения 6.05.2017).
14. Коллективный договор. – М.: Книгоиздательство «Центран», 1922. – 29 с.
15. ГААРК, ф. Р-1599, оп. 1, д. 124. Протоколы заседаний расценочно-конфликтной комиссии и заявления рабочих и служащих. 30.05.1930–18.07.1930 г. 20 л.
16. Постановление ЦИК и СНК «О выселении из помещений, принадлежащих органам транспорта, посторонних транспорту лиц и о переселении работников транспорта». – Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1931 год, стр. 166–167.
17. Постановление ЦИК и СНК СССР от 4 января 1928 г. «О жилищной политике». – Собр. Зак., 1928, № 6, ст. 49.

Lyubinetskiy A. N. Legal adjusting of questions of employment and liberation of official accommodation on territory of marine ports in 1920-1930 th // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2016. – Т. 3 (69). № 4. – P. 50–59.

Basic normative acts are investigated In the article, regulative questions mutual relations arising up between the lodgers of the marine ports of dwellings apartments located on territory and actually port, by the

state in 1920-1930th. First of all, it is norms of right, regulative problems employments of such apartments and eviction from them. The basic questions of belonging and exploitation of property of marine ports, influences of trade unions, are determined on these processes; given it a shoot to educe principal reasons of the active adjusting of problems of eviction from the housing fund of persons not belonging to the workers or office workers of water-carriage. It is set that basis normative acts, regulative questions mutual relations arising up between the lodgers of the marine ports of dwellings apartments located on territory and port made decrees and decisions of Central Executive Committee and Advice of Folk Commissars.

Keywords: marine port, official accommodation, decrees, orders, instructions, folk commissariats of ways of report and water-carriage, eviction.

Spisok ispolzovannykh istochnikov i literatury

1. Mihaylov A. A., Razorvin I. V. Zarozhdenie i razvitie sovetskogo zemelnogo zakonodatelstva, i ego vliyaniya na sovremennyye zemelnyye otnosheniya v Rossii // Nauchnyy vestnik Uralskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby: politologiya, ekonomika, sotsiologiya, pravo. – vyipusk №1 (10) may 2010 goda, s. 78.
2. Vorontsova Yu. S. Stanovlenie kategorii zemel spetsialnogo naznacheniya i ih sostavnoy chasti – zemel oboronoy i bezopasnosti v sovetskiy period // Agrarnoe i zemelnoe pravo. 2013.
3. Meerovich M. G. Vlast i zhilische (zhilishchnaya politika v SSSR v 1917–1940 godah) // Vestnik Evrazii. – 2003. – № 1. – S. 5–66.
4. Popov M. Yu., Uporov I. V. Ispolzovanie gosudarstvennoy monopolii na zhile dlya resheniya sotsialno-ekonomicheskikh problem kak sostavnaya chast sovetskoy zhilishchnoy politiki v 1920-1930-e gody (pravovoy aspekt) // Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl. 2017. Tom. 9. № 2. Chast 1. s. 57–62.
5. Sbornik zakonov i administrativnykh rasporyazheniy, odnosyashchihya do torgovogo moreplavaniya i torgovykh portov. Chast vtoraya. Tsirkulyari, pravila i instruksii (do 1 yanvarya 1913 g.). Razdely II i III. – S.-Peterburg. Tipografiya V. F. Kirshbauma (otdelenie). – 1914 g. – c.
6. Dekret VTsIK i SNK RSFSR ot 9 yanvarya 1924 g. «O vyiselenii grazhdan iz zanimaemykh imi pomescheniy». – Sobr. Uzak., 1924, № 8, st. 45.
7. Dekret VTsIK i SNK RSFSR ot 30 aprelya 1925 g. «O vyiselenii postoronnykh lits iz pomescheniy, sostoyaschih v vedenii narodnogo komissariata putey soobscheniya soyuza S.S.R.». – Sobr. Uzak., 1925, № 36, st. 253.
8. Dekret VTsIK i SNK RSFSR ot 14 iyunya 1926 g. «Ob usloviyakh i poryadke administrativnogo vyiseleniya grazhdan iz zanimaemykh imi pomescheniy». – Sobr. Uzak., 1926, № 35, st. 282.
9. Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 4 aprelya 1927 g. «O vyiselenii iz pomescheniy organov Narodnogo Komissariata Putey Soobscheniya». – Sobr. Uzak., 1927, № 37, st. 243.
10. Postanovlenie SNK RSFSR ot 15 noyabrya 1927 g. «O meropriyatiyakh po zhilishchnomu hozyaystvu v gorodskikh poseleniyakh». – Sobr. Uzak., 1928, № 25, st. 180.
11. Dekret VTsIK i SNK RSFSR ot 14 iyunya 1926 g. «Ob usloviyakh i poryadke administrativnogo vyiseleniya grazhdan iz zanimaemykh imi pomescheniy». – Sobr. Uzak., 1926, № 35, st. 282.
12. Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR ot 4 aprelya 1927 g. «O vyiselenii iz pomescheniy organov Narodnogo Komissariata Putey Soobscheniya». – Sobr. Uzak., 1927, № 37, st. 243.
13. Postanovlenie VTsIK, SNK RSFSR ot 20 avgusta 1928 g. «O poryadke eksploatatsii i ispolzovaniya zhilishchnogo fonda, prinaldzhazhchego mestnyim sovetam, predpriyatiyam promyshlennosti i transporta». URL: <http://www.alppp.ru/law/zakonodatelstvo-o-zhilische/komunalnoe-hozjajstvo/56/postanovlenie-vcik-snk-rsfsr-ot-20-08-1928.html> (data obrasheniya 6.05.2017 g.).
14. Kollektivnyy dogovor. – M.: Knigoizdatelstvo «Tsentr», 1922. – 29 s.
15. GAARK, f. R-1599, op. 1, d. 124. Protokoly zasedaniy rastsenochno-konfliktnoy komissii i zavleniya rabochih i sluzhaschih. 30.05.1930-18.07.1930 g. 20 l.
16. Postanovlenie TsIK i SNK «O vyiselenii iz pomescheniy, prinaldzhazhchih organam transporta, postoronnykh transportu lits i o pereselenii rabotnikov transporta». – Sobranie zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krestyanskogo Pravitelstva SSSR za 1931 god, str. 166-167.
17. Postanovlenie TsIK i SNK SSSR ot 4 yanvarya 1928 g. «O zhilishchnoy politike». – Sobr. Zak., 1928, № 6, st. 49.

УДК 342.41

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТОДОВ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Нурмагамбетов Р. Г.

Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

В данной статье автором освещаются актуальные вопросы, связанные с поиском истины в вопросах деления методов конституционного регулирования в современный период развития Российской Федерации. Анализируя различные классификации методов конституционного регулирования, автор отмечает, что они не отражают изменение содержания конституционного регулирования, расширение сферы их использования применительно к тем видам общественных отношений, которые ранее не являлись частью предмета конституционного регулирования. По его мнению, современную классификацию методов конституционного регулирования можно представить в виде сохранения классической модели деления на императивный и диспозитивный методы конституционного регулирования с дополнением существующей классификации методами поощрения, ограничения, признания и учреждения. Выделение этих методов основано на принадлежности средств и способов к отдельным видам новых норм конституционного права.

Ключевые слова: методы конституционного регулирования, общественные отношения, предмет конституционного регулирования, императивный метод, диспозитивный метод, поощрение, ограничение, признание, учреждение, нормы конституционного права.

В современный период поэтапной трансформации конституционного законодательства Российской Федерации, связанного с реформированием многих жизненно важных сфер общества и государства, вопрос о методах конституционного регулирования как никогда получает свою актуализацию. В настоящее время на высоком государственном уровне признается необходимость выработки адекватного времени набора средств, приемов и способов, соответствующих эволюционному развитию государства.

С теоретической точки зрения характеристика вопросов, связанных с уяснением смысла методов конституционного регулирования, затрагивает необходимость разрешения вопроса их классификации. Это обстоятельство породило разнообразие мнений по вопросу определения их видов (выделяется от трех до шести видов методов).

Опираясь на мнения ученых-теоретиков конституционного права, под методом конституционного регулирования необходимо понимать основанный на нормах действенный конституционный инструмент, состоящий из совокупности способов, средств и приемов конституционного регулирования, посредством которых оказывается воздействие на поведение участников конституционных отношений с целью их упорядочения, охраны и развития.

К числу видов метода конституционного регулирования можно отнести запретительные, дозволительные, ограничительные, учредительные, поощрительные средства (способы) конституционного регулирования. В системе

приемов конституционного регулирования, участвующих в воздействии на общественные отношения, можно выделить приемы, которые обозначили в своей работе А. И. Казанник и А. Н. Костюков, – это приемы определения субъективного состава конституционных норм, совокупности юридических фактов, необходимых для приведения конституционных норм в действие, формулирования субъективных прав и юридических обязанностей, установления мер государственного принуждения для их обеспечения и защиты общественных отношений [1, с. 19]. Их разнообразные виды составляют основу методов конституционного регулирования, содержание которых за прошедший период претерпело значительные изменения.

Безусловно, конституционным правом используется не один метод, их можно классифицировать по разным основаниям. Применительно к правовой материи практически единодушно ученые высказываются относительно выделения императивного и диспозитивного методов конституционного регулирования, которые отличаются по характеру и содержанию воздействия на общественные отношения. Данная классическая конструкция методов конституционного регулирования имеет свою логику, научное значение и ученых, поддерживающих ее в своих трудах. Охарактеризуем особенности данных видов методов.

Анализ норм Конституции РФ показывает, что преобладающим методом является метод властных предписаний – субординации. Императивный метод конституционного регулирования в своей основе исключает наличие принципа равенства во взаимоотношениях «государство – общество – личность». Его особенностью является то, что в нем преобладает принцип четкого определения полномочий, который позволяет путем оказания воздействия на субъектов добиваться от них совершения юридически значимых, допустимых нормами Конституции РФ действий. Так, по мнению Б. С. Эбзеева, «в регулируемых конституционным правом общественных отношениях часто проявляется известное подчинение воли управляемых единой управляющей воле, выразителем которой является тот или иной субъект государственной власти. Этот субъект действует так потому, что он выступает от имени государства и выражает публичный интерес» [2, с. 16].

Императивные начала находят свое выражение в использовании конституционного приема формулирования субъективных прав и юридических обязанностей, установления мер государственного принуждения для их обеспечения и защиты общественных отношений. Действие этого приема проявляется в регулировании общественных отношений, связанных с порядком формирования органов государства, установления неприкасаемого порядка предоставления прав, свобод и наложение обязанностей на граждан и других субъектов конституционных правоотношений. Происходит этот процесс в форме таких способов конституционного регулирования, как конституционные запреты, обязанности, предписания. Они закреплены в положениях глав 1–9 Конституции РФ.

К их числу относятся нормы Конституции РФ, регулирующие отношения в сфере организации органов государственной власти, разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, установления равноправия и самоопределения народов, порядка выборов Президента РФ, членов Правительства РФ, депутатов

Федерального Собрания РФ, судей, органов местного самоуправления. Данные нормы носят категоричный характер и не подлежат изменению. В ч. 4 ст. 111 Конституции РФ установлен не подлежащий изменению порядок роспуска Президентом РФ Государственной Думы РФ, в ч. 3 ст. 117 – порядок выражения Государственной Думой недоверия Правительству РФ, в ч. 1 ст. 121, 122 Конституции РФ – принцип несменяемости судей, их независимость, в ст. 130–132 Конституции – порядок осуществления местного самоуправления в Российской Федерации.

Так, к примеру, в ч. 3 ст. 6 Конституции РФ указывается, что «гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его». Содержание ряда императивных методов выражено косвенно, т. е. вытекает из смысла конституционных норм. В ч. 2 ст. 22 Конституции РФ указывается, что «арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению». Общим, что объединяет вышеперечисленные конституционные нормы, характеризующие императивный метод, является то, что он, закрепляя конституционно-правовой порядок функционирования органов государства, личности, не оставляет субъекту правоотношений свободы выбора поведения, а повелевает ему в определенной ситуации поступать в соответствии с правилом поведения, закрепленным в норме Конституции и никак иначе.

Осуществление конституционных обязанностей государством в различных сферах также является специфической формой проявления императивного метода конституционного регулирования. С их помощью устанавливается обязанность субъекту совершать активные действия. В Конституции РФ содержатся различные их виды – обязанность обеспечения верховенства Конституции РФ над иными актами законодательства, защиты Конституции РФ, обеспечение реализации конституционных положений, касающихся прав и обязанностей граждан в определенной сфере общественных отношений, а значит, касающихся конкретной государственно-правовой функции.

Императивный метод конституционного регулирования может выражаться и в форме конституционного предписания. Практика действия Конституции РФ показывает, что с помощью конституционных предписаний регулируются общественные отношения, связанные с организацией деятельности разнообразных органов государства и должностных лиц. В отличие от конституционных запретов и обязанностей, конституционное предписание принуждает субъектов совершать активные действия, предписанные нормами Конституции РФ. Эти действия должны быть совершены лишь в той форме, которая определена в гипотезе и диспозиции конституционного правила. Способ конституционного предписания направлен на установление неприкасаемых правил, определяющих конституционный статус органов государства, должностных лиц, круг полномочий, порядок взаимоотношения между органами государственной власти, а также закрепление поручений органам государства на совершение определенного вида юридических действий. К примеру, в главах с 4 по 8 Конституции РФ конституционными предписаниями регулируются общественные отношения, направленные на закрепление конституционно-правовой природы деятельности таких органов государственной власти, как Президент РФ, Федеральное Собрание

РФ, Правительство РФ, Судебная власть и Прокуратура РФ а также органы местного самоуправления. Так, в ст. 80 содержатся нормы, характеризующие особое положение Президента РФ в системе разделения властей как главы государства, гаранта Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, защиты суверенитета, независимости и государственной целостности необходимого согласованного баланса функционирования и взаимодействия органов государственной власти.

В статьях 86 и 87 Конституции РФ закрепляется особый круг полномочий, связанный с осуществлением Президентом РФ руководства внешней политикой, ведением им переговоров и подписанием международных договоров и ратификационных грамот, принятием верительных и отзывных грамот, аккредитуемых при нем дипломатических представителей, командованием вооруженными силами Российской Федерации, в случае агрессии или угрозы – введением на территории государства или отдельных ее местностях военного положения с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе РФ.

Похожие по общенормативной конституционной ориентации предписания содержатся в статьях 94, 95, 102, 103 Конституции РФ (регламентирующие деятельность и полномочия Федерального Собрания РФ), ст. 110, 144 Конституции РФ (определяющих конституционную природу и полномочия Правительства РФ), ст. 118, 125, 130 Конституции РФ (учреждающих незыблемые положения о судебной системе и природе местного самоуправления в РФ, а также органов государственной власти, не входящих в систему разделения властей).

К видам конституционных предписаний императивного метода конституционного регулирования, закрепляющих поручения органам государства на совершение определенного вида юридических действий, можно отнести предписания, регулирующие отношения, направленные на выделение средств, принятие должностным лицом управленческого решения, назначения или освобождение от должности и т. д. В нормах Конституции РФ таких положений содержится достаточное количество. В основном они находятся в главах Конституции РФ, которые посвящены регламентации деятельности определяющих конституционный статус органов государства и должностных лиц.

Практика действия норм Конституции РФ показывает, что налицо преобладание императивного метода конституционного регулирования, основанного на принципе: «запрещено все, что не разрешено законом». Такое положение можно объяснить конституционной природой развития современного российского государства, ведущей ролью Президента РФ в системе разделения властей, сохранением элементов советской модели конституционного регулирования. «Фактически действующая Конституция России являет собой тот идеальный случай, – отмечает С. М. Шахрай, – который пока безуспешно ищут наши коллеги на Западе. Наша Конституция имеет уникальный дизайн, благодаря которому она стала инструментом, способным не только примирить конфликтующие силы, но и дать обществу импульс для нового развития» [3, с. 147].

Помимо императивного метода в конституционном регулировании широко используется и метод диспозитивный. В диспозитивном методе конституционного регулирования преобладает прием определения субъективного состава

конституционных норм и конституционный способ – дозволение. В системе конституционных дозволений можно выделить два их вида – конституционное прямое дозволение и альтернативное дозволение. Конституционное прямое дозволение характеризуется тем, что с его помощью закрепляется право выбора субъектом единственно возможного варианта поведения. Очень часто данный вид конституционных дозволений связан с регулированием общественных отношений, определяющих порядок реализации полномочий разнообразных органов государственной власти. Степень свободы выбора поведения, сфера осуществления предоставленных им возможностей (осуществления государственных функций) строго определены конституционными пределами. Органам государственной власти дозволяется действовать свободно только в рамках предусмотренных им полномочий. Выходить за установленные конституционными нормами пределы субъекты в лице органов государственной власти и должностных лиц не имеют право. В качестве примера можно привести ч. 3 ст. 92 Конституции, где устанавливается дозволение Президенту РФ, что во всех случаях, когда Президент Российской Федерации не в состоянии выполнять свои обязанности, он имеет право делегировать их временно Председателю Правительства Российской Федерации. Исполняющий обязанности Президента Российской Федерации не имеет права распускать Государственную Думу, назначать референдум, а также вносить предложения о поправках и пересмотре положений Конституции Российской Федерации. В ч. 3 ст. 66 Конституции РФ содержится норма, позволяющая законодательным и исполнительным органам автономной области, автономного округа участвовать в принятии федерального закона об автономной области, автономном округе.

В процессе осуществление конституционного регулирования в качестве конституционного средства воздействия часто используется альтернативное конституционное дозволение. Особенностью альтернативного дозволения является предоставление права субъектам совершать действия либо воздержаться от их совершения, т. е. возможности самостоятельного выбора поведения в отдельных ситуациях при реализации конституционных норм. Несмотря на то, что данный вид конституционных дозволений, характеризующих диспозитивный метод, часто встречается в гражданском праве, в конституционном праве его наличие обусловлено регулированием отношений, связанных с обеспечением реализации прав и свобод человека и гражданина, обеспечением их гарантиями государства. В настоящее время в Российской Федерации наблюдается тенденция усиления роли государства в обеспечении действенности закрепленных в Конституции прав и свобод. Как отмечает А. Л. Миронов, действие метода заключается и в том, что «субъектам предоставляются права на собственные активные действия, обусловленные необходимостью согласования воли» [4, с. 88]. С помощью данного метода государство предоставляет право человеку свободно выбрать, основываясь на своем собственном желании наиболее приемлемый порой альтернативный для него вариант поведения. Таких конституционных норм в Конституции РФ содержится достаточно. Так в ч. 2 ст. 32 Конституции РФ содержится конституционное дозволение, связанное с закреплением за гражданином права избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления. Анализируя содержание данной нормы, отметим, что в Российской

Федерации, как и, например, в других странах (Северной Корее), никто не принуждает участвовать в реализации данной нормы. Они самостоятельно должны сделать выбор: принимать участие в избирательном процессе или нет, выражать свою политическую волю в качестве избирателя или нет.

Сегодня два имеющихся метода конституционного регулирования – диспозитивный и императивный представляют собой теоретически обоснованную в трудах теоретиков права конструкцию. При этом нельзя не признать изменение их содержания, расширение сферы их использования применительно к тем видам общественных отношений, которые ранее не являлись частью предмета конституционного регулирования. Несмотря на то, что в регулировании общественных отношений преобладает императивный метод конституционного регулирования, безусловно, сегодня требуется проведение работы по разработке классификации, которая расширяла бы существующий набор методов конституционного регулирования. Реалии функционирования государства показывают увеличение средств и способов конституционного регулирования. Это обусловлено сложностью и разнообразным содержанием конституционных правоотношений, нуждающихся в регулировании. Сложившаяся ситуация предполагает поиск оптимальных отвечающих времени классификаций методов конституционного регулирования, которые бы отражали реальное состояние процесса конституционного регулирования. Так, для конституционного права характерно применение одновременно запретительных, ограничительных, дозволильных средств и способов конституционного регулирования. Их использование направлено на обозначение новой модели поведения субъектов конституционных правоотношений.

Наряду с общепризнанным делением методов конституционного регулирования можно выделить наличие иных классификаций методов конституционного регулирования. Их существование в системе научных знаний обусловлено объективной причиной, связанной с включением в Конституцию РФ новых глав. Это обусловило государственное вмешательство в такие новые сферы общественных отношений: экономика, избирательное право и т. д.

К одной из таких классификаций можно отнести классификацию, предлагаемую В. Е. Усановым и С. В. Хмелевским. В частности, приняв за критерий зависимость конституционного регулирования от характера содержащихся в них предписаний, к видам методов конституционного регулирования они относят: управомочивающий метод, методы обязывания, дозволения и запрещения [5, с. 35].

В контексте характеристики видов методов конституционного регулирования интересны и классификации, предлагаемые М. Ф. Маликовым и В. А. Страшун. М. Ф. Маликов, характеризуя конституционное регулирование, к видам методов относит метод координации, директивный, диспозитивный и учредительный методы [6, с. 35].

В. А. Страшун разделяет методы конституционного регулирования на метод субординации и координации, указывает на то, что метод координации в конституционном праве встречается реже [7, с. 12–13].

С. В. Васильева, В. А. Виноградов, В. Д. Мазаев предлагают разделять методы на методы императивного регулирования и общих предписаний. К их разновидностям они относят методы правового запрета, метод дозволения и метод общих предписаний [8, с. 6].

С. А. Шмакова указывает на преобладание такого метода конституционного регулирования, как предписание [9, с. 55]. Б. С. Эбзеев выделяет такой метод конституционного регулирования: метод констатации сложившегося порядка

отношений, системы государственных органов, обусловленный учредительными свойствами основного закона [10, с. 124]. В. В. Лазарев пишет о наличии таких методов конституционного регулирования: установление прав и возложение обязанностей и ответственности как методов конституционного регулирования [11, с. 15]. Профессор В. А. Лебедев выделяет в конституционном праве два метода конституционного регулирования – метод общего и детального нормирования [12, с. 38].

Г. С. Сапаргалиев, наряду с другими методами конституционного регулирования, обозначает такой метод, как признание, используемый, по мнению автора, в основном, для признания прав и свобод человека; метод обязывания, метод запрещения; метод дозволения и метод признания [13, с. 5]. О. Е. Кутафин разделял методы конституционного регулирования на три вида: предписание, запрет и дозволение [14, с. 38]. А. Н. Круглов пишет, что в конституционном праве преобладает метод общего регулирования, который создает основы для более детального регулирования отношений в отраслевом и специальном законодательстве [15, с. 38]. В. Е. Чиркин в своей монографии отводит отдельное место классификации методов конституционного регулирования. Он предлагает разделять методы конституционного регулирования на императивные методы управомочения, субординации, запреты, обязывания, запрещения, диспозитивные методы, методы координации, согласования и репрессивные методы [16, с. 28].

Кокотов А. Н. предлагает выделение двух видов методов конституционного регулирования – метод общего нормирования и метод детальной регламентации с разнообразным использованием средств [17, с. 4]. Подобной точки зрения придерживается и Е. М. Ковешников, добавляя к этой классификации методы подробного и исчерпывающего регулирования [18, с. 7].

На существование нормоустановительного метода конституционного регулирования указывает Ю. А. Щетинин [19, с. 139]. О методе императивно-властного воздействия и его особенностях пишет В. О. Лучин [20, с. 11]. Н. В. Витрук классифицирует методы конституционного регулирования на методы убеждения, поощрения и принуждения, выделяя в их системе такие способы, как дозволительные предписания, запрещающие и обязывающие предписания [21, с. 24].

Каждый из вышеперечисленных авторами разновидностей методов отличается своеобразием, так как связан с регулированием тех общественных отношений, которые составляют специфику предмета конституционного регулирования. Общее, что объединяет позиции авторов относительно выделения методов субординации и координации, императивного регулирования и общих предписаний, убеждения, принуждения и поощрения, предписания, стимулирования, дозволения, запретов и обязанностей, координации и субординации, – это цель, направленная на упорядочение общественных отношений. Они характеризуют грани разнообразных средств воздействия на общественные отношения. Несмотря на наличие разнообразных классификаций видов методов конституционного регулирования, в своей сущности их деление осталось неизменным. Оно включает схожий с советским периодом комплекс средств и способов воздействия на общественные отношения.

Предлагается существующую классификацию дополнить методами поощрения, ограничения, признания, и учреждения. Выделение этих методов основано на принадлежности средств и способов к отдельным видам новых норм конституционного права. При этом важным является дифференциация существующих средств и способов конституционного регулирования по принадлежности к отдельно взятому методу – императивному: запреты, обязывания,

предписания; диспозитивному: дозволения; поощрительному: поощрения; ограничительному: ограничения. Такой подход позволит предметно собрать воедино выделяемый авторами специфический набор инструментария, при помощи которого осуществляется конституционное воздействие, его принадлежность к методу. Охарактеризуем виды методов конституционного регулирования.

Первым методом конституционного регулирования, в добавлении которого нуждается сложившая классификация, является учредительный метод. Предназначение учредительного метода заключается в том, что с его помощью осуществляется первичное конституционное воздействие на общественные отношения. В содержании этого метода можно выделить конституционные приемы определения субъективного состава норм Конституции РФ, а также способы – общее установление и конституционное закрепление.

Действие способа общего конституционного установления направлено регулирование исходных положений Конституции РФ определяющих конституционную природу органов государственной власти и местного самоуправления. «Посредством конституционно-правовой формы регулирования общественных отношений государство закрепляет основы конституционного строя страны, основы правового статуса личности, основы правового положения органов государства и местного самоуправления и обеспечивает охрану этих важнейших устоев и институтов государственного и общественного устройства», – отмечает в своей работе В. Г. Стрекозов [22, с. 61].

В частности, вышеуказанным способом обеспечивается конституционный порядок обеспечения разнообразных конституционных норм, определяется положение индивидуальных и коллективных субъектов, устанавливается конституционная система органов государственной власти и должностных лиц, общий конституционный порядок их функционирования, порядок взаимодействия в системе разделения властей, виды издаваемых ими актов. Так учреждая в ст. 10 Конституции РФ конституционную систему органов государственной власти и их деление на законодательные, исполнительные и судебные органы, функционирование, действие учредительного метода направлено на определение состава органов государственной власти действующей системы разделения властей в Российской Федерации.

Способ конституционного закрепления направлен на регулирование отношений, связанных с конкретизацией конституционных норм, составляющих основы институтов конституционного права. Воздействуя на определенную группу общественных отношений, его действие нацелено на формирование конституционной основы регулирования разнообразных видов общественных отношений. Так, например, конституционными нормами ч. 1 ст. 6 Конституции РФ закрепляются незыблемые для государства положения, составляющие основу института гражданства. В данной норме содержится прямое указание на то, что гражданство Российской Федерации приобретается и прекращается в соответствии с федеральным законом, является единым и равным независимо от оснований приобретения. Оказывая регулирующее воздействие на сознание и волю граждан, он устанавливает единые равные для всех правила приобретения гражданства. Этим обеспечивается незыблемость, безопасность государства, его территориальная целостность и правовой характер, исключается дискриминация граждан, желающих стать гражданином либо утратить гражданство по признакам национальной, расовой, религиозной и иной принадлежности.

В классификации методов конституционного регулирования поощрительному методу отводится не менее важная роль, чем другим методам. Конституционное поощрение является важным действенным позитивным инструментом

конституционного регулирования, основанного на побуждении субъектов к совершению разнообразных активных действий, которые признаются государством и обществом социально полезными. В отличие от других методов конституционного регулирования, в частности императивного метода, действие метода поощрения преследует цель не установить запрет или обязанность на осуществление каких-либо конкретных действий под угрозой наказания, а побудить субъекта совершить благо, добросовестно выполнить наложенные обязанности, определенные конституционными нормами, нести юридическую ответственность за правонарушения. Субъекты при этом имеют право добровольно выбирать траекторию своего поведения в пользу тех благ, которые они могут получить. Совершение этого поведения является не обязательным, но желательным для общества и государства. При этом в действии конституционного поощрения полностью исключается наличие контроля со стороны государства действий субъекта. Ему предоставляется широкая (по сравнению с воздействием других конституционных регуляторов) свобода поведения, основанная на мотивировании проявления социально-полезного позитивного правомерного поведения. Основываясь на вышесказанной мысли, конституционное поощрение необходимо характеризовать как особый неприсущий инструментарию конституционного регулирования вид методов, направленный на побуждение субъектов к действиям, а не к навязыванию конституционной траектории их совершения вопреки воле и их желанию.

В ст. 89 Конституции РФ содержатся во многом подтверждающие эту мысль нормы: предоставление Президентом РФ гражданства лицам, имеющим особые государственные заслуги перед Российской Федерацией, осуществление действий по учету заслуг лиц, получающих от имени Президента РФ государственные награды, почетные звания, высшие воинские и высшие специальные звания, помилования лиц, осужденных за совершение правонарушений, которые внутренне осознали свою вину. Осуществление вышеуказанных действий служит примером для разнообразных субъектов добровольно совершать такие правомерные поступки, которые в будущем позволят ему получать закрепленные в нормах Конституции РФ социальные блага.

Возможно в классификации методов конституционного регулирования и выделение такого его вида, как ограничение. Особенность этого метода проявляется в том, что с помощью входящих в его содержание средств и способов устанавливаются допустимые границы поведения разнообразным видам субъектов, в пределах которых они должны действовать. В своей сущности наличие этих границ направлено на сдерживание осуществления субъектами неправомерного поведения, идущего в разрез содержания конституционных норм, защиту и охрану общественных отношений, представляющих ценность для государства и общества. В Российской Федерации метод конституционного ограничения активно применяется при регулировании общественных отношений в сфере прав и свобод человека и гражданина. Анализ содержания конституционных норм показывает, что в ней содержится разнообразное количество ограничений. Они закреплены в ч. 3 ст. 55, ч. 3 ст. 17, ч. 2 ст. 19, ч. 1 ст. 17, ч. 4 ст. 15, ч. 5 ст. 13, ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 22, ч. 2 ст. 23, ст. 25, ч. 2 и ч. 4 ст. 29, ч. 3 ст. 32, ч. 1 ст. 56 Конституции РФ. Так, в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ указывается, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Вышеуказанные конституционные ограничения, сформулированные по принципу «что не разрешено, то запрещено», направлены на установление баланса между

императивным и диспозитивным регулированием. Они выполняют важную регулятивную роль, связанную с нахождением благоприятного для государства и общества варианта поведения в тех сферах конституционного регулирования, в которых иного варианта не предусмотрено.

В системе методов конституционного регулирования применяется еще один метод – это метод признания. Сущность этого метода проявляется в том, что его действие основывается на использовании такого способа конституционного регулирования, как конституционное признание. Его правовая природа проявляется в признании Российской Федерацией определенного круга прав и свобод человека и гражданина. Так в ст. 2 Конституции РФ государство признает человека, его права и свободы высшей ценностью, а соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. В ч. 2 ст. 8 и ст. 12, ст. 13 Конституции РФ государство признает за собой обязанность защищать равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности, обеспечить реализацию принципа идеологического, политического многообразия и плюрализма, гарантировать местное самоуправление. С помощью конституционного признания регулируются общественные отношения, связанные с реализацией прав и свобод человека и гражданина. В ч. 4 ст. 37 Конституции РФ признается право человека на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием установленных федеральным законом способов их разрешения, включая право на забастовку.

Одним из методов конституционного регулирования является метод принуждения. Его сущность проявляется в применении и наложении определенного круга принудительных мер в отношении субъектов конституционных правоотношений с целью охраны и защиты конституционных ценностей, провозглашенных в нормах Конституции РФ.

Используя такой способ конституционного регулирования, как конституционное принуждение, регламентируются общественные отношения в сфере осуществления Президентом РФ действий, регламентированных ч. 3 и 4 ст. 111 Конституции РФ (порядок утверждения кандидатуры Председателя Правительства РФ Государственной Думой РФ), ч. 3 ст. 107 Конституции РФ (отклонения проекта федерального закона), ст. 117 Конституции РФ (направленных на отмену актов Правительства РФ). В данных конституционных нормах содержится детальный организационно-правовой порядок регулирования общественных отношений в части взаимодействия Президента РФ с исполнительными и законодательными органами государственной власти, а также конституционный алгоритм действий Президента РФ в случае нарушения этого порядка. Президент РФ согласно установленному порядку имеет возможность воспользоваться конституционным правом по преодолению несогласия с проводимой им политикой и принудить органы государственной власти поступить определенным образом.

Таким образом, в общем виде современную классификацию методов конституционного регулирования можно представить в виде сохранения классической модели деления на императивный и диспозитивный методы конституционного регулирования с присущими им специфическими средствами и теоретически обоснованными способами с добавлением к этой классификации методов поощрения, ограничения, признания, и учреждения. Выделение этих методов основано на принадлежности средств и способов к отдельным видам новых норм конституционного права.

Список литературы

1. Казанник А. И., Костюков А. Н. Конституционное право: Университетский курс. В 2-х т. Т.1. М., 2015.
2. Конституционное право России: учебник / под ред. Б. С. Эбзеева, А. С. Прудникова, В. И. Авсеенко. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
3. Лекция руководителя Аппарата Счетной палаты Российской Федерации С. М. Шахрая. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. М.: Издание Государственной Думы, 2013. С. 147–173.
4. Миронов А. Л. Методы конституционно-правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 5. С. 88–90.
5. Усанов В. Е. Конституционное (государственное) право РФ: учебник. М., 2003.
6. Маликов М. Ф. Современные проблемы конституционного права Российской Федерации. Курс лекций. Уфа: Дизайн Полиграф Сервис, 2007.
7. Конституционное право зарубежных стран: В 4-х томах. Т.1–2. Часть общая: учебник / Отв. ред. В. А. Страшун. М., 2000.
8. Васильев С. В. Конституционное право России: учебник / С. В. Васильев, В. А. Виноградов, В. Д. Мазаев. М., 2010.
9. Шмакова С. А. Конституционные принципы регулирования межбюджетных отношений в Российской Федерации // Сибирский юридический вестник. 2006. №2(29).
10. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
11. Конституционное право: учебник / Отв. ред. В. В. Лазарева. М., 1999.
12. Лебедев В. А. Конституционное право Российской Федерации: курс лекций / В.А. Лебедев: в 2-х ч. Ч. 1. Челябинск, 2012.
13. Сапаргалиев Г. С. Конституционное право Республики Казахстан: Академический курс. 3-е изд., с доп. Алматы, 2007.
14. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001.
15. Круглов А. Н. Конституционное право Российской Федерации. Норильск, 2010.
16. Чиркин В. Е. Конституция: российская модель. М., 2004.
17. Кокотов А. Н. Конституционное право России. Курс лекций: учеб. пособие. М., 2008.
18. Ковешников Е. М. Российское конституционное право. М., 2002. С. 7.
19. Шетинин Б. В. О понятии предмета государственного права // Правоведение. 1963. № 2. С. 139.
20. Конституционное право зарубежных стран: учебник / ред.: В. О. Лучин, ред.: Г.А. Василевич, ред.: А. С. Прудников. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
21. Конституционное право Российской Федерации: учебник / Российская академия правосудия / Под общ. ред. Н. В. Витрука. М.: Норма, 2010.
22. Стрезков В. Г. Конституционное право: учебник для СПО. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2017.

Nurmagambetov R. Classification of methods of constitutional regulation of social relations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 60–71.

In this article an author the pressing questions related to the search of truth in questions by the division of methods of the constitutional adjusting in a modern period of development of Russian Federation are illuminated. Analysing different classifications of methods of the constitutional adjusting, an author marks that they do not reflect the change of maintenance of the constitutional adjusting, expansion of sphere of their use as it applies to those types of public relations that before were not part of the article of the constitutional adjusting. According to his opinion, modern classification of methods of the constitutional adjusting can be presented as maintenance of classic model of dividing by imperative and non-mandatory methods of the constitutional adjusting with addition of existent classification the methods of encouragement, limitation, confession, and establishment. The selection of these methods is based on belonging of facilities and methods to the separate types of new norms of constitutional right.

Keywords: methods constitutional adjusting, public relations, article of the constitutional adjusting, imperative method, non-mandatory method, encouragement, limitation, confession, establishment, norms of constitutional right.

Spisok literaturyi:

1. Kazannik A. I. Kostyukov A. N. Konstitutsionnoe pravo: Universitetskiy kurs. V 2-h t. T.1. M., 2015
2. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik / pod red. B. S. Ebzeeva, A. S. Prudnikova, V.I. Avseenko. 4-e izd., pere-rab. i dop. M., 2010.
3. Lektsiya rukovoditelya Apparata Schetnoy palaty Rossiyskoy Federatsii S.M. Shahraya. Otveti na voprosyi // Rossiyskaya Konstitutsiya: pervyye 20 let: Tsikl lektsiy v Gosudarstvennoy Dume. 18 marta – 22 aprelya 2013 goda. M.: Izdanie Gosudarstvennoy Dumyi, 2013. S. 147–173.
4. Mironov A. L. Metody konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya//Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2011. №5. С.88–90

5. Usanov V. E. Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo RF: uchebnik. M., 2003.
6. Malikov M. F. Sovremennyye problemy konstitutsionnogo prava Rossiyskoy Federatsii. Kurs lektsiy. Ufa: Dizayn Poligraf Servis, 2007.
7. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran: V 4-h tomah. T.1-2.Chast obschaya: uchebnik / Otv. red. V. A. Strashun. M., 2000.
8. Vasilev S. V. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik / S. V. Vasilev, V. A. Vinogradov, V. D. Mazaev. M., 2010.
9. Shmakova S. A. Konstitutsionnyye printsipy regulirovaniya mezhdudzhetykh otnosheniy v Rossiyskoy Federatsii // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. 2006. №2(29).
10. Ebzeev B. S. Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroe Rossiyskoy Federatsii: monografiya. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2013.
11. Konstitutsionnoe pravo: uchebnik / Otv. red. V.V. Lazareva. M., 1999.
12. Lebedev V. A. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: kurs lektsiy / V.A. Lebedev: v 2-h ch. Ch.1.Chelyabinsk, 2012.
13. Sapargaliev G. S. Konstitutsionnoe pravo Respubliki Kazahstan: Akademicheskii kurs.3-e izd.,s dop. Almatyi, 2007.
14. Kutafin O. E. Predmet konstitutsionnogo prava. M., 2001.
15. Kruglov A. N. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii. Norilsk, 2010.
16. Chirkin V. E. Konstitutsiya: Rossiyskaya model. M., 2004.
17. Kokotov A. N. Konstitutsionnoe pravo Rossii. Kurs lektsiy: ucheb. posobie. M., 2008.
18. Koveshnikov E. M. Rossiyskoe konstitutsionnoe pravo. M., 2002. S.7.
19. Schetinin B. V. O ponyatii predmeta gosudarstvennogo prava // Pravovedenie. 1963. № 2. S. 139.
20. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran: uchebnik / red.: V.O. Luchin, red.: G.A. Vasilevich, red.: A.S. Prudnikov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: YuNITI-DANA, 2015.
21. Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: Uchebnik / Rossiyskaya akademiya pravosudiya / Pod obsch. red. N.V. Vitruka. M.: Norma: INFRA-M, 2010.
22. Strekozov V. G. Konstitutsionnoe pravo: uchebnik dlya SPO. 6-e izd., pererab. i dop. M., 2017.

УДК 351.713(47+57) «19/20»

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ РОТ И
ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ АРЕСТАНТСКИХ ОТДЕЛЕНИЙ, НАДЗОРА ЗА
АРЕСТАНТАМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Островский А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье указано, что организация конвойной и надзирательской службы в арестантских ротах и исправительных отделениях прошла два основных этапа: 1) когда этим занимались исключительно военные чины, 2) когда был применен комбинированный подход, т. е. внутри мест заключения в основном применяли вольнонаемных надзирателей, а внешнюю охрану несли командированные военные. Практически все время существования этих учреждений наблюдаются системные проблемы с обеспечением нужного количества конвоя и надзирателей, достойной оплатой их работы, обеспечения вооружением и формой.

Создавая арестантские роты гражданского ведомства, государство в основном опиралось на опыт уже действовавших военных арестантских рот, во многом полагая такие гражданские подразделения их продолжением и развитием. Положение от 15 августа 1845 г. о исправительных арестантских ротах гражданского ведомства мало что изменило в отношении их офицерского корпуса и статуса нижних чинов. Вопросы оплаты службы офицеров арестантских рот определял указ от 14 августа 1860 г. «О производстве содержания офицерам арестантских рот и полурот гражданского ведомства».

С преобразованием арестантских рот в исправительные отделения по указу от 31 марта 1870 г. отменялось существовавшее в них военное управление и назначение воинских чинов из состава стражи и вводилось гражданское управление с вольнонаемными надзирателями с вооружением и обмундированием от казны. Однако осуществление этого наталкивалось на финансовые трудности. Порядок использования караула от войск определялся циркуляром от 24 июля 1879 г. окружного штаба Одесского военного округа. Право стимулирования работы надзирателей исправительных отделений 31 января 1884 г. приказом ГТУ дали губернаторам.

Ключевые слова: арестантские роты гражданского ведомства, исправительные отделения, надзиратели, караул, заключенные.

Важной составляющей в регулировании деятельности арестантских рот гражданского ведомства, а затем и исправительных арестантских отделений было определение системы управления такими подразделениями, их состава, взаимоотношений, обязанностей и задач и т. д. Эти положения развивались и конкретизировались со временем, уточняясь и эволюционируя вместе с развитием как всей пенитенциарной системы, так и данных ее составляющих.

Безусловно, что государство, создавая такие роты, опиралось на опыт уже действовавших военных арестантских рот, во многом полагая такие гражданские подразделения их продолжением и развитием. Так, по указу от 10 июля 1830 г. (3786) офицеры, унтер-офицеры и прочие нижние чины арестантских рот гражданского ведомства набирались из корпуса Внутренней стражи, или служащих инвалидов. Офицеры арестантских рот (исключая ротного командира) должны были водить арестантов на работы поочередно, оставаться на целый день для наблюдения

порядка и присмотра за арестантами, а вечером приводить их обратно в острог или казарму. В случаях когда рота, по специфике работ, разбивалась на участки, при каждом участке должен был находиться унтер-офицер, а дежурный офицер обязывался присутствовать при выводе и при возвращении их. Кроме того, обходами при работе он должен был проверять, достаточно ли за ними присматривают (п. 8–9). Что же до довольствия воинских чинов арестантской роты, то и оно производилось от гражданского ведомства, а суммы на жалование отпускались в распоряжение ротного командира. Он, получая жалование и амуницию для нижних чинов роты по распоряжению местного гражданского начальства, отчитывался перед ним за их использование.

Согласно п. 10 положения, конвой за арестантами предоставлялся городским гарнизоном. Количество конвойных по отношению к количеству высылаемых на работы арестантов, на основании приказа управляющего главным штабом от 31 марта 1829 г. за № 14 по военному ведомству, предполагалось не более 1 на 10 чел. арестантов [1, с. 705]. При каждых 10 рядовых конвойных полагалось отправлять 1 унтер-офицера, а при 60 рядовых с положенными к ним унтер-офицерами должен был находиться 1 обер-офицер. Обер-офицер мог быть назначен и для соблюдения порядка (в особых случаях) и при меньшем количестве конвойных.

Конвойным рядовым запрещалось по своему усмотрению отпускать в рабочее время арестантов для исправления нужды. Общим правилом в этих случаях устанавливалось, что арестантам естественные нужды следовало справлять только во время шабаша, не иначе как в особо к тому определенном месте, куда полагалось их водить с достаточным конвоем. Конвойным также запрещалось совершенно разговаривать с арестантами.

Положение также запрещало отправлять на какую либо работу менее 10 арестантов, какого бы разряда они ни были, но в случаях, требующих необходимого командирования одного, или нескольких человек (т. е. менее 10 арестантов), их предписывалось отправлять с особым конвоем от одного из городских караулов (п. 11) [1, с. 705].

В последующие годы специальными указами происходило уточнение данных положений. Так, 4 июня 1838 г. принят указ «О порядке определения офицеров в арестантские роты гражданского ведомства» (№ 11277). Им предусматривалось, что унтер-офицеры, уволенные из службы и возведенные в офицерское звание за беспорочную службу, могли вновь поступать на службу только в унтер-офицерском звании [2, с. 741–742]. Учитывая же, что такая служба все же приравнивалась к военной, 3 февраля 1841 г. принят указ «О суждении военным судом нижних чинов арестантских рот гражданского ведомства» за преступления (14243) [3, с. 95]. Однако уже 26 апреля 1841 г., в преддверии начала постепенной передачи таких подразделений ведению лишь гражданского ведомства, принят указ «О предоставлении Военным и Гражданским Губернаторам утверждать ротных командиров арестантских рот гражданского ведомства» (14492) [3, с. 342].

Положение от 15 августа 1845 г. о исправительных арестантских ротах гражданского ведомства (19285) мало что изменило в отношении их офицерского корпуса и статуса нижних чинов. Так, согласно его п. 20, жалование и продовольствие военным чинам арестантских рот следовало определять штатами и

табелями данных подразделений. Выдачу же сумм на жалование высшим и нижним воинским чинам арестантских рот следовало производить из комиссариатского ведомства военного министерства, с возвратом ежегодно из доходов, назначенных на содержание роты. Ответственность ротного начальства за побеги и другие беспорядки в роте определялась по военным правилам (п. 71) [4, с. 1024].

Согласно Новороссийскому календарю за 1849 г., в арестантской полуроте Керчь-Еникальского градоначальства командиром был штабс-капитан П. О. Проданов, а его заместителем – подпоручик О. И. Тарковский [5, с. 217]. В Новороссийском календаре за 1853 г. в этом же подразделении находим командира штабс-капитана П. О. Проданова и прапорщика Колесникова [6, с. 247]. В Календаре на 1855 г. те же лица [7].

Деятельное и посильное участие в жизни арестантской полуроты принимал Керченский полубатальон карантинной стражи. Так в 1857 г. из полубатальона отправлялись в караул при керченской арестантской полуроте (21 чел.).

14 августа 1860 г. принят указ «О производстве содержания офицерам арестантских рот и полурот гражданского ведомства» (№ 36085), согласно которому с 1 января 1860 г. содержание офицерам арестантских рот и полурот гражданского ведомства установлено из окладов наравне с офицерами инженерного ведомства по утвержденным 17 апреля 1859 г. (34385) табелям под № 1 и 3, а именно: 1) жалования по чинам, за вычетом узаконенных процентов на госпиталь и медикаменты: майору 369, капитану 294, штабс-капитану 264, поручику 234, прапорщику 195 руб. серебром в год; и 2) сверх того, собственно командирам рот и полурот столовых, за вычетом 2 % в пенсионный и инвалидный капиталы, по 99 руб. в год каждому с тем, чтобы требующийся для этого против штатов дополнительный расход, ежегодно до 10000 руб. серебром, впредь до включения его в сметы земских повинностей на трехлетие с 1863 г. удовлетворять из зарабатываемых арестантами сумм, обращаемых в пополнение земского сбора, а при недостаточности заработка по какой либо роте или полуроте – из общих остатков государственного сбора [8, с. 43–44].

10 ноября 1863 г. принят указ «О порядке замещения унтер-офицеров арестантских рот гражданского ведомства, оказавшихся несоответствующими для службы в сих ротах или совершивших преступления» (40249). Им предписывалось: 1) унтер-офицеров арестантских рот гражданского ведомства, оказавшихся не соответствующими для службы в этих ротах или совершивших преступления, требующие немедленного их удаления, передавать тогда же во внутреннюю стражу без всяких условий, для того, чтобы взамен их назначаемы были другие унтер-офицеры благонадежного поведения и безукоризненной нравственности; 2) унтер-офицеров тех же рот, совершивших преступления, а также находящихся под судом и следствием, не причисляя во внутреннюю стражу, впредь до решения о них дел замещать, но в то же время назначением на их места из внутренней стражи и других надежных унтер-офицеров [9, с. 188].

Как уже указывалось, 31 марта 1870 г. принят указ «О переименовании арестантских рот гражданского ведомства в исправительные отделения и о введении в них гражданского управления и вольнонаемного надзора» (№ 48206) [10, с. 340–342]. Им предписывалось, отменив существующее в них военное управление и назначение воинских чинов из состава стражи, ввести в исправительных

отделениях гражданское управление и вольнонаемных надзирателей на таких основаниях:

1) управление каждого исправительного арестантского отделения составляли: начальник, а в некоторых отделениях и его помощник, старший надзиратель;

2) общее число чинов и оклады по прилагаемому расписанию. Назначенное этим расписанием число надзирателей распределялось между отделениями по усмотрению министра внутренних дел;

3) должности начальников исправительных отделений и их помощников могли быть замещаемы лицами как гражданского, так и военного ведомства. Определение и увольнение тех и других предоставлялось на общем основании (прил. к ст. 400 устава служ. Прав. Св. Зак. Т. 3, по прод. 1863 г.) губернаторам, которым они подчинялись;

4) в должности старших надзирателей, их помощников и надзирателей определялись по избранию начальников исправительных отделений, по найму, лица всех сословий, которым предоставлялись, по ст. 463 и 464 уст. служ. Прав. (Св. Зак. Т. 3 изд. 1857 г.) права действительной службы, с служебной ответственностью, в порядке, указанном в приведенной ст. 464 уст. служ. прав.;

5) предметы власти, обязанности и ответственность чинов управления исправительных отделений определялись в особой инструкции МВД;

6) содержание управления исправительными отделениями относилось, по прежнему, на основании указа в ст. 1012 и 1013 устава о содержащихся под стражей (Св. Зак. Т. 14). Необходимые на покрытие этого расхода суммы вносились, по принадлежности, в сметы государственных земских повинностей и в финансовые сметы доходов (пособием государственного казначейства) и расходов МВД.

Офицеров бывших арестантских рот решили назначить в полицейские должности, а низших чинов следовало перевести в войска. На вооружение вольнонаемных надзирателей в исправительных отделениях ассигновали единовременно 7660 руб. [10, с. 340–342]. При этом набор желающих служить в исправительных отделениях происходил с трудом, так как оклад был маленький, а служба нелегкой. С другой стороны, незаинтересованные в результате работы заключенных конвойные срывали их работу.

Так, начальник Симферопольского исправительного арестантского отделения Иванов 18 июня 1873 г. подал в попечительство рапорт. В нем он указывал, что министр внутренних дел от 16 июля 1872 г. за № 138 уведомил начальника губернии, что по соглашению с военным министром признано необходимым установить плату нижним воинским чинам за исполнение ими конвойной службы при арестантах гражданского ведомства высылаемых на работы вне мест заключения, а именно: конвойным находящимся при партиях менее 20 чел. по 25 коп. и более 20 чел. по 6 коп. в сутки на человека. Таким образом, в силу этого распоряжения высылалось ежемесячно в полк для удовлетворения солдат, конвоировавших арестантов, от 40 до 60 руб., а смотря по тому, были ли арестанты в течении месяца на гуртовых или раздробительных работах, в течении же года общая сумма достигала до 600 руб. Несмотря на такое щедрое вознаграждение конвойных, они с мая по октябрь месяц высылались для конвоя до 10 ч. утра и от 4 ч. после обеда.

Нередко случалось, что и утром присылались поздно, так что арестанты в самое рабочее время оставались в бездействии около 5 ч. При таком порядке производства арестантских работ поденная плата сокращалась на 10 % (исключая положенную сбавку по 1014 ст. устава от 30 до 40 %), что составляло в период летних месяцев до 350 руб., составляющих интерес казны. Это отражалось и на нравственности заключенных; конвойные по своему положению, конвоируя арестантов без надзирателей на работы, по неопытности не были знакомы ни с свойством работ, ни с местностью их производства, и арестанты, нередко пользуясь таким обстоятельством, находили для себя другие по городу работы, и не было никакой возможности вовремя проследить за этим. Кроме того, конвойные высылаемые по большей части из молодых неопытных солдат, не понимая положения заключенных, допускали их к противозаконным проступкам. Чтобы устранить такие неудобства без особых издержек для казны, начальник роты считал полезным заменить конвойную стражу вольнонаемным надзором из 10 чел. (вместо 11 конвойных), которым требовалось содержание по штату для исправительных отделений 1200 руб. Расход этот мог покрыться от значительного приращения зарабатываемой суммы, которой, как выше уже указано, казна лишалась.

Арестанты при одном вольнонаемном надзоре могли высылаться на работы рано утром, возвращаясь и с работ позже. Они же, при недостатке в городе работ, могли высылаться и за город до пятиверстного расстояния, чего при действовавшем порядке делать было невозможно. При увеличении таким образом рабочего времени и сопряженных с ним удобств рабочая плата могла быть увеличена на 10 %, что могло дать увеличение годовой заработанной суммы до 700 руб. Однако заменяя конвойных вольнонаемной стражей, необходимо было иметь в виду увеличение содержания надзирателям получением в виде вознаграждения по прим. ст. 1020 уст. о сод. арестантских ротах за каждый рабочий день, от лиц, у которых арестанты будут находиться на работах по 25 коп., как это было определено для конвойных.

Прибавка эта за арестантский труд, по мнению Иванова, не была бы обременительна для частных лиц, и они охотно согласятся на такое условие, лишь бы в работах не было больших промежутков отдыха. Он также указывал, что при возрастающем ежегодно спросе на рабочих и по неимению их в городе арестанты сделались единственными рабочими, их предпочитают вольным рабочим еще и потому, что при них всегда есть необходимый рабочий инструмент.

Кроме того, с увеличением таким путем содержания вольнонаемным надзирателям представлялась возможность иметь лучший состав этих лиц, которые при содержании их в 10 руб. в месяц на собственном иждивении крайне нуждались в средствах к жизни, поэтому не было никакой возможности привлечь на службу лиц благонадежных, а поступали преимущественно лица из отставных солдат, которые по дурному поведению, старости лет и неспособности к физическим работам не могли снискать себе пропитания иным путем. В связи с этим для составления положенного комплекта в 12 чел., в продолжении 2 ½ лет существования исправительного отделения, пришлось переменить 49 лиц, большая часть из них была уволена по дурному поведению, а те, которые более или менее соответствовали своему назначению, не согласились служить за крайне ограниченное содержание [11, л. 8–10 об.].

При реформировании арестантских рот в исправительные отделения было принято расписание числа лиц и окладов на содержание служащих в управлениях исправительных арестантских отделений. Начальников предусматривалось 34, им жалования каждому в год по – 375 руб., столовых – по 375 руб. Их помощников 26, им жалования каждому в год по 300 руб., столовых по 325 руб. Старших надзирателей – 43, им жалования каждому в год по 110 руб., на одежду и продовольствие по 40 руб. Их помощников – 37, им жалования каждому в год по 100 руб., им на одежду и продовольствие по 40 руб. Надзирателей – 312, им жалования каждому в год по 80 руб., на одежду и продовольствие по 40 руб. На наем писцов всего выделялось на все отделения 490 руб. Итого – 433 человека, расход на них 89960 руб.

Также указывалось, что помощники начальников исправительных отделений полагались в следующих отделениях: 2-х Киевских и Тверском, Одесском, Архангельском, Владимирском, Вятском, Казанском, Костромском, Курском, Новгородском, Орловском, Пермском, Полтавском, Псковском, Саратовском, Симбирском, Смоленском, Харьковском, Ярославском, Тобольском, Томском, Екатеринославском, Московском, Симферопольском и Херсонском.

Служащим в управлении исправительных отделений следовало отводить казенные квартиры в зданиях этих отделений в том случае, когда это было возможно по размеру зданий.

Для лиц управления исправительных отделений полагалась общая полицейская форма одежды, причем старшие надзиратели имели, для отличия, серебряную тесьму на погонах, а их помощники – желтую тесьму поперек погона, и, кроме того, все лица вольнонаемного надзора имели на погонах вырезанные в сукне красные буквы «И. О.» [12, л. 22].

Однако самостоятельно надзиратели не могли осуществлять весь комплекс работ по охране заключенных, особенно когда те отправлялись на работы вне стен места заключения. Для этого применялся военный караул из частей, находящийся в месте расположения исправительного отделения, так как на предложение Иванова никто не обратил внимания. Порядок его использования определялся циркуляром от 24 июля 1879 г. № 242 Окружного штаба Одесского военного округа «О наряде от войск конвоя к арестантам гражданского ведомства, высылаемым на работы». В нем устанавливались такие правила: «В губернских городах давать конвой лишь к арестантам высылаемым на работы из арестантских рот гражданского ведомства и то, если окажется, что наряд этого конвоя вызывается действительным недостатком состава стражи сих рот, а в противном случае предоставить последним при выводе арестантов на работы, обходится собственным конвоем на точном основании выше упомянутых статей Свода законов гражданских. И 3) Если в гарнизоне не будет доставать людей на три полные караульные очереди, то для сопровождения арестантов на работы воинских чинов не наряжать вовсе...» [13, л. 21–22]. Циркуляром № 300 от 26 сентября 1879 г. Одесский военный округ установил вознаграждение нижних чинов за конвоирование гражданских арестантов на работы. Ссылаясь на решение от 11 мая 1872 г. №121, было установлено плату по 6 коп. в сутки на каждого конвойного при высылке арестантов партиями не менее 20 чел., по 25 коп. в сутки при назначении арестантов в работы раздробительные, в числе не менее 20 чел. [13, л. 28].

Применение военных для охраны заключенных в исправительных отделениях было необходимо еще и потому, что вольнонаемные надзиратели часто весьма недобросовестно относились к своим обязанностям. Так, письмом от 7 октября 1878 г. губернское правление дало знать попечительству отделения о том, что министр внутренних дел 2 сентября сообщил губернатору, что «из представления губернатора об инспекторском осмотре симферопольского исправительного отделения гражданского ведомства за минувший год усматривается... вольнонаемные надзиратели, состоящие при отделении, не соответствуют своему назначению, как в нравственном, так и в служебном отношениях, и часто сменяются, при чем не имеют полного форменного обмундирования, частью за недостаточностью средств, а частью потому, что признают невыгодным строить для себя ее». По надзирателям было предложено «войти в соображение о том, какие должны быть приняты меры к комплектованию вольнонаемной стражи при этом месте заключения людьми, которые вполне удовлетворяли бы требованиям службы этого рода». Что же до форменного обмундирования этим чинам, то предлагалось с целью «устранения уклонения их от постройки такой одежды, ввести, взамен выдачи им денег на этот предмет, постройку обмундирования на счет денежных назначений на это, по распоряжению подлежащего начальства, подобно тому как это уже принято в некоторых исправительных отделениях, с выдачей надзирателям только той части указываемых денег, какая будет оставаться за расходами по обмундированию их, при чем последнему должны быть назначены подлежащие сроки применительно к существующим положениям, с тем, чтобы одежда и вещи, в случае увольнения надзирателя с службы ранее истечения сих сроков, отбирались и оставались в арестантских отделениях для выдачи надзирателям, заменивших уволенных» [14, л. 3–6].

Приведем такие сведения о текучести кадров симферопольского исправительного отделения. Приказом 8 августа 1878 г. уволен надзиратель отделения М. Андреев, на его должность назначен отставной унтер-офицер Л. Чебачуч [14, л. 11]. 23 октября 1878 г. уволен надзиратель Е. Архипов, на его место взяли рядового И. Зенькевича [14, л. 13]. 30 ноября 1878 г. уволен еще один надзиратель, а на его место принят временно отставной унтер-офицер Кривонос [14, л. 12]. 15 декабря 1878 г. смотритель тюрьмы Симферополя подпоручик Г. Николаев, исполняющий должность помощника начальника симферопольского исправительного отделения, утвержден в этой должности [14, л. 14]. 12 января 1879 г. уволен надзиратель П. Кривонос, вместо него взят С. Иванченко [15, л. 1]. 27 января 1879 г. уволен надзиратель Ф. Бендо, его место занял З. Овечкин [15, л. 2].

21 февраля 1879 г. уволен надзиратель Новиков, его место занял старший писарь Лозово-Севастопольской железной дороги Ф. Шепелев [15, л. 4]. 26 марта 1879 г. губернатор утвердил увольнение надзирателей Чебанцова и Овечкина, а на их места были определены отставные нижние чины М. Джеляков и М. Куп [15, л. 6].

14 апреля 1879 г. уволен надзиратель Юрченко, а вместо него принят отставной нижний чин Я. Зорин [15, л. 7]. 23 апреля уволен надзиратель Суханов, вместо него назначен отставной писарь Заворожин [15, л. 8]. 8 мая уволен надзиратель Михаил Джемьяков. А на его место принят отставной рядовой Константин Беренко [15, л. 9]. 15 мая уволен надзиратель В. Заворох, на его место принят унтер-офицер А. Федосеев [15, л. 10]. 17 мая уволен надзиратель Я. Зорин, на его место –

К. Деревянко [15, л. 11]. 1 июня уволены надзиратели А. Федосьев и Ф. Шепелев, на их место пришли Е. Шнуров и С. Лопач [73, л. 12]. 2 июля 1879 г. уволен по слабости здоровья надзиратель Т. Борон, его место занял Н. Литвинский [15, л. 16].

Бывало, что надзирателей увольняли и по суду. Так, надзиратель симферопольского отделения запасный рядовой Игнат Колодзейчик был уволен с должности с 29 сентября 1883 г. и предан суду окружного суда без участия присяжных заседателей по обвинению в том, что 29 сентября он, состоя при партии арестантов, высланных на частные работы, по нерадению и небрежности допустил арестантам пить водку, зайти в дом терпимости и нанести оскорбление действием полицейскому смотрителю Черенко [16, л. 1]. Или же, МВД по департамент полиции исполнительной 18 января 1878 г. сообщило губернатору, что арестанты в отделении Курска назначаются по одному на работы к начальнику отделения, к одному из попечителей и фельдфебелю [14, л. 2–2 об.].

Возникали сложности и с определением вознаграждения за охрану и окарауливание заключенных. Так ГТУ Керчь-Еникальскому градоначальнику 18 июня 1880 г. прислало письмо «О распределении заработков арестантов исправительного отделения». В нем указывалось, что из сообщения градоначальника о предполагаемом приходе и расходе в 1881 г. зарабатываемых сумм арестантами этого исправительного отделения видно, что расход на вознаграждение военного караула при арестантах, высылаемых на работы вне мест заключения, должен подлежать вычету из общей суммы заработка прежде ее распределения, согласно 1014 и 1015 ст. Уст. о сод. под страж., в доход казны и в экономические суммы отделения. Между тем по действующим узаконениям, разъясненным и циркуляром МВД от 16 июля 1872 г. №138, вознаграждение нижних воинских чинов за исполнение конвойной службы при гражданских арестантах следовало производить, согласно 1014 и 1015 ст. Устава о сод. под стражей, из экономических сумм отделения, а не из общих заработков арестантов [34, л. 37, 39].

Для стимулирования работы надзирателей исправительных отделений 31 января 1884 г. приказом № 2 ГТУ дало право губернаторам остатки из штатных сумм, выделенных на содержание надзирателей исправительных арестантских отделений, использовать на денежные награды им с тем, чтобы на одного награда не превышала месячного оклада, т. е. 20 руб. для старшего и 15 руб. для младшего надзирателя. Также требовалось сообщить о проделанном в этом направлении ГТУ и в тех случаях, когда награды нужны больше или нет денег на такие награды [18, л. 1]. Кстати говоря, в Керчи таких остатков было всего 2 р. 50 коп [18, л. 2]. Тем не менее начальник отделения предлагал наградить старшего надзирателя П. Постернацкого (20 руб.), а младшим в качестве награды выдать: С. Козлову, И. Делимарскому, И. Бабенко, К. Сокуренко и П. Елагину по 15 руб.; П. Рукавишникову 10 руб., И. Покидаеву 8 руб. [18, л. 3].

Долго решались вопросы и вооружения надзирателей. Так, лишь 4 ноября 1885 г. ГТУ сообщило градоначальнику о том, что выслано для вооружения надзирателей исправительного отделения из ближайшего артиллерийского склада 2 револьвера Смита Вессона 2-го образца с обыкновенным числом (по 18) патронов на каждый, столько же шашек драгунского образца. Кожаные принадлежности к ним обещали выслать позже, за их отсутствием [19, л. 6].

Это оружие поступило из склада в Керчи сообщением от окружного артиллерийского управления 29 ноября 1885 г. [19, л. 7]. 2 полных комплекта кожаных принадлежностей к драгунским шашкам выслали из ГТУ 20 декабря 1885 г. (2 портупении и 2 темляка), а для револьверов – 2 чушки, 2 пояса, 2 патронташа и 2 шнура) [19, л. 11]. Лишь 18 июня 1886 г. градоначальнику пришло письмо о возможности получения, за деньги, 36 патронов со склада [19, л. 12]. 24 июня эти патроны из склада были отправлены в крепость Керчь [19, л. 14]. За них градоначальство заплатило 61 коп. [19, л. 15]. А получили реально патроны 8 июля из 57 резервного пехотного батальона. Как видим, процесс вооружения надзирателей был неоправданно затянут, как и многое другое для обеспечения их нормального функционирования.

При таком отношении государства к исправительным отделениям не удивительно, что 12 февраля 1885 г. в рапорте градоначальнику начальник Керченского исправительного арестантского отделения штаб-капитан В. А. Кадыграб заявил о намерении «изменить род службы» [20, л. 1]. Следующим начальником этого отделения стал уже гражданский человек – коллежский секретарь Н. Трушевский. Очевидно его деятельность на этом поприще была более удачной хотя бы потому, что 14 февраля 1886 г. его наградили орденом Св. Станислава 3 степени «за отлично-усердную службу и особые труды по ведомству Общества Попечительного о тюрьмах» [20, л. 6].

Кстати говоря, Кадыграб, написав заявление об уходе, одновременно в своей докладной записке градоначальнику 12 февраля 1885 г. указывал на то, что категорически не хватало надзирателей и людей для несения караульной службы. Так, 11 февраля дежурный по караулам 57 резервного пехотного батальона снял внутренний со двора отделения военный пост и поставил его на улице за стеной отделения. Таким образом при отделении не стало внутреннего поста, а осталось только 2 наружных. Кроме того, начальник отделения просил ассигновать суммы еще хотя бы на трех надзирателей для содержания в ночное время караула во дворе отделения. Он исходил в этом вопросе из того, что при отделении находящиеся на службе надзиратели, будучи целый день при арестантах на работах, не могли нести еще и ночную службу [21, л. 1].

В тоже время при отделении было только 8 чел. надзирателей по штату [21, л. 3]. 2 не могли быть назначаемы в караул, так как за ними были закреплены другие занятия. Остальные 6 почти ежедневно, кроме праздничных дней, находились с арестантами на внешних работах [21, л. 3].

Несколько позже государство более детально взялось за решение проблем надзирателей исправительных отделений. Так, 18 февраля 1888 г. ГТУ циркуляром № 5 сообщило губернатору, что на основании 6 примечания к утвержденному 15 июня 1887 г. временному штату управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи всем тюремным надзирателям производится из казны, сверх денежного вознаграждения, форменная одежда, за исключением обуви, причем, согласно 9 п. утвержденного того же числа мнения Госсовета, министру внутренних дел предоставлено, по соглашению с министром финансов и государственным контролером, составить табель вещевого довольствия тюремной стражи и, по утверждении ее законодательным порядком, входить

ежегодно с особым представлением в госсовет о назначении, на основании сей таблицы, кредита на каждый следующий год.

Согласно этому выработанная ГТУ и рассмотренная министерством финансов и государственным контролем табель вещевого довольствия тюремной стражи была внесена уже на рассмотрение госсовета и по утверждению ее ГТУ было готово предоставить необходимые денежные средства на заготовку форменной одежды для всего штатного состава тюремного надзора. Для скорейшего удовлетворения этой потребности следовало уведомить, по каким именно ценам признавалось бы возможным приобрести на месте, непосредственным распоряжением губернатора, необходимые материалы для постройки форменной одежды надзирателям, имея при этом в виду те указания относительно свойств этих материалов, которые содержатся в сообщенном 24 января 1886 г. № 4 описании форменной одежды чинов тюремного надзора [22, л. 39].

Также указывалось, что для старших надзирателей к показанному отпуску на приклад и шитье мундира добавлялось 2 руб. на галун, бомбочки и кушак, а металлические знаки, носимые на груди, фуражке и кушаке, служили бессрочно; на ремонт их отпускалось 15 коп. в год на человека.

В ответ на данный циркуляр керчь-еникольский городской голова сообщил градоначальнику, что в Керчи такие справочные цены на аршин черного не ворсованного гвардейского сукна – 2 руб., на аршин подкладочного холста – 10 коп., на аршин равендука – 20 коп. и на аршин коленкору – 15 коп., драпа же такого, какой установлен для нижних чинов полиции Санкт-Петербурга, в Керчи в продаже не имелось. При этом были приложены образцы означенных вещей [22, л. 44].

Несмотря на сдвиги в решении проблем формы, 17 февраля 1889 г. Керчь-Еникольская команда градоначальнику рапортом сообщила, что по его требованию для окарауливания арестантов могут назначить не более 2 чел. нижних чинов [23, л. 49]. А вот сколько арестантов можно с ними послать на работы, этого ни начальник конвойной команды, ни другие не знали. Пришлось обратиться за разъяснениями в высшие инстанции. 4 апреля 1889 г. ГТУ разъяснило градоначальнику, что обязанность охраны арестантов лежит на конвойных командах, но в случае их нехватки можно использовать и надзирателей [23, л. 52–53]. Кстати говоря, в 1889 г. из конвойной команды Керчи конвоировали арестантов на внешние работы: унтер-офицер П. Лисовец 12 раз, ефрейторы Г. Безродный и А. Вонярка по 12 раз, а также 14 рядовых, из которых 5 по 12 раз, а 9 по 13 раз [23, л. 73].

Ведение такого учета было делом важным, так как циркуляром от 3 марта 1888 г. № 6 ГТУ для поощрения нижних чинов конвойных команд к усердному исполнению возлагаемых на них обязанностей по окарауливанию арестантов на внешних работах признало возможным отнести этих чинов к кругу лиц, которым, по ст. 363 устава о сод. под стр., могло быть выдаваемо вознаграждение из свободных остатков от поступающей в пользу тюрьмы части дохода от работ. В отношении порядка выдачи этих наград ГТУ было предложено по истечении каждого полугодия подводить итоги суммам, которые были выручены от внешних арестантских работ, производившихся под охраной от конвойных команд, по представлению губернатора и с разрешения ГТУ на выдачу вознаграждения сопровождавшим арестантов конвойным чинам, по именным спискам, ведение которых было возложено на начальников конвойных команд, по принадлежности.

Но в начале XX в. некоторые местные начальства обратились в ГТУ с ходатайством о пересмотре правил, касающихся вознаграждения нижних чинов конвойных команд, сопровождавших арестантов на внешние работы. При этом указывалось, что существующие меры поощрения конвоиров не достигают преследуемой цели частью потому, что в силу циркуляра 3 марта 1888 г. № 6 следуемое конвойным чинам вознаграждение выдавалось по прошествии 6 и более месяцев главным образом потому, что крайне ограниченные размеры получаемого вознаграждения на давали возможность чинам конвойных команд улучшать за этот счет пищевое довольствие, вследствие чего они не редко бывали вынуждены проводить целые дни без горячей пищи. Кроме того, при оконвоировании быстрее изнашивались одежда и обувь конвойных команд. Исходя из этого, ГТУ 21 февраля 1905 г. циркуляром № 4 предписало принять к руководству следующие правила:

1) при отпуске арестантов на внешние работы начальникам мест заключения предоставлялось выговаривать с нанимателей, независимо от платы за собственно арестантский труд, особую сумму на организацию дополнительного надзора, предназначенную для покрытия как расходов по найму и обмундированию добавочных надзирателей, так и издержки вызываемых окарауливанием арестантов чинами конвоя;

2) размеры вознаграждения нижних чинов конвойных команд, наряжаемых для сопровождения арестантов на внешние работы, впредь до установления особых правил, устанавливались по соглашению начальников мест заключения с начальниками конвойных команд и уездными воинскими начальниками по принадлежности; если такого соглашения не состоялось – отправлять вопрос на решение ГТУ;

3) причитающееся нижним чинам конвойных команд вознаграждение отпускалось начальниками мест заключения из указанного в ст. 1 источника на основании требовательных ведомостей начальников конвойных команд или уездных воинских начальников;

4) Суммы, отпущенные на вознаграждение конвойных команд, сопровождающих арестантов на внешние работы, следовало показывать в графе 5 ведомостей о ходе работ, в числе издержек выручаемого от арестантских работ валового дохода. В приложении к этой графе точно означать количество дней, употребленных чинами конвойных команд на выполнение упомянутой обязанности, и размер выдававшегося им вознаграждения за каждый проведенный на работах день [23, л. 213–214].

Подводя общий итог исследования, следует указать, что организация конвойной и надзирательской службы в арестантских ротах и исправительных отделениях прошла два основных этапа: 1) когда этим занимались исключительно военные чины, 2) когда был применен комбинированный подход, т. е. внутри мест заключения в основном применяли вольнонаемных надзирателей, а внешнюю охрану несли командированные военные. Практически все время существования данных пенитенциарных учреждений наблюдаются системные проблемы с обеспечением нужного количества конвоя и надзирателей, достойной оплатой их работы, обеспечением вооружением и формой.

Создавая арестантские роты гражданского ведомства, государство в основном опиралось на опыт уже действовавших военных арестантских рот, во многом полагая такие гражданские подразделения их продолжением и развитием.

Положение от 15 августа 1845 г. «О исправительных арестантских ротах гражданского ведомства» мало что изменило в отношении их офицерского корпуса и статуса нижних чинов. Вопросы оплаты службы офицеров арестантских рот определял указ от 14 августа 1860 г. «О производстве содержания офицерам арестантских рот и полурот гражданского ведомства», в котором было определено содержания из сумм зарабатываемых арестантами.

С преобразованием арестантских рот в исправительные отделения по указу от 31 марта 1870 г. отменялось существовавшее в них военное управление и назначение воинских чинов из состава стражи и вводилось гражданское управление и вольнонаемных надзирателей с вооружением и обмундированием от казны. Однако осуществление этого наталкивалось на финансовые трудности. Порядок использования караула от войск определялся циркуляром от 24 июля 1879 г. № 242 окружного штаба Одесского военного округа. Право стимулирования работы надзирателей исправительных отделений 31 января 1884 г. приказом № 2 ГТУ дали губернаторам.

Список использованных источников и литературы:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. V. Отделение первое. 1830. – СПб., 1831. – 594 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XIII. Отделение первое. 1838. – СПб., 1839. – 1067 с.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XVI. 1841 г. Отделение первое. – СПб., 1842. – 942 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. 1845 г. Отделение первое. – СПб., 1846. – 1045 с.
5. Новороссийский календарь на 1849 год, издаваемый от Ришельевского лицея. – Одесса: городская типография, 1848. – 185 с.
6. Новороссийский календарь на 1853 год, издаваемый от Ришельевского лицея. – Одесса: городская типография, 1852. – 215 с.
7. Новороссийский календарь на 1855 год, издаваемый от Ришельевского лицея. – Одесса: городская типография, 1854. – 200 с.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXV. Отделение второе. 1860. – СПб., 1862. – 634 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXVIII. Отделение второе. 1863. – СПб., 1866. – 358 с.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Отделение первое. Т. XLV. 1870. – СПб., 1874. – 896 с.
11. ГАРК, ф. 162, оп. 2, д. 1629. Сведения об арестантах, осужденных в исправительные арестантские роты. 17.04.1886–23.12.1886. 73 л.
12. ф. 180, оп. 1, д. 80. Бумаги к сведению и руководству (постановления Таврического губернского правления об изменении и дополнении статей Свода Законов, о концессии телеграфной линии, о правилах сухопутной торговли и др.). 18.03.1869–20.12.1870 г. 42 л.
13. Там же, ф. 162, оп. 2, Т. 2, д. 717. Циркуляры МВД Керченскому исправительному арестантскому отделению. 14.02–31.08.1879 г. 27 л.
14. Там же, ф. 38, оп. 1, д. 58. Дело о запрещении посылки арестантов на работу к попечителям роты, об осмотре исправительного отделения роты губернатором. 14 марта 1878 г. – 18.12.1878 г.
15. Там же, ф. 38, д. 62. Дело об увольнении надзирателей со службы. 16.01.1871 – 22.12.1881 г.

16. Там же, ф. 38, оп. 1, д. 66. Дело об увольнении надзирателей роты, о распределении между арестантами денег, заработанных ими. 15.10.1883–15.11.1883.
17. Там же, ф. 162, оп. 2, д. 809. Циркуляры МВД о распределении преступников по арестантским ротам и исправительным отделениям, движении партий и ссыльных арестантов. 7.01.1880–26.01.1881г.
18. Там же, ф. 162, оп. 2, д. 1284. О представлении надзирателей Керченского исправительного арестантского отделения к денежным наградам. 17.03.1884 – 5.09.1884 г. 9 л.
19. Там же, ф. 162, оп. 2, д. 1408. Об утверждении шнуровых книг Керченского исправительного арестантского отделения на 1885 г.; об утверждении в должности циркулярника отделения Макара Лаврова; о вооружении 2-х добавочных надзирателей револьверами и пашками. 11.01.1885–22.08.1886. 21 л.
20. Там же, ф. 162, оп. 2, д. 1418. Об увольнении штабс-капитана от должности начальника Керченского исправительного арестантского отделения и определения на эту должность коллежского секретаря Тушевского. 13.02.1885–14.10.1885. 34 л.
21. Там же, ф. 162, оп. 2, д. 1414. Переписка градоначальника с Керченским исправительным арестантским отделением об увеличении фонарей при арестантском отделении; об увеличении надзирателей; о продаже вещей отделения, пришедших в негодность. 13.02.1885–10.12.1885. 10 л.
22. Там же, ф. 162, оп. 2, д. 1373. О порядке заготовки арестантской одежды. 6.07.1885–14.08.1885.
23. Там же, ф. 162, оп. 2, д. 1593. Положение об арестантах: порядок содержания, работа и одежды. 25.04.1886–25.06.1913.

Ostrovskiy A. Legal adjusting of management of companies and correctional prisoner separations, supervision after prisoners in Russian empire // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 72–85.

It is indicated in the article, that organization of escort and supervisor service in prisoner companies and correctional separations passed two basic stages: 1) when this exceptionally soldiery ranks engaged in, 2) when the combined approach was applied, i.e. into the places of confinement mainly applied civilian supervisors, and an external guard was carried by the sent on an assignment soldiery. Practically all the time existences of these establishments are observed system problems with providing of necessary amount of escort and supervisors, deserving payment of their work, providing an armament and form. Creating the prisoner companies of civil department the state mainly leaned against experience of already operating soldiery prisoner companies, in a great deal supposing such civil subdivisions by their continuation and development. Position from August, 15 1845 about the correctional prisoner companies of civil department small that changed in regard to their officer corps and status of lower ranks. The questions of payment of service of officers of prisoner companies were determined by a decree from August, 14 1860 "About the production of maintenance to the officers of prisoner companies and sex of companies of civil department".

With transformation of prisoner companies to the correctional separations on a decree from March, 31 1870 existing was abolished them military management and setting of army-ranks from composition of guard and entered civil management and civilian supervisors with an armament and uniform from a treasury. However realization of it came across financial pressures. The order of the use of guard from troops was determined by a circular from July, 24 1879 circuitous staff of the Odesa territorial department. Right for stimulation of work of supervisors of correctional separations of January, 31 1884 it was given the order of ГТУ to the governors.

Keywords: prisoner companies of civil department, correctional separations, supervisors, guard, prisoners.

Spisok ispolzovannykh istochnikov i literaturyi:

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. V. Otdelenie pervoe. 1830. – SPb., 1831. – 594 s.
2. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XIII. Otdelenie pervoe. 1838. – Spb., 1839. – 1067 s.
3. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XVI. 1841 g. Otdelenie pervoe. – SPb., 1842. – 942 s.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XH. 1845 g. Otdelenie pervoe. – SPb., 1846. – 1045 s.
5. Novorossiyskiy kalendar na 1849 god izdavaemyiy ot Rishlevskogo litseya. – Odessa: gorodskaya tipografiya, 1848. – 185 s.

6. Novorossiyskiy kalendar na 1853 god izdavaemyiy ot Rishlevskogo litseyu. – Odessa: gorodskaya tipografiya, 1852. – 215 s.
7. Novorossiyskiy kalendar na 1855 god izdavaemyiy ot Rishlevskogo litseyu. – Odessa: gorodskaya tipografiya, 1854. – 200 s.
8. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XXHV. Otdelenie vtoroe. 1860. – Spb., 1862. – 634 s.
9. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XHHVIII. Otdelenie vtoroe. 1863. – SPb., 1866. – 358 s.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. Otdelenie pervoe. T. XLV. 1870. – SPb., 1874. – 896 s.
11. GARK, f. 162, op. 2, d. 1629. Svedeniya ob arestantah, osuzhdennyih v ispravitelnyie arestantskie rotii. 17.04.1886 – 23.12.1886 g. 73 l.
12. f. 180, op. 1, d. 80. Bumagi k svedeniyu i rukovodstvu (postanovleniya Tavricheskogo gubernskogo pravleniya ob izmenenii i dopolnenii statey Svoda Zakonov, o kontsessii telegrafnoy linii, o pravilah suhoputnoy trgovli i dr.). 18.03.1869 – 20.12.1870 g. 42 l.
13. Tam zhe, f. 162, op. 2, T. 2, d. 717. Tsirkulyari MVD Kerchenskomu ispravitelnomu arestantskomu otdeleniyu. 14.02. – 31.08.1879 g. 27 l.
14. Tam zhe, f. 38, op. 1, d. 58. Delo o zapreschenii posylki arestantov na rabotu k popechitel'yam rotii, ob osmotre ispravitel'nogo otdeleniya rotii gubernatorom. 14 marta 1878 g. – 18.12.1878 g.
15. Tam zhe, f. 38, d. 62. Delo ob uvolnenii nadzirately so sluzhby. 16.01.1871 – 22.12.1881 g.
16. Tam zhe, f. 38, op. 1, d. 66. Delo ob uvolnenii nadzirately rotii, o raspredelenii mezhdou arestantami deneg, zarabotannyih imi. 15.10.1883 – 15.11.1883 g.
17. Tam zhe, f. 162, op. 2, d. 809. Tsirkulyari MVD o raspredelenii prestupnikov po arestantskim rotam i ispravitel'nyim otdeleniyam, dvizhenii partiy i ssyl'nyih arestantov. 7.01.1880 – 26.01.1881 g.
18. Tam zhe, f. 162, op. 2, d. 1284. O predstavlenii nadzirately Kerchenskogo ispravitel'nogo arestantskogo otdeleniya k denezhnyim nagradam. 17.03.1884 – 5.09.1884 g. 9 l.
19. Tam zhe, f. 162, op. 2, d. 1408. Ob utverzhdenii shurovyih knig Kerchenskogo ispravitel'nogo arestantskogo otdeleniya na 1885 g.; ob utverzhdenii v dolzhnosti tsirkulyarnika otdeleniya Makara Lavrova; o vooruzhenii 2-h dobavochnyih nadzirately revolverami i shashkami. 11.01.1885 – 22.08.1886 g. 21 l.
20. Tam zhe, f. 162, op. 2, d. 1418. Ob uvolnenii shtabs-kapitana ot dolzhnosti nachal'nika Kerchenskogo ispravitel'nogo arestantskogo otdeleniya i opredeleniya na etu dolzhnost kollezhskogo sekretarya Tushevskogo. 13.02.1885 – 14.10.1885 g. 34 l.
21. Tam zhe, f. 162, op. 2, d. 1414. Perepiska gradonachal'nika s Kerchenskim ispravitel'nyim arestantskim otdeleniem ob uvelichenii fonarey pri arestantskom otdelenii; ob uvelichenii nadzirately; o prodazhe veschey otdeleniya, prishedshih v negodnost. 13.02.1885 – 10.12.1885 g. 10 l.
22. Tam zhe, f. 162, op. 2, d. 1373. O poryadke zagotovleniya arestantskoy odezhdy. 6.07.1885 – 14.08.1885 g.
23. Tam zhe, f. 162, op. 2, d. 1593. Polozhenie ob arestantah: poryadok sodержaniya, rabota i odezhdy. 25.04.1886 – 25.06.1913 g.

УДК 34

**ПРОЕКТ ПОЛОЖЕНИЯ О ПРАВАХ И ОБЯЗАННОСТЯХ
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ ПРАВОСЛАВНОГО ТЮРЕМНОГО
ДУХОВЕНСТВА В ПЕРИОД ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА**

Петров А. М., Зимица К. Ю.

Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России

Вопрос о правовом статусе священнослужителей в пенитенциарной системе являлся проблемным в императорской России. Тяжелая, изнуряющая работа тюремных капелланов, низкое материальное обеспечение, несовершенство законодательства обуславливали необходимость производства необходимых преобразований, касающихся их правового положения. В связи с кардинальными трансформациями политико-правовой системы России после Февральской революции 1917 года и приходом к власти Временного правительства у православного духовенства появилась возможность улучшить положение тюремных священнослужителей. Ввиду этого ими был подготовлен соответствующий проект. Основной задачей научной работы является анализ ранее не опубликованных и не исследуемых архивных документов.

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации вопрос определения правового положения тюремных священнослужителей остается дискуссионным, так как служение организуется в условиях строгой изоляции от общества, определено правовыми рамками, ограничено во времени и имеет специфический объект воздействия.

Ключевые слова: Временное правительство, Главное управление мест заключения, Русская православная церковь, правовой статус тюремного священнослужителя.

Актуальность темы обусловлена тенденциями, происходящими в нашей стране в последние десятилетия в связи с укреплением взаимоотношений между государством и религиозными конфессиями, а также активным участием последних в различных общественных и социальных институтах, в том числе в возрождении института капелланов в уголовно-исполнительной системе. Данное обстоятельство заставляет нас вернуться назад в прошлое столетие, в эпоху переломного для России момента с февраля по октябрь 1917 года.

Именно в этот исторический период после Февральской буржуазно-демократической революции вновь образованной властью в лице Временного правительства были впервые провозглашены и дарованы народу демократические права и свободы.

20 марта 1917 года Временное правительство издало нормативно-правовой акт, регламентирующий основы религиозной политики государства – Постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» [1, с. 46–49].

Закон «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений» вступил в законную силу 22 марта 1917 года и закрепил гражданское равенство всех граждан России в своих правах. Это дало новый толчок к борьбе национальностей, этнических групп за свои права, ущемленные при царском режиме.

В соответствии с изменением курса вероисповедной политики государства возникла необходимость разработки нормативного правового акта,

регламентирующего деятельность православного тюремного духовенства. Именно эта категория священнослужителей была наиболее социально не обеспечена.

В аспекте рассматриваемой проблемы привлекает внимание работа непосредственного участника рассматриваемого нами периода – тюремного священника Д. Троицкого. В своем труде он неоднократно подчеркивает трудности, с которыми приходится сталкиваться тюремным священнослужителям. Новая полоса изыскания, представленная в работе, была найдена в Государственном архиве Нижегородской области.

Прежде чем мы начнем рассматривать вопрос, отметим, что до Октябрьской революции в России представители Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) были неотъемлемой частью каждого исправительного учреждения и имели постоянной обязанностью духовно-нравственное попечение об узниках. Глубокая взаимосвязь и взаимозависимость Церкви и государства являлась характерной чертой российской истории. Поэтому изучение опыта тюремных преобразований, которые проводились в дореволюционной России под влиянием социально-общественных движений, сегодня приобретает особое значение.

Ввиду важности присутствия капеллана в местах заключения, в императорской России существовала Инструкция смотрителя губернского тюремного замка, в которой ряд статей регулировал духовно-нравственное исправление арестантов, а также определялась должность священника. К примеру, в приложении к ст. 96 говорилось, что «богослужение в церкви тюремной должно совершаться во все воскресные и праздничные дни, и дни высокотожественные, во все дни 1-й и 7-й недель Великого поста, и в среду и пятницу каждой остальной недели этого поста, во все дни недели Пасхи и, сверх того, в продолжение всего года в два будничных дня еженедельно, одним словом не менее трех служб в неделю, а иногда более. Очевидно, что в исчислении дней и недель, в которые должно совершаться Богослужение в тюремной церкви, взято *maximum*. Более частого совершения Богослужения едва ли можно было требовать от священника, если он один при церкви. Но по отношению к тюрьме это так и должно быть. ...К этим обязанностям священника нужно... согласно § 158, совершение всех треб церковных по тюрьме, как-то: напутствование больных, похороны, крестины и совершение браков» [2, с. 140].

Из сказанного становится очевидным, что тюремные капелланы имеют нескончаемый объем работы. Священник Д. Троицкий пишет: «Особенно тяжелы для священника и вредны для здоровья посещения им камер пересыльных арестантов. Пересыльных арестантов составляет вконец промотавшийся люд со всех сторон Европейской и Азиатской России. Оборванные с ног до головы, полураздетые, грязные... изможденные голодом, холодом, пьянством, распутством, ... не по своему раскаянию возвращающиеся к отцам своим, а насильно возвращаемые Правительством на место их родины. И в этот-то вертеп отвратительного вида идет и должен идти священник тюремный; должен и по закону духовно-гражданскому, и по сознанию своего пастырского призвания, напомнить этим людям, что есть Бог, Которого надобно побояться и Которому надобно помолиться, – что есть добрые люди, которых надобно постыдиться, – есть у каждого свои родные, которых надобно пожалеть, и проч. и проч. И такие

посещения им не редки, потому что партии пересыльных арестантов, еженедельно и два раза в неделю, сменяют одна другую» [2, с. 141–142].

Намеренно обращаем внимание и на материальное обеспечение тюремных служителей. Исходя из того, что они не могут и не должны пользоваться подающими узников, им приходится существовать на средства, выделяемые Тюремным комитетом и отделением. В губернских тюрьмах заработная плата редко превышает 400 рублей в год [2, с. 141–142].

Тем самым описание некоторых моментов повседневной работы священнослужителей дает основание сделать вывод, насколько не соответствует продельваемый им труд с существующими у него правами и преимуществами. Конкретных узаконений по этому вопросу нет, следовательно, тюремные церковнослужители придерживаются общих положений всего духовенства.

Поэтому после свержения монархии и образования Временного правительства священнослужители РПЦ заявили о намерении создать единый нормативно-правовой акт, который регламентировал бы их деятельность в соответствии с реалиями нового демократического курса политики государства.

7 августа 1917 года на собрании священнослужителей при 1 Нижегородской и 2 Нижегородской тюрьмах был создан проект положения о правах и обязанностях священнослужителей православного тюремного духовенства. Суть его сводилась к следующему:

1. Во главе всех священнослужителей тюремной церкви в России стоит протопресвитер, канцелярия которого находится при ГУМЗ. От него зависит назначение подготовленных к тюремным церквям священнослужителей.

Желательно, чтобы под руководством протопресвитера издавался журнал или приложение к «Тюремному вестнику», в котором печатались бы лучшие проповеди, особые знаменательные случаи из жизни заключенных.

2. Ближайшем руководителем в исполнении духовно-нравственных обязанностей священнослужителей является ими же избираемый опытный из тюремных священников благочинный, утверждается он протопресвитером. Регион благочинного округа определяется протопресвитером.

На обязанности благочинного лежит непосредственное наблюдение за духовно-нравственной деятельностью священнослужителей. К нему как к старшему между равными обращаются за советами, и он является первым непосредственным советником и руководителем.

Также в круг его обязанностей входит: надзор за правильностью церковных документов, присылаемых ему настоятелями церквей. По окончании года ими предоставляются благочинному годовые отчеты о религиозно-нравственном состоянии заключенных: о бытии их у исповеди и причастиях, усердия к церкви, к чтению религиозно-нравственных книг, труду и о случаях их исправления. Из всех этих отчетов благочинный составляет общий отчет и ведомость с документами предоставляет протопресвитеру.

Благочинный ежегодно предоставляет протопресвитеру формулярные списки тех священнослужителей, которые, по его мнению, достойны получить существующую награду в духовном ведомстве или же денежные пособия на воспитание детей, обучающихся в учебных заведениях и находящихся на лечении.

С ведома тюремного начальства благочинный разрешает уход в отпуск священнослужителей.

3. Штат при тюремной церкви состоит из священника и дьякона. Священнослужители находятся в составе тюремной администрации.

Тюремный священник состоит настоятелем церкви и духовником заключенных и совершает богослужения. Тюремный священник произносит в церкви

соответствующие проповеди и поучения и устраивает духовно-нравственные чтения и собеседования для заключенных. Он же преподает в тюремной школе уроки закона Божия и заведует тюремной библиотекой.

Тюремный священник по возможности чаще посещает арестантские камеры, знакомится с личностью заключенных, беседует с ними, если нужно.

Тюремный священник ежегодно к 1 февраля представляет благочинному отчет о своей деятельности по части духовно-нравственного и просветительского воздействия на заключенных, а также о их религиозно-нравственном состоянии [3, л. 29].

Тюремный священник входит во все нужды заключенного: выслушивает его просьбы, жалуется за него перед тюремным начальником, состоит членом при комиссии досрочно освобожденного и представляет достойнейших к таковому.

Тюремный священник в случае просьбы заключенных заботится по возможности об оказании помощи их семействам.

4. Дьяконы тюремных церквей состоят в ведении священников и исполняют свои обязанности под их непосредственным указанием, полномочия их не только в совершении богослужений, но и по ведению занятий в школах, и по заведыванию библиотекой, и вообще по духовно-нравственному воздействию на заключенных.

Сообщалось, что «стройное церковное пение особенно благотворно влияет на душу человека, располагает к молитве желательно, чтобы дьяконы организовывали из заключенных церковные хоры. А также ввиду того, что пение вообще облагораживает человека, то значимым было бы обучать заключенных и светскому пению».

Священнослужители тюремной церкви подчиняются епархиальному епископу на общих основаниях.

Далее в проекте говорится о финансово-материальных условиях службы тюремных священнослужителей. К ним относятся:

1. Оплата служб священнослужителей из средств государственного казначейства.

1. Обеспечение священнослужителей правом на пенсию по тюремному ведомству.

1. Предоставление казенной квартиры, должного отопления и освещения при тюрьмах.

Далее сообщалось, что только при таких условиях священнослужители могут не «воздыхающе», а с радостью служить великому делу обеспечения печальной участи заключенных [3, л. 30].

Также на собрании священнослужителей при 1 Нижегородской и 2 Нижегородской тюрьмах 7 августа 1917 г. был сформулирован ряд причин, по которым тюремное духовенство не может осуществить возложенные на них задачи полноценно вследствие:

1. Материальной необеспеченности (представители тюремного духовенства отвлекались от своих прямых обязанностей посторонними занятиями в целях заработка).

2. Того, что тюремные священнослужители мало обращали внимания на свои обязанности, так как места тюремных священников были как бы временными, для перехода сельских священников в города.

3. Препятствования начальниками тюрем, в подчинении которых всецело находилось тюремное духовенство, деятельности священнослужителей [3, л. 28].

Также на собрании было подчеркнуто: «В настоящее время, когда Главное управление по делам мест заключения озабочено преобразованием тюрем на

началах гуманности, считаем должным доложить, что тюремное духовенство могло бы, по нашему мнению, с весьма великой пользой служить для заключенных».

Мы полностью согласны с этой позицией, поскольку только тюремный священник будет относиться к узникам с духом братской христианской любви, поможет осознать грех и наставить на путь истинный, а значит, будет выполнять исправительную функцию пенитенциарной системы.

Говоря о проекте в целом, в нем справедливо отмечается необходимость улучшения материальных условий (пенсия, казенная квартира), включение мотивирующего фактора (денежные пособия на воспитание детей или духовная награда), введение разных форм отчетности, позволяющих проследить динамику лиц, желающих исправиться. Положительным моментом является четкая организация рассматриваемой деятельности – иерархия служащих с четким кругом обязанностей.

По понятным причинам данному проекту не суждено было реализоваться. Новая власть сокрушила эту налаженную работу, а многие священники, духовно окормлявшие заключенных, были сами репрессированы и отправлены в исправительные учреждения. Церкви в тюрьмах закрылись. Советская власть существенно затруднила пастырское служение на многие десятилетия вперед. На сегодняшний момент РПЦ активно взаимодействует с уголовно-исполнительной системой, что и поддерживается целым рядом законодательных актов.

Список литературы

1. Сб. указов и постановлений Временного правительства. Пг., 1917. Вып. 1. Отд. II. № 32. С. 46–49.
2. Троицкий Д. Священник тюремной церкви // Тюремный вестник, 1893. – № 4. – С. 138–144; ЦАНО.
3. Центральный архив Нижегородской области. Ф. 386. Оп. 1. Д. 467. О пересмотре общей тюремной инструкции. Л. 28–30.

Petrov A. M., Zimina K. Y. The draft regulation on the rights and duties of priests during the period of the provisional government // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 86–90.

The question of the legal status of clergy in the prison system was problematic in Imperial Russia. Heavy, exhausting work of prison chaplains, low material security, lack of regulation caused the need for the production of necessary transformations relating to their legal status. In connection with the radical transformations of the political and legal system of Russia after the February revolution of 1917 and the coming to power of the Provisional government of the Orthodox clergy have the opportunity to improve the situation of prison clergy. Because of this they had prepared a draft. The main objective of the research work is analysis not previously published and not researched archival documents.

In the conditions of reforming of criminal Executive system of the Russian Federation, the question about the legal status of the prison clerics remains debatable, as the Ministry is organized in strict isolation from society, determined by a legal framework, limited in time and has a specific object effect.

Keywords: Provisional government, Main administration of places of detention, the Russian Orthodox Church, the legal status of the prison priest.

Spisok literatury

1. Sb. ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitelstva. Pg., 1917. Vyip. 1. Otd. II. № 32. S. 46–49.
2. Troitskiy D. Svyaschennik tyuremnoy tserkvi // Tyuremnyiy vestnik, 1893. – №4. – S. 138–144; TsANO.
3. Tsentralnyiy arhiv Nizhegorodskoy oblasti. F. 386. Op. 1. D. 467. L. 28–30.

УДК 347.644/462

СТАНОВЛЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНА «АВАРИЯ» В МОРСКОМ ПРАВЕ

Сорокин Г. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Данная статья посвящена историко-правовым основам становления термина «авария» в морском праве европейских стран и России. Прослеживается эволюция данного термина в нормативно-правовых актах Франции, Германии, Италии и России. Указана роль страховых компаний и обществ на становление термина «авария» в европейском морском праве, рецепция данного термина в российское имперское законодательство и его последующее развитие при составлении проекта уложения о торговом мореплавании Российской империи. Делается вывод о том, что к концу XIX – началу XX в. европейская правовая наука в данном вопросе активно проходила период к взаимной интеграции применяемых подходов и решений.

Ключевые слова: термин «авария», морское право, страховые компании, законодательство, кодексы, унификация.

Общеизвестно, что историческое развитие понятия общей аварии можно проследить с древнейших времен. В римском праве на основании Родосского закона о выбрасывании было установлено, что стоимость убытка от выбрасывания груза, когда это было произведено для спасения судна и остального груза, распределяется между всеми участниками плавания судна (т. е. судовладельцем и прочими грузовладельцами). Впоследствии эти нормы получили свое дальнейшее развитие в праве Византии.

В средние века «Consulat de la mer» и «Roles d'Oleron» содержали подробно разработанные правила о порядке производства пожертвований в целях общего спасения и о формах распределения соответствующих убытков.

Общепризнано, что основы современного европейского морского права были заложены в документе, который известен нам как «Морской ордонанс 1681 г.». Обосновывается это не только тем, что многие его положения в последующем вошли в коммерческий кодекс 1807 г. Франции, но и последующим влиянием этих норм на развитие всего европейского морского права. Французам первым в Европе удалось выделить и кодифицировать эти нормы. Именно этот фактор способствовал их более легкому познанию и заимствованию. Для России, с разворачиванием ее морской торговли на Черном и Азовском морях с конца XVIII – начала XX в., Франция была важным торговым партнером. Не стоит забывать, что сближение это активно насаждалось как служащими в России французами (например, Дюком де Ришелье), так и торговцами. Одним из видимых следствий такого влияния стало создание в Российской империи системы коммерческих судов, близкой к такой же сети коммерческих судов во Франции [1, с. 36].

На этом фоне не является исключением и собственно определение «авария», которое дается в книге 3, титуле 7 «Об авариях» упомянутого Ордонанса.

В нем, в частности, предусмотрено, что авариями считаются любые чрезвычайные расходы, понесенные в отношении судна и товара, вместе или отдельно, и любой ущерб, причиняемый судам и товарам, с момента их погрузки и отгрузки и до момента их возвращения и разгрузки (ст. 1).

Эта статья полностью и без изменений вошла в Коммерческий кодекс 1807 г. (Книга 2. О морской торговле), получив нумерацию как ст. 397 [2, с. 1216].

Ордонанс предусматривал, что простыми и частными авариями являются чрезвычайные расходы лишь в отношении судна или лишь в отношении товара, а также ущерб, причиненный им в отдельности; а общими авариями – чрезвычайные расходы и ущерб, понесенные в целях общего спасения товаров и судна (ст. 2).

Простые аварии следовало погашать и оплачивать за счет вещи, которая пострадала или которая вызвала расходы, а общие аварии – как за счет судна, так и за счет товаров; при этом они полностью подлежали пропорциональному распределению (ст. 3).

Утрата канатов, якорей, парусов, мачт и снастей, вызванная штормом или иным происшествием на воде; вред, причиненный товарам по вине капитана или экипажа судна или ввиду ненадлежащего задривания люков, швартовки судна, неисправных подъемных механизмов и оснастки или же по иной причине – считались простыми авариями, которые погашались за счет капитана, судна и фрахта (ст. 4).

Вред, причиненный товарам ввиду их собственным пороков, вследствие шторма, кораблекрушения, захвата судна или посадки его на мель; расходы, понесенный в связи с их спасением, а также пошлины, налоги и сборы также объявлялись простыми авариями, которые возлагались на собственников (ст. 5).

Вещи, отданные пиратам в результате компромиссной сделки в качестве выкупа за судно и товары; вещи, вынужденно выброшенные за борт; разрубленные канаты, сломанные или срубленные мачты; якоря и другие предметы, оставленные для общего спасения; вред, причиненный оставшемуся на судне товару водой; уход и питание, предоставленные морякам, раненым при защите судна; расходы и сборы для входа в гавань или в реку, или для спуска судна на воду – полагалось относить на счет общей аварии (ст. 6).

Наемная плата и питание морякам во время задержания судна, арестованного в пути по распоряжению органов суверенного государства, также считались общими авариями, если судно было нанято помесечно; если же оно было нанято на рейс, их следовало возмещать исключительно за счет судна как обычные аварии (ст. 7).

Плата за лоцманскую проводку судна, его буксирование, управлением им при входе в гавань или в реки, или при выходе из них считались малыми авариями, которые возмещаются на 1/3 за счет судна и на 2/3 за счет товаров (ст. 8) [2, с. 1159].

Плата за разрешения, осмотр, отчет, водоизмещение судна, бакенный и якорный сборы не считались авариями и должны были вноситься капитанами (ст. 9).

В случае столкновения судов вред предписывалось возмещать в равных долях за счет столкнувшихся судов, независимо от того, имело это место в плавании, на рейде или в порту (ст. 10).

Если, однако, столкновение судов произошло по вине одного из капитанов, вред полагалось возмещать тем, кто его причинил (ст. 11).

В Коммерческом кодексе все эти определения были конкретизированы, более четко систематизированы и изложены. Его составители также сделали попытку более четкого разделения смысла и случаев общих и частных аварий, сохранив это деление в ст. 399.

Предусматривалось, что общими авариями являются случаи, при которых:

1) вещи, предоставленные в силу компромиссной сделки и в качестве выкупа за судно и товар;

2) вынужденно выброшенные за борт вещи;

3) разрубленные канаты, сломанные или срубленные мачты;

4) якоря и другие предметы, оставленные для общего спасения;

5) вред, причиненный оставшемуся на судне товару водой;

6) уход и питание морякам, раненым при защите судна; наемная плата и питание морякам во время задержания судна, арестованного в пути по распоряжению органов суверенного государства и во время восстановления утрат, добровольно понесенных с целью общего спасения, если судно зафрахтовано на основе помесечной оплаты;

7) расходы по разгрузке судна с целью его облегчения и входа в гавань или в реку, когда экипаж вынужден это сделать ввиду шторма или преследования неприятелем;

8) расходы, понесенные с целью снятия судна с мели во избежание его разрушения или захвата; и в целом – добровольно понесенный ущерб и расходы, понесенные в результате принятия мотивированного решения для защиты и общего спасения судна и товаров, с момента их погрузки и отправления судна и до момента возвращения и разгрузки судна (ст. 400).

Автор перевода и комментариев к торговому кодексу Франции В. Н. Захватаев считает, что «перечни общих аварий, предусмотренных в данной ст. 400, и частных аварий, предусмотренных в ст. 403, не являются исчерпывающими: в этих статьях законодатель просто указал наиболее часто встречающиеся случаи этих аварий».

Очевидно, что здесь следует разделить точку зрения данного ученого, так как именно такую тенденцию мы можем увидеть и в нормативных актах, принятых позже в других государствах.

Предусматривалось, что общие аварии погашаются за счет товаров и половины стоимости судна и фрахта на пропорционально-стоимостной основе (ст. 401).

Цену же товаров следовало определять сообразно их стоимости в месте разгрузки (ст. 402).

Частными авариями в Коммерческом кодексе (ст. 403) признавались следующие случаи:

1) вред, причиненный товарам ввиду их собственных пороков, вследствие шторма, кораблекрушения, захвата судна или посадки его на мель;

2) расходы, понесенные в связи со спасением товаров;

3) утрата канатов, якорей, парусов, мачт, снастей в результате шторма или другого происшествия на море; расходы, связанные с любыми заходами в порт, вызванные случайной утратой указанных предметов, либо ввиду необходимости снаряжения судна, либо для заделки пробоины;

4) питание и наемная плата морякам во время задержания, когда судно арестовано в пути по распоряжению органов суверенного государства и во время вынужденного ремонта, если судно зафрахтовано на рейс;

5) питание и наемная плата морякам во время карантина независимо от того, нанято судно на рейс или помесечно.

И в целом – ущерб и расходы, понесенные лишь в отношении судна и лишь в отношении товаров, с момента их погрузки и отправления судна и до момента возвращения и разгрузки судна (ст. 403).

Частные аварии возлагались на оплату собственника вещи, которая пострадала или вызвала расходы (ст. 404).

Вред же, причиненный товару по вине капитана ввиду ненадлежащего задрания люков, швартовки судна, подъема груза, равно как и любого иного несчастного случая, вызванного небрежностью капитана или экипажа, также объявлялся частной аварией, возлагаемой на собственников товаров, которые, однако, имели право регрессивного требования в отношении капитана, судна и фрахта (ст. 405).

В то же время устанавливалось, что плата за лоцманскую проводку судна, его буксирование, управление им при входе в гавани или реки или же при выходе из них, сборы за разрешение на провоз товаров, за осмотры, письменные заключения экспертов, за тоннаж судна, бакенный, якорный сборы, а также навигационные сборы не являются авариями, а относятся к обычным судовым расходам (ст. 406).

При столкновении судов, если событие носило исключительно случайный характер, ущерб возлагался, без права обратного взыскания, на то из судов, которое его понесло.

Если столкновение имело место по вине одного из капитанов, то ущерб полагалось погашать тем, кто его причинил (ст. 407) [571, с. 1216].

В праве других государств эти положения также были весьма схожими.

Так, к примеру, в Российской империи первоначально вопросы, связанные с определением морских аварий, были изложены еще в Уставе купеческого водохозяйства 1781 г., основные положения которого сохраняли свою силу при определенных дополнениях и изменениях вплоть до 1917 г. В нем положения о морской аварии несколько отличаются от установленных в праве Франции (это и было рассмотрено нами выше).

В Своде законов Российской империи (1914 г.), в Уставе торговом аварии посвящен раздел четвертый. В нем, в частности, в ст. 438 указывается, что «Морские убытки или аварии суть четырех родов: первый род морских убытков есть авария малая, второй род авария простая и частная, третий род авария большая и общая, четвертый род авария взаимного вреда».

Малыми авариями или морскими убытками, причиненными кораблю, судну, товару или грузу, признавались: убытки по причине входа или выхода из города, порта или пристани, как-то: лоцманская плата или где установлены привальные и отвальные деньги, огневые и иные сборы, накладки под разными наименованиями, наем шлюпок и людей для буксирования или лямки, и другие портовые расходы (ст. 439).

Убытки эти следовало распределять так: 1/3 возлагалась на хозяина или хозяев судна, а две части – на собственника или собственников товара или груза (ст. 440).

Авариями простыми и частными (морские убытки кораблю, товару или грузу) признавались убытки от непогоды или иного несчастного случая, как-то: притеснения, или задержания от властей, от небрежности хозяина или его людей, нанятых и не нанятых, и происшедшей от того потери каната, веревки, паруса, якоря, мачты и иной снасти, или потери части товара и груза, дополнительные траты на питание, или содержание людей, или издержку вещей (ст. 441).

Также устанавливалось, что если судно станет гнить или груз повредится от своего свойства или от неисправной и непорядочной укладки, или если какая жидкая вещь начнет бродить, киснуть, течь сама по себе или из-за плохого качества тары, то такой ущерб следовало считать аварией простой и частной (ст. 442).

В авариях простых и частных каждый нес свой убыток самостоятельно, а все сбереженное или сохраненное отдавалось по принадлежности (ст. 443).

Авариями большими и общими, или морские убытки кораблю, товару или грузу, следовало считать собственно убытки, понесенные при спасении судна, людей, товара или грузка, такие как: выкуп у неприятеля, убытки во время защиты или обороны, во время крушения или гибели; огрубление якоря, канаты, мачты, снасти, кидание в воду товара, груза или иных вещей для облегчения корабля (ст. 444).

Убытки от большой и общей аварии возлагались на всех вообще участвующих в корабле, товаре или грузе, и этот платеж полагалось рассчитывать по такому примерному расчету: если общая потеря достигала до 1/10 части, то на судно, товар или груз, провоз (фрагт) возлагались платежи общей аварии десятую долю с их цены, ущерб или убыток – также десятую долю его цены (ст. 455) [3, с. 1008].

Убыток, причиненный судну, товару или грузу от погоды, следовало считать аварией простой и частной (ст. 441). Однако устанавливалось, что если погодой была сломана мачта или во избежание опасности или для спасения судна, товара или груза мачта была срублена, а на судне оставшийся «пень ее окажется хорош и здоров», то такой убыток считался аварией большой и общей (ст. 446).

В данном случае обращение к качеству мачты и подтверждение того, что она была не гнилой, означало: мачта сломалась не по ветхости судна, а действительно от погодных условий.

Интересным было положение, содержащееся в ст. 447, которым предусматривалось, что для в случае, когда во избежание опасности или для спасения судна, товара или груза от крушения или гибели потребуется отрубить якорь, канат, мачту или снасти, то «корабельщик», если мог, должен был сам сделать первый удар топором, а если же не мог, то должен был приказать сделать это «своему помощнику или кормчему или двум или трем корабельным служителям и водоходцам» [3, с. 1009]. Такой подход возлагал на капитана судна ответственность за произведенные действия.

К общей аварии русское законодательство также относило вред, ущерб и убыток, причиненные судну, товару или грузу, если был ранен или убит моряк (ст. 451); выкуп судна или груза у неприятеля (ст. 452); расходы по найму иного судна, вызванные спасением собственного и необходимостью отвести его в порт или город (ст. 453).

Если во избежание опасности, для спасения или облегчения судна был переложен товар на прам или иной перевозной корабль, и этому перевозному судну причинен убыток, крушение или гибель, корабль же, с которого товары

переложены, приплывет к порту, то вред, крушение или гибель перевозного судна считалось за аварию большую и общую (ст. 445). Но в случае, когда судно, с которого были переложены товары, потерпело крушение или гибель, а перевозное же судно с товаром благополучно прибывает к порту, тогда авария не считалась большой и общей (ст. 453).

В случае, когда товар или груз, порядочно уложенный в интрюме, для облегчения судна был брошен в воду, это считалось за аварию большую и общую. Товар же или груз, находящийся в каюте или в тех местах, где жили корабельные служители, или между деками, или на палубе, или в прочих местах, если брошен был в воду, не считалось за аварию большую и общую (ст. 458) [3, с. 1009].

Еще одной страной, игравшей важную роль в торговом судоходстве Европы к началу XX в. стала Германия. Однако в связи с длительным периодом политической раздробленности эта страна относительно поздно встала на интенсивный путь экономического развития, а вместе с тем и урегулирования вопросов, необходимых для нормальной деятельности торгового судоходства.

В Германии вопросы определения аварии регулировали германское торговое уложение 1861 г., а затем соответствующие параграфы IV книги германского торгового уложения от 10 мая 1897 г. Именно в ней содержится седьмая глава, в которой первом отделении информация посвящена большой (общей) аварии и частной аварии.

В частности, в п. 700 предусмотрено, что «все убытки, преднамеренно нанесенные судну или грузу, или им обоим, с целью спасения их обоих от общей опасности, капитаном, или по его приказанию кем-либо другим, равно как убытки, причиненные этими распоряжениями, и издержки, вызванные этой целью, считаются большой аварией».

Дополнительно к этому указано, что большую аварию несут сообща судно, фрахт и груз.

Все причиненные несчастным случаем, но не составляющие большой аварии убытки и издержки, если только эти последствия не подходят под п. 621, следовало считать частной аварией.

Частную же аварию несли каждый за себя отдельно собственники судна и груза (п. 701).

Кстати, в п. 621 указано, что «обыкновенные и чрезвычайные издержки по мореплаванию, как-то: плата лоцманам, сборы портовые, маячные, буксирные, карантинные, а также расходы по прорубке льда и подобные падают, за отсутствием иного соглашения, исключительно на фрахтовщика, хотя бы по договору он не обязывался принимать меры, вызывающие эти расходы». Однако содержащееся во второй части этого параграфа правило не применялось к случаям большой аварии, а равно к случаям расходования денег по сбережению, спасанию и хранению судов [4, с. 42–43].

Закон также предусматривал, что применение правил о большой аварии не исключает возможность того, что опасность наступила по вине третьего лица или даже кого-либо из участников.

Участник, на которого падала вина, не только сам не мог требовать вознаграждения за понесенный им убыток, но еще отвечал за тот ущерб, который произошел вследствие распределения убытка по правилам большой аварии.

Если опасность наступила по вине кого-либо из лиц судового экипажа, то последствия этой вины нес судовладелец, согласно п. 485, 486 (п. 702).

Распределение аварийных убытков следовало производить только в том случае, если действительно были спасены как судно, так и груз и даже хотя бы один из этих предметов вполне или в части (п. 703).

Обязанность отвечать за спасенный предмет прекращалась только тогда, если этот предмет позднее совсем погиб от частной аварии (п. 704).

Право на вознаграждение за повреждение, считающееся большой аварией, если поврежденный предмет позднее подвергся частной аварии настолько, что он вполне или в части утратится, погашалась лишь в том случае, если позднейший несчастный случай не состоял ни в какой связи с ним и лишь на столько, насколько позднейший несчастный случай мог бы причинить такой же убыток, как и прежний, если бы этот последний не был уже причинен.

Однако если до наступления позднейшего несчастного случая уже были произведены расходы на приведение поврежденного предмета в прежнее состояние, то право на вознаграждение относительно этих расходов оставалось в силе (п. 705) [4, с. 66–67].

Как и в случае с французским законодательством, немецкое также попыталось определить признаки общей аварии. Так, в п. 706 закона предусмотрено, что «Большая авария имеет место главным образом в нижеследующих случаях, при наличии предусмотренных в п. п. 700, 702 и 703 условий, насколько они в последующих правилах не изменены»:

1) Если были выброшены за борт товары, части судна, судовые снаряды, срублены мачты, обрезаны снасти или паруса, выкинуты или обрублены якорь, якорные канаты или цепи. Как эти убытки, так и причиненные судну или грузу вследствие подобных распоряжений убытки считались большой аварией.

2) Если для облегчения судна весь груз или часть его были перегружены на лихтера.

Однако к большой аварии причислялась как плата за лихтера, так и убыток, который был понесен грузом при перегрузке на лихтера или при обратной нагрузке на судно или судном, равно как и убыток, который понес груз во время нахождения его на лихтере.

Также устанавливалось, что если облегчение судна производилось во время благополучного плавания, то это не считалось большой аварией.

3) Если судно намеренно посажено на мель, но лишь с целью избежать крушения или захвата.

Как убытки вследствие посадки на мель и снятия с мели, так и расходы по снятию с мели причислялись к большой аварии.

Если судно, посаженное на мель во избежание крушения, не было снято или после снятия оказывалось негодным к плаванию (п. 479), закон отказывал такому случаю называться большой аварией.

Если же судно было посажено на мель, но без намерения спасти судно или груз, то к большой аварии причислялись не убытки, причиненные посадкой судна на мель, а издержки, произведенные для снятия его с мели, а также убытки, преднамеренно причиненные с той же целью судну или грузу.

4) Если судно с целью уклониться от общей опасности, грозящей ему и грузу в случае продолжения рейса, заходило в порт по необходимости, в особенности если судно вынуждено к тому необходимостью исправить повреждение, понесенное им во время рейса.

В этом случае к большой аварии причислялись: издержки по входу в порт и по выходу из него, а также издержки, касающиеся самого судна по случаю остановки, причитающиеся судовому экипажу за время остановки жалование и содержание, издержки на помещение судового экипажа на берегу, пока экипаж не мог оставаться на судне; если груз по той же причине, по которой судно вынуждено было укрыться в порту необходимости, должен быть выгружен, то и издержки перегрузки груза с судна и опять на судно, как и издержки хранения груза на берегу до того времени, пока возможно будет снова погрузить его на судно.

Издержки, вызванные остановкой, принимались в расчет только за то время, когда продолжала действовать причина, вызвавшая заход судна в порт необходимости. Если же причина заключалась в необходимости исправления судна, то вызванные остановкой издержки принимались в расчет только за время, в течение которого исправление могло бы быть исполнено.

Издержки по исправлению судна настолько причислялись к большой аварии, насколько исправленное повреждение само по себе составляло большую аварию.

5) Если судно было защищено против неприятеля или морских разбойников. В этом случае к большой аварии причислялись причиненные во время защиты судну или грузу повреждения, истраченные при этом боевые припасы, а в случае причинения кому-либо из судового экипажа при защите судна ран или смерти, то и издержки на лечение, погребение, а также на награды, подлежащие выдаче на основании п. 554 и 554 этого уложения и п. 49 и 51 немецкого устава о судовых служителях.

6) Если в случае захвата судна неприятелем или морскими разбойниками состоялся выкуп судна и груза. В этом случае к большой аварии относилось все то, что было дано для выкупа, и издержки, произведенные на содержание и освобождение заложников.

7) Если поиски во время рейса денег, необходимых на покрытие большой аварии, причинили потери и издержки. Или если издержки возникнут вследствие совершения распределения аварийных убытков между участниками. Эти потери и издержки равным образом причислялись к большой аварии.

Сюда, в частности, относились и потери на проданном во время рейса грузе, бодморейная премия, если потребные деньги были получены посредством бодморей, а если деньги были добыты иным путем, то премия по страхованию использованных денег, затем издержки по приведению в известность убытков и по составлению аварийного расчета (диспаши) [4, с. 68–69].

Перечень признаков частной аварией был скоромнее. В него входили:

1) потери и издержки, вызванные приисканием во время рейса денег, необходимых для покрытия частной аварии;

2) издержки по выкупу, даже если дело касалось и судна, и груза и в отношении того и другого было успешно;

3) повреждение судна, его принадлежностей и груза вследствие маневрирования парусами, даже если это было предпринято с целью избежать посадки на мель (п. 707).

В случаях большой аварии при составлении расчета убытков не принимались во внимание повреждения и потери, которые касались таких предметов:

1) груза, помещенного на палубе; однако это правило не применялось к каботажному плаванию, если местные законы допускали помещение груза на палубе;

2) груза, на который не было выдано коносамента, о котором не было заявлено в манифесте, который не был отмечен в грузовой книге;

3) драгоценностей, предметов искусства, денег и ценных бумаг, о которых не было надлежащим образом заявлено капитану (п. 708) (609, с. 70).

Следует, очевидно, упомянуть, что эти пункты были стандартными в законодательстве многих европейских стран.

Так, как известно, Устав торгового мореплавания Итальянского королевства был обнародован 25 июня 1865 г. и вступил в силу с 1 января 1866 г. одновременно с новым гражданским и торговым уложениями [5, с. 1]. Однако действовал он относительно недолго. 31 октября 1882 г. было обнародовано Итальянское торговое уложение, которое вступило в силу 1 января 1883 г. В нем Книга 2 «О морской торговле и мореплавании», глава 1 была посвящена авариям.

Следует сразу указать, что основные составляющие определения весьма похожи на вышерассмотренные. Так, ст. 642 Уложения предусматривала, что авариями считаются все чрезвычайные расходы по судну и товарам вообще или в отдельности и всякий ущерб, причиненный товарам и судну, во время загрузки и отхода судна и вплоть до выгрузки и возвращения судна.

Аварии признавались двух родов: аварии большие (или общие) и аварии малые (или частные).

При этом считались не аварией, а обыкновенными расходами за счет судна: обыкновенные расходы по входу в бухты, реки, каналы и выходу из них, а также издержки по уплате навигационных сборов и расходов.

При отсутствии между сторонами особых соглашений уложением предлагалось определять аварии по таким правилам.

Большой или общей аварией признавались чрезвычайные расходы или убытки, понесенные намеренно, во избежание опасности и для спасения судна и груза. Таковыми считались:

- 1) предметы, отданные по сделке о выкупе судна и товаров;
- 2) предметы, выброшенные в интересах общего спасения в море;
- 3) канаты, паруса, мачты и прочие предметы, срубленные в интересах общего спасения или поврежденные во время работ в интересах общего спасения;
- 4) якоря, цепи и прочие предметы, брошенные в интересах общего спасения;
- 5) убытки, причиненные на судне товарам вследствие выбрасывания других грузов за борт;
- 6) вред, причиненный судну произвольно или по необходимости, при выбрасывании грузов за борт; вред, причиненный судну и товарам для облегчения спасения груза или удаления и выкачивания воды;
- 7) вред, причиненный судну и товарам при тушении пожара на судне;

8) расходы по лечению и содержанию матросов, раненных при защите ими судна, а также расходы на похороны сих лиц [6, с. 329];

9) расчеты по уплате жалования и на содержание экипажа во время ареста или задержки, когда судно арестовано в пути по приказанию какой-либо державы или принуждено оставаться в порту вследствие объявления войны или по иной причине, мешающей продолжить рейс в порт назначения, – вплоть до момента, когда судно и груз освободятся от своих взаимных обязательств;

10) расходы по входу и выходу, а также навигационные, в такой порт, куда судно принуждено было зайти по необходимости, вследствие бури, преследования неприятеля или пиратов, случайно обнаруженной течи или вообще непреодолимой силы;

11) расходы по уплате жалования и содержания экипажа в порту, когда судно зашло по необходимости, за все время производства исправлений, необходимых для того, чтобы продолжить путешествие, если эти починки составляют общую аварию;

12) расходы по выгрузке и новой нагрузке товаров, свезенных на берег в виде более удобного производства вышеуказанных починок в порте вынужденной остановки, а равно и расходы по найму и по сохранению названных товаров в магазинах;

13) расходы по освобождению и возврату судна, если только задержание судна не произошло по причинам, касающимся исключительно самого судна или личности капитана, судовладельца или арматора, равно и расходы по уплате жалования и содержания экипажа, вплоть до момента освобождения, если такое последовало;

14) расходы по выгрузке для облегчения судна во время бури или для спасения, при каких бы то обстоятельствах, судна и груза, как и расходы вследствие ущерба, которые потерпели судно и грузы во время выгрузки и новой нагрузки;

15) повреждения и убытки, которые потерпело судно и груз от намеренной посадки судна на мель, произведенной для спасения от бури или от взятия призом, или во избежание иной неминуемой опасности;

16) расходы по снятию с мели в указанном в предыдущем пункте случае и по наградам за работу и услуги по этому предмету;

17) расходы по уплате за убытки и повреждения, причиненные предметам, выброшенным в шлюпки, в случае, указанном в пункте 14, включая сюда и вознаграждение шлюпкам и убытки. Причиненные при этих обстоятельствах убытки предметам, оставшимся на судне, поскольку эти убытки могут быть признаны обей аварией [6, с. 380];

18) расходы по уплате премий и процентов на бодморейный заем, совершенный для покрытия издержек по общей аварии, и по уплате страховых премий за страховку этих издержек, а равно и расходы по возмещению владельцу убытка за товары, проданные во время вынужденного захода в порт для покрытия этих издержек;

19) расходы по ликвидации общей аварии.

При этом не считались общей аварией ущерб и убытки, понесенные судном, хотя бы и намеренно, в интересах общего спасения и безопасности, если они произошли от недостатков или ветхости судна, или от небрежности и по вине капитана и экипажа.

Снасти и судовое вооружение, выброшенные в море, цепи и якоря, оставленные на произвол судьбы, хотя бы это все было сделано намеренно, в интересах общего спасения и безопасности, включались в распределение аварии только в том случае, если они списаны с инвентаря, содержимого согласно ст. 500.

Кроме того, закон устанавливал, что выбрасываемый за борт провиант никогда не должен считаться общей аварией (п. 643).

Убытками по общей аварии в Италии признавались только:

1) расходы или убытки по уплате выкупа за людей экипажа посланных на берег по делам службы и взятых в плен или оставленных заложниками;

2) расходы по чрезвычайному карантину, не предвиденному во время фрахтования, если карантин касался одинаково и судна, и груза, а равно и расходы по оплате жалования и продовольствия экипажа во время карантина (ст. 644).

В тоже время признавались убытками частной аварии убытки и расходы, причиненные одному судну или одному грузу, а именно:

1) всякий убыток и вред, причиненные грузам бурей, пожаром, взятием призом, кораблекрушением, посадкой на мель, прекращением рейса и всякими иными случайными причинами и непредвиденной силой;

2) потеря мачт, канатов, якорей, парусов и снастей и всякий иной ущерб, причиненный судну вследствие вышеуказанных причин [6, с. 331];

3) убытки, происшедшие от собственных недостатков судна или груза;

4) всякие расходы, вызванные остановкой судна, вследствие его недостатков, течи, открывшихся вследствие ветхости, недостаточного количества провизии на судне или иной какой-либо причины, не могущей быть вмененной в вину судовладельцу, арматору или капитану;

5) расходы по уплате жалования и продовольствию экипажа во время обыкновенных карантинных или во время починок, вызванных недостатками или ветхостью судна, или иной причиной, не могущей быть вмененной в вину судовладельцу, арматору или капитану; расходы во время задержки или пребывания в порте, падающие только на судно или только на груз, а равно и расходы, в этом случае, по освобождению того или другого;

6) расходы по сохранению нагруженного товара или по исправлению содержащих товар бочек, ящиков и мешков, если только эти расходы не могли быть признаны общей аварией;

7) увеличение фрахта в случае, указанном в ст. 570.

Убытки, причиненные грузу вследствие небрежности капитана или экипажа падали как частная авария на их собственника, но последний имел право регресса по отношению к капитану или к судну, или к фрахту.

Убытки, понесенные собственником судна вследствие самовольного промедления в каком-нибудь порту, полагалось возмещать капитану (ст. 646).

Весьма неоднозначным было отношение законодательства XIX в. к такому распространенному явлению, как выбрасывание груза за борт с целью спасения судна и оставшегося груза. В уже упомянутом выше Морском ордонансе этой проблеме в книге третьей был посвящен восьмой титул, который так и назывался «О вынужденном выбрасывании груза за борт и о распределении убытков».

Им устанавливалось, что если в результате шторма или преследования неприятелем либо пиратами капитан сочтет, что он обязан выбросить за борт часть

груза своего судна, срубить мачты или оставить якоря, то он обязан посоветоваться на этот счет с торговцами и с основными членами экипажа (ст. 1).

При этом в случае расхождения мнений решение следовало принимать в соответствии с мнением капитана и основных членов экипажа (ст. 2).

Первыми за борт следовало выбрасывать вещи, наименее необходимые, наиболее тяжелые и наименее ценные; за ними выбрасываются вещи с первой палубы; однако все это полагалось делать по выбору капитана и с учетом мнения членов экипажа (ст. 3).

Итальянское уложение освободило капитана от необходимости совещаться и просто предусмотрело: «в случаях необходимости выбросить груз в море, сперва выкидываются, по возможности, самые тяжелые и малоценные предметы, затем грузы с первой палубы и следующих за ней палуб, в порядке» (ст. 645).

В России этот вопрос регулировался несколько иначе. Так ст. 447 Устава торгового предусматривала, что в ситуации при необходимости выбросить часть груза для облегчения судна «то, буде если на корабле поверенный от хозяина товара, он должен, если может, кидать первый, буде же отречется или уклонится, и корабельщик усмотрит в том необходимость, то приказывает двум или трем корабельным служителям или водоходцам кидать товар в воду. В этом случае надлежит, сколько дозволят обстоятельства, кидать тот товар или груз, который дешевле, и сберегать, что драгоценнее».

В тоже время принадлежащие казне вещи выбрасывать в воду строго запрещалось: «разве киданием части онаго спасти можно остальное, но и сие не иначе делается, как с большой осторожностью, в чем корабельщик подлежит строгому ответу и отчету» (ст. 448).

Также предусматривалось, что если во избежание опасности или для спасения судна, товара или груза, или для облегчения корабля возникнет необходимость выбросить в воду часть товара, а из-за открытия люков будет причинен ущерб оставшемуся на судне товару, то этот убыток считался общей аварией (ст. 449) [3, с. 1009].

Следует, очевидно, указать, что в российском праве отдельно выделялся и такой институт аварии, как убытки взаимного вреда между купеческими судами, которым посвящалась глава 3 Устава [3, с. 1011]. Впрочем, здесь Россия не была первооткрывателем, так как подобные положения обычно базировались и отталкивались на принимаемых в странах правилах предупреждения столкновений судов. Как известно, впервые подобные нормы были составлены в 1840 г. Лондонской лоцманской ассоциацией [7].

Последний документ, который мы рассмотрим в рамках изучения определения термина «авария» в европейском законодательстве конца XIX – начала XX вв., – это проект уложения о торговом мореплавании Российской империи. Согласно этому акту, общей аварией считались повреждения, которые капитаном или по его распоряжению были намеренно причинены судну или грузу, или тому и другому с целью спасти судно и груз; либо судно или груз от грозившего им морского несчастья, а также от повреждения и издержки, которые стали последствием принятия указанных мер спасения (ст. 289).

Устанавливалось, что все не причисленные к общей аварии повреждения и издержки признаются частной аварией (ст. 290) [8, с. 80].

При этом не считались общей аварией повреждения, причиненные судну или грузу вследствие случайных событий, во время принятия мер к их спасанию, а также убытки, находящиеся лишь в случайной и косвенной связи с принятыми мерами.

Согласно с этим не возмещались в качестве общей аварии: повреждения и убытки, причиненные судну или грузу вследствие бури, пожара, кражи или других причин во время нахождения судна в порту убежище, убытки от несвоевременной, вследствие происшедшей общей аварии, доставки груза в место его назначения, увеличение премии по страхованию судна после аварии и т. п. (ст. 291).

В качестве общей аварией предполагалось возмещать в особенности:

1) груз и принадлежности судна, выброшенные за борт для его облегчения, срубленные мачты, паруса, канаты и другие принадлежности судна и покинутые якоря и якорные цепи, а также повреждения, причиненные судну или грузу вследствие принятия этих мер;

2) издержки, произведенные для облегчения судна перегрузкой груза на лихтера или прамы, а также повреждения, причиненные судну или грузу при перегрузке или обратной нагрузке либо причиненные грузу по время нахождения его на лихтерах или прамах;

3) издержки, вызванные тушением возникшего на судне пожара, а также повреждения, причиненные судну или грузу при тушении пожара;

4) повреждения, причиненные судну или грузу намеренной посадкой судна на мель во избежание большей опасности;

5) повреждения, причиненные судну или грузу при снятии его с мели, хотя бы оно село на мель случайно, а также вызванные снятием судна с мели расходы;

6) издержки, вызванные заходом судна во избежание морской опасности или для необходимых исправлений в порт-убежище, как то: а) расходы по вводу и выводу судна и по разгрузке и новой нагрузке его, если разгрузка вызывается производством необходимых исправлений, а также б) расходы по хранению выгруженного груза, по найму помещений для капитана и лиц судовой команды, которые ввиду производимых исправлений не могут помещаться на судне, по питанию их и уплате им жалования, насколько притом эти расходы были произведены до устранения причины, вызвавшей заход судна в порт убежище, либо до истечения срока, достаточного для окончания необходимых исправлений, или же до принятия решения закончить плавание в порту-убежище;

7) повреждения, причиненные судну или грузу, либо тому и другому при защите их от неприятеля или морских разбойников, издержки по лечению, содержанию и награждению капитана и лиц судового экипажа, раненных при защите судна и груза, в случае смерти кого-либо из них, издержки по его погребению и вознаграждение, уплачиваемое наследникам умершего лица, а равно издержки по выкупу судна, груза и лиц судового экипажа, захваченных неприятелем или морскими разбойниками [8, с. 81–82];

8) расходы на буксиры и вообще расходы, произведенные с целью получения помощи при спасении судна и груза от морской опасности, а также повреждения, причиненные судну или грузу теми судами, которые оказывали помощь;

9) издержки по поиску и займу денег на покрытие убытков по общей аварии, а также издержки и убытки, вызванные закладом и продажей груза для этой же надобности;

10) издержки, вызванные составлением и приведением в исполнение аварийного расчета (ст. 294).

В тоже время предполагалось, что не будут возмещаться по правилам об общей аварии:

1) предметы, нагрузка которых на судна не может быть удостоверена представлением коносамента или иным несомненным образом, а также деньги, процентные бумаги и драгоценности, о которых капитану не было заявлено; к общей аварии причисляются, однако, убытки, понесенные капитаном, лицами судовой команды или пассажирами от утраты или повреждения во время общей аварии одежды, вещей, находившихся в личном их употреблении, и багажа;

2) выброшенный за борт палубный груз; при этом груз считался палубным и тогда, когда он был помещен в надстройке, не представляющей собой одного целого вместе с остовом судна либо вообще не в достаточной мере ограждающей груз от соединенных с морским плаванием опасностей;

3) повреждения машины или котлов, а также повреждение или потеря парусов и рангоута, хотя бы они были вызваны направленными к спасению судна от грозившей ему опасности усилиями, кроме, однако, случая форсирования машины или чрезмерного пользования парусами при усилиях снять судно с мели или продвинуть его дальше на мель с целью улучшить его положение; в последних двух случаях происшедшие повреждения и убытки причисляются к общей аварии;

4) убытки от выбрасывания за борт самовозгоревшегося груза и вообще повреждения и убытки, причиненные при тушении пожара тем частям судна или груза, которые сами находились в огне;

5) убытки, понесенные вследствие обрушения обломков частей судна или остатков рангоута и других предметов, уже ранее пострадавших от частной аварии [8, с. 83].

Были включены в проект и правила «новое вместо старого», которые были помещены в ст. 299 [8, с. 85–86]. Этот шаг стал прямым следствием влияния Йорк-Антверпенских правил 1890 г. на российское морское право [9].

В завершение изучения становления термина «авария» в морском праве нельзя обойти наиболее важную, доминирующую страну в торговом мореплавании этого периода – Великобританию. Английское право давало определение общей аварии в ст. 66, п. 2 закона о страховании 1906 г., представляя остальное регулировать обычаю, судебной практике и соглашению сторон. Звучит это определение так: «акт общей аварии имеет место, когда во время опасности добровольно и разумно сделаны и допущены чрезвычайные жертвы или издержки с целью сохранения собственности, которая оказалась в опасности в общем предприятии».

Как видно из представленного материала, к началу XX в. начался процесс унификации подходов к определению понятий общей и частной аварий в морском праве европейских стран. Вызвано это различными причинами, однако, по нашему мнению, важнейшим в данном случае был фактор влияния интересов страховых компаний, действующих в разных странах, заинтересованных в выработке и принятии единообразных норм в этих вопросах.

Список литературы

1. Богатир В. В. Организация та діяльність комерційних судів Таврійської губернії (1819–1898 роки) / В. В. Богатир; за заг. ред. Зайчука О. В. – К. : СПД Чалчинська Н. В., 2014. – 164 с.
2. Коммерческий кодекс Франции / предисловие, перевод с французского, дополнение, словарь-справочник и комментарии В. Н. Захватаева. – М.: Волтер Клувер, 2008. – 1272 с.
3. Свод Законов Российской империи. Т. XI. Ч. 2. Издание не официальное – СПб.: Дятел, 1913. – 1321 с.
4. Германские законы о торговом мореплавании. Под редакцией В. С. Садовского. – СПб.: Типография т-ва «Народная польза», 1902. – 248 с.
5. Устав Торгового мореплавания итальянского королевства. – СПб.: Печатано в типографии морского министерства, в Главном Адмиралтействе, 1877. – 196 с.
6. Итальянские законы о торговом мореплавании. – С.-Петербург: Типография В. Киришаума, 1903. – 350 с.
7. История правил предупреждения столкновений судов в море. URL: <http://flot.com/publications/books/shelf/mppss72guide/3.htm> (дата обращения 11.04.2017).
8. Уложение о торговом мореплавании (проект). – С.-Петербург: Типография В. Ф. Киришаума, 1909. – 222 с.
9. Йорк-Антверпенский правила 1890 г. Перевод с английского Я. А. Тикстона. Основные положения о больших или общих авариях. – С.-Петербург, типография Н. Н. Клобукова, 1903. – 36 с.

Sorokin George. Becoming of determination of term «accident» in a naval law // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – Р. 19–105.

This article is sanctified to историко-правовым bases of becoming of term «accident» in the naval law of the European countries and Russia. The evolution of this term is traced in the normatively-legal acts of France, Germany, Italy and Russia. The role of insurance companies and societies is indicated on becoming of term «accident» in the European naval law, reception of this term in the Russian imperial legislation and his subsequent development at drawing up a draft of code of law about the trade seagoing of the Russian empire. Drawn conclusion that by the end of – to beginning of XX of century XIX European legal science in this question actively passed a period to mutual integration of the applied approaches and decisions.

Keywords: term «accident», naval law, insurance companies, legislation, codes, unitization.

Spisok literatury

1. Bogatir V. V. Organizatsiya ta dlyalnost komertsylnykh sudiv Tavriyskoyi guberniyi (1819 – 1898 roki) / V. V. Bogatir; za zag. red. Zaychuka O. V. – K. : SPD Chalchinska N. V., 2014. – 164 s.
2. Kommercheskiy kodeks Frantsii / predisloviye, perevod s frantsuzskogo, dopolneniye, slovar-spravochnik i kommentarii V. N. Zahvataeva. – M.: Volter Kluver, 2008. – 1272 s.
3. Svod Zakonov Rossiyskoy imperii. T. XI. ch. 2. Izdaniye ne ofitsialnoe – SPb. «Dyatel». – 1321 s.
4. Germanskiye zakonyi o torgovom moreplavanii. Pod redaktsiyei V. S. Sadovskogo. – SPb.: tipografiya T-va «Narodnaya polza», 1902. – 248 s.
5. Ustav Torgovogo moreplavaniya italyanskogo korolevstva. – SPb.: Pечатano v tipografii morskogo ministerstva, v Glavnom Admiralteystve, 1877. – 196 s.
6. Italiyanskiye zakonyi o torgovom moreplavanii. – S.-Peterburg, tipografiya V. Kirshbauma, 1903. – 350 s.
7. Istoriya pravil preduprezhdeniya stolknoveniy sudov v more. <http://flot.com/publications/books/shelf/mppss72guide/3.htm>
8. Ulozheniye o torgovom moreplavanii (proekt). – S.- Peterburg, Tipografiya V. F. Kirshbauma, 1909. – 222 s.
9. York-Antverpenskiy pravila 1890 g. Perevod s angliyskogo Ya. A. Tikstona. Osnovnyie polozheniya o bolshih ili obschih avariayah. – S.-Peterburg, tipografiya N. N. Klobukova, 1903. – 36 s.

УДК 347.79

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАДИОСВЯЗИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В СССР ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ТОРГОВОГО МОРЕПЛАВАНИЯ

Шармоянц А. Н.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуются правовые основы функционирования радиосвязи, обеспечивающей безопасность торгового мореплавания, в начале XX века в СССР. Рассматриваются основные правовые акты изучаемого периода, которые устанавливали правила обслуживания безопасности мореплавания и нужд торгового судоходства береговыми радиостанциями. Несмотря на всю полезность широкого использования радио в деле обеспечения безопасности торгового судоходства, с конца 1920-х гг. начинается период жесткого ограничения данного процесса, о чем свидетельствует принятое 24 июля 1928 г. СНК СССР Постановление «О пользовании радиоустановками иностранными судами во время нахождения их в водах Союза ССР», в котором существенно ужесточаются правила пользования радиосвязью, вводятся серьезные ограничения. Возникшие сложности и недостатки в использовании радиостанций и пути их решения отмечаются в рассматриваемом приказе по управлению СТФ Черного моря от 9 мая 1932 г., а также в используемых в работе архивных документах.

Ключевые слова: центральное управление морским транспортом, торговое судоходство, правовое регулирование, гидрометеорологическая служба, метеорологическая станция, радиосвязь.

Основы торгового мореплавания в современной России и на всем постсоветском пространстве были заложены в начале XX века в СССР и прошли длительный и сложный путь. В связи с этим исследование всего комплекса вопросов, связанных с функционированием и взаимодействием служб, обеспечивающих безопасность торгового судоходства в СССР, приобретает особую актуальность. Важное место в этом процессе государство отводило обеспечению безопасности через развитие радиосвязи. Правовое регулирование данного вопроса обеспечивалось нормативно правовыми актами не только профильных министерств и ведомств, но и актами более высокого уровня, а также международными конвенциями.

Целью работы является изучение правового регулирования радиосвязи в начале XX века в СССР для обеспечения безопасности торгового мореплавания. При этом автор учитывает исследования ученых, которые прямо или косвенно касались поставленной темы: А. Ю. Егоров, В. Д. Смоленцов, А. Д. Кейлин, В. Н. Гуцуляк, С. А. Гурьев, Б. В. Змерзлый, А. Л. Колодкин и др. В работах этих авторов исследование данного вопроса в обозначенных нами аспектах и временных рамках не проводилось.

Важным шагом в развитии системы обеспечения безопасности торгового судоходства стало принятие Постановления СТО СССР (совет труда и обороны) от 21 августа 1924 г. «Правила обслуживания безопасности мореплавания и нужд торгового судоходства береговыми радиостанциями». Данный документ обязывал береговые радиостанции (указанные в специальном списке) через каждые 15 минут

производить в течение 3 минут слуховое наблюдение за морем, настраивая приемные аппараты на волну в 600 метров.

Данные радиостанции, получив каким-либо путем уведомления об ожидающемся шторме или урагане на море, обязаны были через каждые 10 минут производить в течение 2 минут наблюдение за морем, настраивая приемные аппараты на волну в 600 метров, заменяя этими наблюдениями на все время шторма вышеуказанные наблюдения. О каждом из таких трех- или двухминутных наблюдений должны были делаться дежурными радиотелеграфистами записи в приемных журналах; способ контроля записей устанавливался подлежащими ведомствами и объявлялся в приказах по вверенным им радиостанциям.

Портовые управления, имеющие сведения об ожидаемых штормах и ураганах на море, обязывались уведомлять об этом обслуживающие порт радиостанции немедленно по получении ими такого рода сведений.

Упомянутые выше береговые радиостанции обязаны были также принимать и немедленно репетовать всем радиостанциям соответствующего района вне всякой очереди следующие радиограммы:

- а) передаваемые шифром «SOS» сигналы о бедствии с судами, каково бы ни было их происхождение;
- б) штормовые предупреждения;
- в) уведомление о плавающих минах, обломках, могущих служить угрозой судоходству, и о неисправном состоянии знаков, обеспечивающих безопасность мореплавания.

О всех упомянутых сообщениях означенные береговые радиостанции обязывались немедленно уведомлять портовые дежурства и военно-контрольные пункты в обслуживаемых ими портах и отмечать в своих журналах как время получения соответствующего уведомления, так и время доставки его портовым дежурствам и военно-контрольным пунктам.

Данные радиостанции обязывались бесплатно передавать и принимать все переговоры, указанные выше в п. «а», «б» и «в», а также переговоры, связанные с оказанием помощи терпящим бедствия судам, и следующие сведения: а) сообщения судов о состоянии льдов, погоды и туманов; б) сообщения судов о встречных льдах и судах; в) ежедневные метеорологические депеши от местных гидрометеорологических станций, адресуемые центральным гидрометеорологическим станциям соответствующих районов; г) ежедневные метеорологические сводки и бюллетени, подаваемые центральными гидрометеорологическими станциями для определенных адресатов; д) сигналы времени, даваемые московской Октябрьской радиостанции.

Радиостанции, находящиеся на Белом море в Исакогорке (Архангельск), на Черном море – в Феодосии, на Каспийском море – в Баку, на Балтийском море – в Детском Селе и на Тихом Океане – во Владивостоке, обязывались бесплатно принимать и немедленно по получении доставлять центральным гидрометеорологическим станциям и морским обсерваториям соответствующих районов метеорологические сводки русских и иностранных бюро погоды.

При приеме и передаче сигналов времени и метеорологических бюллетеней все радиостанции должны были руководствоваться статьей 45 служебного регламента, приложенного к Международной радиотелеграфной конвенции 1912 г.

При этом навигационные депеши, содержащие запросы судов о состоянии льда, погоды, тумана, а также депеши о выходе судна в море, подходе его к порту и об его осадке, равно как и коммерческие и частные депеши и ответы на эти запросы, подлежали оплате по тарифу Народного комиссариата почт и телеграфов. Важно упомянуть и о том, что радиостанции морского ведомства были вправе отказаться от передачи и приема частных и коммерческих депеш, но обязывались принимать и передавать упомянутые навигационные депеши.

В середине 1920-х гг. все более важную роль стало играть применение радиосвязи. Ранее мы уже обращали внимание на его использование в работе гидрометеорологической службы и регулицию этого процесса государством. Своевременное оповещение о возможных изменениях погоды по радиосвязи, в первую очередь портов, становилось все более обычным делом. Метеосводки из Феодосии сообщались в порты по радио. В Керчи радиостанция уже была в 1924 г. [1, л. 204]. В качестве примера можно привести некоторые телефонограммы. Так, в телефонограмме от 31 декабря 1924 г. сообщалось, что «по всему побережью температура ниже нуля. В Азове 18 градусов мороза, в Керчи 14 градусов мороза, в Поти 3 градуса мороза. На море легкое местами умеренное волнение. В Одессе большое волнение».

Несмотря на всю полезность широкого использования радио в деле обеспечения безопасности торгового судоходства, с конца 1920-х гг. начинается период жесткого ограничения данного процесса. Так 24 июля 1928 г. СНК СССР принял Постановление «О пользовании радиоустановками иностранными судами во время нахождения их в водах Союза ССР», дополнения в которое были внесены постановлением СНК СССР от 28 марта 1932 г. № 457 [2].

В нем, в частности, предписывалось, что иностранным военным и невоенным судам, находящимся в пределах морской пограничной полосы СССР и во внутренних водах СССР на расстоянии 10 миль от берега, пользование судовыми радиоустановками разрешается только на основаниях, изложенных в данном постановлении (ст. 1). Невоенным иностранным судам, находящимся в районах расположения береговых радиостанций, воспрещался всякий обмен радиотелеграммами, кроме особых случаев, указанных в ст. 7 этого постановления (ст. 2). Наблюдение за выполнением этого правила возлагалось на начальника ближайшего торгового порта (п. 5).

Невоенным иностранным судам, находящимся в таких портах, от которых ближайшая береговая радиостанция отдалена более чем на 10 миль по радиусу, а также в пределах Азовского моря, пользование судовыми радиоустановками могло быть предоставлено лишь по особым письменным разрешениям начальника подлежащего торгового порта, они выдавались на срок или на каждый отдельный случай посещения судном портов или внутренних вод СССР.

В случаях нахождения ближайшей береговой радиостанции, принадлежащей Народному комиссариату по военным и морским делам или другому ведомству, на расстоянии не более 10 миль по радиусу от соответствующего торгового порта указанные выше иностранные суда получали разрешение на радиообмен от начальника торгового порта лишь по соглашению с местными представителями подлежащих ведомств (ст. 3).

Местному командованию морскими силами предоставили право ограничения радиообмена иностранных военных судов, находящихся в пределах десятимильной полосы, как в отношении времени, так и в отношении районов ведения переговоров, а равно в отношении длины волны (ст. 4).

При этом иностранным судам, стоящим на якоре в карантине и имеющим надобность в радиосношениях с местной береговой радиостанцией, позволялось в исключительных случаях пользоваться минимальной мощностью главного радиопередатчика или маломощной судовой радиоустановкой в дни и часы, сообщаемые местной береговой станцией (ст. 6).

Следует также указать, что предусмотренные ст. 2–6 данного постановления ограничения в праве пользования судовыми радиоустановками не распространялись: а) на суда, находящиеся в опасности или передающие сообщения для предотвращения несчастья, б) на суда, оказывающие помощь другим терпящим бедствие судам, и в) при проводке судов во льдах.

При входе в порты, где были береговые радиостанции, иностранным судам в особо важных случаях разрешалось закончить начатый с соответствующим портом радиообмен, но не иначе как под условием перехода на минимальную мощность или на маломощные установки (ст. 7).

Безусловно, что во всех случаях пользования судовыми радиоустановками, согласно данному Постановлению, иностранные военные и невоенные суда должны были руководствоваться относящимися к ним правилами для международных радиосношений, принятыми СССР, а равно правилами, регулирующими внутреннюю радиосвязь СССР. Не объявленные во всеобщее сведение правила внутренней радиосвязи сообщались иностранными судами по прибытии их в порты СССР подлежащими местными военно-морскими или портовыми властями (ст. 8).

Устанавливалось, что радиосношения иностранных военных и невоенных судов могут быть только открытыми без применения каких бы то ни было шифров и кодов, за исключением условных обозначений сигналов по международному служебному регламенту для радиосношений, а также по международному своду сигналов (ст. 9).

Лицом, уполномоченным на сношения с органами власти по всем вопросам, вытекающим из этого Постановления, считался командир или капитан заинтересованного иностранного судна (ст. 10).

Также указывалось, что изложенные в Постановлении правила сохраняли силу только в том случае, если СССР не находился в состоянии войны, и только в отношении судов, плавающих под флагом невоюющих государств (ст. 11).

Лица, нарушившие правила, изложенные в данном Постановлении, несут ответственность согласно уголовному законодательству подлежащих союзных республик (ст. 12). Издание инструкции по применению Постановления было возложено на НКВТ СССР, по соглашению с комиссариатами по военным и морским делам, по иностранным делам, почт и телеграфов ОГПУ (ст. 13).

На имевшиеся сложности и недостатки в использовании радиостанций свидетельствует приказ по управлению СТФ Черного моря от 9 мая 1932 г., в котором указывается, что много и не по делу используют радиостанции: «Предлагаю в последний раз изжить многословность радиограмм и подавать депеши к передаче только при наличии действительно необходимой срочности, при

чем в тексте депеш помещать только самое необходимое, сжато, применяя телеграфный язык. Для разгрузки работ радиостанции ввожу с 15 июля ... слов для всех радиogramм совместно с адресом по нижеследующей тарификации.

А) молнии – 25 слов; б) срочные – 40 слов; в) простые – 60 слов. Прим.: в указанные разряды депеш не входят диспетчерские сводки и аварийные депешы...» [3, л. 40].

Начслужбы эксплуатации Широких отмечает в обращении: «Радиотелеграммы доходят на 2-й 3-й день. Выясняется, что мы очень перегружены в силу увеличения флота и увеличения работы. Я считаю, что оборудование, какое имеется на Черном море и на наших судах – нас не удовлетворяет. Я выдвигаю вопрос об установке радиотелефонов. С Батумом, Потти, Феодосией, с судами заграничного плавания необходимо связаться телефоном. Вопрос упирается в разрешении заказа по линии Наркомтяжпрома. Я считаю, что если Наркомвод... поставит этот вопрос перед Таркомтяжпромом, то в 1935 г. этот вопрос будет разрешен» [4, л. 13].

Также отмечалось, что совершенно отсутствует понятие у некоторых даже руководящих работников портов и бассейна о целях и назначении работы радиостанции, которые, согласно международной конвенции, предназначены только для обслуживания безопасности мореплавания и спасения человеческой жизни на морях... конференция не может обойти молчанием загрузку радиотелеграфа до 70 % разрядами, молния в прямой ущерб диспетчерско-оперативным депешам, что наносит руководству флота громадные убытки по эксплуатации таковых. Также отмечаем, что не имение между портом и рацией живой связи замедляет иногда на несколько часов полученной радиogramмы к месту назначения».

Были внесены предложения по градации прав на пользование радиосвязью, ввести курьеров, прекратить прием частных радиотелеграмм от судов на рациях в Одессе, как на длинных, так и на коротких волнах. На длинных следовало производить прием Николаев, на коротких – Новороссийск [3, л. 34 об.].

Не меньшую проблему в функционировании радио представляла и переделка радиооборудования на местах без соответствующей проектной документации, что в результате приводило к ухудшению и порче оборудования и даже к выходу его из строя. Для решения данной проблемы был принят приказ «О запрещении изменения схем, переделок и реконструкций оборудования хозяйства радиосвязи и радиовещания без разрешения центрального управления радиосвязи и радиовещания», однако, окончательно проблему это не решило [5].

Несмотря на предупреждение НКСвязи, которое запрещало всякие переделки и изменения схем оборудования радиосвязи и радиовещания, отмечалось, что краевые и областные управления НКСвязи или даже начальники отдельных предприятий без ведома и разрешения центрального управления радиосвязи и радиовещания проводят изменения схем радиопередатчиков и пр., подвергают их крупным переделкам или даже полной реконструкции.

Как правило, эти переделки и реконструкции, проводимые без соответствующих проектов и схем, приводят к ухудшению основного оборудования, снижению его эксплуатационных показателей, а иногда даже выводят основное оборудование совершенно из строя [3, л. 34 об.].

Таким образом, развитие в начале XX века в СССР торгового мореплавания прошло длительный и сложный путь, обусловленный множеством возникших проблем, в немалой степени это относится и к развитию радиосвязи, призванной обеспечить безопасность торгового мореплавания. Во многом сложности использования радиосообщения были вызваны тем, что оно являлось на тот период времени еще недостаточно изученным новым техническим средством, не совершенным технически и только начинало внедряться в СССР. Правовое же

регулирование способствовало внедрению радиосообщения как одного из элементов, который был призван обеспечивать безопасность торгового мореплавания. Правовое регулирование процесса внедрения радиосвязи в СССР в 1920-х гг. можно разделить на два этапа. Первый характеризовался как этап установления общих правил и положений применения радиосвязи и был обусловлен принятием 21 августа 1924 г. Постановления СТО СССР «Правил обслуживания безопасности мореплавания и нужд торгового судоходства береговыми радиостанциями», а второй этап в конце 1920-х гг. характеризовался введением жестких ограничений данного процесса и связан с принятием 24 июля 1928 г. Постановления СНК СССР «О пользовании радиоустановками иностранными судами во время нахождения их в водах Союза ССР».

Список литературы

1. Государственный Архив Республики Крым (ГАРК), ф. р-1584, оп. 2, д. 176. Сведения местной Гимеистанции о предстоящей погоде. 1.01.1925–1.01.1926. 311 л.
2. «О пользовании радиоустановками иностранными судами во время нахождения их в водах Союза ССР» постановление СНК СССР от 24.07.1928, № 457 с изм. и доп. от 28.03.1932 // Собрание законов СССР – М. 1932, № 24, – ст. 149. URL: <http://laws-russia.narodru.org/fed1991/data04/tex17989.htm>. (время обращения 12.04.1017).
3. ГАРК, ф. р-1599, оп. 1, д. 134. Приказы и циркуляры Управления Совторгфлота Черного моря. 5.01.1932–3.12.1932 г. 64 л.
4. ГАРК, ф. р-1599, оп. 1, д. 159. Приказы и циркуляры НКВТ и Управления Черноморского пароходства. 23.06.1934–22.12.1934 г. 122 л.
5. «О запрещении изменения схем, переделок и реконструкций оборудования хозяйства радиосвязи и радиовещания без разрешения центрального управления радиосвязи и радиовещания», Приказ от 2 октября 1940 г. № 744. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4284.htm. (время обращения 12.04.1017).

Sharmoyants A. Use of radiocommunication at the beginning of the XX century in the USSR for security of merchant shipping // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 106–111.

In the work one researches the legal basis for the functioning of radio communication, which ensures the safety of merchant shipping, at the beginning of the 20th century in the USSR. The main legal acts of the studied period are considered, establishing the rules for servicing the safety of navigation and the needs of merchant shipping by coastal radio stations. Despite the usefulness of the widespread use of radio in ensuring the safety of merchant shipping since the late 1920s. The period of strict limitation of this process begins, as evidenced by the July 24, 1928 SNK USSR adopted a resolution «On the use of radio installations by foreign vessels while they are in the waters of the USSR» in which the rules for using radio communications are significantly tightened and serious restrictions are introduced. The difficulties and shortcomings in the use of radio stations and the way out of the solution are noted in the order in charge of managing the Black Sea Fleet STF of May 9, 1932, as well as in the archival documents used in the work.

Keywords: central management of sea transport, merchant shipping, legal regulation, hydro-meteorological service, meteorological station, radio.

Spisok literaturyi

1. GARK (State Archive of the Republic of Crimea). f. r-1584, op. 2, d. 176. Svedeniya mestnoj Gimeistancii o predstoyashchej pogode. 1.01.1925-1.01.1926. 311 p.
2. "O pol'zovanii radioustanovkami inostrannymi sudami vo vremya nahozhdeniya ih v vodah Soyuzu SSR" SNK ot 24.07.1928, No. 457 s izm. i dop. ot 28.03.1932. Sobranie zakonov SSSR – M. 1932, No. 24, St. 149.
3. GARK (State Archive of the Republic of Crimea). f. r-1599, op. 1, d. 134. Prikazy i cirkulyary Upravleniya Sovtorgflota Chernogo morya. 5.01.1932-3.12.1932. 64 p.
4. GARK (State Archive of the Republic of Crimea). f. r-1599, op. 1, d. 159. Prikazy i cirkulyary NKVT i Upravleniya Chernomorskogo parohodstva. 23.06.1934-22.12.1934. 122 p.

**УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И
КРИМИНАЛИСТИКА**

УДК 343.98

**МЕТОД ОПРОСА В МЕТОДОЛОГИИ ПОСТРОЕНИЯ ЧАСТНЫХ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИК**

Ануфриева Е. А.

Новосибирский государственный технический университет

Залогом создания качественной криминалистической методики расследования преступлений является правильно выбранная методология научной деятельности. Опрос является одним из наиболее распространенных методов исследования, применяемых создателями различных криминалистических методик. Вместе с тем, как показывает анализ таких работ, не всегда исследователи используют все потенциальные возможности данного метода. Рассматривается классификация видов опроса и способы их применения при построении частных криминалистических методик расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая методика, методология научного исследования, опрос, экспертный опрос.

Вот уже на протяжении более чем 80 лет криминалистическая наука занимается разработкой методик расследования преступлений [2]. За это время создана не одна сотня криминалистических методик расследования различных групп и видов преступлений. При этом авторами используются разнообразные методологические подходы к их формированию [1, 6].

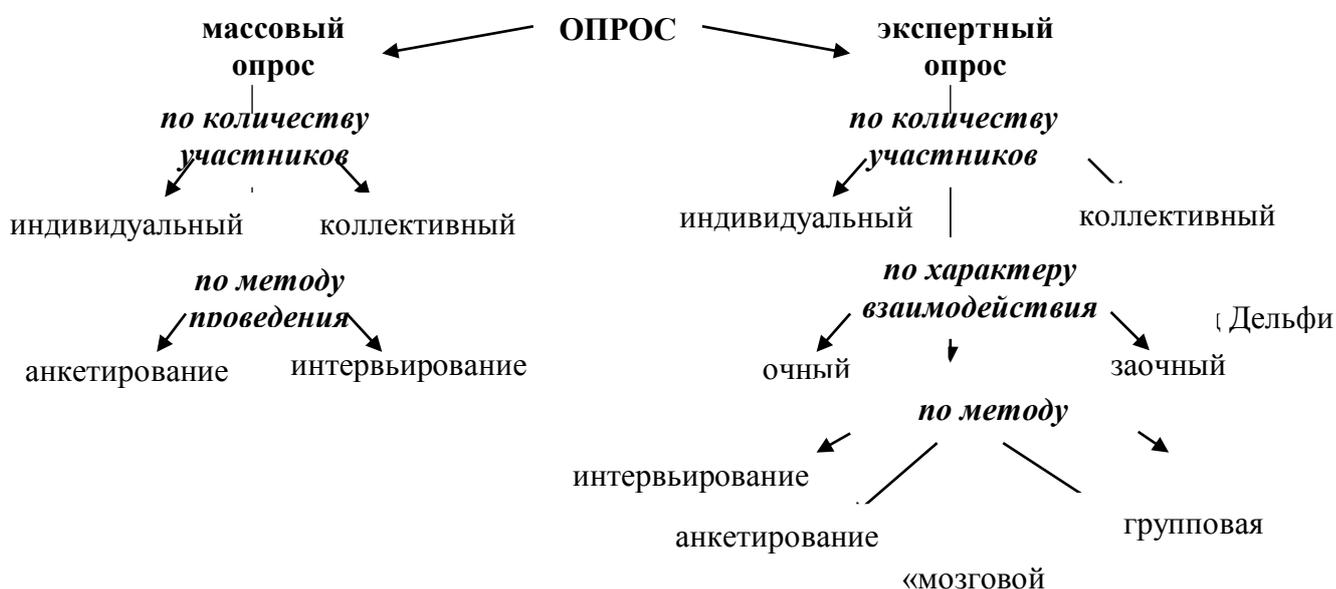
Как отмечает Л. В. Мардахаев, методология научной деятельности включает целесообразный процесс (последовательность) и содержание (совокупность методов) деятельности, позволяющей проверить достоверность полученного результата в познании и целенаправленном преобразовании, представленном в авторской концептуальной позиции и способе ее реализации [4, с. 8]. Сказанное подчеркивает обусловленность научного результата отвыбранных методов исследования.

В основе построения криминалистических методик лежат те или иные теоретические и эмпирические методы исследования. Что касается именно группы эмпирических методов исследования, следует отметить: традиционно в основе методологии построения частных криминалистических методик используются такие методы, как опрос, наблюдение, метод изучения материалов судебно-следственной практики, эксперимент и прочие. Но какие же методы являются более удобными, эффективными и позволяют создать качественную криминалистическую методику, отвечающую нуждам практики?

В начале работы над созданием той или иной криминалистической методики перед каждым исследователем встает вопрос о том, как разобраться в тонкостях подготовки, совершения и сокрытия изучаемых преступлений, а также их

раскрытия и расследования. Особенно сказанное касается таких авторов, которые сами не обладают достаточно обширным опытом практической работы в исследуемой сфере. Безусловно, напрашивается логичный ответ, что самым верным способом будет взглянуть на предмет исследования изнутри, то есть увидеть предмет исследования глазами тех, кто совершает такие преступления (либо хорошо знаком со сферой деятельности, в которой совершаются преступления), а также глазами тех, кто раскрывает и расследует такие преступления. Как же это сделать? В решении обозначенной задачи может помочь такой эмпирический метод, как опрос. Проанализируем особенности его применения в ходе проведения исследования, направленного на построение криминалистической методики расследования преступлений.

Опрос является одним из самых распространенных и, казалось бы, самых простых методов исследования. Однако на самом деле многие начинающие ученые не в полной мере знакомы с тонкостями его использования, в результате не все потенциальные возможности указанного метода находят свое отражение. Прежде всего, рассмотрим классификацию основных видов опроса, применяемых в криминалистических (и не только) исследованиях.

Как показывает анализ созданных за последние годы криминалистических методик авторы основное предпочтение отдают массовому опросу в форме анкетирования. Он указан в методологической базе практически каждого такого диссертационного исследования.

Существует ряд минусов использования данного метода, которые говорят не столько о неэффективности его применения, сколько об особенностях его применения, которые обязательно необходимо знать и учитывать.

Первый минус состоит в том, что на первоначальном этапе исследования ученому крайне сложно сформулировать вопросы для анкеты. Он еще недостаточно понимает всю проблематику своей темы, не совсем определился с концепцией своей

работы. Все это ведет к тому, что вопросы составляются хаотично. Часто бездумно строятся по аналогии с вариантами анкет по ранее проведенным исследованиям в этой же или смежной тематике.

Второй минус состоит в том, что часто начинающий исследователь не понимает, кого именно необходимо проанкетировать, в каких регионах следует провести исследование. Нередко анкеты направляются в те учреждения и ведомства, которые не занимаются вопросами, затронутыми в анкете, или в регионы, для которых данный вид преступности не является характерным и т. д.

Третий минус обусловлен значительной нагрузкой всех практических сотрудников правоохранительных органов (а они наиболее часто являются респондентами анкетирования) и часто формальным их подходом к заполнению подобного рода анкет. В связи с чем ставится под сомнение соответствие их ответов реально сложившейся практике раскрытия и расследования определенной группы преступлений.

Таким образом, очень часто процесс анкетирования отнимает у исследователей очень много сил и времени, а ожидаемого результата не приносит. Как правило, при таком подходе только ближе к концу исследования автор наконец-то понимает ключевые проблемы раскрытия и расследования той или иной группы преступлений, находит варианты их разрешения, которые нуждаются в проверке на практике. При таком подходе исследование включает в себя несколько итераций и проходит в 3 этапа: 1) первоначальное анкетирование; 2) корректировка вопросов анкеты с учетом полученных результатов первого анкетирования и иных результатов исследования; 3) повторное анкетирование.

Такой вариант является верным и возможно достаточно эффективным, однако весьма растянутым во времени. Организация анкетирования, получение и обработка результатов в среднем занимают не менее полугода, что является четвертым минусом данного эмпирического метода. В этой связи нередко отдельные авторы, оказавшись в такой ситуации, не проводят повторное анкетирование по скорректированному опросному листу, а «подгоняют» имеющиеся у них результаты анкетирования либо вовсе придумывают (а по факту фальсифицируют) мнимые результаты опросов. На выходе мы получаем криминалистическую методику, оторванную от практики и ее реальных проблем. Такая криминалистическая методика не способна принести какую-либо пользу ни правоприменителям, ни криминалистике как науке. При этом основная ошибка такого исследователя будет лежать ни в отсутствии у него знаний или трудолюбия и прочих его личных качествах, а всего лишь в неверно выбранной методологии исследования в самом начале его научного пути.

Как представляется, проведению масштабного анкетирования должно предшествовать интервьюирование отдельных экспертов, которое целесообразно проводить по следующему алгоритму:

1. Определение категории экспертов.

Данный этап будет иметь ключевое значение. Необходимо в первую очередь понять, кто именно может обладать знаниями в интересующей нас области. Так, например, перед исследователем стоит задача построения частной криминалистической методики расследования коррупционных преступлений в сфере высшего образования. Кто может выступить в качестве экспертов в данной

сфере? Разумеется, это сами студенты, которые давали взятки преподавателям; или им известны факты получения взяток преподавателями от других студентов. Затем это непосредственно преподаватели и другие сотрудники вузов, которым также может быть известно о фактах получения взяток отдельными преподавателями. Кроме того, они в целом могут дать характеристику установленного в вузе порядка сдачи зачетов и экзаменов, который делает возможным совершение коррупционных преступлений. Полученная от них информация может стать основой построения криминалистической характеристики коррупционных преступлений в сфере высшего образования, поможет найти острые проблемы, детерминирующие совершение таких преступлений, а также пути их решения.

Следующим шагом должно стать интервью с сотрудниками правоохранительных органов, которые занимаются выявлением, раскрытием и расследованием преступности данного вида. В нашей ситуации ими будут оперуполномоченные подразделений ЭБиПК, следователи Следственного комитета РФ, государственные обвинители, судьи, которым приходилось в своей работе сталкиваться с делами данной категории.

При этом на стадии интервьюирования нет необходимости в проведении бесед с представителями каждой из названных категорий лиц. Исследователь должен, исходя из специфики изучаемых им преступлений, определить, какие сотрудники правоохранительных и судебных органов обладают большими знаниями в данной сфере. Например, преступления, связанные с неправомерным получением выплат, являются сложно выявляемыми, трудно доказуемыми и часто не выходят дальше материалов предварительной проверки. В этой связи беседа с судьями относительно практики раскрытия и расследования таких преступлений много информации не принесет, поскольку судья попросту с такими делами не сталкивался и может выразить свое мнение лишь на основе своего опыта работы по иным делам смежной категории. В то время как хорошо подготовленное интервью с оперуполномоченным или следователем, которые непосредственно занимались проведением доследственной проверки и (или) расследованием таких фактов, может открыть исследователю массу интересных деталей. Вместе с тем в отдельных случаях специалист, конкретно не занимавшийся интересующими исследователя уголовными делами, но имеющий богатый практический опыт, креативное мышление, может принести значительно больше информации и свежих идей, нежели специалист, который 1–2 раза занимался именно интересующей исследователя категорией дел.

При определении количества экспертов, которых следует проинтервьюировать, необходимо исходить из конкретных задач исследования. Однако, полагаем, что на данном этапе их количество может варьироваться в районе 3–10 человек. Этого должно быть вполне достаточно для уточнения проблемных вопросов раскрытия и расследования определенной категории преступлений и составления качественной анкеты для уже более масштабного исследования.

2. Подготовка и непосредственное проведение интервью.

Интервью должно проводиться по заранее подготовленному опросному листу. В этом случае беседа будет последовательной и результативной. Ход интервью обязательно необходимо фиксировать письменно или с разрешения эксперта с помощью аудио-, видеозаписи. Второй вариант является более предпочтительным,

поскольку позволит точно зафиксировать содержание разговора, не упустить важных деталей сказанного. Особенно такая запись может пригодиться, если с момента беседы прошло продолжительное время.

Также немаловажным является поиск самого эксперта и установление связи с ним. Исследователь может прибегнуть к помощи своих знакомых либо самостоятельно обратиться в интересующее его учреждение, ведомство и договориться о встрече с лицом, которое может выступить в качестве эксперта. Желательно попытаться не ограничиться единовременным контактом, а наладить с экспертом деловые отношения, которые позволят и в дальнейшем обращаться в нему для разъяснения отдельных моментов. Кроме того, целесообразно помимо своего научного руководителя и старших коллег-ученых просить почитать свои научные тексты (статьи или части диссертации) именно таких экспертов-практиков. При этом подчеркиваем, что речь идет не только о сотрудниках правоохранительных и судебных органов, а о любых лицах, которые могут обладать глубокими знаниями в интересующем нас вопросе.

Предметом интервью с экспертом могут стать самые различные темы применительно к проводимому исследованию. При этом могут решены следующие задачи, касающиеся построения частной криминалистической методики расследования преступлений:

- уточнение криминалистической характеристики преступлений;
- выяснение проблем, возникающих в ходе выявления, раскрытия и расследования преступлений, а также причин их детерминирующих (в т. ч. законодательного, организационного и другого характера);
- выяснение проблем, возникающих в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, следственных и иных действий;
- выяснение наличия противодействия раскрытию и расследованию таких дел, используемые в практике способы его предупреждения и нейтрализации;
- заимствование передового опыта раскрытия и расследования таких преступлений.

Таким образом, экспертный опрос позволяет провести так называемое зондажное (пробное) исследование, позволяющее осуществить предварительный сбор информации о проблеме исследования, поиск идей, гипотез исследования и пр. На этой основе ученый с легкостью и в значительно меньшие сроки может сформировать криминалистическую методику расследования преступлений, которая отвечает современным требованиям как криминалистической науки, так и правоприменительной практики.

3. Использование результатов интервью экспертов.

Полученные результаты, как уже было отмечено, во-первых, помогут исследователю сориентироваться в изучаемой им теме, во-вторых, позволят составить анкету для проведения уже масштабного опроса. Кроме того, результаты интервью можно использовать непосредственно в тексте научной работы, что, к сожалению, авторы делают не часто. Хотя, на наш взгляд, в отдельных случаях именно приведение в тексте отрывка из интервью с экспертом может наиболее ярко отразить суть затронутой проблематики и способно принести большую пользу, нежели ряды невыразительных цифр статистики. Полагаем, что ненаучность и

публицистичность изложения своих мыслей практиком является допустимой, нет необходимости в их переработке и конвертации в научный стиль.

Таким образом, мы рассмотрели сущность применения метода экспертного опроса. Несмотря на всю его очевидность, далеко не всеми авторами он применяется в полном объеме. Очень часто метод экспертного опроса может ограничиваться несколькими путанными беседами с парой знакомых следователей или оперативных сотрудников, в то время как именно метод экспертного опроса позволяет, как нам представляется, получить до 70 % значимой информации для проводимого исследования, оптимизировать процесс и сократить срок его проведения. Безусловно, в той или иной мере практически все авторы криминалистических методик (возможно, и неосознанно) данный метод применяют в своих исследованиях. Однако конкретное указание на его использование мы встретили лишь в 2 диссертациях, защищенных в 2014–2017 годах и касающихся построения криминалистических методик [3, 5].

Рассмотренный выше метод экспертного опроса является как разновидностью метода опроса, так и разновидностью метода экспертных оценок, который может проводиться в индивидуальной или групповой форме. Для анализа мнений группы экспертов могут применяться методы экспертных оценок, такие как «мозговой штурм», метод Делфи, групповая дискуссия. Совместное мнение обладает большей точностью, чем индивидуальное мнение каждого из специалистов. Однако такие методы, как правило, применяются не для зондажных исследований, а для поиска путей решения какой-либо значимой проблемы.

Экспертное оценивание предполагает создание некоего разума, обладающего большими способностями по сравнению с возможностями отдельного человека. Источником возможностей мультиразума является поиск слабых ассоциаций и предположений, основанных на опыте отдельного специалиста. Экспертный подход позволяет решать задачи, не поддающиеся решению обычным аналитическим способом, в том числе:

- выбор лучшего варианта решения среди имеющихся;
- прогнозирование развития процесса;
- поиска возможного решения сложных задач.

Для решения криминалистических задач представленный метод может применяться в поиске ответов на сложные вопросы, касающиеся правоприменительной практики. Например, мы можем использовать метод экспертных оценок для того, чтобы ответить на вопрос, допустимо ли проведение инициативного оперативного эксперимента. Для этой цели мы можем определить в качестве команды экспертов только ученых, занимающихся исследованием данной проблематики, или только следователей и оперативных сотрудников, сталкивающихся в своей практической деятельности с проведением данного ОРМ, или только судей, или использовать команду, состоящую из различных экспертов, что позволит получить нам более объективный ответ.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать однозначный вывод о том, что глубина и качество создаваемой криминалистической методики напрямую зависит от выбранной методологии научной деятельности. В этой связи определение методов исследования должно быть осмысленным, что, к сожалению, отдельными соискателями игнорируется.

Список литературы:

1. Гармаев Ю. П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: автореф-т дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. 39 с.
2. Громов В. Методика расследования преступлений. Руководство для органов милиции и уголовного розыска. М., 1929.
3. Грязева Н. В. Методика расследования побегов из мест лишения свободы: автореф-т дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 27 с.
4. Мардахаев Л. В. Методология диссертационного исследования и его оценка // Научные исследования в образовании. 2012. № 8. С. 8–16.
5. Петросян Е. М. Организационно-методические вопросы первоначального этапа расследования налоговых мошенничеств: автореф-т дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 25 с.
6. Шмонин А. В. Методология криминалистической методики: монография. М., 2010. 416 с.

Anufrieva E. A. Polling method in the methodology of construction of criminalistic methods of crime investigation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 112–118.

Correctly scientific methodology is necessary to create qualitative criminalistics methods of crime investigation. Polling is one of the most common methods of research applied by the creators of various criminalistics methods of crime investigation. However, as experience has shown, not in every instance creators used all the potentialities of this method. Considers classification of polling types and methods of their application in the construction of criminalistics methods of crime investigation.

Keywords: criminalistics methods of crime investigation; scientific methodology; polling; expert poll.

Spisok literatury:

1. Garmaev Yu. P. Teoreticheskie osnovy formirovaniya kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestupleniy: avtoref-t diss. ... d-ra yurid. nauk. M., 2003. 39 s.
2. Gromov V. Metodika rassledovaniya prestupleniy. Rukovodstvo dlya organov militsii i ugolovnog rozyiska. M., 1929.
3. Gryazeva N. V. Metodika rassledovaniya pobegov iz mest lisheniya svobody: avtoref-t diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2014. 27 s.
4. Mardahaev L. V. Metodologiya dissertatsionnogo issledovaniya i ego otsenka // Nauchnyie issledovaniya v obrazovanii. 2012. № 8. S. 8–16.
5. Petrosyan E. M. Organizatsionno-metodicheskie voprosyi pervonachalnogo etapa rassledovaniya nalogovyih moshennichestv: avtoref-t diss. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2015. 25 s.
6. Shmonin A. V. Metodologiya kriminalisticheskoy metodiki: monografiya. M., 2010. 416 s.

УДК 343.351

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В КРЫМУ

Бугаев В. А., Гридасов К. Л.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В настоящее время экстремизм – одна из главных угроз мировому порядку. Проблема распространения экстремизма особенно остро стоит перед Россией, историческая особенность которой заключается в проживании на ее территории разного по этническому и религиозному составу населения. В статье рассмотрены вопросы, связанные с нормативно-правовым закреплением ответственности за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства; дан анализ динамики роста преступлений экстремистской направленности в Республике Крым и г. Севастополе в сравнении с общероссийскими статистическими данными; обозначены ключевые проблемы противодействия экстремистской деятельности в следственной практике и предложены пути их преодоления.

Ключевые слова: экстремизм, публичные призывы, экстремистская деятельность, социальная группа, критерии экстремизма.

Экстремизм угрожает не только нравственным и духовным устоям общества, но и жизни граждан России, государственности, а следовательно, и целостности многонациональной страны. Экстремизм является антисоциальным и антигосударственным явлением, которое требует комплексного и детального изучения. В своих проявлениях он давно вышел за пределы отдельных государств, составляет серьезную угрозу безопасности всего мирового сообщества и затрагивает интересы человека, общества и государства.

18 марта 2014 года является Днем воссоединения Крыма с Россией. Этому событию предшествовал масштабный общественно-политический крымский кризис. Начало этого кризиса положили протесты местного, в основной массе русскоязычного, населения против экстремистских действий бывшей оппозиции, пришедшей к власти на Украине в результате событий февраля 2014 года.

Экстремизм – это приверженность к определенной системе взглядов и идей, которая основана на нетерпимости к основополагающим принципам конституционного строя Российской Федерации и охраняемым государством демократическим правам и свободам человека и гражданина характеризуется внутренней готовностью к активной деятельности, направленной на претворение в действительность таких воззрений уголовно наказуемыми способами [1].

Сторонники экстремизма – носители крайних взглядов и мер. В основе их идеологии – стремление умалить права и свободы граждан и общественных объединений, что противоречит принципам международного права и Конституции Российской Федерации. Впервые понятие «экстремизм» появилось в российском

праве в качестве юридического термина в связи с подписанием и ратификацией Шанхайской конвенции от 15 июня 2001 г. «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом». Согласно п. 3 ч. 1 ст. 1. Конвенции, экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них».

Поскольку опасность экстремизма и необходимость борьбы с ним вышла на международный уровень, то представляет интерес исследование вопросов противодействия ему на региональном уровне в Республике Крым. Противодействие любому виду преступности включает несколько важных направлений: экономическое, организационное, нормативно-правовое, воспитательное и т. п. В данной статье нас интересуют, прежде всего, нормативно-правовые и организационные аспекты противодействия экстремизму.

Правовая система противодействия экстремизму включает в себя Конституцию Российской Федерации, Уголовный кодекс РФ, Кодекс об административных правонарушениях, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537, Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ 28.11.2014 г., а также международные договоры и иные нормативно-правовые акты, направленные на противодействие экстремизму.

Указом Главы Республики Крым был утвержден Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015–2018 годы от 30.01.2015 № 26-У, целью которого является предупреждение радикализации различных групп населения, прежде всего молодежи, и недопущение их вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность. Данный План является одним из основных нормативно-правовых актов в деятельности правоохранительных органов для осуществления противодействия экстремизму на территории Крыма [2].

«Антиэкстремистские» нормы уголовного закона устанавливают ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) и организацию деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ) [3].

В настоящее время перед правительством Российской Федерации и Республики Крым стоит задача по нейтрализации и недопущению распространения действий экстремистского характера по территории России. В этом направлении в Крыму на региональном уровне структуры Народной самообороны оказывают содействие органам государственной власти, правоохранительным органам в предупреждении и пресечении правонарушений, охране и обеспечении общественного порядка, оказании противодействия проявлениям экстремизма и терроризма. Общество постоянно развивается, тем самым указывает на необходимость постоянного

изучения и анализа процессов, происходящих в нем. Развитие законодательства должно соответствовать развитию общества и общественных отношений.

Особенностью Крымского региона является его географическое расположение, многонациональный народ, его многорелигиозность, курортная и туристическая составляющие. Постоянные миграционные процессы, происходящие в Крыму, дают возможность преступным элементам проникать на полуостров с целью подрыва нормальной, полноценной жизни населения. Особое влияние также оказывает непосредственное «соседство» Крымского полуострова с Украиной, где в регионах преобладает неспокойная обстановка, постоянные призывы правительства Украины к возвращению Крыма любыми путями, попытки дестабилизации жизни полуострова. Помимо обычных полицейских в поимке злоумышленников и охране общественного порядка участвовали бойцы «Беркута», сотрудники Госавтоинспекции и ОМОНа [4].

Как видно из выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина в штаб-квартире ФСБ на заседании коллегии 7 апреля 2014 г., сотрудники Федеральной службы безопасности должны не допустить в России такой ситуации, как в Украине. Президент приказал уделить особое внимание при формировании подразделений ФСБ в новых субъектах федерации – Крыму и Севастополе, поскольку именно на сотрудников службы возложена задача противостояния допуску криминальных элементов, радикалов и экстремистов в административные подразделения руководства полуострова.

По мнению президента, экстремистские группировки пытаются активизировать свою деятельность на Северном Кавказе, в Поволжье, в Центральной России и в других регионах. Террористическое подполье в России еще способно совершать крупные теракты. Поэтому борьба с терроризмом и экстремизмом остается главным направлением работы ФСБ. При этом президент подчеркнул, что надо уметь отличать экстремистов от просто оппозиционеров. Среди других основных задач Федеральной службы безопасности на ближайшее время Владимир Путин выделил ведение контрразведывательной работы.

Важным мероприятием по противодействию экстремистской деятельности на уровне муниципальных образований является разработка и принятие постановления об утверждении плана комплексных организационных и профилактических мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму.

По данным Прокуратуры Республики Крым, за 2016 год поступило 13 сообщений о преступлениях экстремистской направленности. Только по 3 сообщениям принято решение о возбуждении уголовного дела, 2 сообщения находятся на рассмотрении. Всего за период 2015–2016 годов возбуждено 6 уголовных дел, 2 из которых направлены в суд и по ним уже вынесены обвинительные приговоры, 3 находятся в производстве, по 1 производство предварительного следствия приостановлено за розыском обвиняемого [5]. По данным Портала статистики Генпрокуратуры РФ, прирост преступлений экстремистской направленности в Республике Крым за январь – июнь 2016 года составил 150 % (в Саратовской области – 600 %, в Брянской – 400 %), а количество выявленных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, возросло на 100 процентов. Самыми распространенными

преступлениями является «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» (ст. 282 УК РФ) [6].

В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 26 июля 2011 г. № 988 [7], в целях повышения эффективности межведомственного взаимодействия следственных и оперативных подразделений по осуществлению комплексного подхода к организации работы по противодействию экстремизму Главным следственным управлением по Республике Крым в августе 2014 года создана межведомственная контрольно-аналитическая группа, в состав которой вошли представители УФСБ России по Республике Крым и городу Севастополю, МВД по Республике Крым. Кроме того, осуществляется работа по ежедневному мониторингу ведущих СМИ в регионе, в том числе проводится анализ публикаций в печатных СМИ, основных интернет-порталов и сайтов с целью установления фактов распространения идеологии экстремизма, выявления материалов, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающих (оправдывающих) необходимость ее осуществления, а также на систематической основе на официальном сайте управления размещается информация о возбуждении и о результатах расследования уголовных дел указанной категории.

По наблюдению силовиков и экспертов, экстремисты отошли от силовых акций, пропагандируют свои идеи и вербуют новых сторонников через социальные сети. Наиболее активными сетевыми экстремистами сейчас являются украинские националисты. В 2014–2017 годах в разных регионах страны оперативники выявили и пресекли деятельность многих десятков особо опасных националистических группировок, на счету которых были различные тяжкие преступления по экстремистским мотивам.

Важным признаком является противоправность экстремизма. Деятельность экстремистских организаций запрещена законом. Также экстремизм характеризуется определенной идеологической направленностью. Это означает, что экстремисты, помимо отрицания чужих взглядов, пытаются апеллировать к каким-либо известным идеологическим или религиозным учениям, претендуют на свое «истинное» или «углубленное» толкование того или иного учения (религиозного, политического и т. д.).

Одной из проблем, влияющих на эффективность расследования уголовных дел экстремистской направленности, является отсутствие законодательно установленных критериев, по которым те или иные материалы могут быть признаны материалами экстремистского содержания. Их закрепление позволило бы устранить необоснованные ограничения свободы граждан, и борьба с экстремизмом в России перестала бы восприниматься как инструмент подавления инакомыслия. Пока же органам следствия и суда приходится ориентироваться исключительно на заключения экспертов.

Основной проблемой Крымского региона являются сложности, возникающие при проведении отдельных судебных экспертиз, в связи с нехваткой соответствующих высококвалифицированных и опытных специалистов либо оборудования. Поэтому объекты экспертных исследований приходится направлять в экспертные учреждения других субъектов России либо в федеральные экспертные учреждения в Москве, что обуславливает увеличение сроков проведения экспертиз.

Выходом из данного положения может служить развитие экспертных учреждений в субъектах Российской Федерации, в том числе переквалификация специалистов, приобретение необходимого экспертного оборудования, а также развитие собственной экспертной службы Следственного комитета.

Актуальным остается вопрос организации профессионального обучения работников центров противодействия экстремизму МВД по Республике Крым и УМВД России по г. Севастополю, личный состав которых преимущественно сформирован из специальных подразделений по борьбе с организованной преступностью, подразделений уголовного розыска.

Поэтому, как представляется, основными направлениями противодействия экстремизму в Республике Крым являются:

1. Устойчивое развитие социального, экономического, политического и культурного развития региона.
2. Пропаганда и распространение взаимоуважения, взаимопонимания и толерантности.
3. Административно-правовое регулирование деятельности партий, учреждений и организаций.
4. Повышение качества и результативности деятельности полиции, направленной на противодействие экстремизму.
5. Повышение уровня эффективности профилактики экстремистских правонарушений. Особое внимание необходимо уделить профилактике экстремизма среди подростков и молодежи.
6. Предупреждение распространения идеологии экстремизма.
7. Выявление и устранение причин и условий возникновения и распространения экстремистской деятельности.

Подводя итог изложенному, следует сделать вывод, что экстремизм для России как многонационального и многоконфессионального государства представляет серьезную опасность, противодействие ему является актуальной проблемой общества и государства. На территории Республики Крым необходимость активного противодействия экстремизму связана еще и с внешними факторами его стимулирования со стороны украинских националистических структур и специальных служб.

Список литературы

1. Сергун Е. П. Экстремизм в российском уголовном праве: Тамбов, 2009. 235 с. // URL: <http://www.disserr.com/contents/373248.html> (дата обращения 3.09.2017).
2. Об утверждении Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Республике Крым на 2015–2018 годы: указ Главы Республики Крым от 30 января 2015 г. № 26-У. – Симферополь, 2015. – 17 с.
3. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63 - ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 1996 .N 25, ст. 2954.
4. Буткевич С. А., Коноплева А. А. Распространение экстремизма в Республике Крым: проблемы противодействия и пути их решения // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 1 (19). – С. 81.
5. В прокуратуре Республики Крым прошло заседание межведомственной рабочей группы. URL: <http://procrf.ru/news/306184-vprokurature-respubliki-kryim.html>. (дата обращения 3.09.2017).
6. Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru/22> (дата обращения 3.09.2017).

7. О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 26 июля 2011 г. N 988 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 31, ст. 4705.

Bugaev V. A., Gridasov K. I. Especially countering extremism in Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 119–124.

Currently, extremism is one of the main threats to the world order. The problem of the proliferation of extremism is especially acute in front of Russia, historical feature which is staying in its territory of varying ethnic and religious composition of the population. The article discusses issues related to regulatory pinning responsibility for public appeals to the implementation of the extremist activity and incitement to hatred or hostility, as well as a violation of human dignity; analysis of the growth of extremist crimes in Republic of Crimea and Sevastopol in comparison with all statistical data; highlight the key problem of counteraction of extremist activities in the investigative practice and suggest ways of overcoming them.

Keywords: extremism, public instigation, extremist activity, social group, criteria for extremism.

Spisok literatury

1. Sergun E. P. Ekstremizm v rossiyskom ugovnom prave: Tambov, 2009. 235 s. // URL: <http://www.disserr.com/contents/373248.html>
2. Ob utverzhenii Kompleksnogo plana protivodeystviya ideologii terrorizma v Respublike Kryim na 2015-2018 gody: ukaz Glavyi Respubliki Kryim ot 30 yanvarya 2015 g. № 26-U. – Simferopol, 2015. – 17 s.
3. Ugolovnyy kodeks RF ot 13 iyunya 1996 g. № 63 - FZ // Sobr. Zakonodatelstva Ros. Federatsii. 1996 .N 25, st. 2954.
4. Butkevich S. A., Konopleva A. A. Rasprostranenie ekstremizma v Respublike Kryim: problemyi protivodeystviya i puti ih resheniya // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2015. – № 1 (19). – S. 81.
5. V prokurature Respubliki Kryim proshlo zasedanie mezhvedomstvennoy rabochey gruppyi. URL: <http://procrf.ru/news/306184-vprokurature-respubliki-kryim.html>.
6. Generalnaya prokuratura Rossiyskoy Federatsii. Portal pravovoy statistiki. URL: <http://crimestat.ru/22>
7. O Mezhvedomstvennoy komissii po protivodeystviyu ekstremizmu v Rossiyskoy Federatsii: ukaz Prezidenta Ros. Federatsii ot 26 iyulya 2011 g. N 988 // Sobr. zakonodatelstva Ros. Federatsii. 2011.No 31, st. 4705.

УДК 343.98.065

**ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ ТАМОЖЕННЫМИ ОРГАНАМИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С КОНТРАБАНДОЙ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ**

Макаренко В. Г.

Московский институт юриспруденции

Автором рассматриваются вопросы применения специальных знаний должностными лицами экспертно-криминалистических подразделений ФТС России; проанализированы общие принципы и особенности привлечения экспертов к участию в оперативно-розыскных мероприятиях и неотложных следственных действиях при выявлении фактов контрабанды огнестрельного оружия и его основных частей. Автором статьи выносятся на обсуждение понятие – «таможенная криминалистика», которое могло бы быть применимо в теории и практике технико-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов, а также в рамках таможенного контроля. Криминалистический аспект, по мнению автора, в настоящее время приобретает большое значение в сфере таможенного дела в связи с тем, что лица, совершающие таможенные преступления и правонарушения, используют новые технологии и приемы.

Ключевые слова: огнестрельное оружие, эксперт-баллист, контрабанда, специальные знания, криминалистическая таможенная экспертиза, дежурный специалист, непрерывное экспертно-криминалистическое обеспечение (НЭО), таможенная криминалистика.

В настоящее время в России процессы противодействия контрабанде приобретают огромное государственное значение, особенно это прослеживается в аспекте борьбы с таким общественно опасным ее видом, как контрабанда огнестрельного оружия и его основных частей. Начиная с 2002 года к компетенции таможенных органов Российской Федерации отнесено производство неотложных следственных действий по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных Уголовным кодексом РФ, а именно статьей 226.1 (до 2011 года – ст. 188 УК РФ), в части, касающейся контрабанды огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения и иной военной техники [1]. Исходя из реалий современного развития науки и техники, оперативным сотрудникам и дознавателям таможенных органов зачастую затруднительно производить неотложные следственные действия без тесного взаимодействия со специалистами в области баллистической экспертизы и исследований огнестрельного оружия.

Необходимо отметить, что огнестрельным считается оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда, а к его основным частям относятся – ствол, затвор, барабан, рамка и ствольная коробка [2]. На одном из пленумов Верховный Суд РФ постановил, что в случаях необходимости решения вопроса о принадлежности объектов к тому или иному виду оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ требуется применение

специальных познаний и проведение экспертных исследований, проще говоря – экспертизы [3].

Привлечение специалиста таможенного экспертного учреждения осуществляется тогда, когда для решения вопросов, возникающих в том числе при расследовании дел о контрабанде огнестрельного оружия, требуются специальные знания в области современной науки и существующих прогрессивных технологий. Необходимость специальных знаний в области права, как правило, не может влечь за собой назначение судебной экспертизы. Решение правовых вопросов законом относится к исключительной компетенции дознавателя, следователя, прокурора или судьи. Однако очень важным является правовая составляющая действия специалистов и экспертов, являющихся должностными лицами таможенных органов.

В этой связи необходимо учитывать определенные понятия, являющиеся одними из основополагающих. В частности, судебная экспертиза – это процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу (ст. 9 Федерального закона от 31.05.2001 № 73–ФЗ).

Наряду с вышесказанным общим понятием существует сугубо специфическое, можно даже сказать – ведомственное, а именно: «таможенная экспертиза», т. е. организация и проведение исследований, осуществляемых таможенными экспертами и (или) иными экспертами с использованием специальных и (или) научных познаний для решения задач в области таможенного регулирования (ст. 137 Таможенного кодекса Таможенного союза).

С точки зрения общей теории экспертизы таможенные экспертизы не представляют самостоятельный вид. Тем не менее при классификации экспертиз некоторыми учеными предпринимаются попытки обосновать правомерность и целесообразность выделения таможенных экспертиз в отдельный вид [4]. Таможенные экспертизы выполняются в специализированном региональном управлении Федеральной таможенной службы, которое является мощным наукоемким учреждением.

Центральное экспертно-криминалистическое таможенное управление ФТС России (далее – ЦЭКТУ) имеет в своем штате квалифицированных экспертов-баллистов, способных на высоком профессиональном уровне принимать участие в оперативно-розыскных мероприятиях либо неотложных следственных действиях по делам контрабанды огнестрельного оружия и его основных частей. И нельзя не отметить, что законодатель определяет «эксперта» как лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное для производства судебной экспертизы и дачи заключения [5]. Эксперты ЦЭКТУ, имеющие специализацию «баллистическая экспертиза», в свою очередь выполняют не только судебные экспертизы, но и принимают участие в производстве правоохранительными подразделениями специальных мероприятий. Это происходит в рамках осуществления технико-криминалистической деятельности в таможенных органах, регламентация которой требует актуализации нормативной базы путем формирования специального

документа. По нашему мнению, таковым могло бы стать «Наставление по технико-криминалистической деятельности в таможенных органах», которое может регулировать процессы НЭО и сопряженные с ним процессуальные мероприятия.

После передачи в 2011 году функций криминалистического обеспечения из Управления таможенных расследований и дознания в экспертные подразделения ЦЭКТУ в ФТС России был определен порядок действия специалиста в случае его привлечения правоохранными подразделениями таможенных органов к участию в оперативно-розыскных мероприятиях и неотложных следственных действиях.

Следует отметить, что в общей практике криминалистики, принятой за основу работы в системе МВД России, существуют определенные правила, которые должным образом спроецированы на деятельность специалиста, привлеченного правоохранными подразделениями таможенных органов. В этой связи необходимо учитывать, что и таможенный эксперт-баллист выполняет свои функции на данной общепринятой основе.

Так, при обнаружении оружия специалист в обязательном порядке фиксирует в протоколе и плане осмотра его место расположения относительно соседних предметов и производит фотосъемку по правилам криминалистической фотографии. Затем специалист тщательно осматривает оружие, соблюдая при этом следующие меры безопасности:

1) нельзя поднимать оружие с помощью стержня или палочки, вставленных в ствол или спусковую скобу;

2) осматривать оружие рекомендуется в резиновых перчатках, брать его осторожно, чтобы оно случайно не выстрелило;

3) нельзя брать оружие за дульный срез ствола, т. к. можно уничтожить различные наложения. Поднимают оружие дульным срезом вверх, чтобы сохранить имеющиеся в канале ствола частички пороха, при этом запрещается направлять оружие в сторону людей;

4) взводят курок (если это оружие с открытым курком), приоткрывают затвор, чтобы проверить, нет ли патрона в патроннике. Стараются зафиксировать их в таком положении, а если это невозможно – курок спускают;

5) оружие кладут на чистую бумагу и осматривают, отыскивая на нем следы рук и наслоения посторонних веществ;

6) вынимают магазин, выявляют на нем следы рук;

7) затем извлекают из патронника патрон или гильзу. Если их извлечь невозможно, то, в зависимости от конструкции оружия, вынимают затвор, отделяют ствол от ложа или устанавливают на курок плотную картонную прокладку.

Вышеописанный перечень мер безопасности не исчерпывающий, а более того, требует дополнений с учетом специфики деятельности правоохранных подразделений таможенных органов.

По завершении своего участия в мероприятиях специалист осторожно снимает и помещает в пробирку с пробкой имеющиеся частицы какого-либо обнаруженного вещества. Одновременно специалистом учитывается, что следы рук, обнаруженные на поверхности, не должны соприкасаться с материалом упаковки, а магазин, патроны заворачиваются в отдельную упаковку. После чего упаковка обвязывается ниткой и печатывается.

Будет правильным рассмотреть общий порядок участия специалиста в неотложных следственных действиях при расследовании контрабанды огнестрельного оружия. Важнейшим аспектом является то, что дежурными специалистами экспертно-криминалистических таможенных подразделений обеспечивается готовность к оказанию помощи в качестве специалистов, обладающих специальными знаниями (компетенцией), в проведении исследований правоохранительным подразделениям таможенных органов. Процесс участия специалиста принято называть непрерывным экспертно-криминалистическим обеспечением или сокращенно – НЭО.

Как отмечалось выше, дежурный специалист, имеющий квалификацию «криминалист», участвует по заданию таможенного органа в проведении оперативно-розыскных мероприятий и неотложных следственных действий по пресечению контрабанды огнестрельного оружия или его основных частей и боеприпасов. Особым акцентом необходимо здесь отметить, что он действует именно по заданию таможенного органа (задание оформляется в письменной форме). Специалист также может осуществлять сбор сравнительных образцов для проведения дактилоскопических исследований по различным объектам. В то же время проведение дактилоскопирования живых лиц (или трупов) для целей дактилоскопических учетов в иных правоохранительных органах соответствующим приказом не допускается [6]. Как показывает практика, в настоящее время назрела необходимость конкретизации определений «дежурный специалист», «дежурный эксперт», которые участвуют в НЭО.

Важным является то положение, что при выявлении дежурным специалистом в ходе участия в НЭО признаков каких-либо правонарушений (преступлений) относительно исследуемых объектов огнестрельного оружия, если по таким признакам ему не определены действия заданием таможенного органа, специалист вправе использовать принцип экспертной инициативы. По результатам таких действий он впоследствии делает соответствующую запись в заключении специалиста при его оформлении.

Как отмечает В. А. Михайлов, эксперт вправе провести исследование, по его результатам дать заключение и по вопросам, не поставленным в постановлении о назначении экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования [7]. Вышеуказанное право эксперта (аналогично со специалистом таможенного экспертного учреждения) можно дефинировать как экспертную инициативу, которая определяется уголовно-процессуальной категорией, характеризующей деятельность эксперта в уголовном процессе в пределах его профессиональной компетенции, не ограниченной экспертным заданием и направленной на выявление сведений об обстоятельствах, которые имеют отношение к предмету экспертного исследования [8].

Одним из итогов участия специалиста таможенного экспертно-криминалистического подразделения может впоследствии стать назначение судебной экспертизы, в процессе производства которой также можно проследить возможность применения экспертной инициативы.

Хочется отметить, что, как показывает анализ правоохранительной и правоприменительной практики борьбы с преступлениями во внешнеэкономической сфере, высокие результаты в деле расследования и

раскрытия преступлений, связанных с контрабандой огнестрельного оружия и его основных частей, могут быть достигнуты только в том случае, если неотложные следственные действия производятся в строгом соответствии с действующим законом и во всеобъемлющем тесном взаимодействии оперативного сотрудника, дознавателя и эксперта (специалиста).

В этой связи процитируем С. П. Жданова, чьи научные исследования процессов привлечения специалиста к различным процессуальным мероприятиям приобретают сегодня достаточно высокую значимость с учетом практики деятельности таможенных органов: «Специальные познания специалиста – это теоретические знания в области науки, техники, искусства и ремесла, приобретенные при получении специального образования и (или) апробированные на практике, необходимые для применения и (или) использования в конституционном, уголовном, гражданском, административном производстве и оперативно-розыскной деятельности без назначения и производства экспертизы» [9].

Рассматривая сущность процессов таможенного контроля в полной взаимосвязи с их криминалистическим (экспертно-криминалистическим) аспектом, стоит признать их дуалистический характер, в связи с чем предлагается внедрить в теорию и практику таможенного дела термин «таможенная криминалистика», сформулировав его следующим образом.

Таможенная криминалистика – отрасль криминалистической техники, осуществляющая решение прикладных задач по обнаружению и исследованию материальных следов правонарушений в сфере таможенного регулирования с целью установления лиц, их готовящих и (или) совершивших, а также задач по разработке, внедрению (применению) технических средств таможенного контроля во взаимосвязи с криминалистическими средствами и методами.

Считаем, что использование методов криминалистической техники (таможенной криминалистики) при осуществлении таможенного контроля как с использованием специальных знаний экспертов (специалистов), так и должностными лицами, совершающими таможенные операции и таможенный контроль, окажет существенное положительное влияние на качество выполняемых в последующем экспертиз и исследований, в том числе по огнестрельному оружию, так как от качественно изъятых предметов правонарушения, профессиональной фото- и видеофиксации окружающей обстановки и места происшествия зависит результативность таможенной и судебной экспертизы и их доказательственная эффективность.

Актуальным вопросом остается правовая регламентация процессов технико-криминалистического обеспечения процессуальной таможенной деятельности как в сфере противодействия таможенным преступлениям и правонарушениям, так и в процессе таможенного контроля. Видится крайне необходимым сформировать свод правил действий субъектов криминалистической деятельности таможенных органов в части применения средств и методов криминалистической техники. По нашему мнению, таким документом может стать «Наставление по технико-криминалистической деятельности в таможенных органах», проект которого активно разрабатывается автором в рамках диссертационного исследования. Внедрение в практику процессуальной таможенной деятельности термина

«таможенная криминалистика» в дальнейшем позволит на твердой научной основе формировать теорию технико-криминалистического обеспечения в области таможенного регулирования а качестве перспективной ветви такого раздела криминалистической науки как криминалистическая техника.

Существенным аспектом в достижении требуемых целей, при противодействии контрабанде огнестрельного оружия (а также противодействии иным таможенным преступлениям и правонарушениям), видится необходимость создания новой организационно-штатной структуры экспертно-криминалистических подразделений в местах дислокации таможенных органов, наиболее приближенных к таможенной границе ЕАЭС и позволяющей осуществлять криминалистическое обеспечение их правоохранительной деятельности в непрерывном режиме, при условии наличия экспертов в количестве не менее четырех человек, имеющих экспертную специализацию «баллистическая экспертиза» и имеющих должный уровень подготовки, позволяющий принимать участие в процессуальных действиях, проводимых таможенными органами, в качестве специалиста.

Стратегические задачи процессуальной таможенной деятельности, решаемые посредством технико-криминалистического обеспечения, характеризуются тремя базисными принципами (подходами) рассматриваемой системы, к которым, по нашему мнению, следует отнести: а) организационно-управленческий; б) тактико-методологический; в) технико-инструментальный.

Организационно-управленческий принцип системы ТКО заключается в допущении гибридной характеристики экспертной и криминалистической видов деятельности, которые организационно совмещены в структуре таможенных органов и позволяют экспертам, проводящим таможенные и судебные экспертизы, участвовать в качестве специалиста при производстве неотложных следственных действий и расследовании административных правонарушений, а также в гражданском и арбитражном процессах при таможенных спорах хозяйствующих субъектов и физических лиц. Управление экспертно-криминалистической деятельностью целесообразно базировать на принципе разумного совмещения экспертной работы и криминалистической деятельности с учетом процессуальной независимости эксперта (специалиста).

Тактико-методологический принцип системы ТКО заключается в необходимости проведения регулярной актуализации методического материала, инструкций, наставлений, рекомендаций, стандартов предприятия, а также практических занятий, повышения квалификации должностных лиц экспертно-криминалистических подразделений таможенных органов. Основываясь на данном принципе, видится крайне необходимым создать на научной и материальной базе Российской таможенной академии ФТС России учебного центра профессионального образования (института) по подготовке специалистов по направлениям «Судебная экспертиза» (40.05.03) и «Правоохранительная деятельность» (40.05.02).

Технико-инструментальный подход к системе ТКО заключается в обязательности использования средств и инструментария современной криминалистической техники при ведении процессуальной таможенной деятельности, в том числе применения технических средств таможенного контроля (ТСТК) с учетом вовлечения экспертно-криминалистических подразделений к

процессам выявления возможных правонарушений при проведении государственного таможенного контроля.

Таким образом, нами предлагается реорганизовать действующую систему непрерывного экспертно-криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности таможенных органов, трансформировав ее с учетом вышеуказанных принципов (подходов) и проецируя результаты прикладной деятельности в область уголовного, административного, гражданского и арбитражного процессов, реализуемых в сфере таможенного регулирования как Российской Федерации, так и Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июля 1996 г. № 63-ФЗ (ред. 29.07.2017) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». (дата обращения 3.19.2017).
2. Эксархопуло А. А. Криминалистика. Учебник. – СПб., 2009, – С.14.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – № 5.
4. Глазунова И. В. Новые положения правового регулирования производства таможенной экспертизы // Вестник Российской таможенной академии – 2013. – № 1.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. 19.12.2016) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
6. Приказ ЦЭКТУ ФТС России от 01.07.2013 № 269 «Об утверждении Инструкции по непрерывному экспертно-криминалистическому обеспечению правоохранительной деятельности таможенных органов» // Документ опубликован не был.
7. Михайлов В. А. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. – М., С. 305.
8. Глазунова И. В. Теоретические и правовые аспекты участия эксперта в досудебном производстве по уголовным делам (по материалам ФТС России). Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Люберцы, 2009. – 16 с.
9. Жданов С. П. Понятие и сущность специальных познаний (знаний) специалиста // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 1 (34). – С. 161–163.

Makarenko Vladimir G. Some features of forensic support of the customs authorities' investigation of firearms criminal smuggling // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 125–132.

The paper's author considers questions of special knowledge using by officials of forensic divisions of FCS of Russia; the general principles and some features of involvement of experts to participation in investigation and search operations on identification of smuggling of firearms and its main parts are analyzed. The author is submitted for discussion a new concept – customs criminalistics, that could be applied in the theory and practice of forensic provide law enforcement activities of customs authorities and within the customs control. By the author's opinion, the forensic aspect now acquires a higher value in the customs sphere.

Keywords: firearms; ballistic expert; smuggling; special knowledge; criminalistics examination for customs; specialist on duty; the Ongoing Forensic Support (OFS-system), customs criminalistics (forensic science).

Spisok istochnikov:

1. Ugolovnyiy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13 iyulya 1996 g. № 63-FZ (red. 29.07.2017) // Spravochnaya pravovaya sistema «Konsultant Plyus».
2. Eksarhopulo A. A. Kriminalistika. Uchebnik. SPb., – 2009, S.14.

3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 12.03.2002. № 5 «O sudebnoy praktike po delam o hischenii, vyimogatelstve i nezakonnom oborote oruzhiya, boepripasov, vzryivchatyih veschestv i vzryivnyih ustroystv» // Byulleten Verhovnogo Suda RF. – 2002. – № 5.
4. Glazunova I. V. Novyye polozheniya pravovogo regulirovaniya proizvodstva tamozhennoy ekspertizy // Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii – 2013. – № 1.
5. Uголовно-протсессуальный кодекс Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ (red. 19.12.2016) // Spravochnaya pravovaya sistema «KonsultantPlyus».
6. Prikaz TsEKTU FTS Rossii ot 01.07.2013 № 269 «Ob utverzhdenii Instruktsii po nepreryivnomu ekspertno-kriminalisticheskomu obespecheniyu pravoohranitelnoy deyatelnosti tamozhennyih organov» // Dokument opublikovan ne byl.
7. Mihaylov V. A. Kurs uголовного sudoproizvodstva. T. 2., – M., S. 305.
8. Glazunova I.V. Teoreticheskie i pravovyye aspektyi uchastiya eksperta v dosudebnom proizvodstve po uголовnym delam (po materialam FTS Rossii). Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Lyubertsy, 2009.
9. Zhdanov S.P. Ponyatie i suschnost spetsialnyih poznaniy (znaniy) spetsialista // Vestnik Vladimirskego yuridicheskogo instituta. – 2015. № 1(34). S. 161–163.

УДК 343.618:343.85

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Мидловец М. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследуются нормы уголовного законодательства зарубежных стран о дорожно-транспортных преступлениях, определяющих порядок наступления уголовной ответственности, степень вины, вид и размер санкций за их совершение. Автором проводится сравнительный анализ норм уголовных кодексов Республик Беларуси, Латвии, Германии, Эстонии, Уголовные кодексы Болгарии, Испании, Украины, Франции, Швейцарии. Были выявлены положительные условия и целесообразность их внедрения в УК РФ в части установления уголовной ответственности за допуск к управлению транспортных средств лиц, не имеющих на это право, а также за причинение вреда здоровью человека средней тяжести и имущественного вреда. Особо отмечается актуальность установления и законодательного закрепления повышенной уголовной ответственности за совершение дорожно-транспортного преступления, предметом которого выступает общественный пассажирский транспорт. Предлагается применение таких видов наказания за совершение дорожно-транспортных преступлений, как лишение права управления транспортным средством, штраф, общественно-полезные работы на благо общества. Положительным является выделение смягчающих обстоятельств за деятельное оказание помощи с целью минимизировать общественно-опасные последствия виновным.

Ключевые слова: дорожно-транспортные преступления, наказание, штраф, лишение права управления транспортным средством, общественно-полезные работы, возмещение причиненного вреда.

Обеспечение безопасности дорожного движения является одной из основных задач любого государства как составной части обеспечения общественной безопасности. Кроме того, проблема дорожного движения относится к глобальным проблемам человечества, а потому ей уделяется большое внимание на международном уровне. Это также связано с тем, что ни одно государство не может существовать самостоятельно, без международных отношений, поддержание которых во многом зависит и от транспортной инфраструктуры, международных грузовых и пассажирских перевозок, а также передвижения на личном транспорте. А потому необходимы единообразность в урегулировании дорожного движения, унифицированные правила безопасного дорожного движения.

Для единообразного соблюдения правил дорожного движения странами заключаются двусторонние и многосторонние договора по различным вопросам в данной сфере. Все эти международные договоры разрабатываются, принимаются и подписываются под эгидой Организации Объединенных Наций и созданной в ней Европейской экономической комиссии.

На современном этапе существуют и действуют, а также признаются большинством стран мира такие международные документы в области урегулирования дорожного движения:

– Конвенция о дорожном движении 1968 года (вступила в юридическую силу в России 21 мая 1977 года) [1];

– Конвенция о дорожных знаках и сигналах 1968 года (6 июня 1978 года) [2];

– Европейское соглашение, дополняющее Конвенцию о дорожных знаках и сигналах 1971 года (3 августа 1979 года);

– Протокол о разметке дорог к Европейскому соглашению, дополняющему Конвенцию о дорожных знаках и сигналах 1973 года (25 апреля 1985 года);

– Резолюции ООН по вопросам повышения безопасности дорожного движения.

И хотя некоторые исследователи проблем обеспечения дорожно-транспортной безопасности указывают, что эти международно-правовые акты были приняты давно и возникла необходимость в разработке новых, мы не согласны с этим, так как работа по усовершенствованию и развитию единых правил безопасного дорожного движения с учетом возникающих потребностей реальности ведется постоянно, в указанные конвенции, протоколы и соглашения вносятся изменения и дополнения. Бесспорно, утверждение Е. А. Войтенкова о том, что «интересы всех стран мог бы примирить только единый документ, содержащий в себе единые правила» [4, с. 57], но ввиду того, что не все страны ратифицировали данные нормативные акты (хотя и применяют их положения), правила дорожного движения в разных странах имеют свои отличия, а также различные меры административной и уголовной ответственности за их нарушение.

Также данные международные нормативные акты определяют общие правила дорожного движения, а также требования к государствам об установлении и законодательном закреплении ответственности за их нарушение. Все это приводит к тому, что в разных странах по-разному определяются как сами противоправные действия в сфере дорожного движения, так и наказание за их совершение.

Безусловно, личный исторический опыт развития любого явления, обусловленный менталитетом народа и его традициями, культурой, имеет особо важное значение. Но нельзя и категорически глупо отрицать положительное значение международного опыта предупреждения и профилактики преступности, которое выражается в мерах правового воздействия на сознание людей путем установления определенных видов наказания и их степени, квалификации таких противоправных действий.

Как нами уже было отмечено, зарубежный опыт регламентирования уголовной ответственности за автотранспортные преступления в разных государствах имеет свои отличия. При исследовании законодательства ряда европейских стран и Соединенных Штатов Америки Полякова Е. А. разделяет их 3 группы [9, с. 144–145]:

– государства, в которых уголовное законодательство прямо предусматривает уголовную ответственность за совершение дорожно-транспортного преступления, где объектом посягательства выступает безопасность движения и эксплуатации транспорта. К таким законам относятся: Уголовный кодекс Испании 1995 года, Уголовный кодекс Болгарии 1968 года, Уголовный кодекс Латвии 1998 года. Мы

также можем отнести к ним Уголовный кодекс Украины 2001 года, Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 года.

Так, Уголовный кодекс Испании 1995 года предусматривает такие виды дорожно-транспортных преступлений: ст. 379 – управление транспортным средством под влиянием токсических, наркотических или психотропных веществ, а равно и алкогольных напитков; ст. 380 – отказ от требования представителя власти подвергнуться законно установленному освидетельствованию; ст. 381 – управление автомобилем или мотоциклом с явным безрассудством и ставит в конкретную опасность жизнь или здоровье людей; в ст. 382 раскрывается общий состав нарушения правил дорожного движения, а в ст. 383, 384 перечисляются дополнительные виды наказания в случае совершения квалифицированных составов указанных преступлений [10].

Уголовный кодекс Болгарии детально раскрывает различные виды правонарушений, совершаемых на транспорте. Так, в ст. 342 устанавливается общий состав нарушения безопасности транспортного движения, а в ст. 342 отдельно указывается нарушение правил безопасности водителем общественного транспорта, предназначенного для массовой перевозки людей. Данное положение имеет особое значение, так как дорожно-транспортные преступления, совершаемые на общественном транспорте, зачастую влекут наибольшее количество жертв в лице пассажиров. Также не только водитель должен привлекаться к ответственности за дорожно-транспортное происшествие на таком виде дорожного транспорта, но и иные лица, нарушившие свои обязанности: лицо, допустившее к управлению общественным транспортом такого водителя, который не отвечает медицинским требованиям по состоянию здоровья к его управлению (состояние алкогольного управления, состояние переутомления и пр.), а также лица, допустившие к эксплуатации такое транспортное средство, которое не отвечает требованиям технической безопасности.

Что касается общественно опасных последствий, то здесь не ведется разграничение на степень тяжести вреда здоровью человека, а также уголовная ответственность наступает и за причинение имущественного вреда. В ст. 343б, 343в практически полностью отражается норма ст. 264.1 УК РФ. Но примечательным и положительным является факт установления особых смягчающих обстоятельств для виновного лица, который пытался всеми силами минимизировать причиненный вред и помочь потерпевшему. Это особо важно с учетом достаточно жестоких мер наказания (лишение свободы от одного года и вплоть до пожизненного заключения). Более того, УК Болгарии также предусматривает уголовную ответственность за посягательство на целостность или законность установки дорожных, информационных знаков (ст. 344), а также знаков отличия на специальные машины (ст. 345), порчу номерных знаков (ст. 345а) [11].

В Уголовном кодексе Латвийской Республики уголовная ответственность за дорожно-транспортные преступления расположена в главе 21 «Преступные деяния против безопасности движения». Здесь закреплены общий состав нарушения правил дорожного движения с последствиями, характеризующими квалифицированные составы – от телесных повреждений легкой степени и до смерти; общий состав выпуска технически неисправного транспортного средства в эксплуатацию (ст. 263). Отдельно выделяется управление транспортным средством в состоянии

алкогольного, наркотического, одурманивающего и иного опьянения (ст. 262), а также допуск таких лиц к управлению транспортным средством (ст. 264). Как и в Болгарии, предусмотрена уголовная ответственность за подделку номерных регистрационных знаков (ст. 265). Отдельно следует обратить внимание на то, что здесь законодатель в ст. 261 раскрывает понятие транспортного средства, хоть по смыслу имеется в виду «механическое транспортное средство», предназначенное для эксплуатации по дорогам, – «все виды автомобилей, и иные самоходные машины, трамваи, троллейбусы, мотоциклы и иные механические транспортные средства, перемещающиеся с помощью собственного источника энергии, за исключением транспортных средств с двигателем внутреннего сгорания, рабочий объем которого менее 50 кубических сантиметров» [12].

Уголовный кодекс Республики Беларусь практически идентичен УК РФ, что объясняется общностью культуры, истории развития и менталитета народа, а также тем, что большинство уголовных кодексов стран постсоветского пространства повторяют положения ранее существовавшего законодательства с небольшими особенностями. Так, ст. 317, 317.1, 318 и 321 УК РБ отражают соответственно положения ст. 264, 264.1, 266 и 268 УК РФ с той лишь разницей, что общий состав нарушения правил безопасности дорожного движения имеет место уже при причинении вреда здоровью человека средней тяжести. Отдельно стоит выделить установление уголовной ответственности, наравне с управлением транспортным средством в состоянии опьянения, за допуск к управлению транспортным средством лица, находящегося в состоянии такого опьянения [13]. Линкевич А. Е. отмечает, что из всех действующих на территории постсоветского пространства этот кодекс «отличается особой оригинальностью, новизной и прогрессивностью. Его нормы и институты тесно взаимосвязаны с международным правом» [8, с. 159]. Но, по нашему мнению, его следует дополнить отдельными положениями, предусмотренными в УК Болгарии и УК Латвийской Республики.

Уголовный кодекс Украины меньше внимания уделяет дорожно-транспортным преступлениям, закрепляя лишь само нарушение правил дорожного движения с его квалифицированными составами (ст. 286) – выпуск в эксплуатацию технически неисправных средств и нарушение норм строительства дорог (ст. 287, 288), а также подделка регистрационных знаков (ст. 290). Здесь законодатель вообще исключает уголовную ответственность пешеходов, пассажиров, возлагая всю вину на лицо, управляющее транспортным средством, а преступление имеет место быть уже по факту причинения вреда средней тяжести здоровью человека [7].

– другие государства, устанавливая уголовную ответственность за причинение смерти или тяжких телесных повреждений человеку, не рассматривают безопасность дорожного движения и эксплуатации транспорта в качестве объекта посягательства (охраны). К таким можно отнести Уголовный кодекс Эстонской Республики, который предусматривает лишь одну статью об уголовной ответственности за автотранспортные преступления – ст. 204, в которой выделяются такие признаки, как «нарушение правил безопасности движения или эксплуатации механических транспортных средств лицом, управляющим механическим транспортным средством», наступление общественно опасных последствий в виде смерти или причинения особо тяжкого и тяжкого телесного вреда, и квалифицирующие признаки – смерть двух или более лиц; управление в состоянии

алкогольного или иного одурманивающего опьянения. При этом данная норма содержится в главе 11 «Преступления против общественного порядка и общественной безопасности» [14].

– третья группа государств вообще не различают уголовную ответственность непосредственно за автотранспортные преступления. Здесь уголовная ответственность за причинение вреда смерти или здоровью человека квалифицируется по иным статьям, относящимся к посягательствам на жизнь и здоровье человека, а механическое транспортное средство выступает в качестве орудия преступления.

Таким образом уголовная ответственность за совершение дорожно-транспортного преступления наступает в Федеративной Республике Германия, во Франции, в Швейцарии, Японии и Китайской Народной Республике.

Так, в Уголовном кодексе Республики Германия в разделе 28 «Общепасные наказуемые деяния» в § 315с и 316 содержатся положения, определяющие уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. При этом законодатель здесь не указывает на общественно опасные последствия, то есть совершенное автотранспортное преступление дополнительно следует квалифицировать по соответствующим статьям, охраняющим жизнь и здоровье людей. С другой стороны, примечательно, что здесь законодатель попытался раскрыть объективную сторону, ограничив тем самым действия, подпадающие под признаки автотранспортного преступления [15].

Уголовный кодекс Швейцарии содержит раздел 9 «Преступления и проступки против общественного транспорта», где содержится ст. 237 – посягательство на работу общественного транспорта, в том числе уличного. Но нормы, предусматривающей уголовную ответственность за нарушение безопасности функционирования транспорта участниками дорожного движения, нет. Данные деяния квалифицируются по ст. 117 и ст. 125 – причинение смерти и телесных повреждений по неосторожности [16].

Таким же образом разрешается данный вопрос и в УК Франции (ст. 221-6 Отдела П. - О неумышленных посягательствах на жизнь). Но здесь законодатель особо уделяет внимание отсутствию умысла и причинам, побудившим виновного к такому поведению – «в результате оплошности, неосторожности, невнимания, небрежности или неисполнения обязанности по безопасности или предосторожности». При этом особо следует отметить степень наказания – до 5 лет заключения и 500 000 франков штрафа. Кроме того, ст. 221-8 предусмотрены дополнительные меры наказания: «п. 3. Лишение водительских прав сроком не более пяти лет, причем такое лишение прав может быть ограничено вождением вне рамок профессиональной деятельности; п. 4. Аннулирование водительских прав с запрещением ходатайствовать о выдаче новых прав в течение не более пяти лет» [17].

Как отмечает Е. А. Полтава, возможно это связано со «специфичностью правосознания в этих странах, которое выражается в максимальной, абсолютной защите жизни и здоровья как внешнего социального блага, несмотря на средства и механизмы причинения любого вреда этому охраняемому благу» [9, с. 146]. Возможно, такая позиция верховенства и приоритета защиты личности, ее жизни и

здоровья, прав и свобод в большей мере отвечает международным стандартам в области обеспечения незыблемости естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина, нежели постсоветское уголовное законодательство России, требующее четкого и детального описания характера уголовно-правовых отношений. С другой стороны, по нашему мнению, именно такое установление уголовной ответственности и учет причин и условий конкретного вида преступности позволит выработать более эффективную профилактику ее предупреждения с учетом использования всех возможных мероприятий различного характера.

Рассматривая уголовное законодательство зарубежных стран по вопросам урегулирования и закрепления уголовной ответственности за автотранспортные преступления, следует отметить мнение Епифанова Ю. А., что «там, где жестче Правила дорожного движения и серьезнее наказание за их нарушение, показатели аварийности и травматизма ниже». Автор указывает, что наименьшая аварийность и травматизм на дороге отмечается в Великобритании, а в последнее время наметилось снижение уровня дорожно-транспортной преступности в Беларуси и странах Балтии [6, с. 153].

Еще одним положительным моментом зарубежного уголовного законодательства о дорожно-транспортных преступлениях является применение различного рода наказаний, не ограниченных лишением свободы и штрафом. Так, различают лишение водительских прав на определенный период и конфискацию транспортного средства, привлечение к выполнению общественно-полезных работ. Ранее последний вид наказания активно применялся в СССР, но в последнее время он не назначается. Хотя, посягая на транспортную безопасность как составляющую общественной безопасности, такой вид наказания вполне логичен, когда лицо, виновное в таком преступлении, искупляет свою вину на пользу общества.

Таким образом, анализ уголовного законодательства об автотранспортных преступлениях зарубежных стран свидетельствует о наличии определенных положительных моментов, которые могут быть включены в действующий УК РФ.

Список литературы

1. Конвенция о дорожном движении (Вена, 8 ноября 1968 г.) (с изменениями и дополнениями). Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1974 г. N 5938-VIII с. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1979 г., вып. XXXIII. С. 385.
2. Конвенция о дорожных знаках и сигналах (Вена, 8 ноября 1968 г.) (с изменениями и дополнениями). Ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 29 апреля 1974 г. N 5939-VIII с. [Электронный ресурс] // URL: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/2540647/#ixzz4tOrFcznB>. (дата обращения 4.10.2017).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. ст. 2954.
4. Войтенков Е. А. Организационно-правовые основы деятельности МВД СССР по обеспечению безопасности дорожного движения во второй половине 60-х – середине 80-х гг. XX в.: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Москва, 2006. – 180 с.
5. Епифанов Ю. А. Зарубежный опыт организации безопасности дорожного движения // Бизнес в законе. 2011. – № 1. – С. 152–154.
6. Коробеев А. И. Транспортные преступления / Коробеев А. И. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. – 406 с.

7. Кримінальний кодекс України від 5 квітня 2001 року N 2341-III. Відомості Верховної Ради України, 2001, № 25-26, ст.131.
8. Линкевич А. Е. Правовое регулирование борьбы с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств по законодательству стран СНГ // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 4. – С. 158–162.
9. Полтава Е. А. Опыт предупреждения автотранспортной преступности в странах Европейского Союза и в США // Современное право. – № 3. – 2015. – С. 144–149.
10. Уголовный кодекс Испании. // Перевод на рус. Кузнецова Н. Ф. – М.: Зерцало, – 1998. – 218 с.
11. Уголовный кодекс Республики Болгария: Принят Пятым Народным собранием на шестой сессии, четвертом заседании, состоявшемся 15 марта 1968 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1245689&subID=100109090,100109258,100109293#text>. (дата обращения 3.09.2017).
12. Уголовный кодекс Латвийской Республики: Принят 8 июля 1998 года; Введен в действие с 1 апреля 1999 года. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243424&subID=100106935,100106943,100106959,100107061>. (дата обращения 6.09.2017).
13. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3. Принят Палатой представителей 2 июня 1999 года. Одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года. URL: <http://xn---ctbcgfviccvibf9bq8k.xn--90ais/>.
14. Уголовный кодекс Эстонской Республики от 7 мая 1992 года (RT I, 2001, 73, 452). // Введен в действие Законом Эстонской Республики от 7 мая 1992 года «О введении в действие новой редакции Уголовного кодекса Эстонской ССР - Уголовного кодекса» // Ведомости ЭР, 1992, 20, 287 и 288.
15. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия. – М., 2001. – С. 127, 133.
16. Уголовный кодекс Швейцарии/ науч. ред. А. В. Серебренниковой. – СПб., 2002. – С. 162.
17. Уголовный кодекс Франции / науч.ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой. – СПб., 2002. – С. 174–175.

Midlovets M. V. Comparative Analysis Of The Legislation Of Foreign Countries On Road Transport Crimes // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 133–140.

The article examines the norms of the criminal legislation of foreign countries on road and transport crimes that determine the procedure for the onset of criminal responsibility, the degree of guilt, the type and the amount of sanctions for their commission. The author compares the norms of the criminal codes of the Republics of Belarus, Latvia, Germany, Estonia, the Criminal Codes of Bulgaria, Spain, Ukraine, France, Switzerland. It was revealed positive conditions and expediency in the part of establishing criminal liability for admission to the management of vehicles of persons who do not have the right to do so, as well as for causing harm to human health of moderate severity and property damage, of their introduction in the Criminal Code of the Russian Federation. Particular mention is made of the relevance of the establishment and legislative enactment of increased criminal liability for the commission of a road and transport crime, the subject of which is public passenger transport. It was suggested the use of such types of punishment for the commission of road and transport crimes, as the deprivation of the right to drive a vehicle, a fine, socially useful works for the benefit of society. Positive is the allocation of mitigating circumstances for active assistance in order to minimize the socially dangerous consequences of the perpetrators.

Keywords: road and transport crimes, punishment, fine, deprivation of the right to drive a vehicle, public works, compensation for the harm caused.

Spisok literatury

1. Konventsiya o dorozhnom dvizhenii (Vena. 8 noyabrya 1968 g.) (s izmeneniyami i dopolneniyami). Ratifitsirovana Ukazom Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 29 aprelya 1974 g. N 5938-VIII s. // Sbornike deystvuyushchikh dogovorov. soglasheniy i konventsiy. zaklyuchennykh s inostrannymi gosudarstvami. M., 1979 g., vyp. XXXIII. s. 385.
2. Konventsiya o dorozhnykh znakakh i signalakh (Vena. 8 noyabrya 1968 g.) (s izmeneniyami i dopolneniyami). Ratifitsirovana Ukazom Prezidiuma VS SSSR ot 29 aprelya 1974 g. N 5939-VIII s. [Elektronnyy resurs] // Rezhim dostupa: Sistema GARANT: <http://base.garant.ru/2540647/#ixzz4tOrFcznB>
3. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13 iyunya 1996 g. N 63-FZ. // Sobraniye zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii ot 17 iyunya 1996 g. N 25 st. 2954.

4. Voytenkov E. A. Organizatsionno-pravovyye osnovy deyatelnosti MVD SSSR po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya vo vtoroy polovine 60-kh - seredine 80-kh gg. XX v.: Diss. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. – Moskva. 2006. – 180 s.
5. Epifanov Yu. A. Zarubezhnyy opyt organizatsii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // *Biznes v zakone*. 2011. – №1. – S.152–154.
6. Korobeyev A.I. Transportnyye prestupleniya / Korobeyev A.I. – S.-Pb.: Yurid. tsentr Press. 2003. – 406 s.
7. Kriminalniy kodeks Ukraïni vid 5 kvitnya 2001 roku N 2341-III. Vidomosti Verkhovnoi Radi Ukraïni. 2001. N 25-26. st.131.
8. Linkevich A. E. Pravovoye regulirovaniye borby s narusheniyem pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv po zakonodatelstvu stran SNG // *Vektor nauki TGU*. 2011. №4. S.158-162.
9. Poltava E. A. Opyt preduprezhdeniya avtotransportnoy prestupnosti v stranakh Evropeyskogo Soyuza i v SShA // *Sovremennoye pravo*. – № 3. – 2015. – S. 144 – 149.
10. Ugolovnyy kodeks Ispanii // *Perevod na rus. Kuznetsova N.F.* – Izdatelstvo «Zertsalo». – M. – 1998. – 218 s.
11. Ugolovnyy kodeks Respubliki Bolgariya: Prinyat Pyatym Narodnym sobraniyem na shestoy sessii. chetvertom zasedanii. sostoyavshemsya 15 marta 1968 goda. [Elektronnyy resurs] // *Rezhim dostupa: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1245689&subID=100109090.100109258.100109293#text>*
12. Ugolovnyy kodeks Latviyskoy Respubliki: Prinyat 8 iyulya 1998 goda; Vveden v deystviye s 1 aprelya 1999 goda. [Elektronnyy resurs] // *Rezhim dostupa: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243424&subID=100106935.100106943.100106959.100107061>*
13. Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus ot 9 iyulya 1999 g. № 275-Z. Prinyat Palatoy predstaviteley 2 iyunya 1999 goda. Odobren Sovetom Respubliki 24 iyunya 1999 goda. [Elektronnyy resurs] // *Rezhim dostupa: <http://xn----ctbcgfvicvibf9bq8k.xn--90ais/>*
14. Ugolovnyy kodeks Estonskoy Respubliki ot 7 maya 1992 goda (RT I. 2001. 73. 452). // *Vveden v deystviye Zakonom Estonskoy Respubliki ot 7 maya 1992 goda "O vvedenii v deystviye novoy redaktsii Ugolovnogo kodeksa Estonskoy SSR - Ugolovnogo kodeksa". // Vedomosti ER. 1992. 20. 287 i 288.*
15. Ugolovnyy kodeks Federativnoy Respubliki Germaniya. – M.. 2001. S. 127. 133.
16. Ugolovnyy kodeks Shveysarii/ nauch. red. A. V. Serebrennikovoy. – SPb.. 2002. S. 162.
17. Ugolovnyy kodeks Frantsii / nauch.red. L. V. Golovko. N. E. Krylovoy. – SPb.. 2002. S. 174–175.

УДК 343.93

**ЛИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА
КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ**

Исютин-Федотков Д. В.

Адвокатское бюро г. Москвы «Асташкевич и партнеры»

Рассматриваются определения понятия «личность» человека как объекта криминалистического изучения. В юридической теории и практике существует множество понятий, используемых применительно к проблеме изучения личности. В криминалистике важно смысловое наполнение объекта изучения, а не его языковое обозначение. Личность и человек являются носителями определенных свойств, характеристик, необходимых и полезных для решения задач раскрытия и расследования преступлений. Установление перечня криминалистически значимых свойств и характеристик, а также границ и объема их исследования является для криминалистики более важной задачей, чем понимание того, как назвать объект изучения.

Ключевые слова: личность, человек, носитель, объект криминалистического изучения, свойства, характеристики личности.

В юридической литературе, а также уголовно-процессуальном и уголовном законодательстве существует множество понятий, используемых применительно к проблеме изучения личности: «человек», «индивид», «лицо», «гражданин», «личность», «субъект». В русском языке личность может быть охарактеризована с помощью более 1500 слов, обозначающих ее различные свойства [12, с. 50; 22, с. 10].

Применительно к криминалистике важно не языковое обозначение объекта изучения, а его смысловое наполнение. Речь идет о том, что объект криминалистического изучения можно называть как угодно из предлагаемых в языке вариантов. Например, часто в юридической литературе встречаются термины «человек» или «личность». Личность – это «человек как носитель каких-нибудь свойств» [29, с. 264], а человек – «есть живая система, представляющая собой единство физического и духовного, природного и социального, наследственного и прижизненно приобретенного» [38, с. 770]. Таким образом, и личность, и человек являются носителями определенных свойств, характеристик. Среди этих свойств есть набор необходимых и полезных характеристик с практической точки зрения для решения задач раскрытия и расследования преступлений. Очевидно, что установление перечня криминалистически значимых свойств и характеристик, а также границ и объема их исследования является для криминалистики более важной задачей, чем понимание того, как назвать в данном случае объект изучения.

Подход к наименованию объекта изучения через юридические статусы, указанные в нормативных правовых актах, на наш взгляд, имеет значение лишь при классификации объекта изучения с целью выработки типовых и индивидуальных

приемов, методов его исследования. Кроме того, обозначение объекта изучения в криминалистике через призму законодательства может приводить к логическим и юридическим ошибкам. Связано это также с тем, что достижения криминалистики могут быть использованы в различных отраслях права, где те или иные участники могут называться по-разному.

Например, в литературе встречается мнение о том, что криминалистика должна изучать «лицо, совершившее преступление» [26, с. 8–27]. По мнению Н. И. Малыхиной, «в криминалистике термин “лицо, совершившее преступление” допустимо употреблять в двух случаях, определенных условно выделенными двумя ситуациями. Во-первых, ситуация, когда преступник неизвестен (не установлен). В данном случае термин «лицо, совершившее преступление» используется для обозначения динамической модели искомого преступника, создание которой осуществляется в процессе расследования конкретного преступления... Во-вторых, ситуация, когда преступник известен (установлен)» [26, с. 12]. Мы считаем, что в ситуации, когда «лицо, совершившее преступление» может быть признано неменяемым либо не подлежать ответственности в силу возраста, то логично и юридически правильно говорить о лице, совершившем общественно опасное деяние.

Таким образом, для удобства и универсального понимания исследователями данной проблематики можно использовать термины «человек», «индивид», «лицо», «гражданин», «личность», «субъект» как разнозначные, а «личность», «человек» как наиболее оптимальные для обозначения объекта криминалистического изучения.

Для установления перечня криминалистически значимых свойств и характеристик личности, а также границ и объема их исследования, важно определить, какие науки изучают человека, т. к. достижения иных наук могут быть полезными для нужд криминалистики. Очевидно, что изучение личности носит междисциплинарный характер. Человек изучается антропологией, психологией, философией, криминологией, социологией, другими науками. В юриспруденции личность изучается в нескольких направлениях и разными отраслями наук: криминологией, уголовным правом, уголовным процессом, теорией оперативно-розыскной деятельности, криминалистикой, судебной экспертизой. Каждая наука, в которой изучается личность, исходит из своих целей, задач, предмета и объектов исследования:

– в психологии под личностью понимается то, что «характеризует психику человека в целом» [27, с. 8–12];

– в юридической психологии личность рассматривают в виде совокупности биологически (темперамент, особенности психических процессов и состояний) и социально (мировоззрение, убеждения, стремления) обусловленных качеств личности, подструктуры приобретенных знаний и опыта, интеллектуальных и психологических особенностей изучаемой личности [41, с. 135–136];

– в криминологии под личностью преступника понимается «совокупность социальных и социально значимых свойств, признаков, связей и отношений, характеризующих лицо, виновно нарушающее уголовный закон» [33, с. 4];

– в социологии личность понимается как система социальных свойств индивида, как «совокупность интегрированных в нем социально значимых черт, образовавшихся в процессе прямого и косвенного взаимодействия данного лица с

другими людьми и делающих его, в свою очередь, субъектом труда, познания и общения» [19, с. 7].

Такое разнообразие определения понятия личности требует, как мы уже упоминали, определения перечня и объема характеристик и свойств структуры личности, необходимых для ее практического использования в деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Очевидно, что основной целью криминалистического изучения личности является решение задач раскрытия и расследования преступлений. Нет сомнений, что для криминалистики особое значение имеет изучение личности человека, совершившего общественно опасное деяние (или личность преступника, как чаще всего ее называют в юридической литературе). Из определений понятий личности человека в различных науках уже можно сделать вывод о том, что в ее структуре выделяют биологические, социальные свойства, а также интеллектуальные и психологические особенности.

С нашей точки зрения, простое заимствование определения личности преступника из какой-либо науки представляется неверным. По справедливому мнению Ю. М. Антоняна, «криминалистика не может ограничиваться изучением сугубо личностных характеристик, а должна обращаться и к исследованию биологических, соматических свойств и качеств, таких как пол, возраст, физические особенности» [3, с. 13]. Речь идет о том, что человек представляет собой сложноорганизованную целостную систему. В этой связи необходимо согласиться с мнением О. Г. Каразея о том, что важной задачей криминалистики в изучении личности является определение ее структуры [28, с. 49].

Изучение личности в криминалистической литературе зачастую происходит в рамках исследования научной категории «личность преступника», ее определения, структуры, значения и т. д. По мнению Г. А. Зорина, «криминалистика стала наукой, центрированной на личность. Все, что в криминалистике исследуется и описывается, все это центрировано на личность, проходит через личность, связано с личностью. Тема “личность преступника” образует ядро, ставшее центром криминалистической науки» [17, с. 400]. Такого же мнения о месте и роли личности преступника в криминалистике придерживаются С. Н. Абельцев, Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Эминов, Н. Н. Демидов, В. Н. Игошин, В. И. Комиссаров, Е. В. Лялина, Г. Н. Мухин и другие ученые.

Становление учения о методах и средствах изучения личности в отечественной криминалистике началось в XVIII веке, когда И. Т. Посошков в 1724 году обратил внимание на необходимость учитывать психологию в тактике допроса обвиняемых и свидетелей, в том числе лиц, дающих ложные показания [31].

Я. И. Баршев в 1841 г. отмечал, что домашний обыск должен быть производим неожиданно, со всею внимательностью и наблюдением над действиями лиц, живущих в обыскиваемом доме; в допросе наилучшим должно почтить тот образ допроса, в котором делается переход от более общих вопросов к наиболее частным, чтобы таким образом дать обвиняемому повод высказать себя и обстоятельства преступления; при описании личного осмотра преступления и следов его должно быть настолько подробным и точным, чтобы те, которые должны воспользоваться этим актом, могли получить посредством его столь ясное и полное представление о предмете осмотра, как будто б они сами произвели его [5].

Известно, что криминалистика как наука возникла и развивалась на основе

исследования биологических свойств человека. Первоначально антропологический метод регистрации А. Бертильона [37, с. 29–30], а затем дактилоскопический метод Ф. Гальтона [37, с. 54–56] долгое время являлись единственными направлениями криминалистического изучения личности.

Родоначальник современной криминалистики Г. Гросс обращал внимание на личность преступника в широком смысле, изучая ее психологические, социальные и биологические свойства. По мнению ученого, «важным условием “точной” деятельности судебного следователя является основательное знание человека как главного материала предварительного следствия» [11, с. 44]. Г. Гросс выделял два направления в расследовании, в которых «знание человека» имеет большое значение: работа со следами, оставленными на месте преступления, и работа с допрашиваемыми, умение установить с ними контакт и получить правдивые показания.

На начальном этапе становления советской криминалистики ученые-криминалисты в своих работах упор делали на биологические свойства человека: папиллярные узоры, различного рода следы-отображения, черты внешности и т. п. В дальнейшем эти труды легли в основу разделов криминалистической техники и стали учитываться при разработке тактики некоторых следственных действий – следственного осмотра, следственного эксперимента, предъявления для опознания [6, с. 292]. Социальные и психологические свойства, выделяемые в структуре личности, позднее использовали при изучении вопросов криминалистической тактики [44], а также в ходе исследования объектов, обнаруженных в процессе осмотра места происшествия [9, с. 44].

В 60–70-х годах прошлого века в отечественной криминалистике началось формирование отдельного направления изучения личности преступника с пониманием необходимости исследования различных аспектов человека: криминалистических, криминологических, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных. Формирование указанного направления связано с проведенными Н. Т. Ведерниковым, Ф. В. Глазыриным, М. Г. Коршиком, С. С. Степичевым, П. П. Цветковым и другими учеными исследованиями, посвященными изучению личности обвиняемого. Именно в тот период предприняты попытки формирования криминалистического учения о личности. В 1973 г. Ф. В. Глазырин предложил рассматривать криминалистическое изучение личности преступника в качестве самостоятельной частной криминалистической теории [10]. В трудах ученых-криминалистов исследованию подвергнуты социальные и психологические характеристики личности преступника.

Все исследования личности преступника, начиная с этого периода, условно делятся на четыре направления:

– работы, в которых изучаются социальные и психологические характеристики личности преступника без исследования биологических свойств человека [21, с. 16]. Некоторыми учеными такой же подход в исследовании структуры личности преступника использовался и в более позднее время [24, с. 9];

– работы, в которых рассматривается личность преступника как совокупность биологических (морфологических) и социальных (социально-демографических, социально-ролевых) свойств [30, с. 16];

– работы, в которых личность преступника изучается как совокупность биологических (физических, соматических, анатомических), психологических (психических, нравственно-психологических) и социальных (социально-демографических, социально-ролевых) свойств [25, с. 70];

– работы, в которых личность преступника определяется как совокупность биологических, психологических, социальных свойств с выделением криминологических признаков [8, с. 78–79] и криминалистических сведений [1, с. 42].

В 80–90-е годы прошлого века появились работы, в которых Г. А. Густов, В. Е. Корноухов, М. В. Салтевский, Ш. Н. Хазиев и другие ученые-криминалисты акцентировали внимание на проблемах установления личности неизвестного преступника. В этот период В. А. Жбанков разработал концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике и заложил фундаментальные основы исследования проблем изучения неизвестного преступника [15].

Некоторые ученые обращают внимание не только на изучение личности преступника. Например, проблемами криминалистического изучения потерпевших занимались В. С. Бурданова, В. М. Быков, В. В. Вандышев, А. А. Джуманбетова, С.П. Зеленковский, Н.Е. Неволлина, Д.А. Сорокотягина, Д. А. Турчин, Л. В. Франк, Е. Е. Центров, В. И. Шиканов и другие ученые. Так, Е. Е. Центров разработал основы криминалистического учения о потерпевшем [39], В. В. Вандышев посвятил исследование теоретическим и практическим аспектам взаимосвязи криминалистики и виктимологии [7]. Д. А. Сорокотягина разработала рекомендации по собиранию сведений о личности потерпевшего для расследования преступлений, изучила методы, источники и средства получения данных о потерпевшем на предварительном следствии и при производстве отдельных следственных действий, предприняла попытку сформулировать теоретические основы криминалистического изучения личности потерпевшего и выявить некоторые закономерности, характеризующие личностные качества и его поведение [36].

Кроме криминалистического изучения личности преступника и потерпевшего, в специальной литературе также исследуются проблемы изучения личности других субъектов уголовного процесса. Так, практический интерес представляют вопросы криминалистического исследования личности свидетеля. Данные вопросы рассматриваются в исследованиях проблем тактики различных следственных действий, проводимых с участием свидетелей, либо методики расследования преступлений отдельных видов и групп [23; 14; 20; 34; 43; 42]. Очевидно, что подготовка и проведение процессуальных действий требуют учета особенностей личности свидетелей, но данная проблематика не рассматривалась комплексно в криминалистических исследованиях.

На наш взгляд, актуальным направлением может быть изучение личности эксперта и (или) специалиста, участвующих в уголовном процессе. В соответствии с законодательством, экспертом и (или) специалистом может стать любой человек, обладающий специальными знаниями. Вместе с тем в криминалистике комплексно не исследована проблема участия такого участника в уголовном процессе с точки зрения изучения личности, способности следователя профессионально общаться с ним, исходя из особенностей личности эксперта и (или) специалиста с целью для эффективного и квалифицированного применения имеющихся знаний, навыков и

умений. Нет сомнений, что некоторые названные проблемы рассматривались в работах, посвященных взаимодействию органов предварительного расследования и экспертных подразделений [13; 35; 40; 2].

На современном этапе развития криминалистики в исследованиях обращено внимание на деятельность защитника в уголовном процессе. Так, О. Я. Баев, М. О. Баев, Г. А. Зорин, Р. Г. Зорин, А. В. Рагулин и другие ученые-криминалисты в ряде работ развивают мнение о том, что деятельность защитника по уголовному делу гносеологически близка к деятельности следователя и других лиц, осуществляющих уголовное преследование (в широком смысле этого понятия). Такая деятельность должна изучаться, по мнению авторов указанной концепции, в рамках криминалистической адвокатологии [4; 32; 18; 16]. Не оспаривая появление нового термина и попытки ввести его в язык криминалистики, отметим, что одной из задач адвокатологии может быть комплексное криминалистическое изучение личности защитника.

Краткий обзор исследований, посвященных изучению личности в криминалистике, свидетельствует о том, что большинство авторов в том либо ином виде выделяют в структуре личности три группы свойств человека: биологические, социальные и психические.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что с точки зрения криминалистики *под личность человека следует понимать совокупность его биологических, социальных и психических свойств (характеристик), сведения о которых отражены в окружающей среде и влияют на деятельность по раскрытию и расследованию преступлений.*

Полагаем, что указанное выше понятие может использоваться в деятельности по установлению лица, совершившего преступление. Так, например, методика моделирования личности неустановленного преступника должна включать разработанную структуру личности преступника [28].

Список литературы

1. Агеев Л. П. Роль изучения особенностей личности преступника, не имеющего постоянного места жительства и рода занятий, в раскрытии и расследовании имущественных преступлений // Проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в современных условиях и подготовки кадров для системы МВД: тезисы материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 9–10 апр. 1998 г.: в 2-х ч. / Акад. МВД Респ. Беларусь; редкол.: И. И. Басецкий [и др.]. – Минск, 1998. – Ч. 1. – С. 42–43.
2. Азаренко В. М. Тактические основы взаимодействия участников подготовки и проведения криминалистической экспертизы по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. – 22 с.
3. Антонян Ю. М. Изучение личности преступника: учеб. пособие. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. – 80 с.
4. Баев М. О. Тактические основы деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве России: теория и практика: дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2005. – 401 с.
5. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – М.: ЛексЭст, 2001. – XXVIII. – 209 с.
6. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов. – 3-е изд., доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. – С. 837 с.
7. Вандышев В. В. Теоретические и практические аспекты взаимосвязи криминалистики и виктимологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1989. – 31 с.

8. Волчечкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: монография. – Калининград: Калинингр. ун-т., 1997. – 248 с.
9. Гельвиг А. Современная криминалистика (Методы расследования преступлений); пер. с нем. Е. Ленской; под ред. П. И. Люблинского. – М.: Право и жизнь, 1925. – 100 с.
10. Глазырин Ф. В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий: учеб. пособие. – Свердловск: СЮИ, 1973. – 155 с.
11. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М.: ЛексЭст, 2002. – 1088 с.
12. Дагель П. С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве: учеб. пособие. – Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 1970. – 132 с.
13. Данилкин И. А. Проблемы совершенствования взаимодействия следственных и экспертно-криминалистических подразделений при расследовании преступлений: по материалам органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – 243 с.
14. Доспулов Г. Г. Процессуальные и психологические основы допроса свидетелей и потерпевших на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Алма-Ата, 1968. – 18 с.
15. Жбанков В. А. Концептуальные основы установления личности преступника в криминалистике: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 1995. – 328 с.
16. Зорин Г. А. Теоретические основы криминалистики. – Минск: Амалфея, 2000. – 416 с.
17. Зорин Г. А. Криминалистическая методология. – Минск: Амалфея, 2000. – 608 с.
18. Зорин Р. Г. Криминалистическая теория защиты по уголовным делам о дорожно-транспортных происшествиях. – Гродно, 1999. – 288 с.
19. Кон И. С. Социология личности. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1967. – 383 с.
20. Коновалова В. Е. Тактика допроса свидетелей в советских органах расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1953. – 15 с.
21. Коршик М. Г., Степичев С. С. Изучение личности обвиняемого на предварительном следствии. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1969. – 78 с.
22. Кос Н. И. Психологический портрет личности. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2006. – 44 с.
23. Костров А. И. Проверка показаний свидетелей на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 1972. – 20 с.
24. Кривошеев А. С. Изучение личности обвиняемого в процессе расследования. – М.: Юрид. лит., 1971. – 80 с.
25. Лушечкина М. А. Криминалистическое изучение личности в тактике расследования: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 217 с.
26. Малыхина Н. И. Криминалистическое изучение лица, совершившего преступление: теоретико-прикладные проблемы: монография; под ред. докт. юрид. наук, проф. А. Ф. Волынского. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 312 с.
27. Мерлин В. С. Очерк психологии личности. – Пермь: Кн. изд., 1959. – 173 с.
28. Мухин Г. Н., Каразей О. Г., Исютин-Федотков Д. В. Криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника и его преступного поведения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 208 с.
29. Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 19-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987. – 750 с.
30. Попова Л. М. Теоретико-прикладные аспекты проблемы разработки и использования функционального портрета человека в криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. – Калининград, 1995. – 125 с.
31. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве, сие есть изъятие от чего приключается скудость, и от чего гобзовитое богатство умножается. URL: http://www.krotov.info/history/18/1710/pososhkov_00.htm (дата обращения: 22.03.2017).
32. Рагулин А. В. Адвокатолия и учение о профессиональной защите по уголовным делам в российской юридической науке: монография / А. В. Рагулин; Восточная экономико-юридическая гуманитарная акад. (Акад. ВЭГУ). – Уфа: Акад. ВЭГУ, 2009. – 103 с.
33. Сахаров А. Б. Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел. Лекция. – М.: МВШМ МВД СССР, 1984. – 43 с.
34. Скичко О. Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 222 с.

35. Скогорева Т. Ф. Правовые и информационно-коммуникационные основы организации взаимодействия следователя, специалиста и эксперта при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – 21 с.
36. Сорокотягина Д. А. Собрание и использование данных о личности потерпевшего с целью расследования преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. А. Сорокотягина. – Свердловск, 1978. – 15 с.
37. Торвальд Ю. Век криминалистики; пер. с нем.; под ред. и со вступ. ст. Ф. М. Решетникова. – 3-е изд. – М.: Прогресс, 1991. – 323 с.
38. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
39. Центров Е. Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 160 с.
40. Чуприна Е. П. Организационные и тактические основы взаимодействия следователя и эксперта: дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 2008. – 149 с.
41. Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология: теоретические аспекты, практическое применение. – М.: Право и закон–Юнифир, 1996. – 352 с.
42. Шафранский Н. А. Допрос свидетеля в советском предварительном расследовании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Киев, 1954. – 20 с.
43. Шмидт А. А. Тактические основы распознавания ложных показаний и избличения лжесвидетелей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1973. – 20 с.
44. Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика: практ. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НКВД РСФСР, 1929. – 312 с.

Isyutin-Fedotkov Dmitry Vladimirovich. Personality of man as object of criminalistics study // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 141–150.

The definitions of the concept of a person's personality as an object of criminalistic study are considered. In the legal theory and practice, many concepts are used, applied to the problem of studying the personality. In forensics, the semantic content of the object of study is important, and not its linguistic designation. Personality and man are carriers of certain properties, characteristics that are necessary and useful for solving problems of disclosure and investigation of crimes. Establishing a list of forensically significant properties and characteristics, as well as the boundaries and scope of their research is more important for criminalistics than understanding how to name the object of study.

Keywords: personality, person, carrier, object of criminalistic study, properties, personality characteristics.

Spisok literatury

1. Ageev L. P. Rol izucheniya osobennostey lichnosti prestupnika, ne imeyushego postoyannogo mesta zhitelstva i roda zanyatij, v raskrytii i rassledovanii imuschestvennyh prestuplenij // Problemyi sovershenstvovaniya deyatelnosti organov vnutrennih del v sovremennyih usloviyah i podgotovki kadrov dlya sistemyi MVD: tezisyi materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 9–10 apr. 1998 g.: v 2-h ch. / Akad. MVDResp. Belarus; redkol.: I.I. Basetskiy [i dr.]. – Minsk, 1998. – Ch. 1. – S. 42–43.
2. Azarenko V. M. Takticheskie osnovyi vzaimodeystviya uchastnikov podgotovki i provedeniya kriminalisticheskoy ekspertizy po ugolovnyim delam: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – SPb., 2000 – 22 s.
3. Antonyan Yu. M. Izuchenie lichnosti prestupnika: ucheb.posobie. – M.: Izd-vo VNII MVD SSSR, 1982. – 80 s.
4. Baev M. O. Takticheskie osnovyi deyatelnosti advokata-zaschitnika v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: teoriya i praktika: dis. ... d-ra jurid. nauk. – Voronezh, 2005. – 401 s.
5. Barshev Ya. I. Osnovaniya ugolovnogo sudoproizvodstva, s primeneniem k rossiyskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu. – M.: «LeksEst», 2001. – XXVIII. – 209 s.
6. Belkin R. S. Kurs kriminalistiki: ucheb.posobie dlya vuzov. – 3-e izd., dop. – M.: YuNITI-DANA, Zakon i pravo, 2001. – S. 837 s.
7. Vandyishev V. V. Teoreticheskie i prakticheskie aspektyi vzaimosvyazi kriminalistiki i viktimologii: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. – M., 1989. – 31 s.

8. Volchetskaya T. S. Kriminalisticheskaya situologiya: monografiya. – Kaliningrad: Kaliningr. un-t., 1997. – 248 s.
9. Gelvig A. Sovremennaya kriminalistika (Metodyi rassledovaniya prestupleniy); per. s nem. E. L-skoy ;pod red. P.I. Lyublinskogo. – M.: Pravo i Zhizn, 1925. – 100 s.
10. Glazyirin F. V. Izuchenie lichnosti obvinyaemogo i taktika sledstvennykh deystviy: ucheb.posobie. – Sverdlovsk: SYuI, 1973. – 155 s.
11. Gross G. Rukovodstvo dlya sudebnykh sledovateley kak sistema kriminalistiki. – Novoe izd., perepech. s izd. 1908 g. – M.: LeksEst, 2002. – 1088 s.
12. Dagal P. S. Uchenie o lichnosti prestupnika v sovetskom ugolovnom prave: ucheb.posobie. – Vladivostok: Dalnevost. gos. un-t, 1970. – 132 s.
13. Danilkin I. A. Problemyi sovershenstvovaniya vzaimodeystviya sledstvennykh i ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniy pri rassledovanii prestupleniy: po materialam organov vnutrennih del: dis ... kand. yurid. nauk. – Volgograd, 2008. – 243 s.
14. Dospulov G. G. Protsessualnyie i psilogicheskie osnovyi doprosa svideteley i poterpevshih na predvaritelnom sledstvii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Alma-Ata, 1968. – 18 c.
15. Zhbankov V. A. Kontseptualnyie osnovyi ustanovleniya lichnosti prestupnika v kriminalistike: dis. ... dokt. yurid. nauk. – M., 1995. – 328 c.
16. Zorin G. A. Teoreticheskie osnovyi kriminalistiki. – Minsk: Amalfeya, 2000. – 416 s.
17. Zorin G. A. Kriminalisticheskaya metodologiya. – Minsk: Amalfeya, 2000. – 608 s.
18. Zorin R. G. Kriminalisticheskaya teoriya zaschityi po ugovolnyim delam o dorozhno-transportnykh proisshestviyah. – Grodno, 1999. – 288 s.
19. Kon I. S. Sotsiologiya lichnosti. – M.: Izd-vo polit.lit-ryi, 1967. – 383 s.
20. Konovalova V. E. Taktika doprosa svideteley v sovetskih organah rassledovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Harkov, 1953. – 15 s.
21. Korshik M. G., Stepichev S. S. Izuchenie lichnosti obvinyaemogo na predvaritelnom sledstvii. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Yurid. lit., 1969. – 78 s.
22. Kos N. I. Psilogicheskii portret lichnosti. – Saratov: Izd-vo Saratov.gos. akad. prava, 2006. – 44 s.
23. Kostrov A. I. Proverka pokazaniy svideteley na predvaritelnom sledstvii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Minsk, 1972. – 20 s.
24. Krivosheev A. S. Izuchenie lichnosti obvinyaemogo v protsesse rassledovaniya. – M.: Yurid. lit., 1971. – 80 s
25. Lushechkina M. A. Kriminalisticheskoe izuchenie lichnosti v taktike rassledovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2002. – 217 s.
26. Malyihina N. I. Kriminalisticheskoe izuchenie litsa, sovershivshego prestuplenie: teoretiko-prikladnyie problemyi: monografiya; pod red. dokt. yurid. nauk, prof. A.F. Volyinskogo. – M.: Yurlitinform, 2016. – 312 s.
27. Merlin V. S. Ocherk psilogologii lichnosti. – Perm: Kn. izd., 1959. – 173 s.
28. Muhin G. N., Karazey O. G., Isyutin-Fedotkov D. V. Kriminalisticheskoe modelirovanie lichnosti neustanovlennogo prestupnika i ego prestupnogo povedeniya: monografiya. – M.: Yurlitinform, 2012. – 208 s.
29. Ozhegov S. I. Slovar russkogo yazyka :ok. 57000 slov; pod red. N.Yu. Shvedovoy. – 19-e izd., ispr. – M.: Rus. yaz., 1987. – 750 s.
30. Popova L. M. Teoretiko-prikladnyie aspektyi problemyi razrabotki i ispolzovaniya funktsionalnogo portreta cheloveka v kriminalistike: dis. ... kand. yurid. nauk. – Kaliningrad, 1995. – 125 s.
31. Pososhkov I. T. Kniga o skudosti i bogatstve, sie est iz'yavlenie ot chego priklyuchaetsya skudost', i ot chego gobzovitoe bogatstvo umnozhaetsya // URL: http://www.krotov.info/history/18/1710/pososhkov_00.htm (data obrascheniya: 22.03.2017).
32. Ragulin A. V. Advokatologiya i uchenie o professionalnoy zaschite po ugovolnyim delam v rossiyskoy yuridicheskoy nauke: monografiya / A.V. Ragulin; Vostochnaya ekonomiko-yuridicheskaya gumanitarnaya akad. (Akad. VEGU). – Ufa: Akad. VEGU, 2009. – 103 s.
33. Saharov A. B. Uchenie o lichnosti prestupnika i ego znachenie v profilakticheskoy deyatel'nosti organov vnutrennih del. Lektsiya. – M.: MVShM MVD SSSR, 1984. – 43 s.
34. Skichko O. Yu. Taktiko-psilogicheskie osnovyi doprosa nesovershennoletnih svideteley i poterpevshih na predvaritelnom sledstvii: dis. ... kand. yurid. nauk. – Saratov, 2005. – 222 s.
35. Skogoreva T. F. Pravovyye i informatsionno-kommunikatsionnyie osnovyi organizatsii vzaimodeystviya sledovatelya, spetsialista i eksperta pri rassledovanii prestupleniy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Volgograd, 2008. – 21 s.

36. Sorokotyagina D. A. Sobiranie i ispolzovanie dannykh o lichnosti poterpevshego s tselyu rassledovaniya prestupleniy : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / D. A. Sorokotyagina. – Sverdlovsk, 1978. – 15 s.
37. Torvald Yu. Vek kriminalistiki; per. s nem.; pod red. i so vstup. st. F.M. Reshetnikova. – 3-e izd. – M.: Progress, 1991. – 323 s.
38. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar / gl. red. L. F. Ilichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1983. – 840 s.
39. Tsentrov E. E. Kriminalisticheskoe uchenie o poterpevshe. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1988. – 160 s.
40. Chuprina E. P. Organizatsionnyie i takticheskie osnovyi vzaimodeystviya sledovatelya i eksperta: dis. ... kand. yurid. nauk. – Minsk, 2008. – 149 s.
41. Chufarovskiy Yu. V. Yuridicheskaya psihologiya: teoreticheskie aspektyi, prakticheskoe primenenie. – M.: Pravo i zakon–Yunifir, 1996. – 352 s.
42. Shafranskiy N. A. Dopros svidetelya v sovetskom predvaritelnom rassledovanii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Kiev, 1954. – 20 s.
43. Shmidt A. A. Takticheskie osnovyi raspoznaniya lozhnyih pokazaniy i izoblicheniya lzhesvideteley: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Sverdlovsk, 1973. – 20 s.
44. Yakimov I. N. Kriminalistika. Ugolovnaya taktika: prakt. posobie. – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: NKVD RSFSR, 1929. – 312 s.

УДК 342.951

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Евсикова Е. В.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

В статье проводится анализ теоретических подходов к пониманию категории «административно-деликтное законодательство», раскрываются понятие, источники (формы) административно-деликтного права, а также проводится систематизация источников (форм) административно-деликтного права Российской Федерации. На основе проведенного анализа автор предлагает собственную классификацию источников (форм) административно-деликтного права Российской Федерации.

Ключевые слова: административно-деликтное право; административно-деликтное законодательство; источники (формы) административно-деликтного права; система административно-деликтного законодательства

Актуальность темы. В современных условиях состояние системы права и системы законодательства Российской Федерации характеризуется крайне сложными и противоречивыми процессами, что обусловлено постоянными экономическими, политическими, правовыми и социальными преобразованиями, проводимыми в Российской Федерации в течение последних 27 лет. Динамика и постоянная изменчивость общественных отношений обуславливает насущные потребности интенсификации законотворческой деятельности государства, адекватного развития и повышения качества системы законодательства, в том числе системы административно-деликтного законодательства Российской Федерации и ее субъектов.

Ряд современных исследователей во главе с Ермоленко В. В. понимают под системой законодательства объективированное практикой общественного развития внутреннее строение законодательства, характеризующееся взаимообусловленностью и взаимодействием нормативных правовых актов, в которых отражается внешнее проявление права, обеспечивающее достаточность правовой информации для урегулирования общественных отношений. Для нее должны быть характерны: общие цели, задачи и принципы; единая терминология и общий понятийный аппарат; единая классификация правовых актов; их четкая иерархия и т. д. [1, с. 5].

Следует отметить, что система законодательства имеет свое внутреннее строение (она состоит из отраслевого, внутриотраслевого и комплексного законодательства).

В то же время некоторые авторы выделяют горизонтальное (определяемое распределением нормативно-правовых актов в зависимости от предмета регулирования), вертикальное (классификация нормативно-правовых актов по юридической силе и органам их издавшим) и федеративное (основывается на

принципе федерализма, который сочетает централизм в установлении основополагающих начал законодательства со значительной самостоятельностью субъектов Российской Федерации в сфере правотворчества) строение законодательства [2, с. 18–21].

Таким образом, применяя горизонтальное строение законодательства, можно выделить административно-деликтное законодательство, поскольку на основе данного критерия вычлняются отрасли законодательства, соответствующие отраслям системы права (административно-деликтное право – административно-деликтное законодательство).

На основе проведенного анализа систему административного-деликтного законодательства можно рассматривать как единую функциональную систему административно-деликтных нормативно-правовых актов, которая базируется на основных общих принципах административно-деликтного права, устойчивых связях актов различного уровня и отраслевой специализации, содержащих основной массив норм административно-деликтного права в качестве важнейшей единой формы их выражения и официального закрепления.

Поспелова Л. И. рассматривает административно-деликтное законодательство как одну из основных форм закрепления и реализации административной политики государства, поскольку именно посредством закона административная политика выполняет одну из основных своих функций – деликтолизацию деяний, т. е. нормативное их признание в качестве административных правонарушений [3].

Исходя из понимания законодательства как формы существования правовых норм [2, с. 13], отметим, что административно-деликтное законодательство следует рассматривать как форму закрепления и существования административно-деликтных правовых норм, средство придания им определенности и объективности, их организации и объединения в конкретные правовые акты.

В то же время под формой права понимают объективированное надлежащим образом правовое установление, которое длительно и единообразно воплощается в юридической практике, поведении субъектов права, гарантировано к исполнению силой авторитета и (или) государственного принуждения, признано субъектами права в качестве регулятора общественных отношений [4, с. 13].

Следует отметить, что в одних случаях форма и источник права совпадают, то есть являются тождественными понятиями, в других случаях – существенно отличаются друг от друга, то есть являются различными явлениями и, соответственно, понятиями, которые обозначают эти явления. Совпадение формы права и источника права имеет место тогда, когда речь идет о вторичных, формально-юридических источниках права. Форма права может быть определена как способ (прием, средство) внутренней организации и внешнего выражения права (правил поведения, которые содержатся в нормах права), а источник права может рассматриваться в двух аспектах: во-первых, в широком смысле, как сложное, многогранное, многоуровневое явление объективной действительности, которое недопустимо определять и закреплять только в одном аспекте, поскольку это будет неполное, одностороннее, однобокое понимание о нем; во вторых, в узком (формально-юридическом) смысле – как способ выражения (оформления) и закрепления нормы права в качестве идеи о надлежащем и допустимом или как то, где содержится норма права, то, откуда юристы-практики черпают свои знания о нормах позитивного права. Такой подход обусловлен характером понимания

права конкретным обществом как способа признания социальных норм в качестве обязательных, поскольку право отличается от других социальных регуляторов своим общеобязательным характером, поэтому источником права выступает то, что придает ему общеобязательность. Таким образом, форма права и источник права взаимосвязанные, но не тождественные понятия, и это нужно учитывать. Однако в рамках данного исследования автор не будет разделять указанные понятия, поэтому для обозначения источников и форм административно-деликтного права автор будет использовать термин «источники (формы) административно-деликтного права».

Отмечая системный и упорядоченный характер источников (форм) административно-деликтного права в рамках национальной системы права, необходимо учитывать и их в определенной степени субординационный (иерархичный) характер. В зависимости от присущей каждому из них, причем всегда разной, юридической силы все источники (формы) административно-деликтного права занимают свое определенное место по отношению к другому в строго иерархичном, субординационном порядке, подчиняются друг другу и соответственно дополняют и детализируют друг друга.

По мнению автора, во главу иерархии источников (форм) административно-деликтного права Российской Федерации прежде всего следует отнести Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [5] как основной закон государства. Конституция РФ обладает высшей юридической силой, а нормы Конституции РФ являются нормами прямого действия и применяются на всей территории Российской Федерации. В свою очередь, законы и иные нормативно-правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции РФ [5, п. 1 ст. 15]. Также, в соответствии с пунктом «к» ст. 72 Конституции РФ, административное и административно-процессуальное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Кроме того, в Конституции РФ закреплены базовые правовые принципы, которые нашли свое отражение и в иных источниках (формах) административно-деликтного права РФ (например, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, далее – КоАП РФ), а именно: принцип равенства перед законом (ст. 19 Конституции РФ; ст. 1.4 КоАП РФ); принцип презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ; ст. 1.5 КоАП РФ); принцип необратимости во времени закона, устанавливающего или отягчающего ответственность (п. 1 ст. 54 Конституции РФ; п. 2 ст. 1.7 КоАП РФ); принцип уважения достоинства личности (ст. 21 Конституции РФ; п. 3 ст. 1.6 и п. 2 ст. 3.1 КоАП РФ); принцип ареста лица только по судебному решению и задержания лица до судебного решения на срок не более 48 часов (ст. 22 Конституции РФ; ст. 3.9 и ст. 27.5 КоАП РФ).

Достаточно спорным в юридической литературе остается вопрос об отнесении к источникам права решений Конституционного Суда Российской Федерации (далее – КС РФ). Так, именно на КС РФ возлагается решение вопросов о соответствии Конституции РФ федеральных законов и иных нормативно-правовых актов, а также официальное толкование Конституции РФ [6, ст. 3]. Таким образом, федеральные законы и иные нормативно-правовые акты признаются неконституционными

полностью или в той части, которая не соответствует Конституции РФ на основании решения КС РФ.

Следует отметить, что дискуссия по поводу правовой природы решений КС РФ ведется уже достаточно давно. Одни исследователи (А. Д. Бойков, В. С. Нерсесянц) отрицают, что решения КС РФ имеют значение источников права; другие ученые (Н. В. Витрук, Г. А. Гаджиев, В. Л. Лазарев, О. В. Лучин, Б. С. Эбзеев) считают, что решения КС РФ являются источниками права; третьи (В. Л. Лазарев, В. А. Кряжков) отмечают порой общность решений КС РФ с судебным прецедентом как особым источником права либо предлагают рассматривать их обязательность и другие юридические свойства решений КС РФ как особых источников права в рамках преюдициального значения (Т. Г. Морщакова) [7, с. 37–40].

Так, Попов Д. Г. категорически отрицает возможность наделения решений КС РФ прецедентным значением, так как подобное наделение противоречило бы историческому развитию правовой системы страны и требованиям логической четкости и непротиворечивости различных элементов правовой системы, указывая на то, что КС РФ как орган конституционного контроля не может создавать норм материального права, права в его позитивистском понимании, поэтому и фактическим, и юридическим регулятором общественных отношений в конечном счете выступают не решения КС РФ, а Конституция РФ, законы и иные нормативно-правовые акты [8, с. 9].

В свою очередь, Демченков К. В. указывает, что характерным для актов КС РФ о толковании Конституции РФ является то, что они имеют юридическую силу, соответствующую силе норм Конституции РФ, т. е. самого интерпретируемого акта. Акты официального нормативного толкования Конституции РФ являются обязательными для всех государственных органов, включая правотворческие и судебные, органов местного самоуправления, хозяйственных субъектов, должностных лиц, граждан и их объединений. Данные решения КС РФ имеют широкое правотворческое значение, так как они действуют непосредственно и не требуют подтверждения других органов [9, с. 9].

Среди решений КС РФ в рамках данного исследования нас интересуют только решения относительно официального толкования Конституции РФ, а также решения относительно соответствия Конституции РФ: а) федеральных законов, в том числе кодексов, нормативных актов Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации; б) конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации; в) договоров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, договоров между органами государственной власти субъектов Российской Федерации; г) не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации в сфере урегулирования административно-деликтных отношений.

Так, по нашему мнению, в систему административно-деликтного законодательства Российской Федерации входят следующие постановления КС РФ:

– от 17 ноября 2016 г. № 25-П, в котором КС РФ признал положение ч. 4 ст. 27.5 КоАП РФ, согласно которому срок административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, исчисляется со времени его вытрезвления, не соответствующим ч. 1 ст. 17, ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях, влекущих в качестве одной из мер административного наказания административный арест, оно допускает ограничение свободы такого лица до судебного решения на срок более 48 часов. И, соответственно, федеральному законодателю надлежит, исходя из требований Конституции РФ и с учетом правовых позиций КС РФ, внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из постановления КС РФ от 17 ноября 2016 г. № 25-П [10];

- от 17 февраля 2016 г. № 5-П, в котором КС РФ положение ч. 3 ст. 18.8 КоАП РФ, предусматривающее административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан, имеющих вид на жительство в Российской Федерации и зарегистрированных по месту проживания в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, в Московской и Ленинградской областях, за неисполнение требования п. 6 ст. 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» о ежегодном уведомлении территориальных органов Федеральной миграционной службы о подтверждении своего проживания в России признал не соответствующим ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 2 ст. 27, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в той мере, в какой это положение не допускает возможность отказа от назначения административного наказания в этой части в случае однократного нарушения иностранным гражданином указанного требования, если суд, учитывая длительность проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство и другие обстоятельства, придет к выводу, что административное выдворение за пределы Российской Федерации, влекущее пятилетнее ограничение права на въезд в Российскую Федерацию, является чрезмерным ограничением права на уважение частной жизни и несоразмерно целям административного наказания [11] (с 28.12.2016 данный пункт изложен в новой редакции, предусматривающей административную ответственность в виде административного штрафа в размере от пяти тысяч до семи тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового за нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 18.8 КоАП РФ, в городе федерального значения Москве или Санкт-Петербурге либо в Московской или Ленинградской областях) [12];

- от 16 февраля 2016 г. № 4-П, в котором КС РФ признал положения ч. 2 ст. 18.1 КоАП РФ и ст. 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в истолковании, придаваемом правоприменительной практикой, не соответствующими ч. 1 ст. 1, 2, 18, ч. 1 и 2 ст. 19, ч. 2 ст. 27, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в той мере, в какой в силу

неопределенности действующего нормативного регулирования эти положения позволяют привлекать к административной ответственности за нарушение правил пересечения государственной границы Российской Федерации имеющего действующее разрешение на временное проживание в Российской Федерации иностранного гражданина в случае, если он при выезде из Российской Федерации предъявил данное разрешение и визу, по которой осуществлял въезд в Российскую Федерацию и срок действия которой истек, подтверждающие законность его въезда в Российскую Федерацию и пребывания в Российской Федерации, на одном лишь формальном основании отсутствия у него визы с неистекшим сроком действия, а также отказывать ему в связи с этим в пропуске через государственную границу Российской Федерации на выезд [13];

Таким образом, указанные постановления КС РФ также относятся к источникам административно-деликтного права и входят в систему административно-деликтного законодательства Российской Федерации.

Так, принимая решения КС РФ не создает новых норм административно-деликтного права, однако, решения и выводы КС РФ являются обязательными для исполнения на всей территории Российской Федерации, окончательными и не могут быть обжалованы, а неисполнение решений КС РФ влечет за собой предусмотренную законом ответственность. Именно своими решениями КС РФ отменяет действие законов или их отдельных частей, которые не соответствуют Конституции РФ, являясь таким образом «негативным правотворцем».

Кроме того, принимая решения, в которых изложены правовые позиции, которые имеют методологическое значение для законодательного урегулирования административно-деликтной сферы общественных отношений, КС РФ формирует доктрину конституционно-правового регулирования сферы административно-деликтных отношений.

Таким образом, субъекты административно-деликтных отношений не могут применять нормы законов и иных нормативно-правовых актов с момента признания их неконституционными (поскольку они теряют силу с момента провозглашения такого решения, юридическая сила которого не может быть преодолена повторным принятием такого же акта). Решения судов и иных органов, основанные на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением КС РФ неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях.

Так происходит влияние решений КС РФ на отмену законов, иных нормативно-правовых актов или их частей по вопросам урегулирования административно-деликтных отношений. Таким образом, к источникам (формам) административно-деликтного права относятся решения КС РФ о признании не соответствующими Конституции РФ положений КоАП РФ, законов субъектов Российской Федерации, договоров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, договоров между органами государственной власти субъектов Российской Федерации в части урегулирования административно-деликтных отношений; по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан на предмет конституционности закона в конкретном деле об административном правонарушении; по спорам о компетенции между федеральными органами государственной власти; органами государственной

власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; высшими государственными органами субъектов Российской Федерации в делах об административных правонарушениях.

Вместе с тем важную роль в урегулировании административно-деликтных правоотношений в Российской Федерации играют международные договоры Российской Федерации в сфере регламентации административно-деликтных отношений.

Кроме того, исходя из общепризнанного принципа примата международного права, в случае, когда международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством об административных правонарушениях, применяются нормы международного договора, имеющие прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации. При этом необходимо учитывать разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» [14], в соответствии с которым международные договоры являются одним из важнейших средств развития международного сотрудничества, способствуют расширению международных связей с участием государственных и негосударственных организаций, в том числе с участием субъектов национального права, включая физических лиц. Международным договорам принадлежит первостепенная роль в сфере защиты прав человека и основных свобод. В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование судебной деятельности, связанной с реализацией положений международного права на внутригосударственном уровне.

Учитывая то, что международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются составной частью ее правовой системы, автор данной работы относит к административно-деликтному законодательству Российской Федерации международные договоры Российской Федерации, ратифицированные и вступившие в силу.

Так, например, Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам от 25 января 1988 года (измененная Протоколом от 27 мая 2010 года), ратифицированная Федеральным законом от 4 ноября 2014 г. №325-ФЗ [15], относится к административно-деликтному законодательству в части взыскания административных штрафов по налоговым делам.

Кроме того, к административно-деликтному законодательству относится Конвенция о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных нарушениях правил дорожного движения (Москва, 28 марта 1997 г.) [16], которая вступила в силу для Российской Федерации 23 октября 2008 г.

В то же время, в соответствии с п. 1 ст. 1 КоАП РФ [17], законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП РФ и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях.

Таким образом, среди кодифицированных нормативно-правовых актов, которые регулируют административно-деликтные правоотношения и содержат нормы как

материального, так и процессуального права, ведущее место занимает КоАП РФ, который действует на территории Российской Федерации около 15 лет и продолжает вызывать большое количество споров как в среде ученых, так и в среде юристов-практиков, а также среди простых граждан – субъектов административной ответственности в силу постоянного изменения и дополнения его норм, а также расширения круга регулируемых общественных отношений.

Так, огромная постоянно возрастающая сфера административно-деликтных отношений в нашем государстве требует своевременного и качественного урегулирования на законодательном уровне, а также всестороннего изучения, переосмысления и переформатирования подходов к урегулированию указанных отношений в соответствии с современными условиями жизни общества и государства.

Следует отметить, что к ведению Российской Федерации в области законодательства об административных правонарушениях относится установление: 1) общих положений и принципов законодательства об административных правонарушениях; 2) перечня видов административных наказаний и правил их применения; 3) административной ответственности по вопросам, имеющим федеральное значение, в том числе административной ответственности за нарушение правил и норм, предусмотренных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации; 4) порядка производства по делам об административных правонарушениях, в том числе установление мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; 5) порядка исполнения постановлений о назначении административных наказаний [17, ст. 1.3], что нашло соответствующее отражение и закрепление в КоАП РФ, однако административно-деликтные отношения постоянно изменяются и развиваются, ряд регулирующих их норм устаревает, не выполняет основных функций административно-деликтного законодательства в сфере наказания, перевоспитания, предупреждения и требует внесения соответствующих изменений и дополнений, что вызывает неоднократные попытки законодателей принять новый Кодекс в сфере урегулирования административно-деликтных отношений или кардинально изменить действующий.

Также к административно-деликтному законодательству Российской Федерации следует отнести и Таможенный кодекс Таможенного союза, который предусматривает, что административные правонарушения и преступления – административные правонарушения, по которым в соответствии с законодательством государств-членов Таможенного союза таможенные органы ведут административный процесс (осуществляют производство) [18].

Однако в постановлении Пленума ВС Российской Федерации от 24 марта 2005 года № 5 дано четкое разъяснение о том, что к законодательству об административных правонарушениях относится КоАП РФ, введенный в действие с 1 июля 2002 г., который определяет условия и основания административной ответственности, виды административных наказаний, порядок производства по делам об административных правонарушениях, в том числе подведомственность и подсудность этих дел, а также законы субъектов Российской Федерации, принимаемые в соответствии с КоАП РФ по вопросам, отнесенным к компетенции субъектов Российской Федерации [19].

Так, применению подлежат только те законы субъектов Российской Федерации, которые приняты с учетом положений статьи 1.3 КоАП РФ, определяющих предметы ведения и исключительную компетенцию Российской Федерации, а также положений статьи 1.3.1 КоАП РФ, определяющих предметы ведения субъектов Российской Федерации. В частности, законом субъекта Российской Федерации не может быть установлена административная ответственность за нарушение правил и норм, предусмотренных законами и другими нормативными актами Российской Федерации. Таким образом, в систему административно-деликтного законодательства Российской Федерации входит административно-деликтное законодательство субъектов Российской Федерации, например, законодательство Республики Крым об административных правонарушениях в Республике Крым [20]; законодательство Республики Крым в сфере профилактики правонарушений [21].

Вместе с тем важную роль при рассмотрении дел об административных правонарушениях играют и нормативно-правовые акты органов местного самоуправления и индивидуальные правовые акты их должностных лиц в сфере регламентации административно-деликтных отношений, которые также занимают свое место в системе административно-деликтного законодательства.

Кроме того, проблемным остается вопрос об отнесении к источникам (формам) административно-деликтного права решений международных судебных органов, юрисдикция которых признана Российской Федерацией. Так, Российская Федерация в соответствии со ст. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) [22] признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации.

Ряд авторов отмечает, что, во-первых, ЕСПЧ учрежден в целях обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя «Высокими Договаривающимися Сторонами по Конвенции и Протоколам к ней» (ст. 19 Конвенции), и в соответствии со ст. 46 Конвенции «Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами»; во-вторых, ЕСПЧ в своих решениях указывает на конкретную проблему – нарушение Конвенции, выбор же средств для ее устранения целиком и полностью зависит от государства-ответчика [23, с. 23–25].

Вместе с тем, как следует из Конституции РФ, ее статей, закрепляющих суверенитет Российской Федерации, верховенство и высшую юридическую силу Конституции РФ и недопустимость имплементации в правовую систему государства международных договоров, участие в которых может повлечь ограничения прав и свобод человека и гражданина или допустить какие-либо посягательства на основы конституционного строя Российской Федерации и тем самым нарушить конституционные предписания, ни Конвенция как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции ЕСПЧ, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ и потому подлежат реализации в рамках этой

системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ.

Будучи правовым демократическим государством, Россия как член мирового сообщества, в котором действуют общепризнанные принципы и нормы международного права, заключает международные договоры и участвует в межгосударственных объединениях, передавая им часть своих полномочий, что, однако, не означает ее отказ от государственного суверенитета, относящегося к основам конституционного строя и предполагающего верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на всей его территории и независимость в международном общении, а также являющегося необходимым качественным признаком Российской Федерации, который характеризует ее конституционно-правовой статус (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П) [24].

В соответствии с Постановлением КС РФ от 14.07.2015 № 21-П, в ситуации, когда самим содержанием постановления ЕСПЧ, в том числе в части обращенных к государству-ответчику предписаний, основанных на положениях Конвенции, интерпретированных ЕСПЧ в рамках конкретного дела, неправомерно – с конституционно-правовой точки зрения – затрагиваются принципы и нормы Конституции РФ, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств, когда такое отступление является единственно возможным способом избежать нарушения основополагающих принципов и норм Конституции.

Исходя из этого, если Конституция не позволяет согласиться с отдельным постановлением ЕСПЧ, КС РФ обязан отразить это несогласие в своем решении. В то же время, признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой является постановление ЕСПЧ, КС РФ готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, но определение степени своей готовности он оставляет за собой, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция [25].

Таким образом, решения международных судебных органов, юрисдикция которых признана Российской Федерацией, также входят в систему административно-деликтного законодательства Российской Федерации в том случае, если они не нарушают (противоречат) принципов и норм Конституции РФ.

Кроме того, вопрос о возможности признания актов высших органов судебной власти (постановлений/разъяснений) пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ (до 06.08.2014) источниками (формами) административно-деликтного права Российской Федерации по-прежнему остается открытым.

Признание разъяснений по вопросам судебной практики источниками права находит не только поддержку у многих ученых, доказывающих их общеобязательный и нормативный характер, но имеет и оппонентов, которые ссылаются на то, что континентальная система права Российской Федерации изначально не предусматривает возможность признания и закрепления судебных решений в качестве источников (форм) права [26].

Действительно, правовые позиции Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ (до 06.08.2014) де-юре не относятся к источникам права в Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом «О Верховном Суде Российской Федерации», Верховный Суд Российской Федерации в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения [27, пп.1 п. 7 ст. 2].

Акты высших судебных инстанций по сути не относятся к нормативно-правовым, поскольку не содержат в себе норм права, однако они дают разъяснения по вопросам применения действующих норм права в ходе осуществления производства по делам об административных правонарушениях, то есть они относятся к актам толкования норм права, поскольку органы, издавшие их не являются органами, наделенными правотворческими полномочиями, или содержат выводы, в которых изложена позиция суда по вопросам, которые рассматривались в ходе дела об административном правонарушении, на которых основывается решение суда.

Поскольку при рассмотрении дела об административном правонарушении и вынесении решения вследствие наличия пробелов, коллизий, несовершенства административно-деликтного законодательства судьи зачастую обращаются к актам высших судебных инстанций – Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ – принятым до 06.08.2014, по вопросам применения административно-деликтного законодательства Российской Федерации.

Таким образом, де-факто правоприменительные акты, направленные на урегулирование конкретной административно-деликтной ситуации и в адрес конкретного лица, то есть направленные на одноразовое применение (например, решения суда), или акты толкования (разъяснения) норм права (например, акты Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, принятые до 06.08.2014), а именно: обобщения судебной практики и статистики, разъяснения судам по вопросам применения административно-деликтного законодательства, которые носят обязательный характер для нижестоящих судов, постановления Пленумов высших судебных инстанций, содержащие нормы материального и процессуального характера, регламентирующие порядок применения действующего административно-деликтного законодательства, могут быть отнесены к источникам (формам) административно-деликтного права Российской Федерации.

На основе проведенного анализа можно предложить следующую классификацию источников (форм) административно-деликтного права Российской Федерации:

1. Конституция РФ как основной закон государства.
2. Решения Конституционного Суда РФ.
3. Международные договоры, ратифицированные Российской Федерацией и вступившие в силу.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.
5. Таможенный кодекс Таможенного союза.
6. Административно-деликтное законодательство субъектов РФ.
7. Нормативно-правовые акты органов местного самоуправления и индивидуальные правовые акты их должностных лиц в сфере регламентации административно-деликтных отношений.
8. Решения международных судебных органов, юрисдикция которых признана Российской Федерацией, не нарушающие принципы и нормы Конституции РФ.

9. Акты высших органов судебной власти (постановления/разъяснения) пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ (принятые до 06.08.2014).

Таким образом, основу административно-деликтного законодательства Российской Федерации составляют КоАП РФ, а также законы субъектов РФ об административных правонарушениях. Однако в систему административно-деликтного законодательства Российской Федерации входят также международные нормативно-правовые акты, Таможенный кодекс Таможенного союза, решения Конституционного Суда РФ, решения международных судебных органов, юрисдикция которых признана Российской Федерацией, не нарушающие принципы и нормы Конституции РФ, акты высших судебных инстанций по вопросам применения административно-деликтного законодательства Российской Федерации.

Список литературы:

1. Ермоленко В. В. Система законодательства Российской Федерации (вопросы теории и практики): автореф. дисс. ...канд. юрид. наук 12.00.01 / Ермоленко Сергей Владимирович. – Волгоград, 2006. – 28 с.
2. Шминке А. Д. Система права и система законодательства России: вопросы методологии : автореф. дисс. ...канд. юрид. наук 12.00.01 / Шминке Алла Дмитриевна. – Саратов, 2012. – 31 с.
3. Поспелова Л. И. Проблемы кодификации административно-деликтного законодательства : дисс. Канд. Юрид. наук : 12.00.14 / Поспелова Л. И. / М., 2001. – 147 с.
4. Бошно С. В. Форма права : теоретико-правовое исследование : автореф. дисс. ...канд. юрид. наук 12.00.01 / Бошно Светлана Владимировна. – М., 2005. – 48 с.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. (дата обращения 21.09.2017).
6. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. N 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями от 14 декабря 2015 г.). [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://base.garant.ru/10101207/1/#block_1100/.
7. Затулина Т. Н. Государственное принуждение в сфере налогов и сборов сквозь призму конституционного правосудия в Российской Федерации / Т. Н. Затулина // Современное право. – 2010. – № 5. – С. 37–40.
8. Попов Д. Г. Акты Конституционного Суда Российской Федерации: юридическая природа и место в правовой системе: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук 12.00.02 / Попов Дмитрий Геннадьевич. – М., 2004. – 28 с.
9. Демченков К. В. Юридическая природа актов Конституционного Суда Российской Федерации: дисс. ...канд. юрид. наук 12.00.02 / Демченков Константин Владимирович. – М., 2011. – 190 с.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.11.2016 N 25-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е. С. Сизикова». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207339/. (дата обращения 21.09.2017).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2016 г. N 5-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации", частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана". URL : http://base.garant.ru/71332962/#block_111. (дата обращения 21.09.2017).
12. Федеральный закон от 28 декабря 2016 г. N 490-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». URL : http://base.garant.ru/71578916/#block_21. (дата обращения 21.09.2017).
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 февраля 2016 г. N 4-П "По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 18.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 11 Закона Российской Федерации "О Государственной границе Российской Федерации" и статьи 24 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и гражданина Федеративной Республики Нигерия Х.Э. Увангуе". URL : http://base.garant.ru/71332958/#block_112. (дата обращения 21.09.2017).

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL : <http://base.garant.ru/12132854/>.
15. Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым делам (Страсбург, 25 января 1988 г.) ETS N 127 (в редакции Протокола от 27 мая 2010 г.). URL : <http://base.garant.ru/2556160/>.
16. Конвенция о взаимном признании и исполнении решений по делам об административных нарушениях правил дорожного движения (Москва, 28 марта 1997 г.). URL : <http://base.garant.ru/1148022/>.
17. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ (с изменениями и дополнениями). URL : http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000.
18. Таможенный кодекс Таможенного союза (ТК ТС) (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества от 27 ноября 2009 г. N 17) с изменениями и дополнениями от 08 мая 2015 г. URL : http://base.garant.ru/12171455/1/#block_1100#ixzz3yShiuw52. (дата обращения 21.09.2017).
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. N 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (с изменениями и дополнениями). URL : <http://base.garant.ru/12139487/>.
20. Евсикова Е. В. Закон «Об административных правонарушениях в Республике Крым»: теоретические аспекты и проблемы правоприменения / Евсикова Е. В. // Научно-практический журнал «Общество и право». – 2016. – № 4 (58). – С. 153–157.
21. Евсикова Е. В. правовые основы профилактики правонарушений в Республике Крым / Евсикова Е. В. // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 8 (99). – С. 148–150.
22. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984). URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=30222;fld=134;from=29160-5;rnd=189271.8831252476354869;;ts=01892716452831398558951>. (дата обращения 21.09.2017).
23. Рыкунов А. А. Исполнение решений Европейского суда по правам человека Россией и Францией: сравнительно-правовое исследование [Текст] // Государство и право: теория и практика: материалы II междунар. науч. конф. (г. Чита, март 2013 г.). – Чита: Молодой ученый, 2013. – С. 23–25.
24. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. N 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”». URL : <http://base.garant.ru/12119810/>.
25. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах РФ”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства РФ и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL : <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/43697.html>. (дата обращения 21.09.2017).
26. Ордина О. Н. К вопросу о признании постановлений (разъяснений) Пленума Верховного Суда России и Высшего Арбитражного Суда России источниками административного права [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2013/Pravo/2_133135.doc.htm.
27. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», с изменениями и дополнениями от 15 февраля 2016 г. URL : http://base.garant.ru/70583616/1/#block_100. (дата обращения 21.09.2017).

Evsikova E. V. System of administratively-tort legislation of Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 151–165.

In article the analysis of theoretical approaches to understanding of category " administrative tort legislation" is carried out, the concept sources (forms) administrative-tort law of torts reveals, and also systematization of sources (forms) of administrative-tort law of torts of the Russian Federation is carried out. On the basis of the carried-out analysis the author offers own classification of sources (forms) administrative-tort law the rights of the Russian Federation.

Keywords: administrative-tort law; administrative-tort legislation; sources (forms) administrative-tort law; system of the administrative-tort legislation.

Spisok literaturi:

1. Ermolenko V. V. Sistema zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii (voprosy teorii i praktiki) : avtoref. diss. ...kand. jurid. nauk 12.00.01 / Ermolenko Sergej Vladimirovich. – Volgograd, 2006. – 28 s.
2. Shminke A. D. Sistema prava i sistema zakonodatel'stva Rossii: voprosy metodologii : avtoref. diss. ...kand. jurid. nauk 12.00.01 / SHminke Alla Dmitrievna. – Saratov, 2012. – 31s.
3. Pospelova L. I. Problemy kodifikacii administrativno-deliktnogo zakonodatel'stva : diss. kand. jurid. nauk : 12.00.14 / Pospelova L.I. / M., 2001. – 147 s.
4. Boshno S. V. Forma prava : teoretiko-pravovoe issledovanie : avtoref. diss. ...kand. jurid. nauk 12.00.01 / Boshno Svetlana Vladimirovna. – M., - 2005. – 48 s.
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii" (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) (s uchetoм popravok, vnesennyh Zakonami RF o popravkakh k Konstitucii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
6. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21 iyulya 1994 g. N 1-FKZ "O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii" (s izmeneniyami i dopolneniyami ot 14 dekabrya 2015 g.). [Elektronnyj resurs]/[Rezhim dostupa] : http://base.garant.ru/10101207/1/#block_1100/.
7. Zatulina T. N. Gosudarstvennoe prinuzhdenie v sfere nalogov i sborov skvoz' prizmu konstitucionnogo pravosudiya v Rossijskoj Federacii /T.N.Zatulina // Sovremennoe pravo. – 2010. – №5. –S. 37–40.
8. Popov D. G. Akty Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: juridicheskaya priroda i mesto v pravovoj sisteme : avtoref. diss. ...kand. jurid. nauk 12.00.02 / Popov Dmitriy Gennad'evich. – M., 2004. – 28 s.
9. Demchenkov K. V. Yuridicheskaya priroda aktov Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ; diss. ...kand. jurid. nauk 12.00.02 / Demchenkov Konstantin Vladimirovich. – M., 2011. – 190 s.
10. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 17.11.2016 N 25-P "Po delu o provereke konstitucionnosti chasti 4 stat'i 27.5 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah v svyazi s zhaloboj grazhdanina E.S. Sizikova. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207339/
11. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 17 fevralya 2016 g. N 5-P "Po delu o provereke konstitucionnosti polozhenij punkta 6 stat'i 8 Federal'nogo zakona "O pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii", chastej 1 i 3 stat'i 18.8 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah i podpunkta 2 chasti pervoj stat'i 27 Federal'nogo zakona "O poryadke vyezda iz Rossijskoj Federacii i v"ezda v Rossijskuyu Federaciyu" v svyazi s zhaloboj grazhdanina Respubliki Moldova M. Curkana". [Elektronnyj resurs]/[Rezhim dostupa] : http://base.garant.ru/71332962/#block_111
12. Federal'nyj zakon ot 28 dekabrya 2016 g. N 490-FZ "O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah". URL : http://base.garant.ru/71578916/#block_21
13. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16 fevralya 2016 g. N 4-P "Po delu o provereke konstitucionnosti polozhenij chasti 2 stat'i 18.1 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah, stat'i 11 Zakona Rossijskoj Federacii "O Gosudarstvennoj granice Rossijskoj Federacii" i stat'i 24 Federal'nogo zakona "O poryadke vyezda iz Rossijskoj Federacii i v"ezda v Rossijskuyu Federaciyu" v svyazi s zhalobami Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii i grazhdanina Federativnoj Respubliki Nigeriya H.EH. Uvangu". URL : http://base.garant.ru/71332958/#block_112
14. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 10 oktyabrya 2003 g. N 5 "O primenenii sudami obshchej yurisdikcii obshchepriznannyh principov i norm mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh dogovorov Rossijskoj Federacii" (s izmeneniyami i dopolneniyami)/ URL : <http://base.garant.ru/12132854/>
15. Konvenciya o vzaimnoj administrativnoj pomoshchi po nalogovym delam (Strasburg, 25 yanvarya 1988 g.) ETS N 127 (v redakcii Protokola ot 27 maya 2010 g.). URL : <http://base.garant.ru/2556160/>
16. Konvenciya o vzaimnom priznanii i ispolnenii reshenij po delam ob administrativnyh narusheniyah pravil dorozhnogo dvizheniya (Moskva, 28 marta 1997 g.). URL : <http://base.garant.ru/1148022/>
17. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30 dekabrya 2001 g. N 195-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami). URL : http://base.garant.ru/12125267/1/#block_1000
18. Tamozhennyj kodeks Tamozhennogo soyuza (TK TS) (prilozhenie k Dogovoru o Tamozhennom kodekse tamozhennogo soyuza, prinyatomu Resheniem Mezhdunarodnogo Soveta Evrazijskogo ehkonomicheskogo soobshchestva ot 27 noyabrya 2009 g. N 17) s izmeneniyami i dopolneniyami ot 08 maya 2015g. URL : http://base.garant.ru/12171455/1/#block_1100#ixzz3yShiuw52.
19. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24 marta 2005 g. N 5 "O nekotoryh voprosah, vznikayushchih u sudov pri primenenii Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" (s izmeneniyami i dopolneniyami). URL : <http://base.garant.ru/12139487/>
20. Evsikova E.V. Zakon «Ob administrativnyh pravonarusheniyah v Respublike Krym» : teoreticheskie aspekty i problemy pravoprimeneniya / Evsikova E.V. – Nauchno prakticheskij zhurnal «Obshchestvo i pravo». – № 4 (58). – 2016. – S. 153–157.

21. Evsikova E.V. pravovye osnovy profilaktiki pravonarushenij v Respublike Krym / Evsikova E.V. – Evrazijskij juridicheskij zhurnal. № 8 (99). – 2016. – S. 148-150.
22. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod" (Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) (s izm. ot 13.05.2004) (vmeste s "Protokolom [N 1]" (Podpisan v g. Parizhe 20.03.1952), "Protokolom N 4 ob obespechenii nekotoryh prav i svobod pomimo tekh, kotorye uzhe vklyucheny v Konvenciyu i pervyj Protokol k nej" (Podpisan v g. Strasburge 16.09.1963), "Protokolom N 7" (Podpisan v g. Strasburge 22.11.1984). URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=30222;fld=134;from=29160-5;rnd=189271.8831252476354869;;ts=01892716452831398558951>.
23. Rykunov A. A. Ispolnenie reshenij Evropejskogo suda po pravam cheloveka Rossiej i Franciej: sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Tekst] // Gosudarstvo i pravo: teoriya i praktika: materialy II mezhdunar. nauch. konf. (g. CHita, mart 2013 g.). — CHita: Izdatel'stvo Molodoj uchenyj, 2013. — S. 23-25.
24. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 7 iyunya 2000 g. N 10-P "Po delu o provere konstitucionnosti otdel'nyh polozhenij Konstitucii Respubliki Altaj i Federal'nogo zakona "Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub"ektov Rossijskoj Federacii". URL : <http://base.garant.ru/12119810/>.
25. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.07.2015 N 21-P "Po delu o provere konstitucionnosti polozhenij stat'i 1 Federal'nogo zakona "O ratifikacii Konvencii o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod i Protokolov k nej", punktov 1 i 2 stat'i 32 Federal'nogo zakona "O mezhdunarodnyh dogovorah RF", chastej pervoj i chetvertoj stat'i 11, punkta 4 chasti chetvertoj stat'i 392 Grazhdanskogo processual'nogo kodeksa RF, chastej 1 i 4 stat'i 13, punkta 4 chasti 3 stat'i 311 Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa RF, chastej 1 i 4 stat'i 15, punkta 4 chasti 1 stat'i 350 Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva RF i punkta 2 chasti chetvertoj stat'i 413 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RF v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoj Dumy" URL : <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/43697.html>.
26. Ordina O. N. K voprosu o priznanii postanovlenij (raz'yasnenij) Plenuma Verhovnogo Suda Rossii i Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossii istochnikami administrativnogo prava. URL : http://www.rusnauka.com/12_KPSN_2013/Pravo/2_133135.doc.htm.
27. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 5 fevralya 2014 g. N 3-FKZ "O Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii" S izmeneniyami i dopolneniyami ot 15 fevralya 2016 g. URL : http://base.garant.ru/70583616/1/#block_100.

УДК 614.253:34 (470+571)

**АКТУАЛЬНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ
РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЭВТАНАЗИИ В РФ И АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО
ОПЫТА**

Пархоменко Л. В., Колбасина Л. П., Кондратюк В. Д.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В данной статье рассматривается проблема эвтаназии. Ценность человеческого существования к нравственным и правовым аспектам выдвигаются различные общественно-правовые проблемы, в той или иной реальности затрагивающие право на жизнь, в категорию глобальных и общечеловеческих проблем. Так что же такое эвтаназия: естественная и безболезненная смерть? Данный вопрос должен рассматриваться не только с морально-этических позиций, но и иметь правовую оценку, так как злоупотребления и даже преступления в случаях с эвтаназией не исключены.

В последнее время в СМИ все чаще стала затрагиваться проблема эвтаназии. Разговоры о ней в современном обществе никого не оставляют равнодушными. В связи с этим на протяжении всего 2016 г. была проведена масса пресс-конференций с участием видных деятелей науки, политики и др. Также в начале прошлого года члены Совета Федерации приступили к подготовке законопроекта, который бы разрешал эвтаназию «для самых исключительных случаев». И судя по публикациям в печати и выступлениям по телевидению, данная идея получила широкое распространение как среди сторонников, так и ее ярых противников. Столь массовое обсуждение «достойной смерти», в том числе на законодательном уровне, свидетельствует о ее актуальности.

Ключевые слова: эвтаназия, активная форма эвтаназии, пассивная форма эвтаназии, уголовно-правовая ответственность.

Термин «эвтаназия» введен Ф. Бэконом, согласно данному термину «долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями... даже и в том случае, когда уже нет никакой надежды на спасение и можно лишь сделать самую смерть более легкой и спокойной, по – тому что эта эвтаназия... уже сама по себе является немалым счастьем».

Слово «эвтаназия» состоит от двух греческих слов: *eu*, что означает «хороший», и *θάνατος*, что означает «смерть». То есть «эвтаназия» в буквальном смысле переводится как «хорошая смерть». Данный термин понимается как ускорение смерти тяжело больного, неизлечимо больного человека, которое осуществляется по его воле или по воле его близких.

По мнению Е. Головаха, эвтаназия – безболезненный и добровольный уход из жизни с помощью безнравственных врачей, в отличие от болезненного и не добровольного – с помощью высоконравственных.

«...эвтаназия является формой убийства или самоубийства, в зависимости от того, принимает ли ней участие пациент. В последнем случае к эвтаназии применимы соответствующие канонические правила, согласно которым намеренное самоубийство, как и оказание помощи в его совершении, расцениваются как тяжкий грех».

Известный политический деятель Индии Неру Джавахарлал (1889–1964) говорил: «Право на смерть – врожденное право появившегося на свет человека». Действительно, эвтаназия – это в первую очередь естественное, неотчуждаемое, абсолютное, охраняемое законом право человека прекратить существование на основании собственного волеизъявления, путем самостоятельного определения времени, способа и причин ухода из жизни, реализуемое любым неопасным для общества способом.

Еще в 1826 Карл Ф. Маркс применил понятие «эвтаназия» для обозначения науки, «сдерживающей угнетающие черты болезни, освобождающей от боли и делающей верховный и неизбежный час самым мирным». Термин «эвтаназия» в современном мире применяется в разносторонних смыслах, основные из которых: ускорение смерти людей, переживающих тяжкие страдания; лишение жизни «лишних» людей; сострадание к умирающим; право человека на смерть.

Применение эвтаназии имело место и в Древней Греции, где считалось нормой самоубийство людей, которые достигли 60 лет. Платон в своем труде «Государство» упоминал, что медицина призвана заботиться лишь о здоровых душой и телом; не следует препятствовать смерти физически слабых, а скверные душой сами себя погубят. Сократ, Платон оправдывали причинение смерти очень слабым и тяжелобольным людям также при отсутствии их согласия. Более того, ученые считали, что в случае, если человек ослаб и стал обузой для общества, лишить себя жизни – его моральный долг. При этом стоит отметить, что Аристотель и пифагорейцы являлись противниками умерщвления неизлечимо больных.

В истории имели место и злоупотребление, и даже преступления, связанные с эвтаназией. В 1930-е годы в нацистской Германии под видом эвтаназии стали происходить жестокие убийства. Людей с различными заболеваниями в стране именовали «ошибками природы» и «неполноценными». Тех же, кто «не мог принести пользу фашистскому государству», убивали.

В 1939 Гитлер издал указ о регистрации детей, которые страдают монголоидностью, гидроцефалией, параличом, а также уродствами (5 тыс. из них были подвергнуты эвтаназии). Детей, как правило, морили голодом, а взрослых отводили в газовые камеры или же делали смертельные инъекции. После эвтаназии стали применять и для солдат, которые получили в сражении тяжкие увечья. За период существования Третьего рейха эвтаназии были подвергнуты около 200 тысяч человек. Фашистские врачи при отсутствии серьезной диагностики выносили пациентам смертный приговор: большой «красный крест» на личном деле больного означал необходимость умерщвления, «синий крест» означал «оставить в живых».

На сегодня выделяют следующие виды эвтаназии:

I. Со стороны пациента: 1) Добровольная эвтаназия – осуществляется по недвусмысленной просьбе пациента, который способен самостоятельно принимать решения. Просьба должна быть выражена неоднократно, на основе хорошей информированности. В Соединенных Штатах Америки и многих других государствах Запада стали широко распространены согласия пациентов, которые в юридической форме ранее выразили свое мнение и пожелания на случай бессрочной комы. 2) Недобровольная форма эвтаназии – проводится над больным, который физически не может сообщить о своих желаниях. Решение об эвтаназии принимается на основе решения родственников. Но однозначно определяется, что

если бы больной самостоятельно мог бы выразить свое собственное мнение, то его решением однозначно было бы самоубийство.

II. Со стороны врача: 1) Пассивная форма эвтаназии (другое название – «метод отложенного шприца») заключается в приостановке медицинской помощи, направленной на продление жизни, что заметно ускоряет приближение естественной, нередко мучительной смерти. Такую форму эвтаназии иногда рассматривают как право пациента на добровольный отказ от медицинских услуг, принятия лекарственных препаратов, операции. Принуждение же его к лечению противоречит праву его на личное достоинство (ст. 21), личную неприкосновенность и свободу (ст. 22) (за исключением некоторых моментов, указанных в статьях 33, 34 законов РФ об охране здоровья). 2) Активная форма эвтаназии (другими словами, «метод наполненного шприца») применяется, когда официальное лицо (врач) осознанно и целенаправленно предпринимает решение, после которого смерть наступает стремительно (например, доза какого-либо препарата, смертельная для человека). Когда идет спор об эвтаназийной смерти, чаще всего речь идет об активной эвтаназии.

Активная эвтаназия предусматривает несколько форм, таких как:

1. «Убийство из милосердия». Врач или родственники пациента видят мучения тяжело больного человека (пациент физически не может выразить свою волю) и вводят ему большую дозу препарата, ослабляющего его боль. После этого наступает достаточно быстрая и безболезненная смерть.

2. Самоубийство, которое происходит под руководством врача. Доктор готовит смертельное лекарство, а больной своими руками вводит его себе сам, что приводит к постепенному угасанию и неминуемой смерти. 3. Врач принимает активное участие в смерти больного, т. е. вводит препарат, приводящий к смерти человека по собственному решению самого страдальца. Из всех этих форм вытекает следующий очевидный вывод: основная задача активной формы эвтаназии заключается в осознанном причинении врачом смерти больному человеку из сострадания к его мукам или по официально оформленной просьбе самого тяжело больного, или же просьбе его родных и близких.

На сегодня эвтаназия разрешена в таких странах: США (штаты Вашингтон и Орегон), Голландия, Люксембург, Бельгия, Швеция, Австралия, Швейцария.

Но в РФ эвтаназия не разрешена. Согласно ст. 20 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на жизнь» [1, с. 20]. Жизнь – это самый ценный дар природы, она независимо от моральных и физических качеств, с начала рождения и до момента прекращения находится под уголовно-правовой охраной государства. Определение эвтаназии изначально было сформулировано в отрасли медицины, что стало причиной возникновения разногласий в подходах. Отсутствие теоретических основ способствовало развитию различных точек зрения и противоречий в данном вопросе. Проведенный сравнительный анализ подходов различных отраслей в решении проблемы эвтаназии позволяет сделать вывод, что наиболее субъективное решение дает правовой аспект. В правовом аспекте эвтаназия рассматривается не как единое целое, а как совокупность взаимоотношений различных социальных сфер.

В уголовно-правовом смысле эвтаназия – это целенаправленное умышленное действие, повлекшее за собой смерть неизлечимого больного, исполненное по его

просьбе врачом, а также другим лицом из за сострадания к больному для избавления его от болезненных страданий.

Понимание эвтаназии в этом смысле имеет преимущества, которые выделяют систему уголовно-правовых признаков эвтаназии; выделяют вопрос о введении отдельного состава преступления – умерщвление больного по его просьбе; сравнивать и различать ответственность предлагаемого состава преступления другими схожими преступлениями, включая убийство по статье 105 УК РФ [3, с. 105].

С позиции права ключевыми в понимании данного явления являются проблемы ответственности.

Основным критерием при классификации форм эвтаназии принимается характер действий, который направлен на умерщвление тяжелобольного. Согласно данному критерию, эвтаназия может быть двух форм: активная и пассивная.

Не относится к активной эвтаназии:

1. Убийство из «милосердия» – когда врач совершает умерщвление без просьбы безнадежного тяжело больного (больные, которые находятся в тяжелом состоянии или в коме, когда они не могут дать своего согласия или выразить просьбу на причинение им смерти), видя состояние, которое вследствие приведет к его смерти, вводит ему сверхдозу препарата, в результате чего наступает смерть.

2. «Ассистируемое врачом самоубийство» — когда врач непосредственно помогает тяжело больному покончить жизнь самоубийством, но сами действия совершает больной самостоятельно (врач, приносит таблетки, при превышении доз которых наступает летальный исход).

К активной эвтаназии относятся следующие предпосылки: умышленное совершение действия; установление неизлечимости больного – «инкурабельность», вследствие которой наступит летальный исход; отсутствие конкретных мер по смягчению страданий тяжело больного; наличие у пациента сильных физических страданий; долгое применение по продолжительности средств и методов лечения; наличие добровольной просьбы пациента об эвтаназии.

К пассивной эвтаназии относятся следующие критерии: бездействие врача или иного лица в отношении больного; наличие у пациента неизлечимого заболевания, которое впоследствии приведет к летальному исходу; наличие у пациента сильных физических страданий; долгое применение по продолжительности средств и методов лечения; наличие добровольной просьбы пациента об эвтаназии.

Все, кто высказывается за введение эвтаназии, имеют в виду то, что эвтаназия выступает пассивной со стороны врача и добровольной со стороны тяжелобольного.

Нельзя говорить об эвтаназии, когда врач облегчает страдания пациента, находящегося на тяжелой стадии болезни, с помощью назначения медикаментов, которые ускоряют процесс умирания косвенным образом. В таком случае у врача нет умысла совершения данного деяния на лишение жизни больного. Он пытается уменьшить страдания больного с помощью назначения медикаментов, которые ускоряют процесс умирания, в качестве побочного эффекта. Смерть в данном случае является последствием назначения медицинских препаратов в качестве обезболивающего и преднамеренно не провоцируется.

Если уже говорить о законодательном регулировании эвтаназии, то тут существует некий парадокс. В Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ)

не предусмотрено отдельной статьи, регулирующей ответственность за совершение эвтаназии. УК РФ рассматривает ее как убийство (ст. 105 УК РФ).

В российском законодательстве эвтаназия в любой форме запрещена законом. В ст. 45 (запрещение эвтаназии) Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан говорится так, что «медицинскому персоналу запрещается осуществление эвтаназии – удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни и что лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации» [2, с. 45].

Из статьи 45 все предельно ясно, есть определение данного деяния, действие запрещено и наказуемо. Но в ст. 33 (отказ от медицинского вмешательства) Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан говорится, что «гражданин или его законный представитель имеет право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения, за исключением случаев, предусмотренных статьей 34 Основ охраны здоровья граждан.

При отказе от медицинского вмешательства гражданину или его законному представителю в доступной для него форме должны быть разъяснены возможные последствия. Отказ от медицинского вмешательства с указанием возможных последствий оформляется записью в медицинской документации и подписывается гражданином либо его законным представителем, а также медицинским работником. При отказе родителей или иных законных представителей лица, не достигшего возраста, установленного частью второй статьи 24 настоящих Основ, либо законных представителей лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, от медицинской помощи, необходимой для спасения жизни указанных лиц, больничное учреждение имеет право обратиться в суд для защиты интересов этих лиц» [2, с. 34]. В данной статье прописаны действия, что и в пассивной эвтаназии, когда врач не предпринимает действий для ускорения смерти больного, но и не делает ничего по просьбе пациента, процедур для продления его жизни.

Итак, в одном и том же законе, в разных статьях одновременно разрешается и запрещается эвтаназия. Можно сделать вывод, что наказуема только активная эвтаназия, за которую несут ответственность по ст. 105 УК РФ как за «умышленное убийство», а эвтаназия пассивная, когда врач не оказывая помощь тяжело больному, по его собственному желанию, не попадает не под одну статью УК РФ.

Если рассматривать препараты, с помощью которых может проводиться эвтаназия, то они подразделяются в зависимости от действия на организм. Разделяют седативные, которые вызывают релаксацию скелетной мускулатуры посредством центрального действия. Снижают кровяное давление, высокие дозы угнетают дыхание. Используется для наркоза. Анестетики – влияют на центральную нервную систему, вызывает остановку дыхания, глубокий гипноз и анестезию, значительное угнетение дыхания. Релаксанты скелетной мускулатуры – используются в качестве дополнительного средства при проведении общей анестезии, высокие дозы вызывают длительное апноэ (остановка дыхания). Антиаритмические, например лидокаин можно применять для эвтаназии животного.

Препараты, влияющие на электролитный баланс, при введении в вену в больших дозах вызывает мышечную слабость, гипотензию, угнетение дыхания, блокаду нервно-мышечной активности с результирующей остановкой сердца.

Ученые Тартуского университета по-разному смотрят на гипотетическую легализацию эвтаназии в Эстонии. Декан факультета права Яан Гинтер поддерживает узаконивание эвтаназии, а профессор Хеле Эвераус считает, что у человека нет права прерывать жизнь другого.

Яан Гинтер считает, что эвтаназию в отдаленном будущем можно было бы легализовать и в Эстонии. По его словам, в отдаленном будущем эвтаназию в Эстонии можно было бы узаконить, однако сразу делать этого не стоит, так как многие врачи, на чьи плечи ляжет обязанность избавлять таким способом пациентов от страданий, пока недостаточно благонадежны.

«Большинству докторов Эстонии мы можем доверять и быть уверенными в них. Но саморегуляция в их среде еще не достигла того уровня, чтобы мы могли делать это безоговорочно», – сказал Гинтер порталу Postimees.ee.

Гинтеру кажется здоровым подход писателя Терри Пратчета, который последний высказал, в Великобритании. Идея Пратчета состоит в том, что стоит создать так называемые трибуналы по эвтаназии, состоящие в числе прочих из врача и юриста, в задачу которых будет входить принятие важного решения.

Профессор Тартуского университета и руководитель эстонского Совета по биоэтике Хеле Эвераус, напротив, не поддерживает легализацию эвтаназии, так как считает, что человек рожден не для того, чтобы убивать другого.

«Я скорее против эвтаназии, хотя в жизни видела много тяжелых заболеваний. Самое главное то, что человек рожден не для того, чтобы прервать жизнь другого», – пояснила Эвераус свою точку зрения порталу Postimees.ee.

По ее мнению, эвтаназия на первый взгляд кажется гуманной и правильной, но когда речь заходит о том, кто и когда это станет делать, все становится намного сложнее.

Известный писатель Терри Пратчет, страдающий болезнью Альцгеймера, призвал Великобританию легализовать эвтаназию неизлечимо больных. Согласно результатам опросов, эту идею поддерживают, по меньшей мере, три четверти британцев.

Одним из главных пропагандистов эвтаназии считается американский врач Джек Кеворкян, больше известный как Доктор Смерть. Он помог уйти из жизни более чем 130 пациентам. С помощью оборудования, установленного в его фургоне, он делал инъекции, которые приводили к безболезненной смерти. Видеозапись одной из таких процедур попала на телевидение. В результате Кеворкян был приговорен к 25 годам лишения свободы. После восьми лет в тюрьме был досрочно выпущен на свободу, пообещав больше не осуществлять эвтаназию.

В последние несколько лет Швейцария притягивает туристов не только своими живописными пейзажами и горнолыжными курортами. Со всего мира в страну едут те, кто при помощи врачей хочет свести счеты с жизнью. В стране невероятную популярность набирают программы по эвтаназии для иностранцев. Как показывает статистика, за три года в Швейцарии вдвое выросло количество туристов-самоубийц.

С момента своего появления эвтаназия представляет собой огромный клубок моральных, теологических, медицинских и юридических проблем. Критики утверждают, что ей могут злоупотреблять родственники, уставшие ждать наследства или просто не желающие ухаживать за пожилыми людьми. В то же время сторонники эвтаназии уверяют, что многие, выбирая между смертью от продолжительной и мучительной болезни в больнице, в окружении чужих людей, предпочтут быстрый и безболезненный переход в иной мир в домашней обстановке. Для многих, решившихся на эвтаназию, важную роль играет и то, что они избавляют не только себя от мучений, но и своих близких от проблем по уходу за больным.

Сейчас добровольно уйти из жизни иностранцы могут не только в Швейцарии. Эвтаназия в том или ином виде разрешена в Бельгии, Голландии, Люксембурге, а также американских штатах Орегон, Вермонт и Вашингтон. Правда, Швейцария все же отличается самыми либеральными законами. Как показало недавнее исследование, проведенное в стране, возраст пациентов-самоубийц варьируется от 23 до 97 лет. Причем этой специфической услугой в европейской республике чаще пользуются женщины – 60 процентов.

Нидерланды могли бы составить достойную конкуренцию Швейцарии, там эвтаназию легализовали в 2002 году. К тому же, в отличие от последней, голландский закон разрешает добровольно уходить из жизни и несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет. А также родные больного могут попросить врача прекратить страдания своего ребенка в возрасте от 12 до 15 лет.

В феврале 2014 года в центре скандала оказалась Бельгия. В королевстве разрешили эвтаназию для всех без исключения несовершеннолетних. Таким образом, дети при согласии родителей или в случае недееспособности ребенка сами родители получили право подавать прошение об эвтаназии. Разрешение можно получить только в том случае, если ребенок, по мнению врачей, страдает неизлечимым заболеванием и испытывает физические и душевные страдания, которые никак нельзя облегчить. Если психолог после общения с ребенком подтвердит, что тот осознает последствия своего решения, эвтаназия будет проведена. Противники эвтаназии обвиняют бельгийское правительство в ущемлении прав детей, которые не в состоянии принять решение о своей смерти.

Тем временем правительство Германии собирается легализовать бытующую в стране практику, когда врачи оказывают безнадежным пациентам пассивную помощь в совершении самоубийства – отключают больных от приборов жизнеобеспечения. Активная эвтаназия до сих пор в Германии под запретом. Прецедент, в результате которого в стране стали закрывать глаза на пассивную эвтаназию, возник в 2009 году. Верховный суд ФРГ полностью оправдал адвоката Вольфганга Путца, которого обвинили в том, что он посоветовал дочери 77-летней пациентки, находящейся в течение шести лет в коме в доме престарелых, перерезать шланг зонда, через который осуществлялось принудительное питание.

Вину на адвоката, а не на дочь больной вначале возложили из-за того, что дочь, перед тем как отключить мать от питания, обратилась за юридической консультацией. После этого суд вынес решение о том, что «косвенная» помощь при эвтаназии допустима. Более того, врачей и опекунов дома престарелых обязали прекращать поддержание жизни пациента, если это соответствует его воле.

Как пишет *Berliner Zeitung*, в 2012 году уролог Уве-Кристиан Арнольд признался в том, что за последние годы помог десяткам безнадежных пациентов (от 150 до 200) совершить безболезненное самоубийство. Ему грозил серьезный штраф, однако суд встал на сторону врача, так как по германскому законодательству медицинским сотрудникам не запрещается предоставлять пациентам лекарства, прием которых может приблизить их конец. Арнольда поддержали многие врачи. Так, например, терапевт Антон Вольфарт – активист Немецкого общества за гуманную смерть заявил, что «каждый человек должен иметь право помочь ближнему расстаться с жизнью». «Поэтому мне совершенно непонятно, почему это должно быть запрещено врачу, который располагает самыми лучшими средствами обеспечить достойный добровольный уход из жизни», – отметил он.

Российской Федерации нужно четкое и разностороннее законодательное регулирование, разработка которого является длительным и трудоемким процессом, которое бы разграничивало активную и пассивную эвтаназию, за что назначалась бы некая мера ответственности. Не нужно легализовывать активную эвтаназию, это приведет к различным разногласиям всех слоев населения и разных профессий, но следует юридически оформить пассивную эвтаназию – так называемую благоую смерть.

Представляется, что Российской Федерации как демократическому и социальному государству в целях создания условия для реализации и защиты прав тяжелобольных необходимо принять Федеральный закон «Об эвтаназии в Российской Федерации», который бы легализовал все виды эвтаназии. Необходимо выделить условия, при которых право на эвтаназию должно быть реализовано:

1. Неоднократно подтвержденная различными специалистами невозможность существующими способами и методами вылечить больного.

2. Сознательная, настойчивая, неоднократная просьба больного о проведении эвтаназии либо просьба представителей, инкурабельного (в т. ч. коматозного) больного

3. Достаточное и достоверное информирование такого больного либо его представителей лечащим врачом относительно прогноза заболевания для его здоровья и жизни.

4. Подтверждение консилиумом врачей-специалистов диагноза неизлечимого заболевания, невозможности спасения жизни или облегчения страданий больного.

5. Информирование родственников больного о его решении по поводу эвтаназии.

6. Вынесение решения суда о возможности проведения эвтаназии либо разрешение прокурора. Факт и способ осуществления эвтаназии должны быть указаны в медицинской документации в зависимости от усмотрения врачебного консилиума. Российской Федерации как демократическому и государству следовало бы обратиться к опыту зарубежных стран, где существует легализованная эвтаназия, для реципирования этого института, в целях создания юридического механизма реализации и защиты данного вида соматического права. Именно эвтаназия является одним из инструментов всеми провозглашенного конституционного принципа, закрепляющего право каждого на достойную жизнь. Хотелось бы согласиться с некоторыми авторами, которые утверждают о том, что запрет смертельно больным людям, испытывающим каждодневные страдания,

которые невозможно ослабить даже сильнодействующими анестетиками и наркотиками, является применением, по сути, пыток к данной категории лиц. Коллизия отечественного законодательства, существующая уже на протяжении долгого времени, не позволяет инкурабельным больным – гражданам РФ полноценно реализовывать свои конституционные права, что приводит к нарушению их прав и законных интересов, а самое главное – приносит как физические, так и нравственные страдания.

Число россиян выступающих «за» и «против» эвтаназии, при обращении к статистике, составило по 32 % с каждой стороны. Еще 36 % опрошенных затруднились ответить (ФОМ).

Современное законодательство в области здравоохранения предоставляет пациентам право выбора согласиться на медицинское вмешательство (ст. 32 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан) или отказаться от него (ст. 33). Право на жизнь, данное человеку в силу его рождения на Земле, не может быть оторвано от его права на достойную смерть. Сказано: «Страшнее ошибки в каком-то конкретном случае может быть только мнение, правильное сегодня, но ошибочное завтра. Это та ошибка, которую нельзя обнаружить в настоящем». Эти мудрые слова можно полностью отнести и к проблеме эвтаназии. Решение ее – задача общая: врачей и юристов, философов и богословов, – одним словом, ученых всего мира, в том числе и российских. Последнее же слово всегда должно оставаться за законом.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 48 с.
2. Бэкон Ф. Соч. в 2 т., т. 2. – М., 1978. – С. 269.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 33. – С. 1318.
5. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1998. – 10 декабря.
6. Андреева А. А., Приходько В. В. URL: Проблема эвтаназии в современном обществе. <https://medconfer.com/node/1785> (дата обращения 12.10.2017).
7. Марецкая Е. И. Проблемные вопросы легализации эвтаназии в России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014, № 4(28). С. 256–259.
8. Там же.
9. Большая медицинская энциклопедия. – М., 1986. – Т. 27. – С. 555.
10. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М., 2002. – С. 685.
11. Европейская конвенция по защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
12. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17 (1831).
13. Большая медицинская энциклопедия. – М., 1986. – Т. 27. – С. 555.
14. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – М., 2002. – С. 685.
15. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Под. Ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. – 492 с.

Parkhomenko L. V., Kolbasina L. P. Criminal – legal problems of regulation of the issues of euthanasia in Russia and the analysis of foreign experience in this field // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 166–175.

This article deals with the problem of euthanasia. The value of human existence to the moral and legal aspects, various social and legal problems are raised, which in some way or other embrace the right to life, into the category of global and universal problems. So what is euthanasia, a natural and painless death? This issue should be considered not only from a moral and ethical positions, but also to have a legal assessment, abuses and even crimes in the cases of euthanasia are not excluded.

Recently, the media of information increasingly began to address the problem of euthanasia. Talk about it in modern society leaves no one indifferent. In this regard, throughout the year 2016. a lot of press conferences were held with the participation of prominent figures of science, politics, etc. Just at the beginning of last year, the members of the Federation Council began drafting a bill that would allow euthanasia "for the most exceptional cases." The initiator of the project was the chairman of the Committee on Social Policy V. Petrenko. And judging by publications in the press and appearances on television, this idea has become widespread, both among supporters and its ardent opponents. Such a mass discussion of "worthy death," including at the legislative level, indicates its relevance.

Key words: euthanasia, active euthanasia, passive form of euthanasia criminal liability.

Spisok iteraturyi:

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g. – M.:INFRA-M. 2005. – 48s.
2. Bekon F. Soch. v 2 t. t. 2. M.. 1978. s. 269.
3. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Ch. 1 : feder. zakon ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ // Sobraniye zakonodatelstva RF. – 1994. – № 32. – St. 3301.
4. Osnovy zakonodatelstva RF ob okhrane zdorovia grazhdan ot 22 iyulya 1993 g. // Vedomosti SND i VS RF. 1993. № 33. C. 1318.
5. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka ot 10 dekabrya 1948 g. // Rossiyskaya gazeta. – 1998. – 10 dekabrya.
6. Originalnaya statia «Problema evtanazii v sovremennom obshchestve». Andreyeva A.A., Prikhodko V.V., GBOU VPO Saratovskii? GMU im. V.I. Razumovskogo Minzdravsotsrazvitiya Rossii. Kafedra filosofii. gumanitarnykh nauk i psikhologii.
7. Russkaya pravoslavnaya tserkov. statia «Problemnyye voprosy legalizatsii evtanazii v Rossii» Maretskaya E. I. . 2012 g.).
8. E. K. Fomichev . iz stati «Problemnyye voprosy legalizatsii evtanazii v Rossii» Maretskaya E. I. . 2012 g.;
9. Bolshaya meditsinskaya entsiklopediya. M.. 1986. T. 27. S. 555.
10. Bolshoy yuridicheskiy slovar / Pod red. A. Ya. Sukhareva. B. E. Krutskikh. M.. 2002. S. 685
11. Evropeyskaya konventsiya po zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod ot 4 noyabrya 1950 g. // Sobraniye zakonodatelstva RF. – 2001. – № 2. – St. 163.
12. Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh ot 16 dekabrya 1966 g. // Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR. – 1976. – № 17 (1831).
13. Bolshaya meditsinskaya entsiklopediya. M.. 1986. T. 27. S. 555.
14. Bolshoy yuridicheskiy slovar / Pod red. A. Ya. Sukhareva. B. E. Krutskikh. M.. 2002. S. 685
15. Ugolovnoye pravo Rossii. Osobennaya chast: Uchebnik \Pod. Red. V.N. Kudryavtseva. A.V. Naumova. – 2-e izd.. pererab. i dop. – M.: Yurist. 2003. – 492 s.

УДК 343.121.5

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ УЧАСТИЯ ЗАКОННОГО
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ В ДОПРОСЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО
ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО**

Поддубняк А. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматривается вопрос относительно необходимости участия законных представителей в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования. Представлены и рассмотрены различные точки зрения ученых на предмет целесообразности предоставления законным представителям соответствующего права. Для эффективной борьбы с преступностью несовершеннолетних немаловажное значение имеет систематическая деятельность законодателя, ученых и правоприменителей, направленная на совершенствование уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения. УПК РСФСР не предусматривал возможности участия законного представителя в допросе несовершеннолетнего, хотя этот вопрос активно обсуждался в советской и постсоветской юридической литературе. Обсуждается он и в настоящее время. Необходимость проведения всестороннего и объективного разбирательства по уголовным делам несовершеннолетних, которая реализуется посредством применения особого подхода к организации предварительного следствия по соответствующей категории дел, обуславливает актуальность исследования данной темы.

Ключевые слова: несовершеннолетний подозреваемый/обвиняемый, законный представитель, институт представительства, допрос несовершеннолетнего, предварительное расследование.

В современном обществе на сегодня весьма острой и актуальной, наиболее дискуссионной и в определенной степени порой неоднозначной проблемой является преступность несовершеннолетних. Столь широкий научный и практический интерес к данной теме обусловлен всесторонним изучением данной проблемы, а также причин, ее сформировавших, к числу которых относят, прежде всего, психологические особенности возраста лица и его социальный статус в обществе.

Преступность несовершеннолетних является одним из важных показателей криминогенных показателей и ситуации в целом в государстве. Как и в любой другой стране, на молодое поколение, как правило, общество возлагает надежды, связанные с дальнейшим развитием страны. Однако совершение противоправных деяний несовершеннолетними существенно затрудняют процесс их интеграции в общество и соответственно становления их на путь исправления. Именно правонарушители, относящиеся к категории несовершеннолетних, являются основным источником для возникающей в последующем взрослой и рецидивной преступности. Это обуславливает необходимость уделять особое внимание для осуществления профилактических программ и мероприятий, которые направлены на применение методов и регуляторов эффективного воздействия уголовной ответственности в отношении несовершеннолетних лиц. Так, В. В. Кухарук

утверждает о преобладании социально обусловленного характера причин преступности лиц, не достигших совершеннолетия. В данной позиции в качестве причин выделяют конкретные исторические условия жизни общества, содержание и направленность институтов гражданского общества, а также самой сущности и способов разрешения основных противоречий. Они прежде всего зависят от конкретных исторических условий жизни общества, от содержания и направленности его институтов, сущности и способов решения основных противоречий на разных этапах его формирования и развития [4, с. 89].

Следовательно, для осуществления профилактического воздействия необходимо задействовать основные и наиболее значимые сферы жизнедеятельности несовершеннолетних. К вполне обосновывающим факторам, определяющим причины преступности, как правило, относят: неблагополучные семьи, беспризорность, низкий уровень жизни, пьянство, наркомания, СМИ и т. д. И, следовательно, именно на этих сферах нужно сосредоточить применяемые профилактические меры, направленные на формирование у молодежи жизненных и нравственных моральных ориентаций.

По данным Управления правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, на 2016 год было зафиксировано 53 736 преступлений, совершенных как самостоятельно несовершеннолетними, так и при их участии. Хотя учитывая, что в целом за последние 15–20 лет тенденция преступности несовершеннолетних активно увеличивается, указанные выше показатели за 2016 год по сравнению с 2015 годом снизились на 13,1 % [14].

Одним из способов осуществления эффективной борьбы с преступностью несовершеннолетних является систематическая и всесторонняя законотворческая деятельность по профилактике преступности данной категории преступлений и ее применения на практике. Она направлена на совершенствование уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства с практикой его дальнейшего применения [12, с. 154]. Не является и исключением область несовершеннолетней преступности, поскольку в разрешении данной проблемы многое зависит, прежде всего, от того, каким образом будет построена работа с несовершеннолетним лицом, привлекаемым к уголовной ответственности за совершенное преступление.

Учитывая предусмотренную законодательством Российской Федерации защиту всех без исключения лиц от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, различного рода ограничения прав и свобод, следует отметить, что в случае привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних речь будет идти уже о повышенной степени такой защиты, существенным доказательством которой является участие законных представителей таких лиц в соответствующем уголовном процессе [2, с. 30]. Необходимость обеспечения повышенной степени охраны несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства является отличительной особенностью производства по уголовным делам в отношении данной категории лиц. Предоставление в обязательном порядке ряда дополнительных гарантий прав несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым обуславливают охранительную направленность соответствующего производства. Но в этой области существуют определенные противоречия в регулировании вопросов обеспечения полноценной защиты прав и свобод несовершеннолетних, в

то числе это касается и института законного представительства данной категории лиц.

В свою очередь, необходимость законного представительства несовершеннолетних обусловлена тем, что данная категория лиц испытывает определенные затруднения в самостоятельной реализации предоставленных им прав в связи с пребыванием в состоянии так называемого становления, формирования и развития, отсутствием необходимого жизненного опыта. Поэтому они не могут должным образом осознавать характер и значение возникающей для них опасности незаконного и необоснованного уголовного преследования. То есть законный представитель, будучи участником процесса, выполняет задачу замещения отсутствующей у несовершеннолетнего лица полной уголовно-процессуальной дееспособности, выступая на стороне защиты. Таким образом, законное представительство обеспечивает несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому полноценную защиту посредством полного, всестороннего и объективного исследования всех обстоятельств уголовного дела, а также особенностей личности с учетом условий его жизни и воспитания, взаимоотношений с окружающими.

Что касается законодательной регламентации участия законных представителей, следует отметить, что в отличие от УПК РСФСР 1960 г. действующий УПК РФ 2001 г. определяет законного представителя несовершеннолетнего лица – подозреваемого, обвиняемого или подсудимого – в качестве полноправного самостоятельного участника уголовного судопроизводства, который выступает со стороны защиты в рамках расследуемого уголовного дела (п. 46 ст. 5 УПК РФ), участие которого носит обязательный характер (ст. 48 УПК РФ). Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит легального определения законного представителя, он лишь перечисляет лиц, которые могут относиться к ним. Так, согласно п. 12 ст. 5 УПК РФ законными представителями признаются родители несовершеннолетнего лица, его опекуны и попечители, органы опеки и попечительства, а также представители учреждений и организаций, на попечении которых находится данное лицо [1]. Но на практике зачастую возникает вопрос относительно возможности расширенного толкования данного списка лиц. Это, как правило, касается близких родственников и приемных родителей несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, оставшегося без попечения родителей.

Разрешение вопроса о выборе из круга лиц, перечисленных в вышеуказанной статье, относится к компетенции органов предварительного расследования и суда. Действующая редакция УПК РФ не предусматривает варианта множественности законного представительства несовершеннолетних, употребляется данное понятие, как правило, в единственном числе. Следовательно, в случае, когда одно лицо по определенным причинам не имеет возможности реализовывать полномочия законного представителя несовершеннолетнего лица, оно заменяется на другое. Однако в уголовном законодательстве отсутствует норма, регулирующая четкий алгоритм замены одного законного представителя на другого. Действующая редакция указывает лишь на причину отстранения такого лица. В ч. 4 ст. 426 УПК РФ указывается в отношении ситуации, когда имеются основания полагать, что действия назначенного законного представителя могут нанести ущерб интересам

представляемого несовершеннолетнего лица. В частности, Верховным Судом РФ в Обзоре судебной практики за второй квартал 2013 г. было конкретизировано это положение. Так, по смыслу закона родителям не должно предоставляться право на представление интересов своих детей в случае, если они используют свое положение во вред ребенку. То есть на законодательном уровне указано лишь одно, довольно обширное основание для замены законного представителя.

Учитывая неоднозначность указанного основания, можно говорить о том, что перечень этих причин не может быть исчерпывающим. Так, в ряде случаев на следователя или судью возлагается обязанность по принятию процессуального решения о замене законного представителя по обстоятельствам, не закрепленным в соответствующей статье, а тем, которые не зависят так или иначе от воли и поведения сторон (например, в случае болезни). Кроме того, в законе не конкретизируется момент определения интересов несовершеннолетнего, которому причиняется вред. Следовательно, вполне целесообразным было бы дополнить нормы УПК РФ соответствующим перечнем оснований замены «ненадлежащего» законного представителя.

В настоящий момент данный вопрос разрешается сугубо субъективно и, как правило, к действиям, оказывающим отрицательное воздействие на представление и защиту несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, относят оказание на него психологического давления, злоупотребление предоставленными законному представителю правами, необоснованный отказ от выполнения соответствующих функций по представлению несовершеннолетнего и т. д. Осложняется данная ситуация и тем обстоятельством, что следователь на момент принятия решения о назначении законного представителя зачастую не владеет исчерпывающей информацией о личности соответствующего лица, его взаимоотношениях с подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступления несовершеннолетним лицом [9, с. 121]. Следовательно, для полноценной защиты прав несовершеннолетних и, соответственно, эффективности проведения предварительного расследования следователю необходимо более активно выявлять наличие либо отсутствие причин, которые становятся препятствием к участию в качестве законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) определенного лица, в противном же случае появляется риск относительно действительного представления и эффективной защиты в меру предоставленных прав интересов несовершеннолетнего лица его законным представителем, что может повлечь за собой необходимость его замены [8, с. 24].

Действующая редакция УПК РФ (ч. 2 ст. 426 УПК РФ) содержит перечень прав, которые представляются законному представителю несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). К таковым относят право присутствовать при предъявлении обвинения и знать его основания, участвовать в допросе несовершеннолетнего и с разрешения следователя в других следственных действиях, ознакомиться с протоколами следственных действий (тех, в которых принимает участие). Также предоставляется право на заявление отводов и ходатайств, принесение жалоб на действия или бездействия, решения следователя, дознавателя и прокурора, а по окончании предварительного расследования знакомиться со всеми имеющимися материалами дела и выписывать из него любые сведения. Необходимо также отметить, что неявка законного представителя не

является препятствием для осуществления следователем любых, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством следственных действий. Исключением является лишь случай, когда законный представитель был должным образом уведомлен о планируемом следственном действии. Неявка законного представителя не лишает следователя права провести с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) ряд предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством следственных действий. Единственным условием проведения таких действий является сведение о надлежащем уведомлении о времени и непосредственно месте проведения предусматриваемого следственного действия.

Особый интерес при ознакомлении с перечнем прав законного представителя вызывает момент его участия на допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Сам по себе допрос представляет собой процессуальное средство собирания и проверки доказательств по уголовному делу и вообще любой информации, которая прямо или косвенно может быть связана с рассматриваемым противоправным деянием [5, с. 184]. Более того, в ходе проведения соответствующего следственного действия следователю и суду предоставляется возможность установить мотивы и цели преступления, условия, которые способствовали его совершению. Говоря о значимости проведения допроса, нельзя не указать на то, что это главный источник доказательств, а содержащиеся в нем данные – оказательства [6, с.50]. В свою очередь, для подозреваемых и обвиняемых – это средство защиты от возникшего против них подозрения или предъявляемого в отношении них обвинения.

Особое внимание уделяется допросу несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых). Сложность и многогранность процесса проведения допроса данной категории лиц заключается, прежде всего, в том, что он, будучи уголовно-процессуальной деятельностью по установлению интересующих органы предварительного расследования обстоятельств и фактов, содержит в себе не только процессуальный, организационный, тактический, но и психологический, педагогический и этический аспекты [7, с. 21]. Следовательно, для достижения необходимого результата проведенного должным образом допроса необходимо подобрать наиболее эффективные методы коммуникации и психологического воздействия на несовершеннолетнее лицо. Они, в свою очередь, позволяют выявить наиболее важные личностные характеристики допрашиваемого лица, что в последующем создает возможность на основе этой информации спрогнозировать различные варианты его поведения [10, с. 60]. Таким образом, особая роль в процессе получения информации существенно зависит от установления с допрашиваемым психологического контакта и применения целенаправленной беседы по существу расследуемого в рамках уголовного производства дела.

Говоря о допросе несовершеннолетнего, следует отметить, что он отличается особой сложностью, поскольку его производство требует от следователя знания и мастерского владения тактико-криминалистическими приемами работы с данной категорией лиц. Допрос с участием несовершеннолетнего имеет свою специфику, поскольку их психика чрезвычайно своеобразна и характеризуется широкой разносторонностью, которая обусловлена особенностями бытовой среды и непосредственно условиями как воспитания, так и обучения. Таким образом, проведение всестороннего и объективного судебного разбирательства по уголовным

делам несовершеннолетних реализуется посредством эффективности организации и ведения предварительного следствия по соответствующей категории дел.

Вопрос участия законного представителя в допросе несовершеннолетнего, как одного из указанных в ч. 2 ст. 426 УПК РФ нормы права, носит категорически противоположный характер. Так, Ландо А. С. придерживается позиции, что участие в допросе несовершеннолетнего законного представителя должно носить императивный, а не диспозитивный характер. Поддерживает данную точку зрения ряд других ученых, в частности Черных Э. А. обосновывает это право из необходимости учета возрастных и индивидуальных особенностей несовершеннолетнего лица [13, с. 176]. Более того, данная норма, по их мнению, является дополнительной процессуальной гарантией охраны прав несовершеннолетних, необходимой для установления по рассматриваемому уголовному делу истины, обеспечения воспитательного и предупредительного воздействия судопроизводства.

Считается, что участие законных представителей в допросе возможно лишь тогда, когда имеются определенные затруднения в работе с допрашиваемым несовершеннолетним лицом. Особая роль среди перечисленных лиц, которые являются законными представителями, отдается родителям несовершеннолетнего. В данном случае необходимо определить такие моменты: отношение несовершеннолетнего к законному представителю, а также возможность отрицательного влияния на допрашиваемого и изменения в связи таким воздействием информации по фактам совершенного преступления, которая имела место в действительности.

О крайне нежелательном во всех случаях участии в допросе указанных лиц высказали свое мнение Белкин Р. С., Гуковская Н. И., Карнеева Л. М. и Ордынский С. С. [3, с. 886–887]. Обосновали они свою позицию следующими аргументами:

- присутствие как родителей, так и опекунов и попечителей, как правило, отвлекает от диалога со следователем, заставляет его следить за реакцией родителей на излагаемую им информацию по фактам преступления и отвечать в зависимости от нее;

- как правило, при своих законных представителях допрашиваемое лицо стесняется рассказать о всех подробностях совершения противоправного деяния;

- нередко сам факт присутствия родителей, опекунов или попечителей при допросе оказывает на несовершеннолетнего своеобразное психологическое давление, что влечет за собой дачу допрашиваемым ложных показаний;

- абсолютно нецелесообразным будет участие указанных законных представителей, в случае если совершение преступного деяния несовершеннолетним лицом связано непосредственно с этими лицами (принуждение, подстрекательство и т. д.);

- нередки и случаи, когда родители, всячески стараясь опровергнуть обвинения в отношении своего ребенка, будут утверждать о недействительных фактах, вводя тем самым в заблуждение уполномоченного лица, пытаясь «запутать» следствие по расследуемому уголовному делу;

– в случае, если законными представителями выступают органы, на попечении которых находится допрашиваемое лицо, факт их присутствия носит сугубо формальный характер.

Сторонники ограничения присутствия законных представителей на допросе несовершеннолетнего лица считали допустимым их приглашать лишь в случае, если они не связаны каким-либо образом с совершенным преступлением. Так, Г. М. Миньковский и В. Г. Дремов отмечали, что вызов родителей для участия их в допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) представляется зачастую нецелесообразным. Обосновывали они свою точку зрения тем, что, исходя из практики, несовершеннолетний в присутствии родителей испытывает чувство страха и стыда, порой даже более чутко реагирует на эмоции отца и матери, следит за их реакцией на информацию, которую он преподносит следователю и соответственно в случае негативной реакции будет менять свои ответы на поставленные в ходе допроса вопросы.

В связи с тем, что законный представитель является самостоятельным участником процесса, в круг его интересов по расследуемому делу может входить не только защита интересов несовершеннолетнего лица, но в том числе и при определенных обстоятельствах защита собственных интересов (в случае обязанности возмещения как имущественного, так и морального вреда совершенным преступлением). При возникновении такой ситуации законодатель допускает совмещение законным представителем функции защиты несовершеннолетнего совместно с функциями гражданского ответчика. На практике это, как правило, ведет к переходу данного участника с позиции защиты на сторону обвинения, тем самым нанося существенный ущерб положению несовершеннолетнего в предварительном расследовании [11, с. 729]. Поэтому есть необходимость дополнить перечень оснований для отстранения законного представителя от защиты несовершеннолетнего обстоятельством, когда интересы представителя и представляемого находятся в противоречии или никоим образом не совпадают, в связи с чем дальнейшее участие данного законного представителя считается нецелесообразным и в целом невозможным.

Так, подводя итоги рассмотренных вопросов в данной статье, следует обратить особое внимание на ряд важных вопросов и на внесение соответствующих изменений в нормы уголовно-процессуального законодательства. В статье был рассмотрен детально правовой статус законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого). Считается необходимым расширить круг лиц, выступающих в качестве законных представителей, а также внести норму, определяющую процедуру и соответствующий алгоритм замены одного законного представителя, признанного «ненадлежащим», на другого, который соответствует устанавливаемым к данному лицу требованиям. Исходя из сложности и многогранности проводимого в отношении несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого допроса, особое внимание следует уделить процессу проведения данного следственного действия. Это связано, прежде всего, с психологическими особенностями данной категории лиц и их адаптацией в социуме, что порождает необходимость установления психологического контакта с допрашиваемым. Стоит отметить, что во многом момент установления доверительных отношений между лицом, проводящим допрос, и самим допрашиваемым зависит от находящихся рядом с несовершеннолетним лицами, в

частности это касается законных представителей, а также их влияния на своих детей или подопечных и саму информацию, которую они озвучивают.

На сегодня вопрос по поводу обязательного участия законного представителя в ходе допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) разделяется на две противоположные точки зрения. Обе позиции обосновываются расширенным перечнем аргументов и фактов, которые их определяют. Изучив и проанализировав данные точки зрения, можно сделать вывод о необходимости пересмотра законодательно закрепленного объема прав и полномочий законных представителей несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. На наш взгляд, было бы целесообразно отнестись к предоставлению законному представителю права участвовать в допросе несовершеннолетнего на усмотрение лица, производящего расследование по обстоятельствам рассматриваемого уголовного дела в каждом конкретном случае отдельно, с учетом согласия несовершеннолетнего на присутствие такого лица при допросе, а также исключить возможность совпадения в одном лице законного представителя и гражданского ответчика. Считаем, что благодаря вышеупомянутым изменениям станет возможным оказать полноценную и более эффективную защиту несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому на стадии предварительного расследования в рамках рассматриваемого уголовного дела.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 03.04.2017). – М.: Проспект, 2017. – 231 с.
2. Аракелян К. А., Шадрин В. С. Проблемы законного представительства несовершеннолетних, в отношении которых решается вопрос о возбуждении уголовного дела // Криминалистика. № 2 (7). – СПб.: Изд-во С.-Петерб. юрид. ин-та Академии Ген. прокуратуры РФ, 2010. – 35 с.
3. Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. Р. С. Белкина. – М.: НОРМА, 2000. – 990 с.
4. Васильчикова Н. В. Криминология. Конспект лекций / Н. В. Васильчикова, В. В. Кухарук. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – 144 с.
5. Еськов И. П. «История развития института допроса в российском судопроизводстве» / И. П. Еськов // Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии. – 2015. – 278 с.
6. Квакина А. В. Понятие и значение допроса в уголовно-процессуальном праве РФ / А. В. Квакина // Молодой ученый. – 2017. – № 27. – С. 49–51.
7. Кобцова Т. С. Тактика допроса несовершеннолетних / Т. С. Кобцова, С. В. Кузнецова. – М.: Экзамен, 2004. – 96 с.
8. Марковичева Е. В. Проблемы назначения и замены законного представителя несовершеннолетнего в российском уголовном процессе / Е. В. Марковичева // Судья. – 2015. – № 7. – С. 24–25.
9. Ожиганова М. В. Досудебное производство по уголовным делам о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних, не являющихся субъектами уголовной ответственности / М. В. Ожиганова. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 200 с.
10. Перепелкин В. И. Тактика допроса и ее нейролингвистические аспекты / В. И. Перепелкин // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2014. – № 3. – 62 с.
11. Сергеев А. П. Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда // Гражданское право: Учебник. Часть II / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М., 1999. – 784 с.
12. Тегюев С. В. Проблемы участия законного представителя в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на предварительном расследовании / Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 95-летию Башкирского государственного университета. Часть I. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 175 с.
13. Черных Э. А. Психологические основы допроса несовершеннолетних на предварительном следствии: дис. ... канд. юр. наук / Э. А. Черных. – М., 1969. – 261 с.
14. Генпрокуратура составила рейтинг субъектов РФ по количеству совершенных подростками преступлений // izvestia.ru: ежедн. интернет-изд. 2017. 31 янв. URL: <http://izvestia.ru/news/660388> (время обращения 10.10.2017).

Poddubniak A. To the question of need of participation of the lawful representative in interrogation of the minor suspect, defendant // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – T. 3 (69). № 1. – P. 176–185.

The article discusses the issue of the need for legal representatives to participate in the interrogation of a minor suspect, accused at the stage of preliminary investigation. Various points of view of scientists are presented and examined with regard to the appropriateness of granting to the rightful representatives of the relevant law. In order to effectively combat juvenile delinquency, the systematic activity of the legislator, scientists and law enforcers, aimed at improving the criminal, criminal procedural, penal enforcement legislation and practice of its application, is of no small importance. The Code of Criminal Procedure of the RSFSR did not provide for the possibility of the participation of a legal representative in the interrogation of a minor, although this issue was actively discussed in Soviet and post-Soviet legal literature. It is also being discussed at the present time. The need for comprehensive and impartial investigation of juvenile criminal cases, implemented through the application of a special approach to the organization of a preliminary investigation in the relevant category of cases, makes the study of this topic urgent.

Keywords: minor suspect / defendant, lawful representative, institute of representation, interrogation of the minor, preliminary investigation.

Spisok literatury

1. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 03.04.2017) – M.: Prospekt, 2017. – 231s.
2. Arakelyan K. A., Shadrin V. S. Problemy zakonno go predstavitel'stva nesovershennoletnih, v otnoshenii kotoryh reshaetsya vopros o vobuzhdenii ugolovno go dela // Kriminalist" № 2 (7). – S.-Pb.: Izd-vo S.-Peterb. yurid. in-ta Akademii Gen. prokuratury RF, 2010. – 35 s.
3. Belkin R. S., Koruhov YU. G., Rossinskaya E. R. Kriminalistika: Uchebnik dlya vuzov / Pod red. R. S. Belkina. – M.: Izd-vo NORMA, 2000. – 990 s.
4. Vasil'chikova N. V. Kriminologiya. Konspektlekcij / N. V. Vasil'chikova, V. V. Kuharuk. – M.: YUrajt-Izdat, 2009. – 144 s.
5. Es'kov I. P. «Istoriya razvitiya instituta doprosa v rossijskom sudoproizvodstve» / I. P. Es'kov // Aktual'nye problemy sovremennogo ugolovno go prava I kriminologii. – 2015. – 278 s.
6. Kvakina A. V. Ponyatie iznachenie doprosa v ugolovno-processual'nom prave RF / A. V. Kvakina // Molodojuchenij. – 2017. – №27. – S. 49–51.
7. Kobcova T. S. Taktika doprosanesovershennoletnih / T.S. Kobcova, S.V. Kuznecova. – M.: EHKzamen, 2004. – 96 s.
8. Markovicheva E.V. Problemy naznacheniya izameny zakonno go predstavitelyanesovershennoletnego v rossijskom ugolovnom processe / E.V. Markovicheva // Sud'ya. – 2015. – №7. – S. 24–25.
9. Ozhiganova M.V. Dosudebnoe proizvodstvo pougolovnym delam o primenenii prinuditel'nyh mer v oshpatatel'nogo vozdeystviya v otnoshenii nesovershennoletnih, ne yavlyayushchihsub"ektami ugolovnoj otvetstvennosti / M. V. Ozhiganova. - M.: YUrlitinform, 2008. – 200 s.
10. Perepelkin V. I. Taktika doprosaeinejrolingvisticheskie aspekty / V. I. Perepelkin // Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ehkonomicheskogo instituta. - 2014. - № 3. – 62 s.
11. Sergeev A. P. Obyazatel'stva, vznikayushchie v sledstvie prichineniya vreda // Grazhdanskoopravo: Uchebnik. CHast' II / Pod red. A. P. Sergeeva, YU. K. Tolstogo. – M., 1999. – 784 s.
12. Tetyuev S. V. Problemy uchastiya zakonno go predstavitelya v doprose nesovershennoletnegopodozrevaemogo, obvinyaemogo napredvaritel'nomrassledovanii Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 95-letiyu Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. CHast' I. - Ufa: RIO BashGU, 2004. – 175 s.
13. CHernyh E.H. A. Psihologicheskie osnovy doprosa nesovershennoletnih napredvaritel'nomsledstvi: dis. ... kand.yur.nauk / E.H. A. CHernyh. – M., 1969. – 261s.
14. Genprokuratura sostavila rejtingsub"ektov RF po kolichestvu sovershennyh podrostkami prestuplenij // izvestia.ru: ezhedn. internet-izd. 2017. 31 yanv. URL: <http://izvestia.ru/news/660388>

УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА ОБЪЕКТОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ПО ФАКТУ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

Суденко В. Е.

*Юридический институт
Московского государственного университета
путей сообщения Императора Николая II*

Рассматриваются особенности следственного осмотра по происшествиям с железнодорожным подвижным составом, железнодорожными путями со стрелками и иными сооружениями. Указаны основания, цели осмотра, формирование следственно-оперативной группы, приглашение специалистов железнодорожного транспорта и иных отраслей, которые могут оказать существенную помощь в установлении обстоятельств происшествия, условий, способствовавших его совершению, мест возможного наличия следов.

Ключевые слова: следователь, следственно-оперативная группа, специалисты, шпалы, рельсы, колесные пары, криминалистические средства.

Среди процессуальных следственных действий, проводимых при расследовании почти любого происшествия, особое значение отводится следственному осмотру места происшествия, который должен проводиться при производстве первоначальных следственных действий по любому преступлению, даже тогда, когда кажется, что нет в этом необходимости. Например, происходит задержание взяткополучателя с поличным. Вроде все ясно, но и в этих случаях следственный осмотр места происшествия необходим, ведь тогда можно получить дополнительные доказательства получения взятки [1, с. 378, 381]. Как правило, только после проведения осмотра места происшествия можно с большой степенью уверенности сделать вывод, что в данном конкретном случае имело место преступление, а не иное деяние. Поэтому законодатель и разрешил проводить данное процессуальное следственное действие – осмотр места происшествия – до возбуждения уголовного дела.

Основанием осмотра места происшествия на железнодорожном транспорте являются обоснованные предположения о возможности обнаружить следы преступления и другие обстоятельства, имеющие отношение к происшествию [3, с. 304]. Цель осмотра – обнаружить следы преступления, изъять предметы, образцы, документы и т. п., имеющие значение для расследования уголовного дела, а также установить причины происшествия и его механизм. Это поможет выдвижению и проверке соответствующих версий и далее полному и своевременному установлению истины по делу.

Осмотр места происшествия следует проводить незамедлительно после получения сигнала о нем. Своевременность осмотра предупредит возможные изменения в обстановке со стороны отдельных лиц или по погодным условиям.

Террористический акт может быть осуществлен не только путем подрыва, но и с использованием тех или иных дефектов, имеющихся на объектах транспортной инфраструктуры, в том числе на подвижном составе, железнодорожных путях, стрелочных переводах, средствах сигнализации и связи. И когда теракт осуществляется без взрыва, то сложно определить, были ли умышленное действие, халатность работников транспорта или что-то иное. Поэтому следует самым тщательным образом исследовать место происшествия для определения его истинной причины.

Следы и вещественные доказательства, подлежащие осмотру при теракте на подвижном железнодорожном транспорте, могут располагаться и на железнодорожном полотне, и по его сторонам, где возможны детали ходовой части подвижного состава, утраченные в результате происшествия, части груза и т. п. И они могут находиться на протяжении значительного расстояния.

Особое внимание уделяется составу следственно-оперативной группы, в которую обязательно включаются специалисты железнодорожного транспорта: инженерно-технические работники локомотивных и вагонных депо, путейцы.

При необходимости привлекаются сотрудники научно-исследовательских, проектных, конструкторских организаций, профильных учебных заведений. Большую помощь в осмотре могут оказать работники органов, осуществляющих надзор за безопасностью движения и эксплуатацией железнодорожного транспорта, путевого хозяйства, энергоснабжения, контроля за контактной сетью, инженерно-технические работники дистанций сигнализации и связи.

При теракте, связанном с мостами, виадуками, тоннелями, к осмотру привлекаются сотрудники и научные работники научно-исследовательских учреждений и вузов транспортной системы, где имеются ученые и специалисты в области мостостроения, инженерно-технических изысканий и т. п. Осмотр места происшествия на железнодорожном транспорте требует от участников осмотра знаний технического, правового, строительного, электротехнического порядка, что влечет обязательное привлечение соответствующих специалистов, которые могут содействовать обнаружению, закреплению и изъятию предметов и документов, собиранию доказательств, их проверке и оценке, постановке вопросов эксперту, проверке и оценке экспертного заключения, разъяснению иных вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Следственный осмотр производится так, чтобы гарантированно выявить возможные дефекты и неисправности подвижного состава, железнодорожного пути, ставшие, возможно, причиной происшествия, либо же оно произошло в результате террористического акта. Для этого при подготовке к осмотру следует установить связь с транспортной полицией, ведомственной комиссией, руководителями восстановительного поезда, ремонтно-восстановительной бригады, которые могут пояснить обстановку в районе происшествия до него и после.

Для эффективного осмотра применяются научно-технические и криминалистические средства. Высокие результаты дает использование лазерного сканера Trimble TX5, позволяющего создавать 3D-модель, по которой можно замерить с точностью до миллиметра любые расстояния и реконструировать событие происшествия.

При осмотре локомотивов и вагонов может возникнуть необходимость проверить внутренние полости вагонной или локомотивной буксы или других замкнутых полостей. Для этого применяется видеоэндоскоп VS70 (Flir Systems Inc. США), оснащенный ручным блоком управления с возможностью поворота зонда камеры диаметром 5,8 мм на 180 градусов в ограниченном пространстве для получения высокого разрешения видеоизображения на цветном ЖК-дисплее. Незаменим видеоэндоскоп для решения экспертных задач, когда доступ к следам и объектам ограничен, но требуется значимая диагностическая, ситуационная и идентификационная информация.

Обязательному осмотру подлежат следующие объекты:

- для установления принимаемых машинистом мер по остановке поезда: приборы управления локомотивом, приборы, указывающие скорость локомотива, приборы сигнализации и фиксации действий машиниста;
- на локомотиве все тормозные колодки, на вагонах – выборочно для определения их исправности, применения для торможения, исправности тормозов;
- стоп-краны локомотива и вагонов, концевые краны состава для определения включения автотормоза, применения экстренного торможения;
- участки железнодорожного пути до места происшествия, на месте происшествия и те, на которых уже ведутся ремонтно-восстановительные работы для установления изменений, которые произошли во время указанных работ, чтобы учитывать это при расследовании происшествия.

Последовательность производства осмотра места происшествия определяется характером происшествия, а именно: произошло ли оно по причине схода поезда с рельсов в результате теракта или при столкновении поездов, которые случились из-за вмешательства в систему сигнализации, связи, автоматизации перевода стрелок. В первом случае особо тщательному осмотру подлежат сам путь, путевые устройства и сооружения, стрелочные переводы, рельсовые крестовины, а на локомотивах и вагонах – бандажи и ободы колесных пар, которые первыми сошли с рельсов, их конструктивные размеры, наличие «ползунов». При осмотре пути выявляются следы от посторонних предметов на рельсах, определяется состояние рельсов (имеется ли на них ржавчина, трещины), шпал, грунта насыпи – всего, что могло вызвать сбой в работе средств сигнализации, централизации, блокировки и привести к происшествию.

Следственный осмотр подвижного состава начинается с отработки причины схода с рельсов, то есть с проверки: как тот или иной фактор или предмет повлиял или мог повлиять на ходовую часть подвижного состава (на колесные пары, на оси, ступицы, бандажи и ободья цельнокатанных колес и их гребней). Обращается внимание на глубину проката бандажа или обода колеса, который не должен превышать 7 мм для пассажирских поездов дальнего следования, 8 мм – для пригородных поездов и 9 мм для грузовых поездов. Выявляется наличие «наваров» на поверхности катания колеса, которое появилось вследствие перемещения частичек металла в связи с наличием ползуна, сдвига или ослабления ступиц колес. При сдвигании колеса к середине оси в месте ее сопряжения со ступицей возможна кольцевая трещина краски с наличием содранного слоя, а на обращенной к буксе стороне колеса на оси рядом со ступицей образуется кольцевая полоска, резко отличающаяся от соседней с нею поверхности.

Если колесо сдвинулось в сторону буксы, такая полоска возможна возле торца ступицы, обращенной к середине оси, и появление неокрашенной полоски, трещин слоя краски, смазки, ржавчины говорят об ослаблении ступицы колеса на оси. На это указывает и сдвиг контрольных рисок, наносимых масляной краской в местах сопряжения ступицы с осью. Подтверждает сдвиг ступицы колеса на оси замер расстояния между внутренними гранями бандажей или ободьев колес, который должен быть не больше 1443 мм и не меньше 1437 мм у колесных пар поездов с разрешенной скоростью до 120 км в час. Проверяется, не произошло ли ослабление бандажного крепительного кольца, которое допустимо суммарной длиной не более 600 мм, либо его ослабление, расположенное в пределах не больше 100 мм от замка, независимо от длины. Все это необходимо для установления причины происшествия: не указанные ли неисправности и изменения в колесных парах повлекли происшествие, или же они появились в результате принудительного воздействия.

Для целей расследования используются результаты расшифровки скоростемерной ленты, фиксирующей скорость до и во время происшествия, давление воздуха в тормозной магистрали, время отправления с последней остановки и между отдельными точками движения, время и точку резкого изменения движения. Иногда по ленте можно определить, какой вагон или локомотив сошел с рельсов первым, а это позволит определить непосредственно место теракта.

При осмотре рельсов особое внимание уделяется их изогнутости по горизонтали и вертикали, наличию следов трения бандажей и ободьев цельнокатаных колес на головке рельсов, следам ударов на головках, шейках и подошвах рельсов от сошедших с них колес, наличие, достаточность и работоспособность противоугонов и их видам. При обнаружении изломанных рельсов фиксируют их маркировку, проставленную на торцах и шейках, тип, место изготовления, время укладки в путь, наличие признаков остродефектности (трещины, отколы в головке, шейке, подошве, вокруг болтовых отверстий). Осматриваются прилегающие участки пути и его состояние на предмет определения качества обслуживания рельсового хозяйства и его общего состояния.

Необходимо осматривать поврежденные шпалы с целью определения их состояния до происшествия, а также выявляются имеющиеся дефекты, которые могли стать его причиной. Тщательно осматриваются другие шпалы в обоих направлениях от данного места, определяется их наличие, количество, расстояния между шпалами, шпальные вкладыши на наличие в них дефектов, способных вызвать уширение рельсовой колеи, отбой рельсовых нитей и общее расстройство пути; осмотр креплений, их достаточную обеспеченность, состояние, целостность подкладок и накладок, наличие парно лопнувших накладок, состояние и количество болтов, костылей, шурупов. Если во время осмотра выявлены сдвинутые и выкантованные шпалы, то надо определить, явилось ли это следствием эксплуатации или принудительного воздействия.

Особое внимание уделяется осмотру стрелочных переводов в целях выявления возможных изломов остряков, рамных рельсов, крестовин и их сердечника и усювиков; нет ли разрывов контррельсовых болтов, не разъединены ли стрелочные остряки, плотность их прилегания к рамному рельсу, наличие на них сколов,

выкрашивания металла, понижения против рамного рельса. Измеряется расстояние между рабочей гранью головки контррельса и усовика и рабочим кантом сердечника крестовины; устанавливается возможный вертикальный износ рамных рельсов и сердечников крестовины выше допустимого. Выявляются уширения и грубые перекосы на стрелочном переводе и углы переходной кривой, отклонения от требуемого положения передвижных частей стрелочного перевода, которые могли привести к взрезу стрелки.

Важнейшая особенность осмотра – фиксация процесса и результатов этого следственного действия. Подробный протокол осмотра – обязательное и важное следственное действие. Кроме протокола, составляются схемы, планы, применяются фото- и видеосъемка, которые наиболее эффективно фиксируют не только результаты, но и сам процесс осмотра в динамике. Применение при осмотре видеозаписи позволяет получить непрерывное видеоизображение панорамы с соседними зданиями и сооружениями с одновременным увеличением масштаба, некоторых участков железнодорожного полотна, отдельных предметов и следов (торможения, движения транспортного средства юзом), следов на бандажах и ободьях колес, приборы и другие устройства кабины машиниста или водителя и их показаниями, то есть все, что может понадобиться при расследовании уголовного дела.

Говоря об «изъятии» обнаруженных на месте происшествия предметов, документов, образцов, отметим, что данный термин не определен в УПК, это действие не предусмотрено как самостоятельное следственное действие, хотя оно постоянно применяется на практике, а законодатель широко применяет этот термин. Изъятие не только возможно, но и применяется при производстве самых различных следственных действий. Мы поддерживаем мнение А. Р. Белкина о дополнении УПК статьей 164¹ – «Изъятие предметов, документов, образцов» [5, с. 10], определяющей, что «изъятие представляет собой действие, производимое в ходе следственных действий в целях последующего осмотра и исследования изымаемых предметов, документов, образцов, а также для их сохранности» [5]. Изъятие возможно при осмотре места происшествия и других следственных действиях.

По большинству происшествий с железнодорожным транспортом назначаются те или иные экспертизы по установлению причин происшествия, относимости тех или иных предметов, деталей, неисправностей и дефектов к происшествию и т. п. Однако этот вопрос не входит в тему наших рассуждений.

Список литературы:

1. Суденко В. Е. Криминалистика: Учебник. – Пятигорск, 2008. – 576 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ. – М., 2017. – Ст. 176.
3. Торбин Ю. Г. Комментарий к УПК РФ / Сухарев А. Я., ред. – М.: Норма, 2004. 346 с.
4. Кодекс об административных правонарушениях РФ. М., 2015. – Статьи 27.9–27.10, 27.12.
5. Белкин А. Р. УПК РФ: конструктивная критика и возможные улучшения. Часть IX. Следственные действия. – М.: МГУПИ, 2015. – 80 с.
6. Гапеев В. И., Пищик Ф. П., Егоренко В. И. Безопасность движения на железнодорожном транспорте. – Минск: Полымя, 1999. – 365 с.
7. Долицкий Е. А. Расследование крушений и аварий на железнодорожном транспорте. – М., 2009. – 321 с.

8. Положение о классификации, порядке расследования и учета транспортных происшествий и иных событий, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта от 18.12.2014 г. URL : <http://base.garant.ru/70878628/#friends#ixzz4B5vwsnDL> (дата обращения 3.09.2017).
9. Положение о порядке служебного расследования и учета транспортных происшествий и иных, связанных с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта, событий. Рос. газета. 7 февраля 2007 г.

Sudenko, V. E. Features of inspection of objects of railway transport in fact a terrorist act // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 185–190.

Discusses the features of the investigative inspection by the accidents to the railway rolling stock, railway roznymi ways arrow and other structures. The grounds, purpose of the inspection, the formation of investigative groups, the invitation of specialists of railway transport and other industries that can provide substantial assistance in establishing the circumstances of the accident, conditions that contributed to its Commission, areas of possible presence of traces.

Key words: investigator, investigative team, experts, sleepers, rails, wheel sets, forensic tools.

Spisok literaturyi:

1. Sudenko V. E. Kriminalistika: Uchebnik. – Pyatigorsk, 2008. – 576 s.
2. Uголовно-протсещуалный кодекс РФ. – М., 2017. Ст. 176.
3. Torbin Yu. G. Kommentariy k UPK RF / Suharev A. Ya., red. М.: Norma, 2004. 346 s.
4. Kodeks ob administrativnyih pravonarusheniyah RF. М., 2015. Stati 27.9–27.10, 27.12.
5. Belkin A. R. UPK RF: konstruktivnaya kritika i vozmozhnyie uluchsheniya. Chast IX. Sledstvennyie deystviya. М.: MGUPI, 2015. 80 s.
6. Gapeev V. I., Pischik F. P., Egorenko V. I. Bezopasnost dvizheniya na zheleznodorozhnom transporte. Minsk: Polyimya, 1999. 365 s.
7. Dolitskiy E. A. Rassledovanie krusheniy i avariy na zheleznodorozhnom transporte. М., 2009. 321 s.
8. Polozhenie o klassifikatsii, poryadke rassledovaniya i ucheta transportnyih proisshestviy i inyih sobyitiy, svyazannyih s narusheniem pravil bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii zheleznodorozhnogo transporta ot 18.12.2014 g. URL : <http://base.garant.ru/70878628/#friends#ixzz4B5vwsnDL>
9. Polozhenie o poryadke sluzhebnoo rassledovaniya i ucheta transportnyih proisshestviy i inyih, svyazannyih s narusheniem pravil bezopasnosti dvizheniya i ekspluatatsii zheleznodorozhnogo transporta, sobyitiy. Ros. gazeta. 7 fevralya 2007 g.

УДК 343.983

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Чернецкий О. К.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Особенность следственного эксперимента заключается в том, что во время его осуществления проводятся опытные действия с целью проверки и уточнения информации, получения новых обстоятельств преступления. Исследование познавательной природы следственного эксперимента нуждается в выделении и определенном анализе тактических приемов. Именно от качества разработанных криминалистикой тактических приемов осуществления отдельных следственных действий зависит прежде всего повышение эффективности деятельности следственных органов. Положение концепции тактического приема как элемента криминалистической тактики в рамках исследования тактики следственного эксперимента применялась фрагментарно, хотя использование этой концепции является необходимым условием разработки тактических приемов исследуемой нами проблемы следственного действия. При выделении и исследовании тактических приемов следственного эксперимента необходимо выходить с других соображений, а именно из системно-структурных. Тактические приемы следственного эксперимента необходимо рассматривать в неразрывном единстве со следственной ситуацией, тактическим решением, тактическим риском, тактической задачей. На основании изложенного выскажем свои соображения по этому поводу.

Ключевые слова: следственный эксперимент, следственные действия, тактика следственных действий, тактические приемы.

В теории криминалистики следственный эксперимент рассматривается как одно из наиболее сложных процессуальных действий. Особенность следственного эксперимента заключается в том, что во время его осуществления проводятся опытные (экспериментальные) действия с целью проверки и уточнения информации и получения новых обстоятельств преступления.

Исследование познавательной природы следственного эксперимента нуждается в выделении и определенном анализе тактических приемов. Именно от качества разработанных криминалистикой тактических приемов осуществления отдельных следственных действий зависит прежде всего повышение эффективности деятельности следственных органов.

Положение концепции тактического приема как элемента криминалистической тактики в рамках исследования тактики следственного эксперимента применялось фрагментарно, хотя использование этой концепции является необходимым условием разработки тактических приемов исследуемого нами следственного действия.

На сегодня много теоретических и практических вопросов в этой сфере остаются нерешенными и дискуссионными, что в свою очередь отрицательно сказывается на эффективности деятельности следователей в раскрытии и расследовании ими преступлений. В частности, сегодня остается

недостаточно разработанной тактика следственного эксперимента, которая предусматривает выделение и предложение тактических приемов данного следственного действия. Тактические приемы следственного эксперимента подменяются условиями, принципами или средствами организации и подготовки к нему. Кроме этого, следует отметить, что в криминалистической литературе называются лишь отдельные тактические приемы следственного эксперимента [1, с. 19–105; 2, с. 287–290; 3, с. 231–235; 4, с. 410; 5, с. 226–229].

Следственной практикой и теорией криминалистики произведен целый ряд тактических приемов, которые позволяют провести следственный эксперимент с максимальной эффективностью. В частности, Р. С. Белкин отмечает, что тактическим приемом является реконструкция [6, с. 187]. В других литературных источниках Р. С. Белкин к тактическим приемам следственного эксперимента относит: 1) проведение эксперимента в то же время года, когда условия освещения и другие факторы максимально похожие с теми, в которых имело место исследуемое явление; 2) проведение эксперимента на том самом месте; 3) схожесть климатических условий исходного и экспериментального события; 4) проведение опытов в тех же условиях искусственного освещения; 5) реконструкция обстановки; 6) использование похожих или действительных предметов; 7) схожесть темпа осуществляемых опытов; 8) схожесть звуковых условий; 9) учет условий, которые изменились [1, с. 81; 7, с. 48–59]. В других источниках Р. С. Белкин выделяет: ограниченный круг участников; максимальную схожесть условий проведения; многоразовость проведения; проведение опытов в несколько этапов [8, с. 77–90].

В. Е. Коновалова отмечает, что тактическими правилами есть: 1) следственный эксперимент нужно проводить в условиях и обстановке, максимально приближенных к тем, в которых состоялось событие. С этой целью при воспроизведении обстановки используются протокол места происшествия, фотоснимки, чертежи, показания свидетелей и обвиняемых; 2) следственный эксперимент желательно проводить на том же месте, где произошло событие, которое проверяют. Если факт, который проверяют, тесно связан с местом события или с условиями этого места, то следственный эксперимент, как правило, проводится на этом месте; 3) следственный эксперимент должен проводиться в то же время, в котором состоялось событие, что проверяют, с целью создания аналогичных условий восприятия, видимости, что обеспечивает объективность результатов эксперимента; 4) для проведения следственного эксперимента нужно использовать те же орудия и средства, которые применялись при событии преступления, или однородные предметы и орудия; 5) после воспроизведения обстановки участников надо расположить именно так, как они об этом сообщили, а понятых поставить в место проведения опытов и на точки наблюдения; 6) опыты необходимо повторять несколько раз, меняя условия эксперимента [9, с. 147–148]. По мнению М. А. Сенчика, к тактическим приемам (условий) принадлежат: 1) четкое определение участников (разъяснение обязательности участия некоторых из них); 2) тактические приемы обеспечения схожести экспериментальных действий с действиями, которые исследуются (по смыслу, обстановке), а именно: в проведении опытов на том же месте, в то же самое время времени, в тех самых климатических и звуковых условиях; в реконструкции обстановки; в учете условий, которые не

подлежат реконструкции; в использовании тех же предметов; в схожести темпа экспериментальных и исследуемых действий; 3) неоднократность проведения опытов; 4) проведение опытов несколькими этапами [10, с. 208–213]. А. Н. Гусаков, А. А. Филющенко в качестве тактических приемов проведения следственного эксперимента предлагают рассмотреть максимальную похожесть условий проведения следственного эксперимента с условиями, в которых произошло событие; неоднократное проведение опытов; проведение следственного эксперимента поэтапно [11, с. 56]. В. П. Колмаков среди тактических приемов отмечает следующие: максимальная схожесть условий, которая достигается путем воспроизведения обстановки, места, времени; повторяемость опытов и изменение условий их проведения [12, с. 44–45]. В. Я. Колдин среди тактических приемов отмечает максимальную приближенность условий, места, времени, обстановки; использование подлинных предметов; повторяемость опытов в специально измененных условиях [13, с. 325–327]. Ф. В. Глазырин, А. П. Кругликов в качестве тактических условий выделяют следующие: проведение в максимально похожих условиях с событием; выполнение необходимых опытных действий, максимально похожих с теми, что и при наступлении события; установление порядка и последовательности отдельных этапов проведения эксперимента; неоднократность проведения опытов [14, с. 32]. В. П. Колмаков, Л. Е. Ароцкер в качестве криминалистических условий проведения следственного эксперимента называет: 1) проведение эксперимента на том же самом месте; 2) проведение эксперимента в то же время года; 3) использование похожих или действительных предметов, вещевых доказательств; 4) повторяемость опытов; 5) учет условий, которые изменились [15, с. 27–31].

Некоторые представленные позиции вызывают возражение, а некоторые из них носят дискуссионный характер и нуждаются в определенном уточнении. Так, вызывает определенное возражение отнесения к тактическим приемам – максимально похожие условия, обстановка, время и др.; использование похожих или действительных предметов; установление порядка и последовательности отдельных этапов проведения эксперимента; неоднократность проведения опытов и прочие. По нашему мнению, предложенные тактические приемы следственного эксперимента подменяются условиями, принципами или особенностями организации и подготовки к нему. Кроме этого, вызывают возражение указания в качестве тактического приема – «реконструкция обстановки». Мы убеждены, что реконструкцию обстановки необходимо рассматривать как определенный путь (средство, вид, вариант) создание условий для проведения следственного эксперимента.

По мнению М. П. Яблокова существуют основные тактические приемы следственного эксперимента, которые разработаны криминалистикой. К таким он относит следующее: 1) исследовательские действия необходимо проводить в соответствии с разработанным планом в сохраненной первоначальной или надлежащим образом реконструированной обстановке, в подмеченной последовательности; 2) опыты целесообразно повторять; 3) при определяющем значении в опытах фактора времени испытания проводятся в необходимом темпе; 4) при необходимости опыты должны проводиться в несколько этапов [5, с. 227, 228]. В связи с этим нужно согласиться с В. Ю. Шепитько, который отмечает, что

предлагаемые приемы отличаются своим рекомендательным характером и отображают не сущность образа действия, а возможность определенного организационного порядка или условий проведения следственного действия. При этом определяется не содержание приема, а необходимость проведения или необходимость исследования [16, с. 10].

В. М. Стратонов к тактическим приемам экспериментальных действий относит: четкое определение участников или обеспечение тождественности экспериментальных действий с действиями, которые исследуются (местом, обстановкой) [17, с. 10]. Представленная позиция нуждается в определенном уточнении. Так, четкое определение участников – это организационная рекомендация, а не тактический прием. Относительно же обеспечения тождественности экспериментальных действий возможно лишь говорить о максимальной схожести.

Более четко определяет тактические приемы следственного эксперимента С. Ф. Шумилин, среди которых называет: 1) повторение опытных действий в тех самых условиях; 2) повторение опытных действий в измененных условиях; 3) воспроизведение «контрольных» действий при участии дублеров; 4) расчленение опытных действий на этапы [4, с. 410].

В специальной литературе встречаются и другие соображения. Так, А. Н. Васильев отмечает, что при проведении следственного эксперимента применяются такие тактические приемы, как формирование психологического контакта следователя с участниками, криминалистический анализ показаний и предоставления помощи лицам, которые дают показания. Из тактических средств в организации планомерного расследования применяются планирование, мобилизация и расстановки сил и организация исследования материальной обстановки. По его мнению, если следственный эксперимент связан с исследованием материальной обстановки, то необходимо учитывать следующие особенности применения тактических приемов: 1) максимальная приближенность обстановки (местности, помещения); 2) использование тех же предметов; повторяемость опытов; 3) использование разных вариантов проведения опытов; 4) точное фиксирование результатов опытных действий [18, с. 33–35].

Отдельные ученые тактические приемы именуют криминалистическими условиями, под которыми понимают технические и методические приемы воспроизведения наиболее точной обстановки исследуемого события, непосредственно проведение опытов и фиксации их результатов. Так, В. П. Колмаков отмечает следующие: 1) следственный эксперимент должен проводиться на том же месте, где состоялось воспроизводимое событие; 2) следственный эксперимент должен проводиться в то же время года, что и воспроизводимое событие; 3) при проведении следственного эксперимента применяются орудия, средства, вещевые доказательства, предметы, с помощью которых было совершено воспроизводимое событие; 4) следственный эксперимент необходимо проводить путем повторения опытов и изменения условий проведения; 5) следователь должен учитывать обстановку проведения следственного эксперимента, если она изменилась [15, с. 27–31]. Некоторые ученые отмечают, что во время проведения следственного эксперимента должны соблюдаться следующие тактические положения (отдельные принципы):

максимальная приближенность условий проведения следственного эксперимента, места и времени, что и при наступлении события; использование объектов и предметов; неоднократное проведение опытов; при повторении опытов важно их проводить в разных вариациях и при измененных условиях [19, с. 308].

Д. А. Турчин, И. С. Чижиков рассматривают вопрос о проведении следственного эксперимента в полевых условиях. Они предлагают следующие тактические приемы: аналогичность обстановки; соблюдение условий (о месте, времени и т. п.). По их мнению, реконструировать обстановку места проведения следственного эксперимента в полевых условиях достаточно тяжело в силу атмосферных, климатических условий. Поэтому реконструировать обстановку возможно лишь приблизительно, при этом необходимо использовать похожие предметы, средства освещения и т. д. [20, с. 118–122]

Отдельные ученые выделяют общетактические рекомендации проведения следственного эксперимента. В частности, Ю. П. Голдованский отмечает, что при проведении следственного эксперимента должны выполняться общетактические рекомендации. Автор выделяет следующие: максимально приближенные условия (место, время суток, погодные условия); использование тех же средств и предметов, которые были использованы при совершении преступления; повторяемость опытных действий [21, с. 25–28]. Н. И. Гуковская отмечает общетактические правила, которые присущи следственному эксперименту, а именно: максимальная приближенность условий проведения следственного эксперимента с условиями, в которых происходило событие; использование предметов и орудий, которые связаны с событием; неоднократное проведение опытов в разных вариациях и при измененных условиях [22, с. 20–33]. Некоторые ученые-криминалисты отмечают следующие: а) ограниченное количество участников следственного эксперимента; б) максимальная схожесть условий проведения следственного эксперимента с условиями, при которых было совершено преступление; в) многообразие проведения однородных опытов; г) проведение опытных действий в условиях, которые меняются; д) соответствие профессиональных качеств лица, которое осуществляет опыты, профессиональным качествам непосредственного участника исследуемого события; е) обеспечение безопасности участников следственного действия [23, с. 57].

В специальной литературе делались попытки выделения тактических приемов следственного эксперимента при расследовании отдельных преступлений или определенных групп преступлений. Так, В. В. Семенов рассматривает следственный эксперимент при расследовании убийств, скрытых инсценировками. По его мнению, проведение следственного эксперимента будет содействовать изобличению инсценировки как средства сокрытия убийства. Наиболее широко следственный эксперимент применяется в тех случаях, когда необходимо установить возможность осуществления определенных действий тем или другим лицом, а также соответствующим путем или средством [24, с. 118–124]. А. Н. Халиков при рассмотрении должностных преступлений в качестве тактических приемов предлагает: многообразие проведения опытных действий, максимальное воспроизведение или приближенность условий и обстановки проведения следственного эксперимента (времени, места, погоды, времени суток и

т. п.) [25, с. 254–269; 26, с. 163–165].

В специальной литературе делались попытки исследования тактики отдельных видов следственного эксперимента. Ведь необходимо заметить, что тактика следственного эксперимента определяется целью, видом и содержанием опытных действий. В специальной литературе выделяются определенные виды следственного эксперимента. Так, Р. С. Белкин выделяет: 1) явления по установлению возможности восприятия того или иного факта; 2) по установлению возможности осуществить определенные действия; 3) по установлению возможности существования того или иного явления; 4) по установлению отдельных данных механизма события в целом или его деталей; 5) по установлению процесса возникновения определенных следов события; 6) по установлению или отсутствию профессиональных или преступных навыков [1, с. 5]. Н. И. Гуковская выделяет следующие: а) возможность слышать; б) возможность видеть; в) возможность выполнить какие-либо действия; г) возможность осуществить определенные действия за соответствующий промежуток времени; д) специальные или профессиональные навыки конкретного лица; д) каким образом состоялось событие или отдельные его обстоятельства [22, с. 53]. Некоторые ученые отмечают следующие виды: 1) по установлению возможности восприятия того или иного факта, явления (увидеть, услышать и т. д.); 2) по установлению возможности осуществить определенные действия (пронести, пробежать и т. п.); 3) по установлению возможности осуществить определенные действия за определенный промежуток времени (проплыть); 4) по установлению возможности осуществления определенного явления; 5) по установлению отдельных данных механизма события [23, с. 57]. Другие ученые отмечают, что наиболее часто следственный эксперимент проводится с целью: 1) возможности видеть; 2) возможности слышать; 3) изучение места совершения определенных действий; 4) возможности проникнуть через определенное отверстие; 5) позиции пострадавшего; 6) места и положения потерпевшего или стреляющего; 7) расстояния, с которого был сделан выстрел; 8) результатов определенных действий; 9) возможности возгорания за определенное время и при определенных условиях; 10) возможности осуществления каких-либо действий за определенный промежуток времени; 11) каким орудием оставлены следы; 12) возможности поднять свидетелем или обвиненным определенного груза; 13) установление в некоторых случаях способности определенного лица к выполнению определенных профессиональных действий [15, с. 14–22]. В частности, В. Н. Чулахов предлагает проведение следственного эксперимента по выявлению навыков лица. По его мнению, необходимо использовать аналогичные средства, предметы. Также автор отмечает, что в случае умышленной демонстрации невозможности определенных навыков проверка осуществляется с помощью других следственных действий [27, с. 138–141]. Представленная позиция вызывает определенное возражение. По нашему мнению, в случае умышленной демонстрации невозможности определенных навыков проверка в некоторых случаях может осуществляться с помощью других лиц.

В специальной литературе встречается мысль о выделении так называемого тактического эксперимента, который проводится для установления осведомленности лица о фактах, интересующих следствие. М. В. Салтевский пишет, что тактический эксперимент – это тактическая операция, разработка теоретических

основ и практического применения которой являются необходимыми [3, с. 234–235]. Он к тактическим приемам относит следующее: 1) опыты должны проводиться в максимально приближенных условиях обстановки, места и времени; 2) использование тех же или таких же объектов; 3) неоднократное повторение опытов; 4) изменение условий проведения опытов [28, с. 284–285]. С таким утверждением тяжело согласиться. Конструирование следственного эксперимента является сомнительным, поскольку любой вид следственного эксперимента имеет определенную тактику и предусматривает использование разных тактических приемов. Кроме этого, отсутствует логика и в отнесении тактического эксперимента к разному виду тактических операций. Поэтому в таком случае мы не ограничиваемся опытами, а проводим и другие оперативно-розыскные, следственные мероприятия [16, с. 11].

Можно согласиться с представленной позицией о разграничении тактических условий и тактических приемов проведения следственного эксперимента. Тактические приемы следственного эксперимента – это наиболее рациональный, эффективный, научно обусловленный способ действия лица в определенных тактических условиях. Вместе с тем представленная позиция нуждается в определенном уточнении. В частности, считаем, что избрание похожих климатических условий, использование тех же предметов, механизмов, материалов, использование макетирования и похожих предметов (муляжей) касается тактических условий проведения следственного эксперимента. В данном случае необходимо разграничивать тактические приемы и условия, которые обеспечивают объективность результатов следственного эксперимента. Относительно же предупреждение о недопустимости разглашения результатов следственного эксперимента – выбор объема информации, которая сообщается о следственном эксперименте его участниками, этот вопрос, по нашему мнению, – определение тактической целесообразности.

Однако проведенный анализ представленных позиций безусловно имеет научное и практическое значение и является основой при формировании и применении тактических приемов при проведении следственного эксперимента. Вместе с тем предложенные в криминалистической литературе тактические приемы следственного эксперимента в большинстве своем принципиальных расхождений не содержат, некоторые из них носят дискуссионный характер и имеют определенные неточности и противоречия.

Мы считаем, что при выделении и исследовании тактических приемов следственного эксперимента необходимо выходить с кое-каких других соображений, а именно из системно-структурных. Мы убеждены, что тактические приемы следственного эксперимента необходимо рассматривать в неразрывном единстве со следственной ситуацией, тактическим решением, тактическим риском, тактической задачей. Итак, на основании изложенного выскажем свои соображения по этому поводу.

Мы разграничиваем тактические условия и тактические приемы. К тактическим условиям необходимо отнести: 1) максимальную приближенность условий проведения следственного эксперимента. Речь идет о том, что экспериментальные действия необходимо проводить на том же месте, в то же самое время, в тех же климатических и звуковых условиях; с использованием тех же предметов, объектов

и вещевых доказательств или с использованием макетирования и похожих предметов (муляжей); с учетом измененных или тяжело реконструированных условий или условий, которые не подлежат реконструкции; 2) многократность проведения однородных опытов в разных вариантах при измененных условиях; 3) проведение опытов в несколько этапов; 4) выбор похожего с темпом реального события темпа опытов, которые проводятся; 5) соблюдение тех же характеристик действий, которые имели место в процессе совершения преступления и содержания опытных действий;

Целесообразным является обособление тактических приемов следственного эксперимента.

Тактическими приемами следственного эксперимента являются: 1) проведение опытных действий с каждым лицом отдельно; 2) проведение опытных действий на месте события; 3) проведение (демонстрация) опытных действий в присутствии заинтересованных лиц (подозреваемого, пострадавшего, свидетеля); 4) согласование рассказа с демонстрацией опытных действий; 5) проведение и демонстрация опытных действий незаинтересованным лицом; 6) проведение и демонстрация опытных действий заинтересованным лицом (подозреваемым, пострадавшим, свидетелем); 7) привлечение к опытным действиям лица с определенными профессиональными навыками; 8) проведение опытных действий в определенной последовательности (от самого сложного к наименее или наоборот); 9) проведение более сложных экспериментальных действий, чем имели место раньше; 10) проведение менее сложных опытных действий, чем имели место раньше; 11) повторяемость опытных действий без изменения условий, но при изменении других факторов. Указанные тактические приемы имеют высокий уровень общности, выделение которых, по нашему мнению, есть базой для разработки систем тактических приемов отдельных видов следственного эксперимента и конкретных тактических приемов в определенных следственных ситуациях.

Таким образом, тактические приемы следственного эксперимента – это наиболее рациональный, эффективный, научно обусловленный способ действия лица в определенных тактических условиях. Выделение тактических приемов, по нашему мнению, есть базой для разработки систем тактических приемов отдельных видов следственного эксперимента и конкретных тактических приемов в определенных следственных ситуациях. При выделении и исследовании тактических приемов следственного эксперимента необходимо выходить из системно-структурных соображений. По нашему убеждению, тактические приемы следственного эксперимента необходимо рассматривать в неразрывном единстве со следственной ситуацией, тактическим решением, тактическим риском, тактической задачей.

Список литературы:

1. Белкин Р. С. Теория и практика следственного эксперимента [Текст] / Белкин Р. С.; Под общ. ред.: Винберг А. И. – М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1959. – С. 79–105.
2. Зотов Б. Л., Смыслов В. И. Тактика следственного эксперимента [Текст] // Криминалистика: Учебник / Под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 287–290.
3. Салтевский М. В. Криминалистика [Текст]: Учебник: в 2 ч. Ч. 2. – Х.: Консвл. 2001. – С. 231–235.
4. Шумилин С. Ф. Следственный эксперимент [Текст] // Руководство по расследованию преступлений: Учеб. пособие. – М.: НОРМА (Изд. группа НОРМА-ИНФРА-М), 2002. – С. 410.
5. Яблоков Н. П. Криминалистика [Текст]: Учебник. – М.: ЛексЭст, 2003. – С. 226–229.

6. Белкин Р. С. Очерки криминалистической тактики [Текст]: Учеб. пособие. – Волгоград, ВСШ МВД России, 1993. – С. 187.
7. Белкин Р. С., Белкин А. Р. Эксперимент в уголовном судопроизводстве. – М.: ИНФРАМ-НОРМА, 1997. – С. 48–59.
8. Белкин Р. С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике [Текст]. — М.: Юрид. лит., 1964. – С. 77–90.
9. Настольная книга следователя [Текст]: Научно-практическое издание для следователей и дознавателей / Н. И. Панов, В. Ю. Шепитько, В. Е. Коновалова и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – К.: Ин Юре, 2007. – С. 147–148.
10. Советская криминалистика. Криминалистическая техника и следственная тактика [Текст] / Под ред. В.П. Колмакова. – К.: Высшая школа, 1973. – С. 208–213.
11. Гусаков А. Н., Филюшенко А. А. Следственная тактика (в вопросах и ответах) [Текст]: Учеб. пособ. – Свердловск: Изд-во Урал ун-та, 1991. – С. 56.
12. Колмаков В. П. Тактика производства следственного осмотра и следственного эксперимента [Текст]. – Х.: Изд-во Харьковского Государственного университета им. А. М. Горького, 1956. – С. 44–45.
13. Криминалистика [Текст] / под ред. А. Н. Васильева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – С. 325–327.
14. Глазырин Ф. В., Кругликов А. П. Следственный эксперимент [Текст]: Учеб. пособие / Отв. ред. Р. С. Белкин. – Волгоград: Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел, 1981. – С. 32.
15. Колмаков В. П., Ароцкер Л. Е. Следственный эксперимент на предварительном следствии [Текст]: Метод. пособ. // Под ред. проф. Н. Н. Бокариуса. – Х., 1949. – С. 27–31.
16. Шепитько В. Ю. Воспроизведение обстановки и обстоятельств события: сущность, содержание, тактика [Текст] // Следственная практика Украины. – Вып. 7. – Х., 2009. – С. 10.
17. Стратонов В. М. Воспроизведение обстановки и обстоятельств события как метод познания во время расследования преступлений [Текст]: Автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Нац. юрид. акад. Украины. – Х., 2001. – С. 10.
18. Васильев А. Н. Тактика отдельных следственных действий [Текст]. – М.: Юрид. лит., 1981. – С. 33–35.
19. Биленчук П. Д., Лисиченко В. К., Клименко Н. И. Криминалистика [Текст]: Учебник / Под ред. П. Д. Биленчука. – 2-е изд., испр. и доп. – К.: Атака, 2001. – С. 308.
20. Турчин Д. А., Чижииков И. С. Полевая криминалистика и ее практическое изменение [Текст]: Науч.-практ. пособ. / Под ред. Е. П. Ищенко. – М.: Юрлитинформ, 2006. – С. 118–122.
21. Следственная тактика [Текст]: Учеб. пособ. – М.: Изд-во Всесоюз. юрид. заоч. института, 1982. – С. 25–28.
22. Гуковская Н. И. Следственный эксперимент [Текст]: Пособие для следователя. – М.: Гос. изд-во юридической литературы, 1958. – С. 20–33.
23. Гаврилин Ю. В., Победкин А. В., Яшин В. Н. Следственные действия [Текст]. Учеб. пособ. – М.: МосУ МВД России, Книжный мир, 2006. – С. 57.
24. Семенов В. В. Расследование убийств, скрытых инсценировками [Текст]: Монография. – Х.: СПДФО Вапнярчук Н. М., 2006. – С. 118–124.
25. Халиков А. Н. Следственные действия по делам о должностных преступлениях: система, характеристика, тактика [Текст]. – М.: Юрлитинформ, 2008. – С. 254–259.
26. Халиков А. Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов [Текст]. – М.: Юрлитинформ, 2006. – С. 163–165.
27. Чулахов В. Н. Криминалистическое исследование навыков и привычек [Текст] / Под ред. Е. Р. Россинской. – М.: Юрлитинформ, 2004. – С. 138–141.
28. Специализированный курс криминалистики [Текст]: Учебник. – Киев: НИИРИО Киевской высшей школы МВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского, 1987. – С. 284–285.

Chernetskii O. Tactics of investigative experiment // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 191–201.

Feature investigative experiment is that during its implementation are conducted by experienced and actions, to verify and clarify information and new circumstances of the crime. The study of the cognitive nature of the investigative experiment requires the isolation and analysis of specific tactics. It is the quality was developed by criminalistics tactical methods of execution of certain investigative actions depends, above all, improving the efficiency of the activities of the investigating authorities. The position of the concept of tactic as an element of criminalistics tactics in the study of the tactics of an investigative experiment was used in fragments, although the use of this concept is essential to the development of tactics we studied investigations. When the isolation and study of tactics investigative experiment you must come up with some

other reasons, namely systemic-structural. Tactics investigative experiment should be considered in indissoluble unity with the investigative situation, tactical decision, tactical risk tactical tasks. Based on the above will Express their views on this issue.

Key words: experiment, investigation, investigations, tactics of investigative actions tactics.

Spisok literaturyi:

1. Belkin R. S. Teoriya i praktika sledstvennogo eksperimenta [Tekst]/ Belkin R.S.; Pod obsch. red.: Vinberg A. I. – M.: Izd-vo VSh MVD SSSR, 1959. – S.79–105;
2. Zotov B.L., Smyislov V.I. Taktika sledstvennogo eksperimenta [Tekst] // Kriminalistika: Uchebnik / Pod red. I.F. Panteleeva, N.A. Selivanova. – M.: Yurid. lit., 1984. – S. 287–290;
3. Salteviskiy M. V. Kriminalistika [Tekst]: Uchebnik: u 2 ch. Ch. 2. – H.: Konsul, 2001. – S. 231–235;
4. Shumilin S. F. Sledstvennyiy eksperiment [Tekst] // Rukovodstvo po rassledovaniyu prestup-leniy: Ucheb. posobie. – M.: Izd-vo NORMA (Izd. gruppa NORMA-INFRA-M), 2002. – C. 410.
5. Yablokov N. P. Kriminalistika [Tekst]: Uchebnik. – M. LeksEst, 2003. – S. 226–229.
6. Belkin R. S. Ocherki kriminalisticheskoy taktiki [Tekst]: Ucheb. posobie. – Volgograd, VSSh MVD Rossii, 1993. – S. 187.
7. Belkin R. S., Belkin A. R. Eksperiment v ugolovnom sudoproizvodstve. – M.: INFRAM-NORMA, 1997. – S. 48–59.
8. Belkin R.S. Eksperiment v sledstvennoy, sudebnoy i ekspertnoy praktike [Tekst]. — M., Yurid.lit., 1964. – S. 77–90.
9. Nastolnaya kniga sledovatelya [Tekst]: Nauchno-prakticheskoe izdanie dlya sledovateley i do-znavateley / N. I. Panov, V. Yu. Shepitko, V.E. Konovalova i dr. – 2-e izd., pererab. i dop. – K.: In Yure, 2007. – S. 147–148.
10. Sovetskaya kriminalistika. Kriminalisticheskaya tehnika i sledstvennaya taktika [Tekst] / Pod red. V.P. Kolmakova. – K.: Vysshaya shkola, 1973. – S. 208–213.
11. Gusakov A. N., Filyuschenko A. A. Sledstvennaya taktika (v voprosah i otvetah) [Tekst]: Ucheb posob. – Sverdlovsk, Izd-vo Ural un-ta, 1991. – S. 56.
12. Kolmakov V.P. Taktika proizvodstva sledstvennogo osmotra i sledstvennogo eksperimenta [Tekst]. – H., Izd-vo Harkovskogo Gosudarstvennogo universiteta im. A.M. Gorkogo, 1956. – S. 44–45.
13. Kriminalistika [Tekst] / pod red. A. N. Vasileva. – M., Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. – S. 325–327.
14. Glazyirin F.V., Kruglikov A.P. Sledstvennyiy eksperiment [Tekst]: Ucheb. posobie / Otv. red. R.S. Belkin. – Volgograd, Nauchno-issledovatel'skiy i redaktsionno-izdatelskiy otdel, 1981. – S. 32.
15. Kolmakov V. P., Arotsker L. E. Sledstvennyiy eksperiment na predvaritelnom sledstvii [Tekst] : Metod. posob. // Pod red. prof. N. N. Bokariusa. — X., 1949. – S. 27–31.
16. Shepitko V. Yu. Vosproizvedenie obstanovki i obstoyatelstv sobyitiya: suschnost, sodержanie, taktika [Tekst]// Sledstvennaya praktika Ukrainyi. – Vyip.. 7. – H.: 2009. – S. 10.
17. Stratonov V.M. Vosproizvedenie obstanovki i obstoyatelstv sobyitiya kak metod poznaniya vo vremya rassledovaniya prestupleniy [Tekst]: Avtoref. dis... kand. yurid. nauk: 12.00.09 / Nats. yurid. akad. Ukrainyi. – H., 2001. – S. 10.
18. Vasilev A.N. Taktika otdelnykh sledstvennykh deystviy [Tekst]. – M., Yurid. lit., 1981. – S. 33–35.
19. Bilenchuk P. D., Lisichenko V. K., Klimenko N. I. Kriminalistika [Tekst]: Uchebnik / Pod red. P. D. Bilenchuka. – 2-ge vid., ispr.. i dop. – K.: Ataka, 2001. – S. 308.
20. Turchin D. A., Chizhikov I. S. Poleva kriminalistika i ee prakticheskoe izmenenie [Tekst]: Nauch-prakt. posob., / Pod red. E.P. Ischenko. – M.: Yurlitinform, 2006. – S. 118–122.
21. Sledstvennaya taktika [Tekst]: Ucheb posob. – M.: Izd-vo Vsesoyuz. yurid. zaoch. instituta, 1982. – S. 25–28.
22. Gukovskaya N. I. Sledstvennyiy eksperiment [Tekst]: Posobie dlya sledovatelya. – M., Gos. izd-vo Yuridicheskoy literaturyi, 1958. – S. 20–33.
23. Gavrilin Yu. V., Pobedkin A. V., Yashin V.N. Sledstvennyie deystviya [Tekst]. Ucheb. posob. – M.: MosU MVD Rossii, Knizhnyiy mir, 2006. – S. 57.
24. Semenov V. V. Rassledovanie ubiystv, skrytykh instsenirovkami [Tekst]: Monografiya. – H.: SPDFO Vapnyarchuk N. M., 2006. – S. 118-124.
25. Halikov A. N. Sledstvennyie deystviya po delam o dolzhnostnykh prestupleniyah: sistema, harak-teristika, taktika [Tekst]. – M.: Yurlitinform, 2008. – S. 254–259;
26. Halikov A. N. Osobennosti rassledovaniya polucheniya vzyatok dolzhnostnyimi litsami pravoohranitelnykh organov [Tekst]. – M.: Yurlitinform, 2006. – S. 163-165.
27. Chulahov V.N. Kriminalisticheskoe issledovanie navyikov i privyichek [Tekst]/ Pod red. E.R. Rossinskoy. – M., Yurlitinform, 2004. – S. 138–141.
28. Spetsializirovannyiy kurs kriminalistiki [Tekst]: Uchebnik. – Kiev: NiRIO Kievskoy vysshey shkolyi MVD SSSR im. F. E. Dzerzhinskogo, 1987. – S. 284–285.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 340.13

ПРОБЛЕМА ТОЛКОВАНИЯ ТЕРМИНОВ, УПОТРЕБЛЯЕМЫХ В АКТАХ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Бахриева З. Р.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуется проблема толкования терминов, употребляемых в актах гражданского законодательства, анализируются правила толкования терминов на примере понятий «договор» и «обязательство» с учетом аспектов *de lege lata* и *de lege ferenda*.

Автором доказывается, что легальное определение какого-либо термина, изложенное в Гражданском кодексе, может быть оторванным от текстов законодательных актов, в которых этот термин употребляется. В статье также делается попытка субординации всех существующих правил толкования терминов. По мнению автора, на первом месте должно быть вытекающее из закона понимание термина, далее, на втором месте – то значение термина, которое вытекает из законодательного определения соответствующего понятия, на третьем месте – судебная практика толкования законодательного термина (и иные виды практики). И только потом – научное понимание термина.

Ключевые слова: толкование терминов, правовая норма, законодательное положение, гражданское право, договор, обязательство, *de lege lata*, *de lege ferenda*.

Толкование терминов – это одна из центральных проблем правотолкования. Однако она не получила надлежащего разрешения в науке. Поэтому в учебной литературе мы встречаем оторванные от законодательства положения, в которых излагаются правила толкования терминов и показывается субординация между этими правилами.

Так, в одном из учебников теории права предлагается несколько правил толкования терминов. В частности, излагается мнение, в соответствии с которым в случаях, когда законодатель с помощью легальной дефиниции (определения, данного в законе) или иным путем определил значение термина, то именно в этом смысле и следует его употреблять [1, с. 328]. Это мнение принадлежит А. Ф. Черданцеву, который еще до издания учебника, где отражено приведенное мнение, уже более четверти века исследовал проблему толкования, а потому должен был основательно освоить соответствующую проблему. Таким образом, следуя логике А. Ф. Черданцева, если в Гражданском кодексе Российской Федерации содержатся легальные дефиниции, то соответствующие термины необходимо толковать так, как это следует из легальных определений.

Однако нельзя не признать, что легальное определение какого-либо термина, изложенное в Гражданском кодексе, может быть оторванным от текстов законодательных актов, в которых этот термин употребляется. Поэтому существует

необходимость проведения специального исследования проблемы толкования терминов, употребляемых в актах гражданского законодательства. Этим и поясняется актуальность данной работы.

Соответственно, цель данной статьи заключается в анализе существующих правил толкования терминов, в частности, попробуем проверить правильность предложенного А. Ф. Черданцевым правила на примерах толкования понятий договора и обязательства.

Согласно п. 1 ст. 420 ГК РФ «договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей». Как видим, из текста приведенного законодательного положения следует, что договор – это сделка, а более широко – это юридический факт. При этом возникает вопрос о том, сводится ли роль договора только к значению юридического факта и не придает ли законодатель иного значения этому термину. Обращаясь к ст. 422 ГК РФ и многочисленным другим положениям закона, мы обнаруживаем, что «договор» понимается законодателем также и как индивидуальный регулятор отношений сторон. При этом отметим, что и в юридической литературе не ставится под сомнение, что термин «договор» употребляется и должен употребляться в значении не только юридического факта, но и индивидуального регулятора отношений между его сторонами.

Следуя правилу А. Ф. Черданцева, дефиниция договора, данная в законе, должна использоваться преимущественно при толковании положений законодательства, в которых употребляется термин «договор». Однако учитывая тот факт, что легальное определение все же может быть «оторванным» от текстов законодательных актов, то при толковании юридических терминов, на наш взгляд, предпочтение необходимо отдавать их пониманию, вытекающему из закона. Следовательно, понимание договора, вытекающее из ст. 422 ГК и других положений Гражданского кодекса, имеет преимущественное значение при правотолковании перед пониманием договора, которое вытекает из легального определения договора в ст. 420 ГК РФ.

Обращаясь к многочисленным положениям Гражданского кодекса об отдельных видах договоров, в частности, к ст. 618 ГК РФ о прекращении договора субаренды при досрочном прекращении договора аренды, следует сделать еще один вывод, в соответствии с которым законодатель понимает договор не только как юридический факт и не только как регулятор отношений между его сторонами, но и как правоотношение, которому свойственна динамика: договор может прекращаться. При этом из контекста соответствующих законодательных положений четко видно, что речь не идет о прекращении договора как индивидуального регулятора отношений между его сторонами, хотя проблема прекращения договора, понимаемого именно в таком смысле, имеет и теоретический, и практический аспекты.

Нельзя законодательные положения, в которых идет речь о прекращении договора, понимать и таким образом, что в них под термином «договор» понимается сделка (юридический факт). Договор как сделка (юридический факт) не может прекращаться, ибо понимаемый в таком смысле договор имеет одномоментный характер, а рассмотрение сделки как явления, протяженного во времени, не имеет ни легальных, ни логических оснований. Сделка по своей природе как юридический

факт вовсе не действует после того, как выполнила роль основания возникновения обязательства. Это не исключает возможности признания сделки недействительной с момента ее совершения.

В нормативных формулировках должна идти речь о прекращении таких правовых явлений, которые могут существовать во времени, а в процессе существования проявляют или, по крайней мере, могут проявлять свою активность, то есть способны функционировать. Если же явление не способно проявлять свою активность, функционировать, то о его прекращении нельзя вести и речи. Прекращаться могут такие правовые явления, которые способны существовать во времени. В частности, прекращаться могут правоотношения, так как им свойственна динамика.

Таким образом, из контекста соответствующих законодательных положений четко видно, что речь идет о прекращении договора как правоотношения. Следовательно, законодатель понимает договор в трех значениях, в том числе и как само правоотношение, в результате чего понимание договора становится тождественным пониманию договорного обязательства (разновидности гражданских правоотношений).

Отождествление понятий договора и обязательства наблюдается и в разделе IV ГК РФ, имеющем название «Отдельные виды обязательств», где, по сути, говорится о различных видах договоров, не только служащих основанием возникновения обязательств, но и являющихся самими обязательствами.

А ведь еще в 50-х годах О. А. Красавчиков указывал на неоправданность рассмотрения договора как правоотношения, поскольку в таком случае в нем смешиваются юридический факт и его правовые последствия, то есть основания возникновения обязательств смешиваются с самим обязательством [2, с. 173].

Между тем в современной российской юридической литературе приветствуется многозначность и многоаспектность понятия договора. М. И. Брагинский в своей книге «Договорное право» назвал и посвятил целый раздел договору как правоотношению [3, с. 222], за что В. А. Белов удостоил его звания самого ортодоксального сторонника такого словоупотребления в современной юридической литературе. Сам В. А. Белов категорически выступает против такого смешивания понятий и указывает, что четкое различие договоров (юридических фактов) и обязательств является абсолютно необходимым условием адекватного усвоения и применения всего гражданско-правового материала [4, с. 685].

Но вместе с М. И. Брагинским такую терминологию поддерживают и другие российские ученые, утверждающие, что термином «договор» обозначаются разные понятия, в том числе правоотношения, которые порождаются волеизъявлением сторон, то есть само договорное обязательство [5, с. 27].

На наш взгляд, М. И. Брагинский не прав только в том, что он не пояснил, что понимание договора как правоотношения вытекает из закона. С точки зрения действующего законодательства – *de lege lata* он прав, как и многие ученые, которые рассматривают договор в одном из своих аспектов как правоотношение. С другой стороны, с точки зрения закона, издание которого желательно, – *de lege ferenda* они не правы, так как в целях усовершенствования закона не следовало признавать правильным понимание договора как правоотношения. От такой полисемичности термина «договор» следует отказаться.

Что касается понятия обязательства, его определение изложено в п. 1 ст. 307 ГК РФ, согласно которому «в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности».

Как видим, из текста указанного правового положения обязательство понимается как односторонняя гражданско-правовая связь, в которой только один должник и один кредитор. Однако, обращаясь к иным законодательным положениям, мы замечаем иное понимание обязательства.

В частности, из законодательного положения, изложенного в п. 2 ст. 308 ГК РФ, прямо следует понимание обязательства как двусторонних правовых связей, в которых есть два кредитора и два должника (имеются в виду встречные обязательства сторон).

Таким образом, то обязательство, о котором идет речь в п. 1 ст. 307 ГК, является лишь частью того обязательства, о котором идет речь в п. 2 ст. 308 ГК. В этих законодательных положениях используется один и тот же термин – «обязательство», но значение ему придается разное. При этом нельзя сказать, что то понимание обязательства, которое вытекает из п. 2 ст. 308 ГК, имеет преимущество перед тем пониманием обязательства, которое отражено в определении понятия обязательства, которое наводится в п. 1 ст. 307 ГК, поскольку термин «обязательство» понимается законодателем то как односторонняя, то как двусторонняя правовая связь. А значение, в котором употребляется термин «обязательство», в каждом конкретном случае следует обнаруживать из контекста соответствующих законодательных положений.

Так, когда в ст. 416 ГК устанавливается правило о прекращении обязательства невозможностью исполнения, то из контекста этого законодательного положения следует, что речь идет о том обязательстве, которое определяется в п. 1 ст. 307 ГК, поскольку маловероятно, чтобы невозможность исполнения наступила в отношении обоих встречных обязательств, основанных на одном и том же договоре. Из контекста ст. 418 ГК четко видно, что здесь речь идет об обязательстве как односторонней правовой связи: смерть должника прекращает только то обязательство, в котором умерший был должником. Встречное обязательство при этом не прекращается, а его судьба решается на основании не п. 1 ст. 418 ГК, а на основании других законодательных положений. Аналогично и смерть кредитора прекращает только то обязательство, в котором умерший был кредитором.

Из иных законодательных положений следует понимание прекращения всего комплекса двусторонних правовых связей, возникающих на основании двустороннего договора. Это касается прекращения обязательства исполнением (ст. 408 ГК), прекращения обязательства новацией (ст. 408 ГК), в том числе прекращения обязательства ликвидацией юридического лица (ст. 419 ГК) В указанных случаях мы не можем использовать определение обязательства, содержащееся в п. 1 ст. 307 ГК, так как здесь следует понимание, вытекающее из п. 2 ст. 308 ГК.

Как одно из правил толкования терминов А. Ф. Черданцев называет придание им «того смысла, в котором они употребляются в юридической науке и практике» [1, с. 329]. Под практикой тут, очевидно, понимается и судебная практика. Но другие виды практики не могут быть поставлены в один ряд с судебной практикой толкования законодательных терминов, поскольку судебное толкование должно быть поставлено на третье место после вытекающего из закона понимания терминов и того значения терминов, которое вытекает из законодательных определений соответствующих понятий. Иная практика может учитываться в той мере, в коей эта практика отражает сложившееся в соответствующей сфере деятельности понимание значения терминов.

Что касается смысла, который придается тем или иным терминам в юридической науке, то этот смысл должен учитываться только после того, как не удалось выяснить значение соответствующего термина из законов, судебной практики и иной практики. В таких случаях следует учитывать тот смысл, который терминам придается обычно. Такой смысл отражается в энциклопедиях, энциклопедических словарях, учебниках.

При этом важно учесть тот фактор, что научные издания часто носят полемический характер и не отражают общепринятого в науке понимания терминов. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что в юридической науке анализ значения терминов обычно ведется без выделения аспектов *de lege lata* и *de lege ferenda*, что часто делает невозможным применение научного понимания терминов для целей правотолкования. К примеру, в положениях гражданского законодательства речь идет о «причиненных» убытках (например, в п. 1 ст. 393 ГК). Это законодательное положение в научной литературе начисто игнорируется, и уже в учебной литературе доказывается, что причинная связь (то есть причинение) бывает прямой (прямым) или непосредственной (непосредственным) и косвенной (косвенным) [6, с. 539–540]. Но ведь косвенная причинная связь, косвенное причинение признаются. Получается, что законодатель признает гражданско-правовое значение «причинения» (любого), а в науке утверждается, что такое значение носит не всякое причинение, а только прямое. Ученых можно было бы понять, если бы они утверждали, что *de lege lata* любое причинение имеет гражданско-правовое значение, но *de lege ferenda* такое значение следовало бы признавать только за причинением прямым. Но такая оговорка не делается, и доктринальное положение приходит в противоречие с положением законодательным.

Учитывая все вышеизложенное, следует сделать вывод о существовании потребности в субординации существующих правил толкования терминов. На наш взгляд, на первом месте должно быть вытекающее из закона понимание термина, далее, на втором месте – то значение термина, которое вытекает из законодательного определения соответствующего понятия, а на третьем месте – судебная практика толкования законодательного термина (и иные виды практики). И только потом – научное понимание термина. Если же и обращение к науке не дало возможности выяснить значение определенного термина, тогда следует обращаться к тому значению термина, которое придается ему в литературном языке, а такое значение отражается в толковых словарях.

Список литературы

1. Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах. Т. 2. Теория права / под ред. М. Н. Марченко. – М.: Зерцало, 1998. – 640 с.
2. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права: Избранные труды. В 2-х т. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – 492 с.
3. Брагинский М. И. Договорное право: в 5 кн. – Книга первая: Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – М.: Статут, 2001. – 848 с.
4. Белов В. А. Гражданское право: в 4 т. – Т. 2: Общая часть. Лица, блага, факты / В. А. Белов. – М.: Юрайт, 2012. – 1093 с.
5. Гражданское право / Алексеев С. С. [и др.]; под ред. С. С. Алексеева. – М.: Проспект; Екатеринбург; Институт частного права, 2009. – 528 с.
6. Гражданское право. Учебник. Часть I / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М.: ТЕИС, 1996. – 600 с.

Bakhrieva Z. The problem of interpretation of the terms in the civil law acts // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 201–206.

The article deals with the problem of the interpretation of terms in civil law acts, analyzing the various rules of interpretation on the example of the concepts «contract» and «obligation», taking into the aspects: de lege lata and de lege ferenda.

The author proves that the legal definition of a term, set forth in the Civil Code, may be divorced from the texts of legislative acts in which this term is used. The article also tries to subordinate all existing rules for the interpretation of terms. According to the author, in the first place there should be an understanding of the term following from the law, then, second, the meaning of the term, which follows from the legislative definition of the corresponding concept, the third place is the judicial practice of interpreting the legislative term (and other types of practice). And only then - a scientific understanding of the term.

Keywords: the interpretation of the terms, the legal norm, the legislative provision, the civil law, the contract, the obligation, de lege lata, de lege ferenda.

Spisok literatury

1. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs v 2-h tomah. Т. 2. Teoriya prava / pod red. M. N. Marchenko. – М.: Zercalo, 1998. – 640 s.
2. Krasavchikov O.A. YUridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave // Kategorii nauki grazhdanskogo prava: Izbrannye trudy. V 2-h t. Т. 2. – М.: Statut, 2005. – 492 s.
3. Braginskij M. I. Dogovornoe pravo: v 5 kn. – Kniga pervaya: Obshchie polozheniya / M. I. Braginskij, V. V. Vitryanskij. – М.: Statut, 2001. – 848 s.
4. Belov V. A. Grazhdanskoe pravo: v 4 t. – Т. 2: Obshchaya chast'. Lica, blaga, fakty / V. A. Belov. – М.: YUrajt, 2012. – 1093 s.
5. Grazhdanskoe pravo / Alekseev S. S. [i dr.]; pod red. S. S. Alekseeva. – М.: Prospekt; Ekaterinburg; Institut chastnogo prava, 2009. – 528 s.
6. Grazhdanskoe pravo. Uchebnik. CHast' I / Pod red. A. P. Sergeeva, YU. K. Tolstogo. – М.: «TEIS», 1996. – 600 s.

УДК 336.02

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЛОГОВОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ РФ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Васильева Е. Г.

Северо-Кавказский филиал РГУП г. Краснодар

В статье освещаются правовые аспекты налогового планирования хозяйствующих субъектов, анализируются проблемы оптимизации налогообложения, совершенствования. Исследованы законодательные подходы, связанные с определением правовых пределов налогового планирования. Проанализированы основные подходы к разграничению налоговой оптимизации и уклонения от налогообложения, исследованы вопросы добросовестности налогоплательщика. Предложены меры законодательного регулирования для определения правовых пределов налогового планирования. Путем рассуждений и результатов исследований определена сущность и правовая природа налогового планирования, налоговой оптимизации. Автор считает, что отсутствие в российском законодательстве понятия «налоговая оптимизация», его неверное трактование являются вполне закономерным следствием введения термина в НК РФ и научный оборот. На основе проведенного исследования автор предлагает создать правовую модель оптимизации налогообложения, способствующую созданию полноценных субъектов рынка и формированию новой системы налогообложения.

Ключевые слова: налоговое планирование, уменьшение размера налоговых выплат, оптимальный вид платежа, снижение налоговой нагрузки, правовая модель налоговой оптимизации.

Налоговая система государства является важнейшим инструментом формирования бюджетных поступлений и основой финансирования деятельности различных органов государственной власти. Необходимым условием оптимального функционирования налоговой системы выступает эффективный налоговый контроль. Одним из средств минимизации рисков, связанных с ведением финансово-хозяйственной деятельности субъектов предпринимательства, является налоговое планирование, представляющее собой комплекс мер, направленных на уменьшение налогового бремени.

Отношения, связанные с порядком осуществления такой деятельности, регулируются нормами гражданского законодательства. Согласно п. 3 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1] к имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством. Таким образом, нормы гражданского права не могут быть применены к налоговым отношениям по общему правилу. Нормы налогового законодательства не могут регулировать данные отношения, однако, при налоговом планировании всегда необходимо учитывать гражданско-правовое регулирование экономических отношений для оценки влияния на эффективность деятельности.

Актуальность темы порождает возрастающая роль налогового планирования в условиях современного рыночного хозяйства. В настоящее время проблема оптимизации налогообложения является одной из наиболее актуальных при анализе финансово-экономического состояния государства с целью поиска наилучших вариантов минимизации расходов. Известно, что налоговое бремя в России и зарубежных странах достаточно значительно. Это оправдывает стремление большинства налогоплательщиков к экономии, используя все возможные законные для этого методы. Среди способов управления налогообложением важное место занимает налоговое планирование. Первые исследования проблем налоговой оптимизации появились в западной литературе в 70–80-х гг. прошлого столетия.

Сложно переоценить значение налогового планирования в современных условиях ведения бизнеса. Используя налоговое планирование, можно вполне легально снизить налоговую нагрузку на бизнес, это деятельность налогоплательщика в направлении минимизации его налоговых обязательств без нарушений законодательства. Налоговое планирование фактически выступает правомерным способом уменьшения налоговых обязанностей со стороны организации – в отличие от незаконной минимизации налоговых выплат (уклонения от уплаты налогов). Представляется, что налоговое планирование подразумевает использование комплекса методов, направленных на снижение налоговой нагрузки и повышение финансовой эффективности бизнеса. Задача оптимизации не только снизить налоги, но и избежать возможных налоговых санкций со стороны налоговых органов.

Главным инструментом налоговой оптимизации является снижение объема налоговых обязательств посредством правомерных действий налогоплательщика, включая максимальное использование предоставленных законодательством льгот, налоговых освобождений и других законных приемов и способов. Целью налогового планирования является построение такой модели хозяйствования, которая оптимизировала и сокращала бы налоговую нагрузку до минимального уровня. Следовательно, сущность налогового планирования заключается в том, что за каждым налогоплательщиком признается право использования всех допустимых законом средств, путей и методов для максимального сокращения своих налоговых обязательств. Это обеспечивается диспозитивными нормами действующего законодательства. Согласно п. 3 ч. 1 ст. 21 Налогового кодекса Российской Федерации: «налогоплательщик имеет право использовать налоговые льготы при наличии оснований и в порядке, установленном законодательством о налогах и сборах» [2]. Формально согласно п. 7 ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации все неустраняемые неясности и противоречия закона должны толковаться в пользу налогоплательщика, но на деле не все так просто, как может показаться. Другой стороной проблемы является то, что в действующем российском законодательстве отсутствуют четкие критерии, которые позволяют в каждом конкретном случае разграничить правомерную минимизацию налогообложения и незаконное уклонение от уплаты налогов. Кроме того, на сегодня сформирована различная судебная практика, которая в отдельных случаях относит аналогичные действия налогоплательщиков либо к правомерной деятельности, либо к разряду правонарушений. В то же время необходимо отметить, что грамотное применение хозяйствующим субъектом норм действующего налогового законодательства,

правомерное использование всех существующих возможных льгот, прав и гарантий позволяют снизить риски налогового планирования до минимального уровня. Итогом выступает то, что достигаемый с помощью налогового планирования положительный результат оправдывает возможные налоговые риски.

В настоящее время российские ученые не пришли к единому мнению о сущности налогового планирования. Данное явление исследуется учеными различных областей знания: экономистами, юристами. Большинство работ представлено учеными в области экономики: Е. С. Вылкова, Т. А. Козенкова, Л. Г. Липник, Ю. А. Лукаш, И. Н. Соловьев, Д. Н. Тихонов [3]. Анализ существующих позиций ученых и практиков позволяет определить налоговое планирование как деятельность налогоплательщика, осуществляемую систематически и направленную на изучение и использование предусмотренных налоговым законодательством возможностей в целях оптимизации налогообложения.

Изучением методологической базы налогового планирования занимались такие ученые, как: Д. В. Попков, А. В. Брызгалин, И. Г. Русакова, В. А. Кашин, В. Я. Кожин, Т. А. Козенкова, Н. А. Попонина, В. А. Бабанин, Н. В. Воронина и др.

Современное налоговое законодательство, предусматривая различные налоговые режимы, методы исчисления налоговой базы и допуская использование налоговых льгот, стимулирует применение налогового планирования. Но не стоит забывать, что налоговое планирование имеет свои пределы, выход за которые грозит налоговыми доначислениями: добросовестность и разумность, а также запрет на действия в обход закона.

Следует отметить, что существующие пробелы в российском законодательстве дают возможность организациям-налогоплательщикам грамотно уменьшать налоговые платежи. В целях недопущения занижения налоговой базы порядок определения цен определяется Налоговым кодексом Российской Федерации (далее – НК РФ) [4] в разделе V.1. «Взаимозависимые лица. Общие положения о ценах и налогообложении. Налоговый контроль в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами. Соглашение о ценообразовании» (далее – Раздел V.1. НК РФ), которым определяется порядок определения налоговой базы при совершении сделок между взаимозависимыми лицами. Также этим разделом могут определяться цены для целей налогообложения в случаях, предусмотренных отдельными положениями ч. 2 НК РФ, а также при возможном пересчете налоговой базы в случае доказательства налоговым органом получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды в случае занижения цен. Как представляется, применение порядка ценообразования, установленного Разделом V.1. НК РФ, позволяет в специфических целях налогообложения изменять цену сделки, определенную сторонами на условиях действующих гражданско-правовых отношений. При этом существует и обратная связь, когда сделка признана недействительной (ничтожной), в этом случае стороны, если в результате этой сделки были затронуты элементы, формирующие налоговую базу (например, доходы или расходы, или же стоимость имущества организации или физического лица), вынуждены будут пересмотреть свои налоговые обязательства по сделке, признанной ничтожной.

В правоприменительной практике большинства государств, в том числе и Российской Федерации, существуют специальные методы, которые позволяют предотвратить уклонение от уплаты налогов, а также существенно ограничить сферу применения различных способов налогового планирования. Принято разделять данные методы на три основные категории: законодательные ограничения, меры административного и финансового воздействия, которые применяются к нарушителям налогового законодательства, а также специальные судебные доктрины.

Действующее налоговое законодательство Российской Федерации на сегодня не содержит механизма противодействия злоупотреблению правами в целях минимизации налогов и получения необоснованной налоговой выгоды. Для установления фактов злоупотребления налогоплательщиком правами налоговые органы используют постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» [5]. Однако, как отмечается в «Основных направлениях налоговой политики Российской Федерации на 2016 год и плановый период 2017 и 2018 годов», существующая судебная практика не предусматривает все возможные случаи злоупотребления налогоплательщиками своими правами и не позволяет в полной мере использовать налоговым органам все возможности для борьбы с агрессивным налоговым планированием.

Полагаю, что сегодня российская налоговая практика идет по пути объединения различных судебных доктрин, используемых в зарубежных странах, в одну комплексную – доктрину добросовестности налогоплательщика. При этом для разрешения вопроса о добросовестности налогоплательщика суды, как правило, исследуют вопросы соответствия формы и содержания, а также цели действий налогоплательщика. Необходимо отметить, что на сегодня комплексное определение понятия «добросовестность налогоплательщика» не дано ни в одном нормативном правовом акте. Несмотря на попытки изменения законодательства (в 2014 году было предложено дополнить ст. 21.1 НК РФ), понятие добросовестности налогоплательщика так и не нашло своего законодательного отражения, что представляется весьма обоснованным и целесообразным.

Как известно, понятие добросовестного налогоплательщика получило широкое правоприменение после принятия Конституционным Судом РФ (далее — КС РФ) ряда решений по данному вопросу. В 1998 году КС РФ впервые использовал категорию добросовестности применительно к налогоплательщикам, указав на то, что повторное взыскание с добросовестного налогоплательщика не поступивших в бюджет налогов нарушает конституционные гарантии частной собственности. Анализ принятых решений КС РФ показал следующее: не раскрывается понятие добросовестности, не даются квалифицирующие его родовые и видовые признаки. Вместе с тем, несмотря на отсутствие законодательной дефиниции добросовестности, в арбитражном и гражданском процессе понятие добросовестности все больше применяется при осуществлении судьейского усмотрения. Важным для правоприменительной практики следует иметь в виду, что применение категории добросовестности должно осуществляться наряду с принципами, заложенными в Конституции РФ. Поэтому недопустимо ограничение прав налогоплательщика в зависимости от способа реализации права частной

собственности, а также права свободного использования своих способностей и имущества для экономической деятельности, не запрещенной законом (ч. 3 ст. 55, ч. 1 ст. 34, ст. 35 Конституции РФ).

На основе анализа действующего законодательства можно сделать вывод, что право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности служит основой конституционно-правового статуса участников. Важное значение для правильного понимания сущности налоговой оптимизации имеет правовая позиция Конституционного Суда РФ в постановлении от 27 мая 2003 г. № 9-П [7], подтвержденная определением Конституционного Суда РФ от 16.10.03 № 329-О [8]. Таким образом, вполне допускаю право добросовестного налогоплательщика на оптимизацию и налоговое планирование. На сегодняшний момент арбитражные суды (свидетельствует анализ судебной практики [9]) при рассмотрении налоговых споров ушли от применения презумпции невиновности и оперируют понятиями «добросовестный» либо «недобросовестный налогоплательщик», сочетая его с «налоговой выгодой (обоснованной либо необоснованной)». Вызвано это тем, что Пленум ВАС РФ в постановлении от 12 октября 2006 года № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» решил отказаться от абстрактного понятия «недобросовестность» и заменил его на «необоснованную налоговую выгоду». Надо признать, что возможность достижения того же экономического результата с меньшей налоговой выгодой, полученной налогоплательщиком путем совершения других предусмотренных или не запрещенных законом операций, не является основанием для признания налоговой выгоды необоснованной. Следовательно, оценочные понятия, выступающие объектами научных дискуссий, являются мощным ускорителем, способствующим развитию современного законодательства, привносящими определенные новеллы в доктрину налогового права и практику его применения. Таким регулятором и стала налоговая выгода, способствующая появлению нестабильной модели налоговой оптимизации.

В этой связи представляется актуальным соответствующий анализ развития теоретических представлений о налоговой выгоде и практики применения судебными и налоговыми органами судебных доктрин с целью выработки научно-обоснованных предложений по включению в российское законодательство о налогах и сборах критериев оценки налоговой выгоды в качестве обоснованной или необоснованной.

Нетрудно заметить, использование оценочных понятий – «налоговая выгода» (обоснованная, необоснованная), введенных судебным толкованием, нацелено на предотвращение неполноты, неопределенности налогового права в отношении оценки правомерности применения налоговых вычетов, возмещения НДС. Полагаю, что введение в научный оборот и действующее законодательство категории «налоговая выгода» неизбежно приведет к спорам и множеству мнений, как и с категорией «добросовестность» в гражданском праве. Необходимой логической предпосылкой этой теоретической позиции является появление самостоятельной, а не межотраслевой категории – «налоговая выгода» в налоговом законодательстве, что упростит ее правоприменение, взамен тому, как предлагается в законопроекте № 529775-6 [10] и принятом в последующем Федеральном законе от 18.07.2017 №

163-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» [11].

Обобщая сказанное, можно заключить, что в современных условиях эффективная оптимизация налогообложения для хозяйствующих субъектов просто необходима. Отсутствие четких правовых ориентиров формирования модели налоговой оптимизации не позволяет свободно выбирать экономическим субъектам все возможные варианты снижения налоговой нагрузки, влечет невозможность применения их на практике. Несмотря на то, что задача минимизации налогов решается путем законодательно предусмотренных мер, способов (применения или не применения налоговых льгот для отдельных категорий налогоплательщиков, определенных режимов налогообложения, применения пониженных налоговых ставок, отсрочки налогового платежа и др.), невозможно избежать ошибок, допущенных при минимизации налоговой нагрузки. Важно отметить, что отсутствие установленных законом пределов налоговой минимизации приводит к целому ряду негативных последствий: сдерживает деловую активность хозяйствующих субъектов; снижает доверие хозяйствующих субъектов к налоговым органам; снижает инвестиционную привлекательность российской экономики.

В сложившейся ситуации представляется целесообразным для определения правовых пределов налогового планирования разработать предложения по внесению изменений в НК РФ в части: введения правового механизма противодействия налоговым злоупотреблениям в виде использования налогоплательщиками формально правомерных действий с основной целью неуплаты или уплаты налогов в меньшей сумме; закрепления в законодательстве о налогах и сборах прямого запрета на злоупотребление правами в сфере налогообложения. Такие изменения не должны затронуть добросовестных налогоплательщиков, но при этом будут способствовать созданию привлекательных условий ведения бизнеса и конкурентной среды для тех налогоплательщиков, которые не используют агрессивные механизмы налоговой оптимизации.

Цель введения модели налоговой оптимизации – выработать оптимальное решение вопроса, которое позволит осуществлять легальные операции с минимальными налоговыми потерями. Следует признать, что для реализации модели налогообложения на практике, помимо урегулирования общетеоретических вопросов, необходимо четкое нормативное закрепление прав и обязанностей сторон, чьи интересы указаны в модели, – государства и экономических субъектов (налогоплательщиков, плательщиков сборов, налоговых агентов). Отсутствие в российском законодательстве понятия «налоговая оптимизация», его неверное трактование является вполне закономерным следствием введения термина в НК РФ и научный оборот. Следует разработать теоретическую базу, позволяющую создать сбалансированную налоговую нагрузку, не подавляющую развитие экономики и способствующую проводимой государством эффективной налоговой политике. Установить в НК РФ правила, определяющие пределы дозволенного при оптимизации налогообложения. Кроме того, разработать принципы, которые необходимо соблюдать при налоговом планировании для безопасности субъектов экономической деятельности (добросовестность налогоплательщика; комплексность, эффективность и разумность; наличие деловой цели; преимущество экономического смысла, а не юридической формы; реальность экономической

деятельности и пр.). Нет сомнения, оптимизации налогообложения, чтобы почувствовать себя добросовестным налогоплательщиком, построить грамотную систему учета и уплаты налогов и, кроме того, сэкономить денежные средства законным путем, может помочь правовая модель налоговой оптимизации. Представляется, что рекомендуемая правовая модель оптимизации налогообложения поможет сформировать такую систему налогообложения, которая будет способствовать на фоне развития экономики созданию полноценных субъектов рынка. Полагаю, что сделанные выводы о введении в научный оборот и действующее законодательство категории, оценочного понятия – «модель налоговой оптимизации» (модель, отражающую оптимизацию налогообложения) неизбежно приведут к спорам и множеству мнений, как и с категорией «добросовестность» в гражданском праве. Решать вопросы налоговой оптимизации необходимо комплексно, на основе системного подхода, объединяющего специалистов различных сфер. Перспективой дальнейших исследований в данном направлении является: исследование теоретических основ формирования модели налоговой оптимизации как перспективного направления совершенствования налогового планирования и прогнозирования в России.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 18.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
3. Основы налогового планирования: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению «Экономика» / А. Е. Суглобов, М. И. Мигунова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 247 с.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 18.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
5. Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.
6. СПС КонсультантПлюс.
7. СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2431.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 16.10.03 № 329-О // СПС Консультант Плюс.
9. Официальный сайт Федеральные арбитражные суды Российской Федерации <<http://www.arbitr.ru>> (последнее посещение – 18.10.2017).
10. Законопроект № 529775-6 «О внесении изменения в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации (об установлении пределов прав и исполнения обязанностей налогоплательщиком)» // Официальный сайт Государственной Думы РФ <<http://www.duma.gov.ru>> (последнее посещение – 18.10.2017).
11. СЗ РФ. 2017. № 30. Ст. 4443.

Vasilyeva E. G. Legal aspects of tax planning economic entities of the Russian Federation: current state and prospects of development // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 207–214.

The article highlights legal aspects of tax planning of economic entities, analyzes the problems of tax optimization, improvement. Investigated legislative approaches related to the definition of the legal limits of tax planning. The basic approaches to the distinction between tax optimization and tax evasion, investigated questions of good faith of the taxpayer. The proposed legislative regulation to define legal limits of tax

planning. By reasoning and research for defining the essence and legal nature of tax planning, tax optimization. The author believes that the absence in the Russian legislation the concept of "tax optimization", his interpretation is wrong it is a natural consequence of the introduction of the term into the tax code of the Russian Federation and the scientific revolution. On the basis of the conducted research the author proposes to create a legal model of tax optimization, contributing to the creation of a genuine market and the formation of a new system of taxation.

Keywords: tax planning, reducing tax payments, the best form of payment, reduce the tax burden, and legal model of tax optimization.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 29.07.2017) // Sobranie zakonodatelstva RF. 1994. № 32. St. 3301.
2. Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 31.07.1998 № 146-FZ (red. ot 18.07.2017) // Sobranie zakonodatelstva RF. 1998. № 31. St. 3824.
3. Osnovy nalogovogo planirovaniya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayuschihsya po napravleniyu «Ekonomika» / A.E. Suglobov, M.I. Migunova. – M.: YuNITI-DANA, 2015. – 247 s.
4. Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 31.07.1998 № 146-FZ (red. ot 18.07.2017) // Sobranie zakonodatelstva RF. 1998. № 31. St. 3824.
5. Vestnik VAS RF. 2006. № 12.
6. SPS KonsultantPlyus.
7. SZ RF. 2003. № 24. St. 2431.
8. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.10.03 № 329-O // SPS Konsultant Plyus.
9. Ofitsialnyy sayt Federalnyie arbitrazhnyie sudyi Rossiyskoy Federatsii <<http://www.arbitr.ru>> (poslednee poseschenie – 18.10.2017).
10. Zakonoproekt № 529775-6 «O vnesenii izmeneniya v chast pervuyu Nalogovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii (ob ustanovlenii predelov prav i ispolneniya obyazannostey nalogoplatelschikom)» // Ofitsialnyy sayt Gosudarstvennoy Dumyi RF <<http://www.duma.gov.ru>> (poslednee poseschenie – 18.10.2017).
11. SZ RF. 2017. № 30. St. 4443.

УДК 347.77'78

**ПРАВООТНОШЕНИЯ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРОЦЕССЕ
ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ ПО ПОВОДУ РАСПОРЯЖЕНИЯ
РЕЗУЛЬТАТАМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И
СРЕДСТВАМИ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ**

Пасечник Е. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В работе исследованы правоотношения, возникающие в процессе заключения гражданско-правовых договоров по поводу распоряжения результатами интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. Определен момент возникновения соответствующих правоотношений. Отмечается, что содержание правоотношений, возникающих в процессе заключения договоров, составляют не способные приобретать характер требования права – секундарные права. При этом в процессе заключения таких договоров могут возникать и обязательства, эти обязательства являются организационными. Разработаны теоретические положения, которые касаются правовых форм заключения договоров. Проанализировано три способа заключения договоров. Определена правовая природа оферты и акцепта. Автором выявлена новая конструкция – абсолютной обязанности. Рассмотрены правовые последствия неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязательств в процессе заключения договоров. Положения, выработанные в данной статье, имеют важное теоретическое значение и могли бы быть использованы в законодательной и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации, исключительные права, обязательства, абсолютное право, абсолютная обязанность, секундарные права, оферта, акцепт, публичный договор, предварительный договор.

Отношения, возникающие в процессе заключения договоров, имеют важное практическое значение и вытекающее из практического теоретическое значение. Стороны должны быть уверены в том, какие последствия влекут их действия в процессе заключения договоров, они должны знать, к чему они обязаны, какие права имеют и в какой именно момент эти права и обязанности возникают и прекращаются. Только в таких условиях возможно говорить о правовой определенности в отношениях между сторонами будущего договора. Исходя из этого, теоретический анализ этих отношений и правовых норм, которые их регулируют, представляет интерес, а сам этот анализ следует признать актуальным.

Специально проблема правоотношений, возникающих в процессе заключения договоров по поводу распоряжения исключительными правами интеллектуальной собственности, не исследовалась. Однако общие методологические основы разрешения этой проблемы можно найти в работах исследователей обязательств и договоров: О. С. Иоффе, М. И. Брагинского, В. В. Витрянского, Л. А. Лунца и других ученых.

Целью статьи является разработка и обоснование теоретических положений, касающихся правоотношений, возникающих в процессе заключения договоров по поводу распоряжения результатами интеллектуальной деятельности и средствами

индивидуализации, которые могли бы использоваться в правоприменительной практике и при совершенствовании законодательства.

Из статьи 421 Гражданского кодекса следует, что договоры, как правило, заключаются на основе свободного волеизъявления. Свободное волеизъявление не должно, однако, пониматься так, что в процессе заключения договора никакие правоотношения вообще не возникают. Согласно п. 2 ст. 432 Гражданского кодекса, договор заключается посредством направления оферты одной стороной и ее акцепта другой стороной. Дискуссионным в науке остается вопрос о том, является ли договор единым целым или представляет собой сумму двух односторонних сделок – оферты и акцепта. Так, одним из первых мысль о том, что оферта и акцепт являются односторонними сделками, сформулировал Н. Г. Александров, который полагал, что в ряде случаев правоотношение возникает на основании двух односторонних сделок [2, с. 157–158]. Сторонниками этой позиции стали также М. М. Агарков [1, с. 281] и С. С. Алексеев [3, с. 59–60]. В одной из своих наиболее ранних работ подобную точку зрения высказывал и М. И. Брагинский: «Договор возникает в результате осуществления взаимосвязанных односторонних сделок: предложения заключить договор – оферты и принятия предложения – акцепта» [6, с. 232]. Однако позже, в книге «Договорное право: общие положения», точка зрения о том, что двусторонняя сделка – есть общий волевой акт, приводится М. И. Брагинским как общепризнанная среди цивилистов [4, с. 161]. В первооснове этой позиции лежит мнение О. А. Красавчикова о том, что «... договор не является суммой двух односторонних сделок, но представляет собой единое изъявление воли двух или более лиц» [7 с. 121]. Противниками признания оферты и акцепта сделкой выступали также: Ф. И. Гавзе [5, с. 28], Б. Б. Черепяхин [9, с. 31–32], И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц [8 с. 162–163].

На наш взгляд, не подлежит сомнению, что оферта и акцепт являются сделками, поскольку подпадают под определение сделки, данное в статье 153 Гражданского кодекса. И оферта, и акцепт, безусловно, являются действиями граждан и юридических лиц, направленными на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Однако, с практической точки зрения нет никакой необходимости в выделении данных сделок. Так, например, нет необходимости признавать недействительным предложение заключить договор (оферту) или ответ о ее принятии (акцепт). Целесообразнее предъявить требование о признании договора не заключенным, решая таким образом вопрос полностью, не акцентируя внимание на отдельных волеизъявлениях, составляющих договор. Таким образом, можно сделать вывод, что в теории полемика о признании оферты и акцепта сделкой является неконструктивной, ибо такая их квалификация следует из легального определения сделки, но на практике рассматривать эти действия как сделку не прагматично и не перспективно.

Итак, договор заключается посредством направления оферты и ее акцепта. Какова же природа и динамика правоотношений, возникающих на этой стадии, в процессе заключения договора? Не подлежит сомнению, что до заключения договора участники правоотношения обладают определенным комплексом прав и обязанностей – правосубъектностью (правоспособностью и дееспособностью). Характеристика правосубъектности (правоспособности и дееспособности) как социально-юридических качеств участников гражданских отношений

представляется неприемлемой. Сама попытка избежать выхода на общественные отношения при характеристике как правосубъектности, так и других гражданско-правовых явлений является неконструктивной и обусловлена особенностью отечественной юридической науки, которая характеризуется недостаточным вниманием к правовым нормам и юридическим явлениям, находящимся в сфере общественных отношений.

Возможность направления оферты является одним из элементов правоспособности лица. Однако само по себе направление оферты не порождает каких-нибудь прав и обязанностей. Следовательно, на этой стадии заключения договора мы можем вести речь лишь о чистой правоспособности лица. С момента же получения оферты адресатом меняется правовое положение лица, направившего оферту. Факт такого получения связывает направившее ее лицо (пункт 2 статьи 435 ГК РФ), лишая его возможности отзыва оферты после получения адресатом, если иное не оговорено в оферте и не вытекает из существа предложения или обстановки (статья 436 ГК РФ). С этого момента оферта порождает правоотношение между лицом, сделавшим предложение заключить договор, и лицом, которому оферта адресована. Очевидно, что это правоотношение является относительным, связывающим двух конкретных лиц. В то же время это правоотношение не является обязательством, так как не охватывается определением понятия обязательства, содержащимся в статье 307 Гражданского кодекса: в содержании правоотношения, о котором здесь идет речь, нет и не может быть права требования. Следовательно, право, возникающее у акцептанта вследствие получения оферты, не является субъективным. Это – правосекундарное, то есть право на собственные действия, которым не корреспондирует обязанность. Следует отметить, что конструкция секундарных прав вызывает в юридической науке определенные споры. Так, М. М. Агарков пришел к выводу о том, что правовая конструкция секундарных прав является неудачной, поскольку на самом деле речь идет о проявлении динамической правоспособности. Автор приходит к данному выводу следующим образом. Он небезосновательно разделил явления, которые определяются термином «право», на права, которым корреспондируют обязанности («субъективные права»), и права, которым обязанности не корреспондируют (право составить завещание, расторгнуть договор, осуществить выбор в альтернативном обязательстве). По этой же логике право распорядиться объектом права собственности входит в перечень прав, которые принадлежат лицу и которым не корреспондируют обязанности. Такие права он называет проявлениями гражданской правоспособности, но не статической (которая одинакова у всех лиц), а динамической (которая есть у каждого конкретного лица в определенный момент) [1, с. 284–285]. В целом правовая конструкция динамической правоспособности представляется удачной, но нельзя согласиться с утверждением, что ею охватываются секундарные права в относительных правоотношениях. Секундарное право – это право непосредственно решить вопрос о правах и обязанностях другого лица, связанного относительными правоотношениями с управомоченным лицом. Такое право не может быть поставлено в один ряд с правом составить завещание или распорядиться своей собственностью, потому что такие действия только в конечном счете могут повлиять на права и обязанности других лиц, а реализация секундарных прав

непосредственно порождает, изменяет и прекращает права и обязанности лиц, которые пребывают в относительных правоотношениях с другими лицами.

Так, с момента получения оферты у акцептанта возникает секундарное право. Отказ от акцепта, молчание (п.2 ст. 438 ГК РФ), отзыв акцепта (ст. 439 ГК РФ) прерывают правовую связь между сторонами и прекращают данное относительное правоотношение. Акцепт на иных условиях (ст. 443 ГК РФ) прекращает данное правоотношение, но поскольку он же является новой офертой, он связывает лиц с момента получения оферты акцептантом (первоначальным оферентом). А полный и безоговорочный акцепт, осуществленный в предусмотренные сроки, – является основанием для признания договора заключенным. В этом случае не возникает обязанность заключить договор. Если оферент (связанный с момента получения оферты акцептантом) отказывается заключить договор, не возникает необходимости понудить его к заключению договора. В таком случае ставится вопрос о признании договора заключенным (п. 1 ст. 433 Гражданского кодекса). Право акцептанта в данном случае защищается не иском о понуждении к заключению договора (как, например, в публичном договоре), а иском о признании права (абз. 2 ст. 12 Гражданского кодекса), а именно о признании договора заключенным.

Форму таких правоотношений и приобретают наиболее часто отношения в процессе заключения договоров по поводу распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации. Однако существуют и иные способы заключения такого рода договоров. Вторым способом является такой, когда у определенного субъекта возникает одностороннее обязательство заключить договор. Такое обязательство возникает, если речь идет о публичном договоре. В этом случае лицо обязано заключить договор с каждым, кто к нему обратится. Из содержания статьи 426 Гражданского кодекса РФ следует, что для того, чтобы у лица возникло организационное обязательство заключить публичный договор, необходим следующий юридический состав: 1) такое лицо осуществляет предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность; 2) *по характеру своей деятельности лицо должно* продать товар, оказать услугу, выполнить работу в отношении каждого, кто к нему обратится. Такое лицо становится потенциально обязанным перед неограниченным кругом лиц. В теории права общепризнанной является конструкция абсолютных прав. Но мы утверждаем, что существует и конструкция *абсолютной обязанности*, когда лицо обязано перед неограниченным кругом лиц – перед каждым, кто обратится к нему с акцептом. И такая абсолютная обязанность в данном случае возникает у лица в силу его особого статуса и характера деятельности. А в случае отказа от заключения договора может иметь место понуждение к заключению договора (согласно абз. 2 п. 3 ст. 426 ГК при необоснованном уклонении лица от заключения публичного договора применяются положения ч. 4 ст. 445 ГК – другая сторона вправе обратиться в суд с требованием о понуждении заключить договор). Таким образом, можно сделать вывод, что в случае получения лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность оферты, возникает одностороннее организационное обязательство, содержанием которого является обязанность указанного лица заключить публичный договор.

При распоряжении результатами интеллектуальной деятельности указанная схема заключения договора встречается, в частности, при размещении открытой лицензии на изобретение, полезную модель или промышленный образец (ст. 1368 ГК), а также открытой лицензии на селекционное достижение (ст. 1429 ГК). И в первом и во втором случаях законодательно закреплено положение о том, что патентообладатель обязан заключить с лицом, изъявившим желание использовать указанные результаты интеллектуальной деятельности, лицензионный договор на условиях простой (неисключительной) лицензии (абз. 3 п.1 ст. 1368 ГК и абз. 3 п.1 ст. 1429 ГК).

Более сложной представляется конструкция принудительной лицензии на изобретение, полезную модель или промышленный образец. Из содержания статьи 1362 Гражданского кодекса можно сделать вывод, что у патентообладателя возникает обязанность заключить договор при наличии следующего юридического состава: 1) неиспользование или недостаточное использование патентообладателем изобретения или промышленного образца в течение 4 лет, а полезной модели – в течение 3 лет; 2) недостаточное предложение соответствующих товаров, работ или услуг на рынке; 3) обращение лица, желающего и готового использовать такое изобретение, полезную модель или промышленный образец, к правообладателю с предложением заключить договор. При этом для возникновения обязанности заключить договор необходимо наличие всех трех юридических фактов, а также наличие причинно-следственной связи между первым и вторым юридическим фактом. Если указанный юридический состав имеет место, возникает обязанность патентообладателя заключить договор с лицом, выразившим желание заключить лицензионный договор на условиях, «соответствующих установившейся практике». В подобных ситуациях, как мы разбирали выше, право лица защищается путем предъявления в суд требования о понуждении к заключению договора. Однако, согласно положениям пункта 1 статьи 1362 ГК, лицо «...вправе обратиться в суд с иском к патентообладателю о предоставлении принудительной простой (неисключительной) лицензии на использование на территории РФ изобретения, полезной модели или промышленного образца». Полагаем, что подобная формулировка является не вполне корректной. В данном случае уместно применять тот же способ защиты права, что и в случаях, описанных выше, – обращение в суд с требованием о понуждении к заключению договора. Формулировку пункта 1 статьи 1362 Гражданского кодекса предлагаем изложить в следующей редакции: «... вправе обратиться в суд с иском к патентообладателю о понуждении к заключению договора на условиях простой (неисключительной) лицензии на использование на территории РФ изобретения, полезной модели или промышленного образца».

Третий способ заключения договора – это такой способ, в силу которого в процессе заключения договора у обеих сторон возникает обязанность заключить договор на определенных условиях. Такая конструкция возникает при заключении предварительного договора. На основании предварительного договора возникают два простых организационных обязательства, которые образуют единое сложное двустороннее организационное обязательство. Согласно положениям пункта 5 статьи 429 ГК РФ, в случае, если одна из сторон, заключивших предварительный договор, уклоняется от заключения основного договора, применяются положения, предусмотренные п.4 ст. 445 ГК РФ – другая сторона вправе обратиться в суд с

требованием о понуждении к заключению договора. К такому заявлению должен прилагаться образец договора, содержащий условия, на которых истец видит целесообразным заключить договор и которые не противоречат закону. Свое видение относительно условий договора в процессе рассмотрения гражданского дела может излагать и ответчик. Суд выносит решение о признании договора заключенным на условиях, предложенных сторонами. Однако если стороны не могут прийти к соглашению относительно отдельных условий договора, суд, разрешая спор, формулирует эти условия и выносит соответствующее решение.

Согласно положениям статьи 429 Гражданского кодекса, по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем договор о передаче имущества, выполнении работ или оказании услуг (основной договор) на условиях, предусмотренных предварительным договором. С момента заключения предварительного договора у сторон такого договора возникают организационные обязательства, содержанием которых является обязанность каждой стороны заключить в определенный момент в будущем договор на указанных условиях. По указанной схеме могут заключаться любые договоры о распоряжении результатами интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации.

Таким образом, можно сделать вывод, что заключение договоров о распоряжении правами интеллектуальной собственности может заключаться тремя способами. Первый способ не предполагает возникновение у сторон организационных обязательств, возникающих в процессе заключения договора, а в случае отказа оферента от заключения договора право акцептанта защищается путем подачи искового заявления о признании договора заключенным. Второй способ предполагает возникновение в процессе заключения договора одностороннего организационного обязательства, содержанием которого является обязанность заключить договор у одной из сторон (имеющей определенный статус и особый характер деятельности), а третий – возникновение таких организационных обязательств у обеих сторон (предварительный договор). В этих случаях право лица, желающего заключить договор, защищается путем подачи искового заявления о понуждении к заключению договора.

Список литературы:

1. Агарков М. М. Обязательства по советскому гражданскому праву. Избранные труды по гражданскому праву. В 2-х т. Т.1. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – 489 с.
2. Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. – 271 с.
3. Алексеев С. С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Сборник ученых трудов. Вып.13. Свердловский юридический институт. Свердловск, 1970, – С. 46–63.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: общие положения. М., 1998. – 681 с.
5. Гавзе Ф. И. Обязательственное право (общие положения). Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1968. – 99 с.
6. Комментарий части первой Гражданского кодекса Российской Федерации для предпринимателей. М.: Фонд «Правовая культура», 1995. – 480 с.
7. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском семейном праве. – М., 1958. – 182 с.
8. Новицкий И. Б., Лунц Л. А. Общее учение об обязательстве. М.: Госюриздат, 1950. – 416 с.
9. Черепяхин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1962. – 160 с.

Pasechnik Y. S. The legal relations arising in the process of concluding contracts concerning the

order of results of intellectual activity and the individualization equated // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 215–221.

The legal relations arising in the process of concluding civil-law contracts concerning the results of intellectual activity and the means of individualization equated to them are investigated in the paper. The moment of occurrence of the corresponding legal relations is determined. It is noted that the content of legal relations, arising in the process of concluding contracts, constitute rights that are not able to acquire the nature of the requirement, that are secondary rights. At the same time, in the process of concluding such agreements, obligations can arise, which are organizational obligations. In the paper, theoretical provisions have been developed that relate to legal forms of contracting. Three ways of concluding contracts have been analyzed. The legal nature of the offer and the acceptance has been determined. The author has revealed a new construction of an absolute obligation. The legal consequences of non-fulfillment (improper performance) of obligations in the process of concluding contracts have been considered. The provisions developed in this article have important theoretical significance and could be used in legislative and law enforcement activities.

Key words: results of intellectual activity, means of individualization, exclusive rights, obligations, absolute right, absolute obligation, secondary rights, offer, acceptance, public contract, preliminary contract.

Spisokl iteraturyi:

1. Agarkov M. M. Obyazatelstva po sovetскому grazhdanskomu pravu. Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu. V 2-h t. T.1. – M., AO «TsentrYurInfoR», 2002. – 489 s.
2. Aleksandrov N. G. Pravoizakonnost v period razvernutogo stroitelstva kommunizma. M.: Gosyurizdat, 1961. – 271 s.
3. Alekseev S. S. Odnostoronniyesdelki v mehanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya // Sbornik uchenykh trudov. Vyip.13. Sverdlovskiy yuridicheskiy institut. Sverdlovsk, 1970. – S. 46–63.
4. Braginskiy M. I. Vitryanskiy V. V. Dogovornoepravo: obshchiepolozheniya. M., 1998. – 681 s.
5. Gavze F. I. Obyazatelstvennoe pravo (obshchiepolozheniya). Minsk: Izd-vo BGU im. V.I. Lenina, 1968. – 99 s.
6. Kommentariy chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii dlya predprinimateley. M.: Fond "Pravovayakultura", 1995. – 480 s.
7. Krasavchikov O.A. Yuridicheskie fakty v sovetскомsemeynomprave. M., 1958. – 182 s.
8. Novitskiy I.B. Lunts L.A. Obshee uchenie ob obyazatelstve. M.: Gosyurizdat, 1950. – 416 c.
Cherepahin B.B. Pravopremstvo po sovetскому grazhdanskomu pravu. M.: Gosyurizdat, 1962. – 160 s.

УДК 349.6

К ВОПРОСУ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПОДЗЕМНЫХ ВОД В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Пасечник О. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются некоторые аспекты правовой охраны подземных вод в Республике Крым. Автором исследовано понятие «загрязнение подземных вод», раскрывающееся в работах В. В. Браткова, А. М. Каверина, Н. И. Овдиенко. Проанализировано федеральное законодательство в сфере охраны подземных вод. Выявлена проблема, касающаяся охраны подземных водных объектов, используемых для бальнеологических целей, в части нереализованности в связи с тем, что данная норма не нашла своего развития в природоресурсном законодательстве. Проведен анализ законодательства Республики Крым, в части охраны подземных вод определена негативная тенденция дублирования норм федерального законодательства. С целью повышения эффективности охраны подземных вод предложено принятие специального нормативно-правового акта, посвященного вопросам охраны подземных вод в Республике Крым – Закон Республики Крым «Об охране подземных вод в Республике Крым».

Ключевые слова: охрана подземных вод, недропользование, правовое регулирование, законодательное обеспечение, водообеспечение, природные ресурсы, ресурсы недр, подземные водные объекты, водное законодательство, региональные нормативно-правовые акты.

На сегодня наиболее значимыми отрицательными последствиями эксплуатации подземных водных ресурсов являются загрязнение, засорение и истощение подземных вод. Охрана подземных вод в Республике Крым направлена на предотвращение или устранение указанного негативного воздействия, а также на сохранение и восстановление качества ресурсов подземных вод.

Поскольку подземные воды могут выступать в качестве водного ресурса или ресурса недр, правовое регулирование охраны подземных вод осуществляется как водным, так и горным законодательством.

В связи с тем, что охрана подземных вод входит в предмет совместного ведения Российской Федерации и Республики Крым, регламентация данной области общественных отношений осуществляется федеральными и региональными нормативно-правовыми актами.

Наиболее распространенным видом негативного воздействия на подземные водные ресурсы является загрязнение подземных вод. В Российской Федерации с каждым годом возрастает объем загрязненных и засоренных участков подземных вод. Наравне с высокими показателями загрязнения и засорения сложности также вызывает проблема установления источников загрязнения подземной воды.

Водный кодекс Российской Федерации (далее ВК РФ) не содержит определения ни термина «загрязнение подземных вод», ни термина «засорение подземных вод».

В научной литературе были разработаны различные трактовки понятия «загрязнение подземных вод». Однако, на наш взгляд, наиболее полным является определение, используемое Федеральным государственным бюджетным

учреждением «Гидроспецгеология», находящимся в ведении Роснедра. Данное учреждение рассматривает загрязнение подземных вод в качестве изменения гидрохимического состояния, вызванного хозяйственной деятельностью изменения качества подземных вод (которые могут включать физические, химические и микробиологические показатели и свойства) по сравнению с естественным состоянием и санитарными гигиеническими нормами к качеству питьевой воды, которое частично или полностью исключает возможность использования этих вод для питьевых целей без осуществления их предварительной водоподготовки или обработки [3].

Такому виду негативного воздействия на подземные воды, как засорение, в научной литературе, равно как и в законодательстве, внимания уделено гораздо меньше, нежели загрязнению подземной воды. Мы солидарны с мнением А. М. Каверина, который рассматривает засорение водных объектов как поступление в них инородных нерастворимых предметов, в отличие от загрязнений, не оказывающих влияние на качество воды отмеченных объектов [6, с. 11].

Водное законодательство Российской Федерации содержит специальную норму, закрепленную в статье 59 ВК РФ, которая посвящена охране подземных водных объектов от загрязнения и засорения [2]. Пункт 1 статьи 59 ВК РФ устанавливает обязанность физических и юридических лиц принимать меры по предотвращению загрязнения и засорения подземных вод в случае, если хозяйственная или иная деятельность таких лиц оказывает или может оказать негативное влияние на состояние подземных вод [2]. Осуществлять воздействие на подземные водные объекты возможно только в пределах установленных норм.

Отходы промышленности, сельского, а также жилищно-коммунального хозяйства являются одними из самых распространенных загрязнителей подземных вод. При сопоставлении норм экологического и природоресурсного законодательства, регламентирующих охрану подземных водных ресурсов от загрязнения отходами, выявляются некоторые несоответствия.

Так, пунктом 2 статьи 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды» (далее ФЗ «Об охране окружающей среды») захоронение опасных и радиоактивных отходов запрещено на водосборных площадях подземных водных объектов, которые используются как источник водоснабжения, для бальнеологических целей, для извлечения ценных минеральных ресурсов [10]. Соответственно, согласно содержанию указанного пункта статьи 51 ФЗ «Об охране окружающей среды»:

- 1) установлен запрет только на захоронение опасных отходов и радиоактивных отходов;
- 2) ограничен перечень запрещенных случаев захоронения: только в границах водосборных площадей подземных водных объектов, которые используются для водоснабжения, бальнеологических целей, для извлечения ценных минеральных ресурсов.

В пункте 2 статьи 59 ВК РФ содержится запрет на размещение в пределах водосборных площадей подземных водных объектов, используемых (или которые могут быть использованы) в целях питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения, объектов размещения отходов производства и потребления, кладбищ, скотомогильников и иных объектов, оказывающих негативное влияние на состояние подземных вод [10].

Следует отметить, что пункт 2 статьи 59 ВК РФ, в отличие от пункта 2 статьи 51 ФЗ «Об охране окружающей среды», распространяет свое действие только в отношении подземных водных объектов, которые могут быть использованы или используются в питьевом и хозяйственном водоснабжении. Положения об охране подземных водных объектов, используемых для бальнеологических целей, не содержатся ни в статье 59 ВК РФ, ни в статье 64 ВК РФ, посвященной зонам, округам санитарной охраны водных объектов, в пределах которых расположены водные лечебные ресурсы [2]. Федеральный закон «О природных лечебных ресурсах» также не содержит нормы, посвященной охране водосборной площади подземных водных объектов, используемых в бальнеологических целях. Поэтому положение пункта 2 статьи 51 ФЗ «Об охране окружающей среды», касающееся охраны подземных водных объектов, используемых для бальнеологических целей, остается нереализованным в связи с тем, что не нашло своего развития в нормах природоресурсного законодательства.

Если при недропользовании были вскрыты водоносные горизонты, согласно положениям статьи 59 ВК РФ, пользователи недр обязаны принять меры по охране подземных водных объектов. Кроме того, пункт 5 указанной статьи устанавливает, что при осуществлении проектирования, строительства, реконструкции, ввода в эксплуатацию, эксплуатации водозаборных сооружений, касающихся использования подземных водных ресурсов, должны быть предусмотрены меры по предотвращению вредного воздействия не только на поверхностные водные, но и на другие объекты окружающей среды. Примечательным является то, что о предотвращении вредного воздействия водозаборных сооружений на подземные водные объекты в данном пункте не упоминается. По нашему мнению, более корректным было бы употребление в тексте отмеченного пункта термина «водные объекты», поскольку он подразумевает под собой как поверхностные, так и водные объекты.

Пункт 11 части 1 статьи 23 Федерального закона Российской Федерации «О недрах» (далее ФЗ «О недрах») содержит требование о предотвращении размещения производственных отходов, а также отходов потребления в границах водосборных площадей подземных водных объектов и мест залегания подземных вод, используемых для питьевого водоснабжения или технологического водообеспечения промышленности либо сельского хозяйства или зарезервированных как источник питьевого водоснабжения [11].

Анализируя содержание пункта 2 статьи 59 ВК РФ, а также пункта 11 части 1 статьи 23 ФЗ «О недрах», мы видим, что указанные нормы распространяют свое действие только относительно водосборной площади, а не всей площади месторождения подземных вод. На наш взгляд, осуществление охраны только лишь водосборной площади подземных водных объектов, которые могут быть использованы или используются для питьевого водоснабжения или технологического водообеспечения промышленности и сельского хозяйства, нельзя назвать достаточным для реализации максимально эффективной правовой защиты подземных водных ресурсов.

Отметим, что в законодательстве Республики Крым положения, посвященные охране подземных вод от загрязнения и засорения закреплены в статье 12 Закона Республики Крым «О регулировании водных отношений в РК», дублирующей

содержание пункта 2 статьи 59 ВК РФ, а также в абзаце 12 статьи 29 Закона Республики Крым «О недрах» (далее Закон РК «О недрах»), который дублирует положения пункта 11 части 1 статьи 23 Закона РФ «О недрах». Дублирование норм федерального законодательства в нормах регионального законодательства является недостатком последнего, поскольку не отражает специфику правового регулирования общественных отношений в Республике Крым.

Истощение подземных вод, по сравнению с загрязнением и засорением, является не менее серьезным видом вредного воздействия на подземные воды. В пункте 15 части 1 статьи 1 ВК РФ понятие истощения вод сформулировано как: «постоянное сокращение запасов и ухудшение качества поверхностных и подземных вод». Соответственно, истощение подземных водных объектов – это сокращение запасов и ухудшение качества содержащихся в них ресурсов подземных вод.

Происходит истощение подземных вод, как правило, вследствие таких процессов, как добыча и извлечение подземной воды. Добыча и извлечение подземных вод являются двумя разными процессами, поскольку добыча подземных вод представляет собой изъятие подземных вод из недр и последующее ее использование для определенных целей. Извлечение же заключается в попутном изъятии воды из недр в процессе осуществления других видов пользования недрами [5, с. 11].

Истощение запасов подземных вод происходит по причине чрезмерного отбора подземной воды крупными водозаборами из недостаточно обеспеченного питанием водоносного горизонта. Как справедливо отмечает В. А. Михеев, в связи длительной эксплуатацией водозаборов ресурсов подземных вод, вокруг них формируются крупные депрессивные воронки [7, с. 98].

Статья 59 ВК РФ, посвященная охране подземных водных объектов, не содержит положений, регламентирующих охрану подземных вод от такого вида негативного воздействия, как истощение. К нормам Закона РФ «О недрах», а также к нормам Закона РК «О недрах», регулирующим охрану подземных водных ресурсов от истощения, относятся нормы, устанавливающие объем их извлечения. Например, статья 25 Закона РК «О недрах» устанавливает для собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев, арендаторов земельных участков суточный объем допустимого (без лицензии) извлечения подземных вод в размере не более 100 кубических метров [4].

Одной из причин истощения подземных водных ресурсов является бесхозяйственный самоизлив подземных вод из неконтролируемых скважин. Кроме того, самоизлив минеральных вод при их добыче опасен, поскольку может привести к засолению ближайших земель. На предотвращение отмеченных ситуаций, негативно влияющих на состояние подземных вод, направлены положения статьи 26 Закона РФ «О недрах», устанавливающие требование о том, что ликвидация или консервация предприятия или подземного сооружения должна производиться с приведением горных выработок или буровых скважин в состояние, при котором будет обеспечена безопасность жизни и здоровья населения, охрана окружающей среды, зданий и сооружений, а консервация – также с сохранностью месторождения, горных выработок и буровых скважин на весь период консервации

[11]. В статье 45 Закона РК «О недрах» продублированы положения указанной статьи Закона РФ «О недрах».

Специальные требования к ликвидации и консервации буровых скважин подземных вод ни Закон РФ «О недрах», ни Закон РК «О недрах» не содержит. Развивает положения статьи 26 Закона РФ «О недрах» действующее Постановление Госгортехнадзора РФ от 2 июня 1999 года № 33 «Об утверждении Инструкции о порядке ведения работ по ликвидации и консервации опасных производственных объектов, связанных с использованием недрами» [8]. Однако указанное Постановление касается только ликвидации и консервации опасных производственных объектов недропользования. К таким, например, относятся ликвидация или консервация шахт, опасных из-за газа рудников. Отсутствие специальных требований к осуществлению ликвидации и консервации буровых скважин подземных вод как на законодательном уровне, так и на уровне подзаконных нормативно-правовых актов приводит к наличию множества самоизливающихся, бесхозных скважин подземных вод.

Для борьбы с такой проблемой как истощение подземных вод, в СССР широко использовали метод искусственного восполнения запасов подземных вод, заключающийся в переводе воды через инфильтрационные сооружения из поверхностного стока в подземный. На данный момент указанный метод восполнения запасов подземных вод практически не применяется, поскольку восполнение подземных вод не является гарантией их качества. К примеру, заводнение угольных шахт одновременно с компенсацией количества ресурсов подземных вод приводит к их загрязнению. Соответственно, такие процессы, как истощение и загрязнение подземных водных ресурсов, могут быть по отношению друг к другу либо предшествующими, либо сопутствующими.

Детализация обеспечения охраны подземных вод содержится в Правилах «Охраны подземных водных объектов», утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 февраля 2016 года № 94 (Далее – Правила «Охраны подземных водных объектов») [9]. Данные Правила содержат следующие мероприятия, направленные на предупреждение загрязнения, засорения подземных водных объектов, истощения их запасов, а также ликвидацию последствий указанных видов негативного воздействия:

- 1) предотвращение поступления загрязняющих веществ в ресурсы подземных вод;
- 2) ликвидация последствий загрязнения, засорения и истощения запасов подземных вод;
- 3) наблюдение за химическим, микробиологическим и радиационным состоянием, а также за уровневый режимом подземных вод;
- 4) определение объемов добычи или извлечения подземной воды, а также объемов размещаемых попутных (пластовых) вод, радиоактивных отходов, отходов производства и потребления в глубокие горизонты (коллекторы) и объемов сточных вод, размещаемых в подземных водных объектах, которые не используются и не могут быть использованы для обеспечения питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения;
- 5) установление режима хозяйственной деятельности, при котором запрещены работы, осуществляющие загрязнение подземных вод в пределах границ зон

санитарной охраны водозаборов питьевых подземных вод, границ округов горно-санитарной охраны месторождений минеральных вод, а также в областях питания незащищенных водоносных горизонтов, используемых как источник централизованного и нецентрализованного питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения.

В Правилах «Охраны подземных водных объектов» перечисленные выше мероприятия по охране подземных водных объектов, в зависимости от их целевой направленности, подразделены на профилактические и специальные мероприятия.

Для наблюдения за состоянием подземных вод и своевременного принятия специальных мер по их охране Правилами «Охраны подземных водных объектов» установлено требование об оборудовании на водозаборах подземных вод, эксплуатационных и резервных скважин приборами учета объема добычи подземных вод и устройствами для измерения уровней подземных вод. А относительно водозаборов подземных вод с объемом добычи свыше 100 кубических метров в сутки закреплена необходимость их оборудования наблюдательными скважинами для проведения систематических наблюдений за качеством и уровнем подземных вод на предоставленном в пользование участке недр.

Правила «Охраны подземных водных объектов», устанавливая обязанность пользователя недр сообщить в соответствующий территориальный орган Федеральной службы по надзору в сфере природопользования в случае ухудшения качества добываемых подземных вод, закрепляет перечень состояний подземных вод, в которых выражается ухудшение качества подземной воды. Указанное ухудшение может выражаться в превышении показателей минерализации, жесткости, появлении бактериального и химического загрязнения, а также в отклонении режима работы водозабора подземных вод от установленных в проектной документации показателей.

Подземные воды, согласно Правилам «Охраны подземных водных объектов», выводятся на поверхность минимальным количеством каптажных сооружений. А в случае вывода подземных вод, обладающих агрессивным коррозионным действием, для изготовления эксплуатационных колонн и других сооружений должны применяться устойчивые к разрушению материалы. Также установлено, что при бурении в пределах месторождения новых эксплуатационных или разведочных скважин, а также при выполнении на существующих скважинах каких-либо ремонтных работ необходимо принимать меры, предотвращающие разгерметизацию обсадных колонн, изолирующих различные водоносные горизонты.

Широко распространенным методом изоляции токсичных отходов нефтегазовой сферы является захоронение жидких отходов в глубоких водоносных горизонтах подземных вод, которое зачастую сопровождается сбросом сточных вод, загрязненных такими отходами. Нефтяное загрязнение подземной воды представляет особую опасность, поскольку обнаруживается только тогда, когда же сильно загрязнена значительная часть водоносного горизонта подземных вод, являющегося источником питания родника. Кроме того, такое загрязнение подземной воды практически не поддается очищению. И даже при устранении источника загрязнения очищение водоносного горизонта происходит медленно [1, с. 33].

Кроме того, при аварийных ситуациях попутные пластовые воды, высокоминерализованные и экологически опасные, извлекаемые из добытой нефти, могут проникнуть в природные системы и привести к засолению почвы, а также к загрязнению поверхностных и подземных вод.

Исходя из содержания ст. 23 Закона РК «О недрах», захоронение вредных, токсичных веществ и отходов производства, сброс сточных вод (в том числе содержащих вредные и токсичные вещества) осуществляются в соответствии с федеральным законодательством.

Относительно правового регулирования использования подземных вод как пространственно-территориального базиса для захоронения опасных отходов в Правилах «Охраны подземных водных объектов» указано, что размещение попутных (пластовых) вод, радиоактивных отходов, отходов производства и потребления определенных классов опасности возможно в глубоких горизонтах горных пород (коллекторов), в том числе содержащих высокоминерализованные не имеющие применения подземные воды. Также установлен запрет на размещение сточных вод, попутных (пластовых) вод, жидких токсичных, радиоактивных и иных опасных отходов в пластах горных пород, содержащих подземные воды, которые могут быть использованы в теплоэнергетических, промышленных, питьевых и хозяйственно-бытовых целях. Закрепления указанных моментов в Правилах «Охраны подземных водных объектов» относительно изоляции вредных отходов в водоносных горизонтах недостаточно для осуществления эффективной охраны подземных вод.

Итак, подземные воды в процессе эксплуатации подвергаются негативному воздействию, опасными последствиями которого являются загрязнение, засорение и истощение ресурсов подземных вод.

Регулирование охраны подземных вод осуществляется нормами горного и водного законодательства как на федеральном, так и на региональном уровне.

Что касается федерального законодательства, то в водном законодательстве Российской Федерации охране подземных вод от загрязнения и истощения посвящена специальная норма, закрепленная в статье 59 ВК РФ.

В частности, пункт 2 статьи 59 ВК РФ посвящен охране подземных вод от загрязнения отходами промышленности, сельского, а также жилищно-коммунального хозяйства, которые являются одними из самых распространенных загрязнителей подземных вод.

При сопоставлении положений ВК РФ, ФЗ «О природных лечебных ресурсах», а также положений 2 статьи 51 ФЗ «Об охране окружающей среды» мы пришли к выводу, что положение, касающееся охраны подземных водных объектов, используемых для бальнеологических целей, закрепленное в ФЗ «Об охране окружающей среды», остается нереализованным в связи с тем, что не нашло своего развития в нормах природоресурсного законодательства. Мы считаем, что для реализации данного положения необходимо дополнить пункт 2 статьи 59 ВК РФ таким видом целевого использования подземных водных объектов, как использование для бальнеологических целей, а также необходима разработка и закрепление нормы в ФЗ «О природных лечебных ресурсах», в которой будут раскрыты особенности охраны площади месторождения подземных водных объектов, используемых в бальнеологических целях.

В пункте 5 статьи 59 ВК РФ говорится о предотвращении вредного воздействия водозаборных сооружений на различных этапах хозяйственной деятельности не только на поверхностные водные, но и на другие объекты окружающей среды. Однако о предотвращении вредного воздействия водозаборных сооружений на подземные водные объекты в данном пункте не упоминается. Мы считаем, что для более корректного изложения содержания данного пункта необходимо внести изменения в пункт 5 статьи 59 ВК РФ, согласно которым термин «поверхностные водные объекты» будет заменен термином «водные объекты».

Истощение подземных вод также является опасным видом негативного воздействия, одной из причин которого является бесхозяйственный самоизлив подземных вод из неконтролируемых скважин. На его предотвращение направлены положения статьи 26 Закона РФ «О недрах», устанавливающие требование о том, что ликвидация или консервация предприятия или подземного сооружения должна производиться с приведением горных выработок или буровых скважин в состояние, при котором будет обеспечена безопасность жизни и здоровья населения, охрана окружающей среды, зданий и сооружений, а консервация – также с сохранностью месторождения, горных выработок и буровых скважин на весь период консервации. Но ни на законодательном, ни на уровне подзаконных нормативно-правых актов специальные требования к ликвидации и консервации буровых скважин подземных вод не установлены, что приводит к наличию множества самоизливающихся, бесхозных скважин подземных вод. Считаем, что необходима регламентация на уровне подзаконного нормативного акта порядка, касающегося реализации обязанности пользователем подземных вод по обеспечению надлежащей ликвидации скважин или их консервации.

Статья 23 Закона РК «О недрах» допускает захоронение вредных, токсичных веществ и отходов производства, сброс сточных вод (в том числе содержащих вредные и токсичные вещества), отсылая к нормам федерального законодательства.

Правила «Охраны подземных водных объектов» допускают размещение попутных (пластовых) вод, радиоактивных отходов, отходов производства и потребления определенных классов опасности, возможно, в глубоких горизонтах горных пород (коллекторов), в том числе содержащих высокоминерализованные не имеющие применения подземные воды. Также указанные Правила устанавливают запрет на размещение сточных вод, попутных (пластовых) вод, жидких токсичных, радиоактивных и иных опасных отходов в пластах горных пород, содержащих подземные воды, которые могут быть использованы в теплоэнергетических, промышленных, питьевых и хозяйственно-бытовых целях. Мы считаем, что закрепления указанных моментов относительно изоляции вредных отходов в водоносных горизонтах в Правилах «Охраны подземных водных объектов» недостаточно. Необходимо установление в Правилах «Охраны подземных водных объектов» минимальных показателей содержания в водах, закачиваемых в глубокие водоносные горизонты механических примесей, к которым следует стремиться, а также максимальных показателей загрязняющих веществ, превышение которых не допустимо. Так же необходимо закрепить в указанных Правилах требования относительно обустройства накопительных емкостей, используемых для хранения загрязненных сточных вод, которые в дальнейшем будут закачены в пласт.

Что же касается регионального законодательства, то мы, проведя анализ положений водного и горного законодательства Республики Крым, посвященных охране подземных вод, увидели, что данные положения либо дублируют положения федеральных нормативно-правовых актов, либо содержат отсылку к федеральному законодательству. Указанное содержание правовых норм, безусловно, является недостатком законодательства Республики Крым, поскольку не отражает специфику правового регулирования общественных отношений в Республике Крым. В связи с чем считаем необходимым разработку и принятие специального нормативно-правового акта, посвященного вопросам охраны подземных вод в Республике Крым – Закон Республики Крым «Об охране подземных вод в Республике Крым».

Закон Республики Крым «Об охране подземных вод в Республике Крым» должен носить комплексный характер и регулировать вопросы по охране подземных вод как в качестве водного ресурса, так и в качестве ресурса недр. В указанном нормативно-правовом акте должны быть закреплены не только общие положения об охране подземных вод, но и отражена специфика охраны подземных вод в зависимости от их природных свойств, их географических характеристик, назначения и целевого использования. Отражение указанных особенностей станет основанием для сужения сферы прав в области охраны подземной воды, отданных на усмотрение пользователя подземных вод, что на наш взгляд позитивно повлияет на эффективность реализации охраны подземных водных ресурсов.

Список литературы:

1. Братков В. В., Овдиенко Н. И. Геоэкология: учебное пособие. – М.: Высш. шк., 2006. – 271 с.
2. «Водный кодекс Российской Федерации» от 3 июня 2006 года № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.8.
3. Загрязнение подземных вод [Электронный ресурс] // Федеральное Агентство по Недропользованию «Роснедра». Федеральное государственное бюджетное учреждение «Гидроспецгеология». Центр государственного мониторинга и состояния недр и региональных работ: сайт. – URL: http://www.geomonitoring.ru/mpv_pollution.html (дата обращения: 26.03.2016).
4. Закон Республики Крым от 7 августа 2014 года № 45-ЗРК «О недрах» // Ведомости Государственного Совета Республики Крым. – 2014. – № 2. – Ст. 102.34.
5. Информационный бюллетень о состоянии недр на территории Российской Федерации в 2009 г. – Вып. 33. – М.: ООО «Геоинформмарк», 2010. – 208 с.
6. Каверин А. М. Правовая охрана вод от загрязнения. М.: Юридическая литература, 1977. – 104 с.
7. Михеев. В. А. Гидрология: Учебное пособие по курсу «Науки о Земле» для студентов, обучающихся по специальности 28020265 «Инженерная защита окружающей среды». Ульяновск: УлГТУ, 2010. – 200 с.
8. Постановление Госгортехнадзора Российской Федерации от 2 июня 1999 года № 33 «Об утверждении Инструкции о порядке ведения работ по ликвидации и консервации опасных производственных объектов, связанных с использованием недрами» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 19.07.1999. – № 29. – С. 28.
9. Титовнина Т. Я. Правовая охрана подземных вод в Белорусской ССР: дис. ... на соиск. учен. степени канд. юр. наук: 12.00.06 / Т. Я. Титовнина. Минск, 1977. – 175 с.
10. Федеральный Закон от 10 января 2002 года №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133. 14.
11. Федеральный Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 года № 2395-1 «О недрах» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 10. – Ст. 823.10.

Pasechnyk O. S. On the issue of legal protection of groundwater in the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 222–231.

The article considers some aspects of the legal protection of groundwater in the Republic of Crimea. The authors studied the concept of "pollution of groundwater", which is revealed in the works of V. V. Bratkov, A. M. Kaverin, N. I. Ovdienko. The federal legislation in the field of protection of ground waters is analyzed. The problem concerning protection of underground water objects used for balneological purposes, regarding unrealisation, is revealed because this norm has not found its development in natural resource legislation. The analysis of the legislation of the Republic of Crimea, regarding the protection of underground waters, the negative tendency of duplication of the norms of the Federal legislation is determined. In order to improve the effectiveness of groundwater protection, it is proposed to adopt a special regulatory and legal act on the protection of groundwater in the Republic of Crimea - the Crimean Law "On the Protection of Groundwaters in the Republic of Crimea".

Keywords: protection of underground waters, subsoil use, legal regulation, legislative support, water supply, natural resources, subsoil resources, underground water bodies, water legislation, regional normative legal acts.

Spisok literaturyi:

1. Bratkov V. V., Ovdienko N. I. Geoekologiya: uchebnoe posobie. – M.: Vyssh. shk., 2006. – 271 s.
2. «Vodniy kodeks Rossiyskoy Federatsii» ot 3 iyunya 2006 goda № 74-FZ // Sобрание zakonodatelstva RF. – 2006. – № 23. – St. 2381.8
3. Zagryaznenie podzemnykh vod [Elektronnyy resurs] // Federalnoe Agentstvo po Nedropolzovaniyu «Rosnedra». Federalnoe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie «Gidrospeitsgeologiya». Tsentr gosudarstvennogo monitoringa i sostoyaniya nedr i regionalnykh rabot: sayt. - URL: http://www.geomonitoring.ru/mpv_pollution.html (data obrascheniya: 26.03.2016). 101.
4. Zakon Respubliki Kryim ot 7 avgusta 2014 goda № 45-ZRK «O nedrah» // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kryim. – 2014. – №2. – St. 102.34
5. Informatsionnyy byulleten o sostoyanii nedr na territorii Rossiyskoy Federatsii v 2009 g. – Vyip. 33. – M.: ООО «Geoinformmark», 2010. – 208 s. 66
6. Kaverin A.M. Pravovaya ohrana vod ot zagryazneniya. M.: Yuridicheskaya literatura, 1977. – 104 s.
7. Miheev. V.A. Gidrologiya: Uchebnoe posobie po kursu «Nauki o Zemle» dlya studentov, obuchayuschihsya po spetsialnosti 28020265 «Inzhenernaya zaschita okruzhayushey sredyi». Ulyanovsk : UIGTU, 2010.
8. Postanovlenie Gosgortehnadzora Rossiyskoy Federatsii ot 2 iyunya 1999 goda № 33 «Ob utverzhdenii Instruksii o poryadke vedeniya rabot po likvidatsii i konservatsii opasnykh proizvodstvennykh ob'ek-tov, svyazannykh s polzovaniem nedrami» // Byulleten normativnykh aktov federalnykh organov ispol-nitelnoy vlasti. – 19.07.1999. – № 29. – S. 28
9. Titovkina T. Ya. Pravovaya ohrana podzemnykh vod v Belorusskoy SSR: dis. ... na soisk. uchYon. stepeni kand. yur. nauk: 12.00.06 / T.Ya. Titovkina. - Minsk, 1977. – 175 s.
10. Federalnyy Zakon ot 10 yanvarya 2002 goda №7-FZ «Ob ohrane okruzhayushey sredyi» // Sобрание zakonodatelstva RF. – 2002. – № 2. – St. 133. 14.
11. Federalnyy Zakon Rossiyskoy Federatsii ot 21 fevralya 1992 goda № 2395-1 «O nedrah» // Sобрание zakonodatelstva RF. – 1995. – № 10. – St. 823.10.

УДК 349.227:340.13

**ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ,
УСТАНОВЛИВАЮЩИХ ОСОБЕННОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ
ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ**

Сонин О. Е.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье анализируются положения раздела XII Трудового кодекса РФ, устанавливающие основания прекращения трудовых правоотношений. Обосновывается вывод о невозможности разрешения проблем, возникающих при толковании и применении указанных положений, без использования логических приемов, составляющих содержание методологии толкования и применения. Обращается внимание на то обстоятельство, что отличие правовых норм, текстуально и логически закрепленных в положениях раздела XII ТК РФ и находящихся «под защитой» ст. 251 ТК РФ (в том числе выявляемых при помощи вывода от противоположного), от иных специальных норм трудового права состоит в их способности конкурировать с текстуально закрепленными общими нормами трудового права, которой (способностью) в обычном случае специальные нормы не обладают.

Ключевые слова: правовая норма, особенности правового регулирования труда, толкование.

Актуальность исследования проблемы применения правовых норм, устанавливающих особенности прекращения трудовых правоотношений, а более широко – применения закрепленных в положениях раздела XII Трудового кодекса РФ [1] правовых норм, обусловлена как минимум двумя взаимосвязанными факторами.

Первым из них является то обстоятельство, что как выделение в структуре Трудового кодекса раздела XII «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников», так и закрепление в этом разделе (согласно данному в ст. 251 ТК РФ определению особенностей регулирования труда), нормативных положений, которые «частично ограничивают применение общих правил по тем же вопросам либо предусматривают для отдельных категорий работников дополнительные правила», является новым для отечественного законодательства о труде явлением, порождает необходимость поиска практически ориентированных ответов на вопросы о правовой природе таких особенностей, их месте в системе правовых явлений и соотношении с ними, о пределах осуществляемого рассматриваемыми «особенностями» ограничения либо дополнения общих норм трудового права.

Вторым фактором, обуславливающим актуальность поставленной проблемы, является явно демонстрируемая наукой трудового права неготовность давать ответы на поставленные выше вопросы, которые (ответы) могли бы быть использованы правоприменительными органами при разрешении трудовых споров, а также участниками трудовых отношений при решении вопроса о круге и содержании их прав и обязанностей.

С учетом изложенного, задачей данной статьи является исследование закрепленных в разделе XII ТК РФ правовых предписаний, устанавливающих особенности прекращения трудовых отношений с отдельными категориями работников, определение их соотношения с правовыми предписаниями, установленными в главе 13 ТК РФ, и обоснование предложений по разрешению возникающих между названными группами нормативных положений коллизий на основе положений разрабатываемой на кафедре гражданского и трудового права Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского методологии толкования и применения актов законодательства.

Объектом анализа при этом должны стать нормативные положения, закрепленные в ст. 77 ТК РФ, с одной стороны, а с другой – установленные в ч. 1 ст. 307 ТК РФ («трудовой договор с работником, работающим у работодателя – физического лица, может быть прекращен по основаниям, предусмотренным трудовым договором») и ст. 327.6 ТК РФ («наряду с основаниями, предусмотренными настоящим Кодексом, основанием прекращения трудового договора с работником, являющимся иностранным гражданином или лицом без гражданства, является...»), и в аналогичных по юридическому содержанию положениях ст. 336, 347, 348.11 ТК РФ; а также установленные в ст. 81 ТК РФ, с одной стороны, а с другой – в ст. 312.5 ТК РФ («расторжение трудового договора о дистанционной работе по инициативе работодателя производится по основаниям, предусмотренным трудовым договором») и аналогичные по юридическому содержанию положения ст. 312 ТК РФ.

Очевидным является то обстоятельство, что сферы действия правовых норм, установленных ст. 77 ТК РФ, с одной стороны, и закрепленных в ст. 307, 327.6, 336, 347, 348.11 ТК РФ, с другой стороны, не одинаковы: действие ст. 77 ТК РФ распространяется на случаи прекращения трудовых отношений со всеми работниками; регулятивное воздействие норм, закрепленных в ст. 307 и других названных статьях ТК РФ, распространяется лишь на часть правового поля, которую покрывает ст. 77 ТК РФ (на трудовые отношения с отдельными категориями работников). Таким же образом соотносятся и нормы, закрепленные, с одной стороны, в ст. 81 ТК РФ, а с другой, – в ст. 312 и 312.5 ТК РФ. Следовательно, имеются основания для признания норм, установленных в названных положениях раздела XII ТК РФ, специальными по отношению к нормам ст. 77 и 81 ТК РФ по критерию гипотезы. С учетом положений ст. 251 ТК РФ названные специальные правовые нормы подлежат также признанию устанавливающими «особенности правового регулирования».

Очевидно также, что существуют различия между диспозициями этих норм и соответствующей им общей нормы (закрепленной в ст. 77 либо 81 ТК РФ соответственно), вследствие чего необходимым является решение вопроса о круге прав и обязанностей участников трудовых отношений, на которые распространяется соответствующая специальная правовая норма, и о совместимости рассматриваемых норм.

Следует признать, что осуществить толкование рассматриваемых нормативных положений на основе накопленного в науке трудового права опыта невозможно. Хотя самой идее установления специальных правовых норм – особенностей правового регулирования, – которая нашла отражение в содержании

ст. 251 ТК РФ, мы и обязаны исследованиям проблемы дифференциации правового регулирования, предпринятым в том числе учеными-специалистами в области трудового права [см., напр. : 2, с. 97; 3, с. 48], все же результаты такого рода исследований, обнародованные как до, так и после принятия ТК РФ, мало пригодны для практических целей.

В науке отсутствует даже единое представление о закрепленных в ТК особенностях правового регулирования труда (утверждается, например, что «особенности регулирования труда – это не нормы, как указывается в ст. 251 ТК РФ, а законодательное установление правовых норм, частично ограничивающих применение общих правил по тем же вопросам...» [4], хотя и не указывается, в чем состоят различия между правовой нормой и объективированными результатами «законодательного установления правовых норм»): закрепленные в разделе XII ТК РФ правовые предписания как результат процесса «законодательного установления» дают возможность выявить правовые нормы-особенности правового регулирования трудовых отношений.

Вопрос о соотношении правовых норм, устанавливающих особенности правового регулирования труда, со смежными явлениями (общими и специальными нормами трудового права) также не находит в науке своего решения.

Так, с одной стороны, утверждается, что «законодательство о труде состоит из двух групп норм: норм общего действия и дифференцированных норм» [5]; что «специальные нормы, содержащиеся в указанных (раздела XII ТК РФ – *Авт.*) главах, относятся к институтам трудового договора, охраны труда... и не могут в отрыве от соответствующих общих норм составлять самостоятельные институты трудового права» [6]. Такой подход в конечном счете ведет к выводу, что нормы трудового права подразделяются на общие и специальные (последние выявляются из положений, закрепляющих особенности правового регулирования и размещенных в разделе XII ТК РФ, а правовые нормы, выявляемые из других положений ТК РФ и иных нормативных правовых актов, специальными, вероятно, признаваться не могут).

С другой стороны, утверждается, что «нормы, устанавливающие особенности труда отдельных категорий работников, содержатся как в разделе XII ТК РФ, так и в других разделах ТК» [7]. Приведенное высказывание, очевидно, означает, что отсутствуют иные правовые явления, кроме «норм, устанавливающих особенности труда отдельных категорий работников», которые, в свою очередь, имеют одинаковую правовую природу безотносительно того, закреплены они в положениях раздела XII ТК РФ либо за его пределами, и в совокупности охватываются понятием специальных правовых норм.

Отметим, что первый из приведенных подходов в принципе не соответствует правовой действительности (в рамках которой существует огромный массив специальных правовых норм, текстуально и логически закрепленных за пределами раздела XII ТК РФ). Второй из названных подходов не учитывает того, что выявляемые из закрепленных в разделе XII ТК РФ правовых предписаний специальные нормы трудового права, в отличие от иных специальных норм трудового права, находятся под воздействием правила ст. 251 ТК РФ, и потому не решает вопрос о правовых последствиях такого воздействия.

Наконец, доктрина трудового права не способна давать практически ориентированные рекомендации по применению анализируемых нормативных положений по той причине, что ее понимание роли особенностей правового регулирования сводится к утверждениям о том, что «среди специальных правовых норм следует выделить две группы: нормы-изъятия (ограничивающие применение общих правил) и нормы-дополнения (предусматривающие дополнительные правила) [8, с. 43].

Между тем задача юридической науки состоит не в констатации назначения норм-изъятий, а в разработке способов определения пределов, в которых такие нормы ограничивают применение общих правил, а также критериев отграничения норм-изъятий и норм-дополнений, что на сегодня является для науки явно невыполнимой задачей.

Покажем это на конкретных примерах. Ст. 77 ТК РФ допускает возможность установления Трудовым кодексом и федеральными законами иных, кроме установленных в ст. 77 ТК РФ, оснований прекращения трудового договора. Раздел XII ТК РФ содержит два различных по юридическому содержанию нормативных положения – ст. 327.6 ТК РФ («наряду с основаниями, предусмотренными настоящим Кодексом, основанием прекращения трудового договора с работником, являющимся иностранным гражданином или лицом без гражданства, является...») и ч. 1 ст. 307 ТК РФ («трудоустройство с работником, работающим у работодателя – физического лица, может быть прекращено по основаниям, предусмотренным трудовым договором»), соотношение выявляемых из которых правовых норм с нормой ст. 77 ТК РФ является, очевидно, различным.

Ст. 81 ТК РФ допускает возможность установления Трудовым кодексом и иными федеральными законами дополнительных оснований расторжения трудового договора по инициативе работодателя. Согласно же ст. 312.5 ТК РФ «расторжение трудового договора о дистанционной работе по инициативе работодателя производится по основаниям, предусмотренным трудовым договором».

Полагаем, что на базе накопленных в науке трудового права знаний может быть разрешен вопрос о соотношении между правовыми нормами, текстуально закрепленными в ст. 77 и 327.6 ТК РФ, да и то исключительно интуитивно и вследствие очевидной совместимости анализируемых положений. Действительно, ст. 327.6 ТК РФ текстуально закрепляет правовую норму, дополняющую общий круг оснований прекращения трудового договора, установленный ст. 77 ТК РФ. Однако уже вывод об отсутствии несовместимости между правовыми нормами, выявляемыми из положений ст. 77 и 327.6 ТК РФ, и обусловленной этим возможности их совместного применения к соответствующим отношениям на базе положений трудо-правовой доктрины невозможен и предполагает обращение к научно обоснованной методологии толкования и применения нормативных правовых актов.

Тем более невозможным без обращения к положениям методологии является толкование правовых норм, закрепленных в ч. 1 ст. 307 ТК РФ («трудоустройство с работником, работающим у работодателя – физического лица, может быть прекращено по основаниям, предусмотренным трудовым договором»).

При этом имеется в виду необходимость признания и использования для толкования цитированного правового предписания следующих исходных положений:

а) правовые нормы в законодательных положениях закрепляются как текстуально, так и логически (т. е. устанавливаются путем логического преобразования текста законодательного положения);

б) для целей установления логически закрепленной в цитированном положении ч. 1 ст. 307 ТК РФ правовой нормы необходимым является использование вывода *acontrario*;

в) логически закрепленная в цитированном положении ч. 1 ст. 307 ТК РФ специальная правовая норма по юридической силе уступает текстуально закрепленной в ст. 77 ТК РФ правовой норме;

г) в силу признания правовых норм, закрепленных (как текстуально, так и логически) в законодательных положениях раздела XII ТК РФ, особенностями правового регулирования труда и текстуально, и логически закрепленные в названных законодательных положениях правовые нормы приобретают юридическую силу, позволяющие им конкурировать с текстуально закрепленными правовыми нормами и исключать применение последних к общественным отношениям, на которые распространяются логически закрепленные специальные правовые нормы. В противном случае законодательное определение правовых норм, выявляемых из положений раздела XII ТК РФ, теряло бы всякий смысл. Ввиду того, что признание положений закона лишенными юридического содержания в подавляющем большинстве случаев следует считать недопустимым, полагаем правильной предлагаемую нами интерпретацию юридической силы правовых норм, обозначенных в ТК РФ как особенности правового регулирования.

Текстуально закрепленная в приведенном выше положении ч. 1 ст. 307 ТК РФ специальная по отношению к нормам ст. 77 ТК РФ правовая норма (которая наделяет стороны трудового договора, заключенного между работником и работодателем – физическим лицом, правом устанавливать таким трудовым договором основания его прекращения) не является логически несовместимой с последними названными нормами. Однако логически несовместимой с ними является логически закрепленная в положении ч. 1 ст. 307 ТК РФ правовая норма, которая выявляется при толковании при помощи вывода *acontrario* и в соответствии с которой трудовой договор с работником, работающим у физического лица, не может быть прекращен по иным основаниям, кроме предусмотренных трудовым договором.

Полагаем, что невозможно отрицать факт наличия в положениях ч. 1 ст. 307 ТК РФ указанных текстуально и логически закрепленных норм. Поскольку же в положении ч. 1 ст. 307 ТК РФ устанавливается, пусть и не текстуально, а логически, правовая норма, исключающая прекращение трудового договора с работником, работающим у физического лица, по не предусмотренным трудовым договором основаниям, то такая правовая норма подлежит признанию специальной, а кроме того (в силу указания в ст. 251 ТК РФ), подлежащей преимущественному применению перед общей нормой ст. 77 ТК РФ, допускающей прекращение трудовых отношений с названными работниками и по другим основаниям, установлен непосредственно в ст. 77 ТК РФ, иных положениях ТК РФ и федеральных законов.

Аналогичным является соотношение правовых норм, текстуально и логически закрепленных в ч. 1 ст. 312.5 ТК РФ («расторжение трудового договора о дистанционной работе по инициативе работодателя производится по основаниям, предусмотренным трудовым договором»), с нормами, закрепленными в ст. 81 ТК РФ: текстуально закрепленная в цитированном положении ст. 312.5 ТК РФ правовая норма является логически совместимой с положениями ст. 81 ТК РФ, а логически закрепленная в положении ст. 312.5 ТК РФ правовая норма, которая выявляется при толковании при помощи вывода *asontrario* и в соответствии с которой по инициативе работодателя расторжение трудового договора с дистанционными работниками не может производиться по основаниям, не предусмотренным трудовым договором, с положениями ст. 81 ТК РФ несовместима, непригодна к совместному с ними применению, а в силу указания в ст. 251 ТК РФ подлежит преимущественному применению перед положениями ст. 81 ТК РФ.

Необходимо также решить вопрос о возможности применения указанных специальных правовых норм, логически закрепленных в положениях раздела XII ТК РФ и выявляемых при помощи вывода *asontrario*, с учетом их неполного соответствия положениям ст. 251 ТК РФ: названные специальные правовые нормы в соответствующей сфере общественных отношений полностью исключают возможность применения общих правовых норм, закрепленных в положениях ст. 77 и 81 ТК РФ, в то время как ст. 251 ТК РФ предполагает, что признаваемые особенностями правового регулирования правовые нормы будут лишь «частично» ограничивать применение общих правовых норм.

Возникновение рассматриваемой правоприменительной проблемы обусловлено тем, что законодатель неосмотрительно прислушался к рекомендациям правовой науки, которая не смогла предположить, что специальные правовые нормы могут отменять действие общих не только в части, но и полностью, хотя такое действие специальных правовых норм, как полная отмена ими действия общих правовых, является обычным, если даже не более характерным для правовой действительности, чем частичная отмена действия общих правовых норм.

С учетом изложенного рассматриваемая проблема должна решаться с учетом того, что задача положений ст. 251 ТК РФ исчерпывается указанием на необходимость преимущественного применения правовых норм, обозначенных как «особенности правового регулирования труда», и эти положения не могут рассматриваться как лишающие законодателя возможности устанавливать специальными положениями ТК РФ и иных федеральных законов и таких особенностей, которые применение общих правовых норм будут ограничивать как частично, так и полностью.

Изложенное, на наш взгляд, делает возможным вывод о том, что толкование правовых норм, устанавливающих особенности прекращения трудовых правоотношений, является невозможным без учета методологических положений о способах закрепления правовых норм в законодательных положениях (текстуальном и логическом), способах выявления таких правовых норм (в частности, с использованием вывода *asontrario*), а также о юридической силе правовых норм, логически закрепленных в законодательных положениях и признаваемых ст. 251 ТК РФ особенностями правового регулирования труда.

Дальнейшее исследование проблем толкования правовых норм, устанавливающих особенности правового регулирования труда, могло бы, на наш взгляд, пойти по пути обоснования предложений по совершенствованию положений раздела XII ТК РФ.

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: Принят Государственной Думой 21.12.2001 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (часть 1). – Ст. 3.
2. Рабинович-Захарин С. Л. К вопросу о дифференциации советского трудового права / С. Л. Рабинович-Захарин // Вопросы советского гражданского и трудового права. – М.: Изд. АН СССР, 1952. – С. 95–110.
3. Бару М. И. Унификация и дифференциация норм трудового права / М. И. Бару // Советское государство и право. – 1971. – № 10. – С. 46–55.
4. Н. Н. Шептулина Особенности регулирования труда отдельных категорий работников / Н. Н. Шептулина // Трудовое право. – 2004. – № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс / (Дата обращения: 11 сентября 2017 г.).
5. Особенности правового регулирования трудовых отношений отдельных категорий работников: Научно-практическое пособие / Отв. ред. Т. Ю. Коршунова. – М.: 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс / (Дата обращения: 11 сентября 2017 г.).
6. Шаповал Е. А. Система трудового права и система источников трудового права / Е. А. Шаповал // Трудовое право в России и за рубежом. – 2010. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс / (Дата обращения: 11 сентября 2017 г.).
7. Научно-практический комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. Л. Гейхман. – М.: Юрайт, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: КонсультантПлюс / (Дата обращения: 11 сентября 2017 г.).
8. Сыроватская Л. А. Трудовое право / Л. А. Сыроватская. – М.: Юрид. лит., 1998. – 356 с.

Sonin O. Problems of interpretation of legal norms, establishing the features of termination of employment relations / O. Sonin // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 232–238.

The article is based on the provisions of Section XII of the Labor Code of the Russian Federation establishing the grounds for termination of employment relations. The author substantiates the conclusion that it is impossible to solve the problems arising in the interpretation and application of these provisions, without using logical methods that make up the content of the methodology of interpretation and application. Attention is drawn to the fact that the difference between legal norms, textually and logically enshrined in the provisions of Section XII of the Labor Code of the Russian Federation and "under protection" Art. 251 Labor Code of the Russian Federation (including those identified by withdrawal from the opposite), from other special norms of labor law, consists in their ability to compete with textually fixed general norms of the labor law, which (in the usual case) special norms do not possess.

Keywords: legal norm; features of the legal regulation of labor; interpretation.

Spisok literatury

1. Trudovoy kodeks Rossiyskoy; Federatsii: Prinyat Gosudarstvennoy Dumoy 21.12.2001 g. // Sbornie zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii. – 2002. – № 1 (chast 1). – St. 3.
2. Rabinovich-Zaharin S. L. K voprosu o differentsiatsii sovetskogo trudovogo prava / S. L. Rabinovich-Zaharin // Voprosy sovetskogo grazhdanskogo i trudovogo prava. – M. : Izd. AN SSSR, 1952. – 95–110 s.
3. Baru M. I. Unifikatsiya i differentsiatsiya norm trudovogo prava / M. I. Baru // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1971. – № 10. – S. 46-55.
4. N. N. Sheptulina Osobennosti regulirovaniya truda otdelnykh kategoriy rabotnikov / N. N. Sheptulina. // Trudovoe pravo. – 2004. – № 6. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa : KonsultantPlyus / (Data obrascheniya: 11 sentyabrya 2017 g.).
5. Osobennosti pravovogo regulirovaniya trudovykh otnosheniy otdelnykh kategoriy rabotnikov : Nauchno-prakticheskoe posobie / Otv. red. T. Yu. Korshunova. – M. : 2015. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa : KonsultantPlyus / (Data obrascheniya: 11 sentyabrya 2017 g.).
6. Shapoval E. A. Sistema trudovogo prava i sistema istochnikov trudovogo prava / E. A. Shapoval // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. – 2010. – № 1. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa : KonsultantPlyus / (Data obrascheniya: 11 sentyabrya 2017 g.).
7. Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Trudovomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii / Otv. red. V. L. Geyhman. – M. :Yurayt, 2012. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa : KonsultantPlyus / (Data obrascheniya: 11 sentyabrya 2017 g.).
8. Syirovatskaya L. A. Trudovoe pravo / L. A. Syirovatskaya. – M. :Yurid. lit., 1998. – 356 s.

УДК 340.142

ИДЕЯ СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ И ЕЕ ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИИ

Черткова Ю. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Проблема судебного правотворчества остро стоит в практике осуществления правосудия в России. При этом в отечественной юридической науке часто предлагается заимствование зарубежного опыта судебного правотворчества без учета особенностей исторического развития правовой системы РФ и сложившейся ситуации.

В статье рассматриваются классические и современные концепции судебного правотворчества. Особое внимание уделяется анализу идей правового реализма. Также автором анализируются зарубежные нормативно-правовые акты: в частности, Гражданский кодекс Франции, Швейцарский гражданский кодекс и Гражданское уложение Германии, а также установленные в них пределы судебного правотворчества. Особое внимание уделяется опыту стран общего права.

В статье предпринята попытка наметить варианты конструктивного использования зарубежного опыта судебного правотворчества в современной России, высказывается мнение о нецелесообразности слепого копирования зарубежного опыта, делается вывод о необходимости более тесного взаимодействия судебной практики с юридической наукой.

Ключевые слова: суд, судебное правотворчество, судебная практика, общее право, судебный прецедент, юридическая аргументация, судейское усмотрение, правотолкование, правоприменение, правовой реализм.

Проблема судебного правотворчества для судебной практики и юридической науки не является новой. И все же она осознана в отечественной судебной практике и осмыслена в науке значительно меньше, чем в странах и Европы и Северной Америки. В этой связи обращение к исследованию опыта этих стран и работам ученых-юристов, обращавшихся к анализу этого опыта, следует признать актуальным. При этом должно иметься в виду, что речь не идет о прямом заимствовании научных идей и практического опыта. Задача изучения зарубежного опыта заключается в том, чтобы выявить условия, которые детерминировали появление судебного правотворчества, и попытаться выяснить, в какой мере подобные условия наличествуют в современной России.

Зарубежная научная литература по проблеме судебного правотворчества представляет собой большое количество монографий и статей. Так, можно выделить работы Йозефа Колера, Ойгена Эрлиха (один из основателей школы свободного права), Германа Канторовича, Густава Радбруха, Франсуа Жени, Раймонда Салейля, Нила МакКормика, Карла Ллевеллина, Ричарда Познера, Гидо Калабреззи и многих других, посвятивших не одну монографию, а то и всю свою научную жизнь

вопросам юридической аргументации (legal reasoning), толкования законов и судебного правотворчества (legal lawmaking) [2].

Попытки осмысления зарубежного опыта судебного правотворчества в российской юридической науке осуществлялись в работах Н. М. Марченко, А. А. Белкина, А. Г. Карапетова, А. К. Романова и др. Целью настоящей статьи является поиск в зарубежном опыте и научной литературе тех идей, на основе которых может быть определено место творческой роли судов в правовой системе России.

Целью настоящей статьи является попытка наметить подходы к конструктивному использованию зарубежного научного и практического опыта с целью решения проблемы судебного правотворчества в современной России, имея в виду, что она должна решаться с учетом отечественного исторического опыта, специфики ситуации, которая существует в стране, но с обязательным учетом зарубежного исторического и современного опыта в этой сфере.

Наиболее ярко идея судебного правотворчества проявилась в практике стран общего права. Судебный прецедент в Англии стал источником права еще в период правления Генриха Плантагенета (1154–1189). В дальнейшем расширение сферы судебных прецедентов шло параллельно с расширением сферы общего права, в которую впоследствии вошли США, Канада, Австралия и др.

Принято считать, что «в системе общего права за судом не только признаются правотворческие функции, но соответственно их наличие считается одним из признаков судебной власти» [6, с. 12]. Но на этот счет есть и другое мнение. А. К. Романов, специально исследовавший правовую систему Англии, пишет, что «роль судей в создании права Англии теоретически все еще рассматривается как проблема», что некоторые теоретики обращают внимание на противоречие идеи судебного правотворчества теории разделения властей в демократическом государстве, на неприемлемость создания права судьями, которые могут его только «обнаруживать... выяснять и формулировать его нормы» [7, с. 161]. Так понимал соотношение права и деятельности судов и Ричард Дворкин. Право при этом он понимал как естественное [4, с. 243].

В других правовых системах идея судебного прецедента и судебного правотворчества не получила такого развития. Континентальная Европа не пошла по пути заимствования опыта стран общего права. Возможно потому, что осознавалась опасность неизбежного отставания от стран общего права, если использовать метод заимствования чужого опыта. Континентальная система права не предполагала и не предполагает столь широкого судебного правотворчества, при этом являясь не менее эффективной, чем система общего права, и в плане социально-экономическом, и в плане обеспечения прав человека.

Что касается современной России, то специфика исторического опыта и современных условий является настолько существенной, что было бы ошибочным идти путем слепого копирования не только опыта стран общего права, но и опыта стран континентальной Европы, пусть даже в последней судебное правотворчество существует в более близкой и понятной форме.

Все же следует признать, что идея правотворческой роли судов развивалась, прежде всего, на основе судебной практики стран общего права. В первой трети XX века в США стало развиваться теоретическое направление реализма, главным

предвестником которого, вне всяких сомнений, был Оливер Уэнделл Холмс, проделавший путь от профессора на юридическом факультете Гарвардского университета до судьи Верховного Суда США.

Движение правовых реалистов, наиболее популярное в 20-х и 30-х годах, испытало сильное влияние «юриспруденции понятий» Рудольфа фон Иеринга и школы свободного права Ойгена Эрлиха. Заимствовав у О. У. Холмса идею о восприятии права как определенного опыта, реалисты отрицали ценность идеи права книжного в отличие от «права на практике». Под правом реалисты понимали, таким образом, совокупность индивидуальных предписаний, то есть правил поведения, установленных компетентными органами государства применительно к конкретным ситуациям. Центральное место в сочинениях реалистов занимали проблемы, связанные с процессом вынесения судебных решений. Описывая процесс судебного разбирательства, сторонники реализма широко использовали положения современной им психологии. В этом отношении особенно показательна концепция Фрэнка, проводившего в своих работах идеи фрейдизма, гештальт-психологии и других учений. Реалисты доказывали, что судья, рассматривая дело, сначала принимает решение по интуиции и только затем подыскивает для него аргументы с помощью логических умозаключений, ссылок на статьи закона, прецеденты т. п. Интерес реалистов к интуитивной стадии судопроизводства во многом был продиктован их стремлением опровергнуть концепции юридического позитивизма, представители которого сводили процесс судебного разбирательства к логическим операциям подведения конкретного случая или спора под абстрактные нормы права.

Однако опыт и доктрина общего права являются весьма далекими от правовой системы и юридической науки современной России. Поэтому слова «судебный прецедент», внедрившиеся в обиход в отечественной науке, могут означать только то, что используется удобный термин, а не то, что заимствуется тот опыт, который составляет существо общего права. Как говорил О. У. Холмс, «право есть результат опыта», добавим от себя, накопленного в течение веков, а если взять для примера Англию, то многих веков.

В силу целого ряда причин нам ближе опыт французский. Наполеон, очевидно, думал, что под его руководством или с его участием создано гениальное и, конечно же, беспробельное законодательное произведение. Он очень болезненно отреагировал на выход первого комментария к Французскому гражданскому кодексу [5, с. 11]. И это соответствовало сложившемуся на то время во Франции правосознанию, резко негативно оценивавшему творческую роль судов под влиянием предшествовавшего исторического опыта. Следует, однако, заметить, что Французский гражданский кодекс не был излишне строгим в отношении творческой роли судов. Он запрещал установление судами общих нормативных предписаний (ст. 5) и отказ судьи «рассматривать дела под предлогом пробелов в законе, неясности или недостаточности последнего» (ст. 4). При отсутствии в данном Гражданском кодексе предписания, обязывающего суд обращаться в таких случаях с запросом к законодателю, указанные положения можно истолковать как разрешение суда на творческий подход к закону (ранее установленное законодательное положение такого рода «не заработало»).

Но французские суды пошли де-факто далее против положения ст. 5 Гражданского кодекса. Постепенно судьи Кассационного суда Франции усвоили, что судьи, который мог бы пересматривать решения Кассационного суда, не существует. Стало очевидным также и то, что ни Кассационный суд, ни его судьи не будут отвечать за выход за рамки ст. 5 Гражданского кодекса Франции. Да и выхода-то никакого не было: Кассационный суд не устанавливал, да и не мог устанавливать общенормативных предписаний. Он стал допускать в своих решениях отступления от постепенно устаревавшего Гражданского кодекса в пользу справедливости, а нижестоящие суды стали воспринимать соответствующие решения как обязательные.

В результате этого сложилась парадоксальная ситуация: Конституция и законы Франции правотворческих полномочий судьям не предоставляют, а реально они ими пользуются. Этот порядок применительно к Франции описан учеными-компаративистами таким образом: «Толкователь – действительно суверен и располагает известной свободой действий, так как решения высшей судебной инстанции не могут быть обжалованы. Но он любит маскировать свою теоретическую роль в выработке права и создает впечатление, что его роль сводится лишь к применению норм, созданных кем-то другим» [3, с. 91]. В результате такого судебного правотворчества судебная деятельность стала характеризоваться словами «хитрость» [3, с. 90], «лазейки» («у судей нижестоящих судов есть... целый ряд формальных лазеек, позволяющих при желании уклониться от следования практике высших судов») [5, с. 56], развитие гражданского законодательства осуществлялось «скрытым и лицемерным образом под видом толкования закона» [5, с. 25]. Но «хитрость», «поиск лазеек», «лицемерие» это понятия, которые, как бы они не толковались, являются неприемлемыми для характеристики деятельности судов и судей. Люди идут в суд за правдой и справедливостью, которые основаны на едином для всех законе. Они не могут не замечать хитрости, поиска лазеек и лицемерия. Поэтому перспектива развития правовой системы России не должна предполагать неуклонного следования опыту французских судов.

Гражданское уложение Германии вобрало в себя особенности национального менталитета и заслужило метафоры «совершенный юридический арифмометр» [8, с. 223]. Но и «арифмометр» не сработал, «... все разделы ГГУ, как впрочем, и Гражданского кодекса Франции, столь сильно «отлакированы» судебским правом, что часто одно лишь чтение текста закона не может дать ни малейшего представления о действующем «живом» праве» [8, с. 235]. Очевидно, судя по состоянию правовой системы Федеративной Республики Германии, результат правотолковательной деятельности судов оказался положительным. Но как-то неуютно от этой всей стихии: опыт и почти никакой логики, почти точно по О. У. Холмсу. Хотелось, чтобы суды научились либо требованиям закона, либо законам логики. Похоже, что идея свободного поиска права стала утверждаться, притом – повсеместно. Р. Давид и К. Жоффре-Спинози указывают на то, что в странах Латинской Америки, хотя судами и подчеркивается роль закона, суды главной своей задачей считают обеспечение справедливости судебных решений [3, с. 92].

Бывший председатель Верховного Суда Израиля Аарон Барак критически оценил тезис Ричарда Дворкина о том, что каждая правовая проблема имеет одно законное решение, и пришел к выводу о том, что существуют правовые проблемы,

имеющие более одного законного решения, и такие проблемы возникают в трудных делах [1, с. 17]. И хотя далее в своей работе А. Барак ведет поиск процедурных и материальных ограничений судейского усмотрения, все же этот поиск дает намного более определенные критерии, чем критерий простого/сложного дела.

Особые возможности для судейского усмотрения и судейского правотворчества дают конституционные положения. Украинский исследователь С. В. Шевчук пришел даже к выводу о том, что «при внимательном изучении конституционных норм тяжело не заметить их важной особенности они сформулированы в виде открытого текста, а потому представляют собой «пустые сосуды», которые необходимо заполнять конкретным содержанием в процессе реализации Конституции» [9, с. 7]. Вышло, что «сосуды» совсем пустые, а каких-либо рамок для субъекта, заполняющего эти «сосуды», и вовсе не существует. Впрочем, из работ С. В. Шевчука, можно догадаться, что заполнять соответствующие конституционные положения следует идеями естественного права, но тогда названные идеи и вообще могут заменить конституцию.

Все-таки хотелось бы видеть поиск более конкретного места творческой роли судов, а не общие декларативные утверждения. С этой точки зрения следует положительно оценить ст. 1 Швейцарского гражданского кодекса от 10 декабря 1907 года, которым предписывается следующий алгоритм правоприменения: 1) постановления гражданских законов следует применять по их букве и с учетом результатов толкования; 2) далее следуют обычаи; 3) далее необходимо учитывать установившуюся доктрину и практику; 4) если права участников соответствующих правоотношений нельзя установить с помощью перечисленных источников, судья должен вынести решение по тому правилу, которое он установил бы, будучи законодателем. В данном случае мы имеем попытку конструктивного решения проблемы правовых источников, на основе которых должны постановляться судебные решения.

В то же время замечаются и недостатки модели правоприменения, предписываемые Швейцарским гражданским кодексом как обязательные. К настоящему времени национальное право, в частности в России, стало иным, чем оно было на момент принятия в Швейцарии Гражданского кодекса. В Конституции Российской Федерации, в международно-правовых договорах закреплены юридические положения высшей юридической силы и наивысшего уровня обобщения (в частности, имеется в виду ст. 2 Конституции Российской Федерации, признающая человека высшей ценностью, преамбула конвенции о защите прав человека и основных свободах, закрепляющие принцип верховенства права), которые исключают и какие-либо пробелы в праве. Сегодня в праве России явные пробелы почти отсутствуют. Поэтому предписание судье за отсутствием признаваемых законом источников права разрешать дела по тому правилу, которое он сам установил бы, будучи законодателем, сегодня, стало неприемлемым. Проблема сместилась с правотворческой роли судов к толкованию конституционных принципов и положений законов, закрепляющих принципы отраслей права. Поэтому и наиболее радикальный призыв выносить решения *contra legem* утратил свою сущность, ибо стал означать лишь неприменение закона, противоречащего принципам, закрепленным в Конституции РФ.

Что касается обязательности «практики» для правоприменения, если речь идет о практике судебной, то ее обязательность стала общепризнанной. Консультативный совет европейских судей подготовил Заключение № 11 (2008) о качестве судебных решений, в котором указывает, что ссылки на национальную, европейскую или международную практику, в том числе на практику других стран, могут быть полезными, а в системе общего права — необходимыми. В постановлении Конституционного суда Российской Федерации «По делу о толковании актуальных положений ст. 125, 126, 127 Конституции Российской Федерации» от 16 июля 1998 года № 19-П указывается, что «Конституционный суд, принимая решение по делу, оценивает также смысл, придаваемый рассматриваемому нормативному акту судебной практикой». Однако в утверждении о регулятивном значении судебной практики не содержится какого-либо указания на пределы творческой роли судов.

Некоторую информацию на этот счет можно почерпнуть из Постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 30 декабря 2009 года № 56-ПВ09. Президиум указал, что для судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ нарушением единства судебной практики может считаться вынесение определений, противоречащих постановлениям Пленума Верховного Суда РФ. При этом Президиум не исключил возможности отступлений от постановлений Пленума, но указал, что, допустив такое отступление, судебная коллегия не мотивировала, по каким причинам допущено отступление.

Но и признание регулятивного значения судебной практики еще не означает признания правотворческой роли судов, поскольку творчество судей не выходит при этом за пределы закона и Конституции.

В упомянутом выше Заключении Консультативного Совета Европейских судей, как и в статье 1 Швейцарского гражданского кодекса, содержится ссылка на доктрину (юридическую литературу). Однако создается впечатление, что отечественная судебная практика не готова к сотрудничеству с наукой, равно как и юридическая наука вследствие своей неконструктивности не готова к тому, чтобы ее использовали при принятии судебных решений. Хотя сама по себе идея обретения доктриной через судебные решения регулятивного значения не лишена перспективы. Одним из условий реализации этой перспективы является законодательное закрепление возможности использования доктрины для обоснования судебных решений.

Предписание статьи 1 Швейцарского гражданского кодекса применять положения законов по их букве с учетом результатов толкования можно было бы оценить как конструктивное, если бы существовали общепризнанные правила толкования и преодоления коллизий в праве. Но таких правил нет. Можно было бы утверждать, что это открывает перспективу разработке таких правил в порядке судебного правотворчества. Но реализация данной идеи маловероятна. Судебная практика сама по себе, без опоры на науку, не способна выработать такие правила. Она не способна ни полностью, ни частично подменить науку. Но и юридическая наука для того, чтобы разработать указанные правила, должна в большей мере сосредоточиться над нормативными текстами и практикой их интерпретации судами при осуществлении правосудия.

Поэтому перспективным было бы усиление внимания юридической науки к проблемам интерпретации положений правовых актов. Воля, выраженная в Конституции и законах, в процессе интерпретации должна быть исчерпывающе выявлена.

Таким образом, удалось бы усовершенствовать логический инструментарий правотолкования, определить пределы использования каждого из таких инструментов, их соотношение. Одновременно можно было бы определить те задачи, которые не могут быть разрешены с помощью сугубо логических операций, а требуют взвешивания ценностей, учета социального контекста. Только на этой основе можно было бы обнаружить социальную потребность в судебном правотворчестве, а возможно, и отсутствие такой потребности.

Список литературы:

1. Барак А. Судейское усмотрение. – М.: Норма, 1999. – 376 с.
2. Газимагомедов М. А. Теоретико-правовые основы и специфика судебного правотворчества в Российской Федерации: постановка проблемы // Евразийская адвокатура. – 2015. – № 6 (19). – С. 8084.
3. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Правовые системы современности. – М.: Международные отношения, 1999. – 400 с.
4. Дворкин Р. О правах всерьез. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – 392 с.
5. Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. – М.: Статут, 2011. – 308 с.
6. Марченко Н. М. Судебное правотворчество и судейское право. – М.: Проспект, 2008. – 512 с.
7. Рышков А. К. Правовая система Англии. – М.: Дело, 2000. – 344 с.
8. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х т. – Том 1. Основы. – М.: Международные отношения, 1998. – 480 с.
9. Шевчук С. В. Основы конституционной юриспруденции. – Х.: Консум, 2002. – 296 с.

Chertkova I. V. The idea of judicial law-making abroad and its prospects in Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 239–246.
The problem of judicial lawmaking is particularly topical in the practice of the administration of justice in Russia. At the same time borrowing of the foreign experience in judicial lawmaking is often offered in national legal science without considering the peculiarities of the historical development of the legal system of the Russian Federation and current situation.

In the article classical and modern concepts of judicial lawmaking are examined. Special attention is paid to the analysis of ideas of legal realism. Also the author analyzes the foreign legal acts, in particular, the Civil Code of France, the Swiss Civil Code and the Civil Code of Germany, and the limits of judicial lawmaking that were installed by these acts. Special attention is paid to the experience of common law countries.

The article attempts to outline options for constructive use of foreign experience of judicial lawmaking in modern Russia, suggesting that it is inappropriate to blindly copy foreign experience. The conclusion about the necessity of closer cooperation between judicial practice and legal science was made.

Key words: court, judicial law-making, judicial practice, common law, precedent, legal reasoning, judicial discretion, the interpretation of the law, law enforcement, legal realism.

Spisok literatury:

1. Barak A. Sudejskoe usmotrenie. M.: Norma, 1999. – 376 s.
2. Gazimagomedov M. A. Teoretiko-pravovye osnovy i specifika sudebnogo pravotvorchestva v Rossijskoj Federacii: postanovka problemy // Evrazijskaja advokatura. – 2015. № 6 (19). S. 8084.
3. David R., Zhoffre-Spinozi K. Pravovye sistemy sovremennosti. – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1999. – 400 s.
4. Dvorkin R. O pravah vs'er'ez. – M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2004. – 392 s.
5. Karapetov A. G. Bor'ba za priznanie sudebnogo pravotvorchestva v evropejskom i amerikanskom prave. – M.: Statut, 2011. – 308 s.
6. Marchenko N. M. Sudebnoe pravotvorchestvo i sudejskoe pravo. – M.: Prospekt, 2008. – 512 s.
7. Ryshkov A. K. Pravovaja sistema Anglii. – M.: Delo, 2000. – 344 s.
8. Cvajgert K., Ketc H. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava: V 2-h t. – Tom 1. Osnovy. – M.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1998. – 480 s.
9. Shevchuk S. V. Osnovy konstitucionnoj jurisprudencii. – H.: Konsum, 2002. – 296 s.

УДК 347

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ОПЦИОННОГО ДОГОВОРА ЗА РУБЕЖОМ

Юнусова А. Н.

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова

Статья посвящена комплексному анализу становления правового института опционного договора, представлен историко-правовой аспект развития теории и практики применения опционных сделок с точки зрения зарубежного законодательства. Определено, что опционный договор имеет глубокие исторические корни, однако точная дата возникновения опционного договора остается неизвестной.

Выявлена тесная связь становления опционного договора с историей биржевой деятельности. Торговля опционными соглашениями заложила существенные особенности биржевой торговли в современной производной рынков и является первым историческим примером биржевой торговли финансовыми производными ценными бумагами.

Изученный в статье зарубежный историко-правовой опыт можно будет использовать как для дальнейшей, более глубокой теоретической разработки, так и для структурирования, реализации опционных договоров на практике.

Ключевые слова: опцион, опционный договор, договорная конструкция, сделки, правовая семья, биржевая деятельность, торговля, опционная биржа.

История института опционного договора насчитывает около двух тысяч лет. В римском праве он был развит достаточно детально и всесторонне, что в последующем позволило странами континентальной правовой системы реципировать нормы опционного договора.

В древние времена товарные сделки с опционными элементами были чрезвычайно важны для коммерции и торговых операций.

Использование контрактов с опционными элементами не является современной разработкой. В основе таких элементов лежит фундаментальный процесс обмена на рынках. Этот процесс состоит из двух этапов.

Первый: покупатели и продавцы соглашаются на рыночную цену безналичного расчета для товаров, участвующих в сделке. Второй: обмен осуществляется, как правило, с получением наличных денег в обмен на фактическую поставку вовлеченных товаров.

В эпоху раннего средневековья коммерческие соглашения, содержащие элементы опционного договора, регулировались в основном торговыми конвенциями

Например, в договорах, как правило, предусматривались положения, позволяющие покупателю отказаться от доставки, если поставленный товар не соответствовал качеству, определенному в договоре [5, с. 29].

В древних «торговых протестах» разногласия относительно того, является ли удовлетворительной доставка по опционному соглашению, были обычным явлением.

Доказательства того, что опционные контракты использовались в древности, появились еще со времен греческой цивилизации.

Так, Аристотель в своей «Политике» упоминает использование опционных соглашений, описывая размышления древнегреческого философа Фалеса Милетского – основателя первой в мире философской школы [1, с. 396].

Специальная ссылка Аристотеля на размышления Фалеса в «Политике» указана в книге I, главе 11, разделах 5–10: «Рассказ о Фалесе из Милет». Это рассказ о схеме заработка денег, которую Фалес разработал благодаря своей находчивости и сообразительности; данная схема включает в себя принцип общего применения.

История гласит, что он, основываясь на своих знаниях метеорологии, предвидел вероятность получения большого урожая оливок [следующим летом], и, имея небольшую сумму денег, он арендовал в начале года все оливковые прессы в Милете и Хиосе; и, в связи с отсутствием на них высоко спроса, приобрел их по низкой цене.

Когда наступил сезон, появился внезапный спрос на оливковые прессы, Фалес из Милета начал сдавать свои прессы в субаренду и тем самым неплохо обогатился [1, с. 397].

Однако остается непонятным то, как Фалес за шесть месяцев смог точно спрогнозировать урожай оливок в Милете. Точный характер соглашения также не ясен.

Еще одно древнее упоминание о сделке с использованием элементов опциона мы нашли в Бытие 29 Библии, где сказано, что Лаван предлагает Иакову брак со своей младшей дочерью Рахиль в обмен на семь лет труда. По истечении указанного срока Иаков требует у Лавана выполнения условий договора. Однако Лаван на свадебном пиру подменяет Рахиль Лиєю (старшей дочерью) [2, с. 146].

История иллюстрирует основную сложность, которая связана с опционами, существующими на ранних рынках: возможность нарушить существенные условия сделки.

Для Иакова, к счастью, существовавшая на тот момент общественно приемлемая практика многоженства позволила завершить сделку: Иаков взял Рахиль второй женой.

Есть некоторые дебаты относительно использования данной истории в качестве примера опционного договора. В частности, согласно еврейскому обычаю, жених платит выкуп за невесту для того, чтоб подтвердить свои намерения. В качестве такой платы мог быть использован труд Иакова на протяжении 7 лет. В этом случае проведение аналогии с опционным договором не уместно.

Аристотелевские и библейские легенды представляют интересные факты применения опционных договоров в древние времена. Вместе с этим можем отметить, что прослеживается эволюция опционных договоров: со временем они усложняются из-за сходства с другими типами соглашений, такими как страхование рисков, азартные игры, фьючерсные контракты и прочие.

С развитием торговых отношений и повышением значимости городских центров опционные договоры стали незаменимыми для городских торговцев, заключающих сделки с «сельскохозяйственными производителями на урожай до сбора урожая» или «с рыбаком до улова или до прибытия в порт». Записи об опционных

соглашениях на селедку обнаружены в дневниках фландрских купцов XII века [12, с. 1056].

Становление опционного договора тесно связано с историей биржевой деятельности.

В XVI веке средневековые ярмарки превзошли торговлю в городских центрах, таких как Брюгге и позднее в Антверпене и Лионе. Антверпен был изначально основным центром для торговли товарами, в то время как Лион – для торговли векселями. Полностью развитая биржа торговли товарами возникла в Антверпене в 1530 году.

Амстердамская биржа своим возникновением обязана болгарскому перцу, цена на который являлась регулятором рынка прочих товаров. Стройный ряд колонн здания биржи на протяжении нескольких веков являлся ее символом. На ее фронтоне имелась надпись: «Для торговых людей всех стран и наречий».

Развитие товарного рынка Антверпена обеспечило высокую ликвидность торговли контрактами на продажу товаров, «находящихся в пути».

В связи с быстрым развитием морской торговли получили широкую популярность спекулятивные операции по «прибытию зерна». Торговля китовым маслом, сельдью и солью также была очень популярна. Со временем эти контракты стали активно продаваться спекулянтами [11, с. 324].

Герман Франс Анна Ван дер Ви – почетный профессор Левенского католического университета, бельгийский историк экономики изучал социальную и экономическую историю средневековья и раннего Нового времени. В своих трудах освещал появление опционных соглашений на Антверпенской бирже в 1531 году.

Концентрация ликвидности на Антверпенской бирже способствовала центрированию спекулятивной торговли вокруг важных торговцев и крупных торговых домов, которые контролировали либо финансовую деятельность, либо торговлю товарами.

Среда для такой торговли была тесно связана со средневековыми традициям азартных игр (Герман Франс Анна Ван дер Ви, 1977): «Ставки, часто связанные с заключением коммерческих и финансовых сделок, осуществлялись на безопасное возвращение кораблей; на право короля Испании – Филиппа II посещать Нидерланды; на установление пола еще не родившихся детей и т. д. Лотереи, как частные, так и публичные, также были чрезвычайно популярны. А в 1524 были изданы имперские указы, запрещающие подобные злоупотребления» [3, с. 98].

Благодаря Антверпенской бирже, предусматривающей организованную среду для спекуляций, торговля «прибывающими» соглашениями превратилась в торговлю фьючерсными и опционными контрактами. Особенно эти спекуляции распространялись на товары содержащие фитонциды: зерно, китовый жир, соль и сельдь.

Развитие рынка торгов способствовало появлению «премиум сделки», согласно которой «покупатель заключал контракт “на поставку в будущем” по фиксированной цене, но с условием, что он может в течение двух или трех месяцев либо выполнить условия контракта, либо выйти из контракта, однако при этом он выплачивал премию продавцу» (Ван дер Ви, 1977) [3, с. 101].

Финансовые спекулянты Антверпенской биржи также использовали опционные соглашения для того, чтобы играть на повышении или падении курсов валют на кастильских или лионских ярмарках.

Развал Антверпена в 1585 году и возникшая в результате этого прослойка торговцев внесли свой вклад в развитие и рост важнейших финансовых и товарных бирж в Амстердаме и в Лондоне.

Несмотря на то, что до 1585 года Амстердам развивался как основной коммерческий центр, лишь в 1611 году, с созданием Амстердамской биржи, озаменовано начало «голландского коммерческого превосходства» [6, с. 201].

В XVII веке Амстердам получил звание мирового центра торговли и кредита. В 1602 году была основана одна из старейших и известнейших бирж, которые сохранились до нашего времени – Амстердамская биржа.

Новое здание биржи открылось в 1631 году. Оно располагалось на центральной площади Амстердама, а напротив него находилось здание Банка и штаб-квартира Ост-Индской компании. Как свидетельствуют современники, в начале XVIII в. количество людей, ежедневно в полдень собиравшихся на площади возле Биржи и Банка, достигало 4,5 тысяч человек. Антверпенская биржа была столь успешна, что, по мнению англичан, она «поглотила купцов других городов и их торговлю» [13, с. 84].

К середине XVII века активная торговля опционными контрактами на Амстердамской бирже отличалась сложным процессом клиринга (безналичного расчета).

Амстердамская биржа, торговавшая опционными договорами, вращалась вокруг двух важных элементов: усиленная секьюритизации сделок и появление спекулятивной торговли.

В течение XVII–XVIII веков торговля опционными соглашениями в Амстердаме заложила многие существенные особенности биржевой торговли в современной производной рынков и является первым историческим примером биржевой торговли финансовыми производными ценными бумагами.

В 1593 году в Европу из Турции впервые были завезены тюльпаны. В конце 30-х гг. XVII в. Голландия и Англия были подвержены тюльпаномании – страсти к луковицам тюльпанов.

Опционные сделки на тюльпаны появились в Амстердаме уже в начале XVII в., а к 1630-му году на Английской Королевской бирже в продаже возникли форвардные контракты. Феерический расцвет торговли и взлет прибыли от сделок с луковицами тюльпанов сменили не менее сокрушительный крах рынка и финансовые потери в 36–37 гг. XVII в.

Одним из самых ценных сортов тюльпанов являлся «Семпер Август» (перевод автора – «Август навсегда»). В 1636 г. в Голландии имелось лишь две луковицы данного сорта. Известен факт, что всего только за одну из них каким-то спекулянтом было предложено 12 акров земли, предназначавшейся под застройку. Была и другая история с луковицами этого сорта. Моряк, доставивший хорошие новости богатому торговцу, на прилавке магазина которого демонстрировалась луковица сорта «Семпер Август», в награду от хозяина магазина получил к завтраку копченую селедку, которую он любил есть с луком. На прилавке моряк увидел «лук» и положил его в карман. После обнаружения пропажи торговец бросился

догнать моряка, однако тот уже съел и «лук», и селедку. Незадачливому моряку за кражу луковицы пришлось провести несколько месяцев в тюрьме [14, с. 94].

Первые тюльпаны были не особенно красивы, однако в результате экспериментов по их разведению количество сортов тюльпаном резко увеличилось. Поля тюльпанов занимали огромные площади, популярность этих цветов все возрастала, а вместе с ней возрастали и цены на них. За две-три луковицы отдельных сортов некоторые голландцы были готовы пожертвовать состоянием.

Со временем больше и больше жителей Голландии стало приобщаться к торговле тюльпанами. Голландцы по низким ценам продавали свое имущество и на полученные деньги приобретали дорогие луковицы.

Тем не менее в тот период понятия «дорого» и «дешево» были другими. Некоторые спекулянты приобретали состояние за две-три сделки с тюльпанами. Разумеется, такой пример вдохновил множество людей заняться сделками с тюльпанами, в связи с чем тюльпанов стало просто не хватать, а люди начали заключать опционные договоры на приобретение луковиц тюльпанов в будущем. Иначе говоря, тюльпаны, которые еще даже не выросли, уже стали покупаться и продаваться. Возросший дефицит способствовал росту цен. К концу 1636 г. цены на цветы достигли своего максимума. Множество людей решило продать их, зафиксировав тем самым прибыль. В феврале 1637 г. рынок был наводнен продавцами, в результате чего цена на тюльпаны резко упала. Рынок был охвачен паникой; многие из заключивших опционные контракты на поставку луковиц в будущем отказались платить, так как цена на тюльпаны была слишком низкой. Некоторых спекулянтов постигала горькая участь: они продали почти все, что имели, чтобы приобрести товар, который практически ничего не стоил.

Основные дилеры предпринимали отчаянные попытки спасти положение с помощью организации мнимых аукционов. Покупатели разрывали контракты на луковицы сезона лета 1637 г., 24 февраля в Амстердаме было организовано экстренное совещание главных производителей тюльпанов. Сценарий выхода из кризиса, выработанный на этом совещании, заключался в том, чтобы контракты, которые были заключены до ноября 1636 г., объявить действительными, а дальнейшие сделки могли быть расторгнуты покупателями в одностороннем порядке при уплате 10 % отступных. Однако Верховный суд Нидерландов посчитал производителей основными виновниками массового разорения голландцев и наложил вето на такое решение, предложив собственный вариант.

Продавцы, потерявшие надежду получить деньги с покупателей, были вправе заключить соглашение о продаже товара за любую стоимость с третьей стороной, а недополученная разница могла быть требована с того, с кем была заключена первоначальная сделка. Однако покупать луковицы больше никто не желал. Правительство осознавало, что в случившейся истерии не виновата какая-то определенная категория граждан. Виноваты оказались все. По стране были разосланы специально созданные комиссии, которые разбирали споры по сделкам с тюльпанами. В результате большая часть торговцев согласилась получить по 5 флоринов из каждых 100, которые полагались им по соглашениям [11, с. 325].

После непродолжительного периода политических и юридических споров основная часть опционных договоров, находящихся в обращении на момент кризиса, была аннулирована.

Попытка правительства Нидерландов вмешаться с целью восстановления рынка только усугубила ситуацию. Крах тюльпанового рынка привел к масштабным последствиям на финансовых рынках и вызвал депрессию, после которой граждане Голландии еще в течение долгих лет отказывались участвовать в подобных инвестиционных вложениях [14, с. 102].

Торговля тюльпанами в 1634–1637 гг. привлекла значительное внимание и дискуссию в современном мире. В этот период появилось определенное понимание в использовании опционных договоров в торговле сырьевыми товарами.

Данный исторический опыт демонстрирует актуальность применения опционных договоров, которая вытекает из правовых последствий, связанных с обвалом цен на цветы в феврале 1637 г.

В истории английской биржевой торговли и становлении опционных сделок оставила свой значимый след так называемая Славная революция 1688 г., или Бескровная революция [14, с. 28].

Славная революция 1688–1689 гг. в Англии, как и любое переломное историческое событие, отличалась разнообразием последствий, затронувших равным образом политическую, социально-экономическую и культурную жизнь страны.

После Славной революции в Англии произошли важные изменения в системе государственных финансов и кредита. Трансформация ее политических и законодательных институтов, прежде всего парламента, общего права и конституции, создала предпосылки для эффективного развития рынка. Государство создало институты, которые защищали собственность и сокращали расходы на сделки.

Финансовый авторитет английского правительства, созданного Славной революцией, развязал революцию в сфере государственных финансов. Самым значимым моментом стало введение долгосрочных заимствований правительства, однако такие займы совершенно не основывались на финансовом доверии к правительству.

Парламент взял на себя ответственность за финансовый долг короля, который отныне стал государственным долгом Англии. Данный исторический факт повлиял на основание в 1694 году Банка Англии [7, с. 135–406].

Биржевая торговля в Великобритании имела значительный и в целом неодобрительный интерес в законодательном органе страны. В 1697 г. был принят Закон «О Государственном банке Англии», направленный на решение трех основных проблем, связанных с торговлей акциями: недобросовестная рекламная деятельность; манипуляция ценами на акции; неверное использование опционов.

Несмотря на то, что данный закон содержал существенные санкции за спекулятивную торговлю опционами и срочными сделками, он был малоэффективен в достижении намеченных целей.

Первый документированный экземпляр биржевой опционной сделки, торгуемой в Лондоне, датирован 1687 годом. Джон Хоутон, первооткрыватель английской рекламы, в своем периодическом сборнике объявлений (1694) также приводит примеры печатных опционных контрактов как для Пута, так и для Колла, обычной практикой было использование пактов и устных соглашений [16, с. 480].

Совокупность этих изменений называют финансовой революцией, которая позволила сформироваться Великобритании как великой державе в XVIII веке.

После Славной революции 1688 г. многие из спекулятивных методов, используемых в Амстердаме, были переняты Англией, где торговля акциями к середине 1690-х годов имела развитый спотовый рынок.

Голландские инвесторы и спекулянты также перевели значительное количество своих ценных бумаг в Лондон. Торговля опционами контрактами была важным видом деятельности на Лондонской фондовой бирже.

Лондонская фондовая биржа (Королевская биржа) является одной из старейших фондовых бирж мира и ведет свою историю более 300 лет. История Лондонской фондовой биржи началась с 1571 года, хотя официальной датой рождения считается 1801 год. Королевская биржа была основана английским финансистом Томасом Грешемом по образцу Антверпенской биржи в качестве фондовой биржи.

Лондонская фондовая биржа была разрушена во время Великого лондонского пожара, она была перестроена и восстановлена в 1669 году.

Несмотря на то, что установить точную дату начала регулярного трехмесячного периода опционных сделок на акции в Лондоне невозможно, имеются веские доказательства того, что это было в середине восемнадцатого столетия, до официального установления Лондонской фондовой биржи (1773 год) [4, с. 84].

Американская опционная торговля.

В 1872 году финансист Рассел Сейдж впервые ввел опционные контракты на американский рынок. Сейдж также считается первым человеком, создавшим ценовую зависимость между ценой опциона, ценой базового актива и процентной ставки. Он использовал принцип паритета Пут, чтобы разработать синтетические кредиты, которые затем были использованы для покупки акций. Это привело к значительным финансовым потерям, и Р. Сейдж в конце концов прекратил подобную торговлю [11, с. 326].

В XIX веке торговля в Соединенных Штатах Америки осуществлялась в рамках внебиржевого рынка опционов. Тем не менее в тот период опционы не были эффективными, так как не существовало определенных стандартов относительно объемов и сроков. По окончании Великой депрессии 1929 г. на американском опционном рынке был введен строгий контроль. Уже в 1934 г. опционные контракты были узаконены, а Комиссия по ценным бумагам и биржам была обязана контролировать торговлю опционами.

Падение объема торгов по товарным фьючерсам в конце 1960-х годов на Чикагской товарной бирже привело к поиску новых путей развития.

С целью диверсификации базы своих предложений населению общее собрание участников биржи начало вводить новые инструменты для торговли. В итоге было принято решение о создании биржи для торговли опционами. Это оказалось нелегкой задачей.

В частности, в 1973 г. была создана Чикагская опционная биржа. Открытие этой биржи способствовало стандартизации опционов, а также определению модели ценообразования. До основания данной биржи торги опционами не отличались большими объемами, поскольку любая информация, связанная с опционами, была или труднодоступна, или недоступна вообще. Заключение сделок осуществлялось с помощью телефонов, дилеры сводили продавцов и покупателей с целью заключения

сделок. Чикагская опционная биржа дала возможность трейдерам покупать опционы колл на акции. Количество котируемых опционов активно увеличивалось, также возрастало число членов биржи, на 1974 год их количество было порядка 600. С целью обеспечения эффективной торговли была создана Клиринговая корпорация, регулировавшая и контролировавшая исполнения опционных контрактов. Это позволило легализовать торговлю опционами. Инвесторы были полностью уверены в их использовании в качестве надежной инвестиции. Законодательство Соединенных Штатов также способствовало развитию опционных сделок, банки и страховые компании получили разрешение на использование опционов [8, с. 46].

К концу XX века начал приобретать массовый интерес и популярность интернет-трейдинг.

Торговля, которая некогда была доступна для избранных, теперь стала достоянием широкой общественности. Рынок опционов взорвался и объемы выросли до исторического уровня.

В 1975 г. ежедневно заключалось свыше 100 опционных сделок. В дальнейшем опционы становились все больше популярными, на других американских биржах стали открывать опционные секции. Кроме того, интерес к опционам стала проявлять и пресса, в числе которой можно отметить «Уолл-стрит джорнэл». Пресса дополнительно способствовала росту популярности опционных договоров во всем мире. В настоящее время опционы обладают огромной популярностью у инвесторов. Одной из наиболее популярных бирж в мире на сегодня остается Чикагская опционная биржа [10, с. 27].

Таким образом, рассмотрев историко-правовой аспект становления правового института опционного договора, становится ясным, что определить точную дату возникновения опционного договора невозможно, однако доподлинно известно, что он имеет глубокие исторические корни, уходящие во времена Древней Греции.

Список литературы:

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 396.
2. Библия. Ветхий Завет: Бытие. М.: Карьера Пресс, 2012. С. 146.
3. Ван дер Вее Г. История мировой экономики. 1945–1990 / Пер. с фр. А.И. Тихонова. Под общ. ред. д-ра истор. наук В.И. Бовыкина. М.: Наука, 1994. С. 98.
4. Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. М.: Социум, 2014. С. 84.
5. Куракин Р. С. Биржевые договоры: понятие, система, правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2014. С. 29.
6. Лахман Р. Капиталисты поневоле. Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени. М.: Территория будущего, 2010. С. 201.
7. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения в трех томах: Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 135–406.
8. Степанян И. Г. Заверения, гарантии, обязательства по возмещению потерь (indemnity), опцион и эскроу по праву России, США, Англии в трансграничных коммерческих договорах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2014. С. 46.
9. Томсинов В. А. «Славная революция» 1688–1689 годов в Англии и Билль о правах. М.: Зерцало-М, 2010. С. 28.
10. Павлодский Е. А. Правовое регулирование сделок на биржевом рынке. М.: Норма, 2009. С. 27.
11. Хазанова Д. Л., Боженко Т. С. История становления биржевой торговли // Вестник научных конференций. 2016. № 5 (9). С. 324–326.
12. Халл Дж. К. Опционы, фьючерсы и другие производные финансовые инструменты. М.: Вильямс, 2013. С. 1056.
13. Earle P. The Economy of London, 1660–1730 // Urban Achievement in Early Modern Europe: Golden Ages in Antwerp, Amsterdam and London. L.: Cambridge University Press, 2001. P. 84.

14. Dash M. Tulipomania: The Story of the World's Most Coveted Flower and the Extraordinary Passions it Aroused. N.-Y.: Three River Press, 2010. P. 94.
15. Dash M. Tulipomania: The Story of the World's Most Coveted Flower and the Extraordinary Passions it Aroused. N.-Y.: Three River Press, 2010. P. 102.
16. Sampson H.A. History of Advertising from the earliest Times. L.: 1874. P. 480.

Yunusova A. N. The development of the institute of option contract abroad // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 246–254.

The article is devoted to the complex analysis of formation of the legal institution of the option agreement; provided historical and legal aspects of development of the theory and practice of options from the point of view of foreign legislation. Determined that the option contract has deep historical roots, but the exact date of the option agreement, remains not known.

The close relationship of the formation of the option contract the history of exchange activity. Trade option agreements laid the essential features of trading in modern derivative markets and is the first historical example of exchange trading of financial derivatives.

Studied in the article, foreign legal and historical experience can be used for further theoretical development and for the structuring and implementation of option contracts in practice.

Keywords: option, option contract, contract, transaction, family law, stock exchange activities, trading, options exchange.

Spisok literatury:

1. Aristotel. Sochineniya: V 4 t. T. 4. M.: Myisl, 1983. S. 396.
2. Bibliya. Vethiy Zavet: Byitie. M.: Karera Press, 2012. S. 146.
3. Van der Vee G. Istoriya mirovoy ekonomiki. 1945-1990 / Per. s fr. A.I. Tihonova. Pod obsch. red. d-ra istor. nauk V.I. Bovyikina. M.: Nauka, 1994. S. 98.
4. Kulisher I. M. Istoriya ekonomicheskogo byita Zapadnoy Evropyi. M.: Sotsium, 2014. s. 84.
5. Kurakin R. S. Birzhevyye dogovory: ponyatie, sistema, pravovoe regulirovanie: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. M.: 2014. S. 29.
6. Lahman R. Kapitalisty ponevole. Konflikt elit i ekonomicheskie preobrazovaniya v Evrope rannego Novogo vremeni. M.: Territoriya buduschego, 2010. S. 201.
7. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii // Sochineniya v trekh tomah: T. 3. M.: Myisl, 1988. S.135-406.
8. Stepanyan I. G. Zavereniya, garantii, obyazatelstva po vozmescheniyu poter (indemnity), optsiion i eskrou po pravu Rossii, SShA, Anglii v transgranichnykh kommercheskikh dogovorah: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.03. M.: 2014. S. 46.
9. Tomsinov V. A. "Slavnaya revolyutsiya" 1688-1689 godov v Anglii i Bill o pravah. M.: Zertsalo-M, 2010. S. 28.
10. Pavlodskiy E. A. Pravovoe regulirovanie sdelok na birzhevom rynke. M.: Norma, 2009. S. 27.
11. Hazanova D. L., Bozhenko T. S. Istoriya stanovleniya birzhevoy trgovli // Vestnik nauchnykh konferentsiy. 2016. № 5 (9). S. 324–326.
12. Hall Dzh. K. Optsiionyi, fyuchersyi i drugie proizvodnyie finansovyye instrumentyi. M.: Vilyams, 2013. S. 1056.
13. Earle P. The Economy of London, 1660–1730 // Urban Achievement in Early Modern Europe: Golden Ages in Antwerp, Amsterdam and London. L.: Cambridge University Press, 2001. P. 84.
14. Dash M. Tulipomania: The Story of the World's Most Coveted Flower and the Extraordinary Passions it Aroused. N.-Y.: Three River Press, 2010. R. 94.
15. Dash M. Tulipomania: The Story of the World's Most Coveted Flower and the Extraordinary Passions it Aroused. N.-Y.: Three River Press, 2010. R. 102.
16. Sampson H.A. History of Advertising from the earliest Times. L.: 1874. P. 480.

УДК 349.41 : 342.7

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ: ПРАКТИКА
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Елькин С. В.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассматриваются особенности правового регулирования земельных отношений на территории Республики Крым, которые были предметом рассмотрения конституционного судопроизводства. Основываясь на правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, автор обосновывает, что данными особенностями следует считать: установление публичного сервитута – в реализации статьи 8 Закона Республики Крым «О размещении инженерных сооружений»; порядок возникновения права собственности на земельные участки Республики Крым, находившиеся на территории Республики Крым до 17.03.2014 года – в реализации норм статьи 2, 2-1 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым», имеющих большую юридическую силу, чем федеральные законы Российской Федерации (Земельный, Гражданский, Градостроительные Кодексы Российской Федерации) и подлежащие преимущественному применению на территории Республики Крым (до 01.01.2019 года).

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, национализация, собственность Республики Крым, земельный участок, публичный сервитут.

21 марта 2014 года вступил в силу Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее – Федеральный конституционный закон № 6-ФКЗ) [1].

В соответствии со статьей 12.1 Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ до 1 января 2019 года на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя особенности регулирования имущественных, градостроительных, земельных и лесных отношений, а также отношений в сфере кадастрового учета недвижимости и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним могут быть установлены нормативными правовыми актами Республики Крым и нормативными правовыми актами города федерального значения Севастополя по согласованию с федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление нормативно-правового регулирования в соответствующей сфере.

Обстоятельства принятия Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ как в целом, так и статьи 12.1 в частности, соответствуют правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который в своем Постановлении от 19 марта 2014 года № 6-П/2014 [2], указал, что понятие переходного периода, связанного с образованием в Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя, должно получить нормативное

развитие в федеральном конституционном законе о принятии в Российской Федерации Республики Крым и в уточняющем и конкретизирующем его положения отраслевом законодательстве, с тем, чтобы обеспечить баланс потребностей интеграции новых субъектов в Российской Федерации с одной стороны, и иных конституционных ценностей с другой, что и было определено статьей 12.1 Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ. При этом ограничений относительно регулирования каких-либо видов правоотношений в указанных выше сферах, в том числе земельных и имущественных, как вида гражданских правоотношений, статьей 12.1 Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ не установлено.

Согласно статье 76 Конституции Российской Федерации по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации.

Федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам.

При этом из норм статьи 76 Конституции Российской Федерации следует, что федеральные конституционные законы имеют большую юридическую силу, чем федеральные законы и подлежат преимущественному применению, при этом необходимо отметить, что Гражданский, Земельный, Градостроительные кодексы Российской Федерации утверждены федеральным законом.

Следовательно, в случае принятия, в развитие статьи 12.1 Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ органами государственной власти Республики Крым нормативных правовых актов, регулирующих земельные и имущественные правоотношения, такие акты должны подлежать преимущественному применению.

Согласно ст. 72 Конституции Российской Федерации, статьи 2 Земельного Кодекса Российской Федерации земельное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Руководствуясь предоставленными полномочиями, в развитие статьи 12.1 Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ и с целью обеспечения интересов общества Государственный Совет Республики Крым, по согласованию с Министерством экономического развития Российской Федерации, принял Законы Республики Крым: от 31 июля 2014 года № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» (далее – Закон № 38-ЗРК), от 19 января 2015 года № 72-ЗРК/2015 «О внесении изменений в Закон Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» (далее – Закон № 72-ЗРК), от 15 сентября 2014 года № 74-ЗРК «О размещении инженерных сооружений» (далее – Закон № 74-ЗРК), от 30 декабря 2016 года № 345-ЗРК/2016 «Об особенностях регулирования в Республике Крым отдельных имущественных отношений»; Постановление Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым» [3] и др.

Конституционный Суд Российской Федерации 45 раз рассматривал заявления (жалобы) на нарушения конституционных прав и свобод на территории Республики Крым положениями различных нормативно-правовых актов, 8 из которых –

относительно земельных отношений, из которых по 6 обращениям Конституционный Суд Российской Федерации принял Определения об отказе в принятии к рассмотрению заявлений (жалоб) и 2 раза провозгласил Постановления: 19 марта 2014 года по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов [2] и 7 ноября 2017 года по делу о проверке конституционности положений абзаца первой части 2 статьи 2, абзаца третьей части 1 и части 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» в связи с жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Дайвинг-Центр «Соляриус», «Промхолдинг» и «Формат-ИТ» [15].

В правовой доктрине гражданского и земельного права рассматривались: правовые аспекты национализации в Крыму [4, с.145–151], история и современность национализации в российском гражданском праве [5, с.12–22], обзор гражданско-правовой литературы, посвященной национализации [6, с.179–186; 7; 8, с. 42–46;9], защиты конституционных прав человека при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд [10, с. 22–24] и др.

В это же время особенности правового регулирования земельных отношений на территории Республики Крым, основанные на правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации не были предметом земельно-правового анализа.

Системный анализ вышеуказанных источников позволяет выделить среди особенностей правового регулирования земельных отношений на территории Республики Крым в сфере возникновения и реализации прав на земельные участки (оформление, переоформление и завершение оформления прав, возникших до 18.03.2014 года; льготного предоставления гражданам земельных участков; регулирования правоотношений при регистрации прав на земельные участки и объекты недвижимого имущества, расположенные на них и др.) следующие особенности правового регулирования земельных отношений на территории Республики Крым, которые стали предметом конституционного судопроизводства:

- особенности установления публичного сервитута;
- особенности обращения в государственную собственность земельных участков в Республике Крым.

Особенности установления публичного сервитута на территории Республики Крым. Действующее до 21.03.2014 г. на территории Республики Крым земельное и гражданское законодательство не регламентировало оснований и порядок установления публичного сервитута. Воссоединение Республики Крым с Российской Федерацией обусловило необходимость оперативного строительства новых инженерных сетей и связанных с ними объектов, в том числе линий электропередачи, газотранспортной системы, водовода питьевого водоснабжения и других объектов, необходимых для обеспечения жизнедеятельности населения Республики Крым, что требовало оперативного решения вопросов оформления прав на земельные участки. В свою очередь, проектирование трасс инженерной инфраструктуры большой протяженности невозможно без их прохождения через

земельные участки, ранее предоставленные в собственность и пользование титульным субъектам права.

Решение указанных вопросов в рамках правового поля Российской Федерации возможно путем принудительного изъятия, в том числе путем выкупа, что требует длительных временных и больших финансовых затрат. Отношения по установлению, использованию и прекращению публичных сервитутов, регулируются нормами федерального законодательства, при этом в данных нормативных правовых актах имеется «свой подход» к вопросам правового регулирования сервитутов, отличный от норм Закона № 74-ЗРК:

- согласно частям 2, 5 статьи 5 Закона № 74-ЗРК не требуется изменения категории земель и обслуживающего земельного участка и (или) его разрешенного использования для осуществления деятельности, для обеспечения которой установлен публичный сервитут, а также установление охранных зон соответствующих объектов при наличии публичных сервитутов;

- части 6 статьи 6 Закона № 74-ЗРК «О размещении инженерных сооружений» предусмотрено, что публичные слушания об установлении публичных сервитутов по правилам указанного закона не проводятся;

- согласно части 7 статьи 6 Закона № 74-ЗРК решению об установлении публичного сервитута (за исключением установления краткосрочного публичного сервитута) прилагается карта (план) объекта землеустройства, содержащая сведения о границах публичного сервитута. Названная карта публикуется только посредством размещения на официальных сайтах органа исполнительной власти или местного самоуправления, принявшего решение об установлении публичного сервитута;

- инженерные сооружения, которые размещаются на условиях публичных сервитутов, строятся без выдачи разрешения на строительство и эксплуатируются без разрешения на ввод в эксплуатацию, если названные сооружения не являются особо опасными, технически сложными или уникальными объектами. Названные объекты не учитываются в государственном кадастре недвижимости, а права на них не подлежат государственной регистрации. В ином случае разрешение на строительство и ввод в эксплуатацию инженерных сооружений осуществляются на основании решения об установлении публичного сервитута. При этом не требуется предоставление градостроительных планов, проектов планировки и проектов межевания территории или иной градостроительной документации, равно как и правоустанавливающих документов на земельный участок (ст. 11 Закона № 74-ЗРК «О размещении инженерных сооружений»);

- часть 2 статьи 8 Закона № 74-ЗРК, в нормативном единстве с частью 1 данной статьи, устанавливает, что если в течение одного месяца со дня принятия решения об установлении публичного сервитута соглашение, определяющее размер платы за публичный сервитут, а также порядок и срок ее внесения, не подписано правообладателем обслуживающего земельного участка вследствие его отсутствия по адресам его места жительства или нахождения юридического лица либо вследствие его отказа от переговоров по данному вопросу с обладателем публичного сервитута, обладатель публичного сервитута вправе приступить к использованию земельного участка для целей, в соответствии с которыми он был установлен [11].

Особенности обращения в государственную собственность земельных участков в Республике Крым. В своем Определении от 10 марта 2016 года № 443-О/2016 Конституционный суд Российской Федерации отметил, что универсальный характер конституционных гарантий охраны частной собственности не означает, однако, что законы, направленные на создание условий, обеспечивающих реализацию соответствующего конституционного права, во всех сферах общественных отношений проявляют свое регулятивно-обеспечительное воздействие одинаковым (сходным) образом [14].

При этом Конституционный Суд Российской Федерации в своих определениях неоднократно указывал, что принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя – это особый случай, требующий принятия ряда специальных мер (Определения от 25 сентября 2014 года № 2155-О/2014 [12], от 24 марта 2015 года № 653-О/2015 [13]).

Также, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что в определенных случаях, когда изъятие имущества необходимо в публичных целях и в качестве превентивной меры, способом реализации конституционной гарантии права частной собственности, закрепленной в части 3 статьи 35 Конституции Российской Федерации, является последующий судебный контроль.

Так, согласно части 2 статьи 2 Закона Республики Крым № 38-ЗРК право собственности на земельные участки и иные объекты недвижимого имущества, возникшее до вступления в силу Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ, на территории Республики Крым у физических и юридических лиц, включая иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, сохраняется за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и Республики Крым.

В соответствии с абзацем 3 части 1 статьи 2-1 2 Закона Республики Крым № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» право собственности на имущество, включая земельные участки и иные объекты недвижимости, прекращается у прежнего правообладателя и возникает у Республики Крым со дня включения такого имущества в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, утвержденный Постановлением Государственного Совета Республики Крым от 30 апреля 2014 года № 2085-6/14 «О вопросах управления собственностью Республики Крым».

При этом:

- право собственности Украины на имущество, включая земельные участки и иные объекты недвижимости, находившееся по состоянию на 17 марта 2014 года на территории Республики Крым, согласно абзаца 1 части 1 статьи 2-1 2 Закона Республики Крым № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым», следует считать прекращенным на основании постановления Государственного Совета Республики Крым от 17 марта 2014 года N 1745-6/14 «О независимости Крыма» в связи с возникновением права собственности Республики Крым на такое имущество;

- право собственности профсоюзных и иных общественных организаций Украины, не имевших подразделений на территории Республики Крым по состоянию на 17 марта 2014 года, на имущество, включая земельные участки и иные объекты недвижимости, находившееся на территории Республики Крым по состоянию на 17 марта 2014 года, согласно абзаца 2 части 1 статьи 2-1 2 Закона Республики Крым № 38-ЗРК «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым», следует считать прекращенным на основании постановления Государственного Совета Республики Крым от 17 марта 2014 года № 1745-6/14 «О независимости Крыма» в связи с возникновением права собственности Республики Крым на такое имущество.

В это же время следует обратить внимание на мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации С. М.Казанцева, который считает, что все три абзаца первого пункта названной статьи указывают три разновидности правообладателей, имущество которых становится собственностью субъекта Российской Федерации – Республики Крым, что не соответствует правовой позиции, изложенной в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 года № 443-О/2016 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы публичного акционерного общества «Крымхлеб» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем третьим части 1 и частью 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым», поскольку указанное нормативное положение абзаца третьего части 1 статьи 2-1 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» действует в системном единстве с нормами Конституции Российской Федерации, гарантирующими конституционную защиту и неприкосновенность частной собственности, само по себе предусмотренное им регулирование не предопределяет его распространение на отношения с участием субъектов, не поименованных в абзацах первом и втором части 1 той же статьи (в том числе физических и юридических лиц, включая иностранных граждан, лиц без гражданства и иностранных юридических лиц, право собственности которых на земельные участки и иные объекты недвижимого имущества на территории Республики Крым возникло до 17 марта 2014 года) [14].

Конституционно-правовой смысл указанных положений:

- не предполагает включение в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, объектов недвижимого имущества, принадлежащих физическим и юридическим лицам на праве частной собственности, возникшем до вступления в силу Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» на законных основаниях, и, соответственно, не предполагают произвольного прекращения права частной собственности на такое имущество;

- не могут служить основанием для отказа физическим или юридическим лицам в удовлетворении их требований, связанных с включением объектов недвижимого имущества в Перечень имущества, учитываемого как собственность Республики Крым, лишь вследствие самого по себе факта такого включения, без установления в

надлежащей судебной процедуре отсутствия необходимых правовых оснований приобретения соответствующего имущества;

- что предполагает и оценку судом правомерности отчуждения недвижимого имущества из государственной собственности в частную с точки зрения соблюдения соответствующих норм законодательства, действующего на территории Республики Крым до 21.03.2014 г., а также квалификацию действий физических и юридических лиц – приобретателей этого имущества как добросовестных или недобросовестных [15].

Исходя из изложенного, особенностями регулирования земельных отношений на территории Республики Крым, основываясь на правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, следует считать:

- установление публичного сервитута – в реализации статьи 8 Закона Республики Крым «О размещении инженерных сооружений»;

порядок возникновения права собственности на земельные участки Республики Крым, находившиеся на территории Республики Крым до 17.03.2014 года – в реализации норм статьи 2, 2-1 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым», имеющих большую юридическую силу, чем федеральные законы Российской Федерации (Земельный, Гражданский, Градостроительные Кодексы Российской Федерации) и подлежащие преимущественному применению на территории Республики Крым (до 01.01.2019 года).

При этом изложенные нормы не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права в исследованных Конституционным Судом Российской Федерации, данной статьей аспектах.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СПС КонсультантПлюс: Режим доступа – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/.
2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2014 года № 6-П/2014 по делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision155662.pdf>. (дата обращения 6.10.2017).
3. Официальный сайт Государственного Совета Республики Крым Режим доступа – <http://crimea.gov.ru/lawmaking-activity/laws>.
4. Донская Л. Д. Правовые аспекты национализации в Крыму / Л.Д. Донская // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68). № 1. – С. 145–151.
5. Белов В.А. Национализация в российском гражданском праве: история и современность // Законодательство. – 1999. – № 2,3 – С. 12-22.
6. Щенникова Л. В. Гражданско-правовая наука о национализации / Л.В. Щенникова // Вестник Пермского университета. – 2012. – № 4. – С. 179-186.
7. Али Халиль Ибрагим. Правовые вопросы национализации иностранной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1972. – 20 с.
8. Губин Е. П. Национализация как инструмент государственного регулирования рыночной экономики / Е. П. Губин // Рос. судья. – 2005. – № 2. – С. 42–46.
9. Дорофеева Ю. А. Национализация: вопросы международного частного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. – 23 с.

10. Гаджиев К. Т. Защита конституционных прав человека при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд / К.Т. Гаджиева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2009. – № 3. – С. 22–24.

11. Подробнее см.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2016 года №2154-О/2016 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мороз Валентины Кузьминичны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 12¹ Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» и частью второй статьи 8 Закона Республики Крым «О размещении инженерных сооружений» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision250056.pdf> (дата обращения 6.10.2017).

12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2014 года № 2155-О/2014 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Топольяна Сурена Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью 9 статьи 9 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision178310.pdf> (дата обращения 6.10.2017).

13. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 сентября 2014 года 653-О/2015 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Риэлти Крым» на нарушение конституционных прав и свобод частями 11–13 и 15 статьи 9 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision193685.pdf> (дата обращения 6.10.2017).

14. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 марта 2016 года № 443-О/2016 об отказе в принятии к рассмотрению жалобы публичного акционерного общества «Крымхлеб» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем третьим части 1 и частью 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision227637.pdf> (дата обращения 6.10.2017).

15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2017 года № 26-П/ по делу о проверке конституционности положений абзаца первого части 2 статьи 2, абзаца третьего части 1 и части 3 статьи 2-1 Закона Республики Крым «Об особенностях регулирования имущественных и земельных отношений на территории Республики Крым» в связи с жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Дайвинг-Центр «Соляриус», «Промхолдинг» и «Формат-ИТ» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision298470.pdf> (дата обращения 6.10.2017).

Elkin Sergey. Features of legal regulation of land relations on the territory of the Republic of Crimea: the Jurisprudence of the Constitutional Court of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2017. – Т. 3 (69). № 1. – P. 247–263.

The article considers the peculiarities of legal regulation of land relations on the territory of the Republic of Crimea, as the subject of consideration of the constitutional proceedings. Based on the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the author claimed that these features should be considered: a public servitude in the implementation of article 8 of the law of the Republic of Crimea "On the placement of engineering structures"; the order of occurrence of the right of ownership to land of the Republic of Crimea, in the territory of the Republic of Crimea to the city 17.03.2014 – the implementation of articles 2, 2-1 of Law of the Republic of Crimea "On peculiarities of regulation of property and land relations on the territory of the Republic of Crimea", which has greater legal force than the Federal laws of the Russian Federation (Land, Civil, town-planning codes of the Russian Federation) to be the predominant use on the territory of the Republic of Crimea (up to 01.01.2019).

Keywords: The constitutional Court of the Russian Federation, the nationalization of the property of the Republic of Crimea, land, a public easement.

Spisok literatury:

1. Federalnyiy konstitutsionnyiy zakon ot 21 marta 2014 goda № 6-FKZ «O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Respubliki Kryim i obrazovaniu v sostave Rossiyskoy Federatsii novyih sub'ektov – Res-publiki Kryim i goroda federalnogo znacheniya Sevastopolya» // SPS KonsultantPlyus: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/.

2. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 19 marta 2014 goda № 6-P/2014 po delu o provere konstitutsionnosti ne vstupivshego v silu mezhdunarodnogo dogovora mezhdru Rossiyskoy

Federatsiy i Respublikoy Kryim o prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Respubliki Kryim i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novykh sub'ektov // Ofitsialnyiy sayt Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision155662.pdf>.

3. Ofitsialnyiy sayt Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kryim. <http://crimea.gov.ru/lawmaking-activity/laws>.

4. Donskaya L. D. Pravovye aspekty natsionalizatsii v Kryimu / L.D. Donskaya // Uchenye zapiski Kryim-skogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2016. – T. 2 (68). № 1. – S. 145–151.

5. Belov V. A. Natsionalizatsiya v rossiyskom grazhdanskom prave: istoriya i sovremennost // Zakonodatelstvo. – 1999. – № 2,3 – S. 12-22.

6. Schennikova L. V. Grazhdansko-pravovaya nauka o natsionalizatsii / L.V. Schennikova // Vestnik Perm-skogo universiteta. – 2012. – № 4. – S. 179-186.

7. Ali Halil Ibragim. Pravovye voprosy natsionalizatsii inostrannoy sobstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 1972. – 20 s.

8. Gubin E. P. Natsionalizatsiya kak instrument gosudarstvennogo regulirovaniya ryinochnoy ekonomiki / E. P. Gubin // Ros. sudya. – 2005. – № 2. – S. 42–46.

9. Dorofeeva Yu. A. Natsionalizatsiya: voprosy mezhdunarodnogo chastnogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2001. – 23 s.

10. Gadzhiev K. T. Zashchita konstitutsionnykh prav cheloveka pri iz'yatii zemelnykh uchastkov dlya gosudarstvennykh i munitsipalnykh nuzhd / K.T. Gadzhieva // Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravleniye. – 2009. – № 3. – S. 22–24.

11. Podrobnее sm.: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 29 sentyabrya 2016 goda № 2154-O/2016 ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Moroz Valentiny Kuzminichny na narushenie ee konstitutsionnykh prav chastyu 1 stati 121 Federalnogo konstitutsionnogo zakona «O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Respubliki Kryim i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novykh sub'ektov – Respubliki Kryim i goroda federalnogo znacheniya Sevastopolya» i chastyu vtoroy stati 8 Zakona Respubliki Kryim «O razmeschenii inzhenernykh sooruzheniy» // Ofitsialnyiy sayt Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision250056.pdf>

12. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 25 sentyabrya 2014 goda № 2155-O/2014 ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Topolyana Surena Sergeevicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav chastyu 9 stati 9 Federalnogo konstitutsionnogo zakona «O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Respubliki Kryim i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novykh sub'ektov – Respubliki Kryim i goroda federalnogo znacheniya Sevastopolya» // Ofitsialnyiy sayt Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision178310.pdf>

13. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 25 sentyabrya 2014 goda № 653-O/2015 ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby obschestva s ogranichennoy otvetstvennostyu «Rielti Kryim» na narushenie konstitutsionnykh prav i svobod chastyami 11–13 i 15 stati 9 Federalnogo konstitutsionnogo zakona «O prinyatii v Rossiyskuyu Federatsiyu Respubliki Kryim i obrazovanii v sostave Rossiyskoy Federatsii novykh sub'ektov – Respubliki Kryim i goroda federalnogo znacheniya Sevastopolya» // Ofitsialnyiy sayt Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision193685.pdf>

14. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 10 marta 2016 goda № 443-O/2016 ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby publichnogo aktsionernogo obschestva «Kryimhleб» na narushenie konstitutsionnykh prav i svobod abzatsem tretim chasty 1 i chastyu 3 stati 2-1 Zakona Respubliki Kryim «Ob osobennostyakh regulirovaniya imuschestvennykh i zemelnykh otnosheniy na territorii Respubliki Kryim» // Ofitsialnyiy sayt Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision227637.pdf>

15. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 7 noyabrya 2017 goda № 26-P/ po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy abzatsa pervogo chasty 2 stati 2, abzatsa tretogo chasty 1 i chasty 3 stati 2-1 Zakona Respubliki Kryim «Ob osobennostyakh regulirovaniya imuschestvennykh i zemelnykh otnosheniy na territorii Respubliki Kryim» v svyazi s zhalobami obschestva s ogranichennoy otvetstvennostyu «Dayving-Tsentr «Solyarius», «Promholding» i «Format-IT» // Ofitsialnyiy sayt Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii. <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision298470.pdf>

НАШИ АВТОРЫ

Ануфриева Е. А.	Новосибирский государственный технический университет
Бахриева З. Р.	к. ю. н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Бугаев В. А.	к. ю. н., доц. заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Благodatная Е. Ю.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Велигодский Д. В.	к. ю. н., доц. кафедры уголовного процесса и криминалистики Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Гридаcов К. Л.	студент I курса магистратуры юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Гурина Л. В.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Евсикова Е. В.	к. ю. н., старший преподаватель кафедры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
Елькин С. В.	к. ю. н., доц. заведующий к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Зимиha К. Ю.	адъюнкт очного обучения, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России
Исютин-Федотков Д. В.	к. ю. н., доц., старший юрист Адвокатского бюро г. Москвы «Асташкевич и партнеры»
Островский А. А.	аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Пасечник Е. С.	старший преподаватель кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Пасечник О. С.	к. ю. н., доц. к-ры предпринимательского и экологического права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Пархоменко Л. В.	Старший преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»
Петров А. М.	преподаватель кафедры управления и административно-правовых дисциплин юридического факультета Федеральной службы исполнения наказаний России
Поддубняк А. А.	к. ю. н., доц. к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ

	<i>ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Коваль А. В.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Колбасина Людмила Павловна	<i>ассистент к-ры общественного здоровья и здравоохранения, Медицинская академия имени С. И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Кондратюк Владислав Дмитриевич	<i>студент 2 курса, 1 медицинский факультет, 212 - л группа, Медицинская академия имени С. И. Георгиевского ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Любинецкий А. Н.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Макаренко В. Г.	<i>старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского института юриспруденции</i>
Мидловец М. В.	<i>преподаватель к-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Нурмагамбетов Р. Г.	<i>проф. кафедры права Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент</i>
Сорокин Г. А.	<i>аспирант к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Сонин О. Е.	<i>к. ю. н., доцент кафедры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Смирнова Е. В.	<i>к. ю. н., доцент кафедры истории и теории государства и права Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»</i>
Суденко В. Е.	<i>Юридический институт Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая I</i>
Чернецкий О. К.	<i>к. ю. н., доц. к-ры уголовного процесса и криминалистики юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Черткова Ю. В.	<i>к. ю. н., доц. к-ры гражданского и трудового права юридического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Шармоянц А. Н.	<i>к. ю. н., доц. к-ры истории и теории государства и права юридического ф-та Таврической академии ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»</i>
Юнусова А. Н.	<i>аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова; преподаватель кафедры менеджмента и государственного управления ГБОУ ВО РК КИПУ</i>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Благодатная Е. Ю.	
Деятельность советских органов фрахтования в 1929–1933 гг.....	3
Велигодский Д. В., Смирнова Е. В.	
Организационно-правовые основы борьбы с преступностью в государствах Северного Причерноморья (VII–V в. до н.э.).....	15
Гурина Л. В.	
Урегулирование требований к судоводителям и механикам советского торгового флота в 1920–1930-х гг.....	24
Коваль А. В.	
Правовые основы создания и деятельности комиссариатов путей сообщения и внешней торговли СССР.....	35
Любинецкий А. Н.	
Правовое регулирование вопросов занятия и освобождения служебного жилья на территории морских портов в 1920–1930-х гг.....	50
Нурмагамбетов Р. Г.	
Классификация методов конституционного регулирования общественных отношений.....	60
Островский А. А.	
Правовое регулирование управления рот и исправительных арестантских отделений, надзор за арестантами в Российской империи.....	72
Петров А. М., Зимина К. Ю.	
Проект положения о правах и обязанностях священнослужителей православного тюремного духовенства в период Временного правительства.....	86
Сорокин Г. А.	
Становление определения термина «авария» в морском праве.....	91
Шармоянц А. Н.	
Использование радиосвязи в начале XX века в СССР для обеспечения безопасности торгового мореплавания	106

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО; УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Ануфриева Е. А.	
Метод опроса в методологии построения частных криминалистических методик.....	112
Бугаев В. А., Гвидасов К. Л.	
Особенности противодействия экстремизму в Крыму.....	119
Макаренко В. Г.	
Технико-криминалистическое обеспечение расследования таможенными органами преступлений, связанных с контрабандой огнестрельного оружия.....	125
Мидловеи М. В.	
Сравнительный анализ законодательства зарубежных стран о	

дорожно-транспортных преступлениях.....	133
Исютин-Федотков Д. В.	
Личность человека как объект криминалистического изучения	141
Евсикова Е. В.	
Система административно-деликтного законодательства Российской Федерации.....	151
Пархоменко Л. В., Колбасина Л. П., Кондратьев В. Д.	
Актуальные уголовно-правовые вопросы регламентации эвтаназии в РФ и анализ зарубежного опыта.....	166
Поддубняк А. А.	
К вопросу о необходимости участия законного представителя в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.....	176
Суденко В. Е.	
Особенности осмотра объектов железнодорожного транспорта по факту террористического акта.....	185
Чернецкий О. К.	
Тактические приемы следственного эксперимента.....	191

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Бахриева З. Р.	
Проблема толкования терминов, употребляемых в актах гражданского законодательства.....	201
Васильева Е. Г.	
Правовые аспекты налогового планирования хозяйствующих субъектов РФ: современное состояние и перспективы развития.....	207
Пасечник Е. С.	
Правоотношения, возникающие в процессе заключения договоров по поводу распоряжения результатами интеллектуальной деятельности и средствами индивидуализации.....	215
Пасечник О. С.	
К вопросу правовой охраны подземных вод в Республике Крым.....	222
Сонин О. Е.	
Проблемы толкования правовых норм, устанавливающих особенности прекращения трудовых правоотношений.....	232
Черткова Ю. В.	
Идея судебного правотворчества за рубежом и ее перспективы в России...	239
Юнусова А. Н.	
Развитие института опционного договора за рубежом.....	246
Елькин С. В.	
Особенности правового регулирования земельных отношений на территории Республики Крым: практика Конституционного суда Российской Федерации.....	247